ПОЛАЦКІ МУЗЕЙНЫ ШТОГОДНІК

2014

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

ПОЛАЦКІ МУЗЕЙНЫ ШТОГОДНІК

2014

Полацк 2015

УДК 069(476.5)+97(476.5)(082)
ББК 79.1(4Беі)
П49

Друкуецца па рашэнні
навукова-метадычнай рады НПГКМЗ

Укладальнік:
Т.У. Явіч,
намеснік дырэктара па навуковай рабоце

П35 **Полацкі музейны штогоднік**: (зборнік навуковых артыкулаў за 2014 г.) / уклад. Т.У. Явіч. — Полацк: [НПГКМЗ], 2015. — 312 с.: іл.

Асаблівасці мовы аўтараў захаваны.

ББК 79.1(4Беі)+63.3(4Беі)

© Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, 2014

Змест

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК у 2014 г.

Узнагароды Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 11
Навуковыя канферэнцыі 12
Выданні Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 15
Выставачная дзейнасць 16
Музейныя святы 36
Канцэрты і фестывалі 45

МАТЭРЫЯЛЫ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў НПГКМЗ у 2013 г.

Андреева Н.А.
Экспозиция 3-го зала Детского музея в свете теории музейной коммуникации 51

Аниськович М.М.
Начальные и средние учебные заведения в г. Полоцке в 1918–1923 гг. 60

Бакунова Т.В.
Касцюм прадстаўніц прывілеяванага саслоўя і яго асаблівасці на Беларусі ў XVIII–XIX стст. 73

Воднева І.П.
Да пытання аб дзейнасці пачатковых навучальных устаноў г. Полацка ў пачатку XX ст. Полацкае гарадское 4-класнае вучылішча 84

Гаўрылава С.В.
Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця г. Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 3. Ахова здароўя, адукацыя, культура, фізкультура і спорт 93

Копыл С.П.
46-я авиационная дивизия Западного фронта в оборонительных боях в июле 1941 г. 114

Магалінскі І.У.
Прадметы пісьменства з каляровых металаў X–XVII стст. з музейных збораў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 125

Мороз А.П.
Иван Михайлович Столяров. Художник и педагог 130

Нарейко К.А.
Полотчина во время войны 1812 года 137

Пархимчик Т.В.
Искусство и философия А. Коновалова 152

Рудаков П.С.
Эволюция советской сухопутной фортификации 20–30-х годов XX века на примере Полоцкого укрепрайона 160

Смирнова Т.Р.
Психолого-педагогическое обоснование экспозиции третьего зала Детского музея 167

Соловьёв А.А.
Итоги археологического изучения западной части квартала между ул. Свердлова, Нижне-Покровской, Энгельса и пр. Ф. Скорины 173

Соловьёв А.А.
Итоги археологического надзора на ул. Скорины, 11. 185

МАТЭРЫЯЛЫ IV МІЖНАРОДНАЙ НАВУКОВАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ «Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць»

Баўтовіч М.М.
Ерархі Полацкай праваслаўнай епархіі часоў «Патопу» (спроба групавога партрэту) 193

Борисенко К.Г.
Богословсько-полемічний трактат Симеона Полоцького «Жезл правления...» і традиції релігійної полеміки «Київської школи» 206

Бортнік І.А.
Праблема ўзаемаадносін дзяржавы і рэлігійных інстытутаў у сацыяльна-палітычнай думцы Рэчы Паспалітай ва ўмовах рокашу 1606–1609 гг. 220

Галубовіч В.У.
Зладзейства ў Полацку ў сярэдзіне XVII стагоддзя (па матэрыялах полацкіх магістрацкіх кніг) 229

Звонарева Л.У., Марков Д.Л.
Симеон Полоцкий — педагог
и традиции Киево-Могилянской коллегии 240

Калечиц И.Л.
Граффити второй половины XVI–XVIII вв.
в Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка 253

Маленко С.А.
Психоанализ Симеона Полоцкого: иноческая Самость
в Тени власти 269

Мыслівец Г.М.
Гісторыя і спецыфіка шанавання Прападобнай Еўфрасінні Полацкай
(канец XVI — пачатак XVIII стст.) 277

Некита А.Г.
Симеон Полоцкий как иноческий символ русского Раскола 284

Преображенская А.А.
Симеон Полоцкий: придворный поэт в церемониале
царя Алексея Михайловича 291

Сидорович Л.Н.
Женская тема в поэзии Симеона Полоцкого:
гендерный аспект 300

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ 307

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК
у 2014 г.

Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры **«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»** (НПГКМЗ).

211400, Віцебская вобл., г. Полацк,
вул. Ніжне-Пакроўская, д. 22.
Тэлефон, факс 8 0214 422201.
E-mail: muzey@vitebsk.by
Сайт: polotsk.museum.by

Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік уяўляе сабой унікальную гістарычную тэрыторыю, помнікі якой ахоўваюцца, вывучаюцца, рэстаўруюцца і прыстасоўваюцца пад музейныя экспазіцыі. Экспазіцыі музеяў размешчаны ў помніках архітэктуры: Сафійскім саборы (XI–XVIII стст.), корпусе былога езуіцкага калегіума (XVIII ст.), Лютэранскай кірсе (1888 г.), былым жылым корпусе Богаяўленскага манастыра (к. XVIII ст.), жылых дамах па вуліцы Войкава, 1 і вуліцы Ніжне-Пакроўскай, 46 (XIX — пач. XX стст.), доміку Пятра I (1692 г.), воданапорнай вежы (1956 г.).

Заснаваны пастановай Урада БССР у верасні 1967 г. Асновай запаведніка стаў Сафійскі сабор з тэрыторыяй Верхняга замка. З 1985 г. да запаведніка далучаны помнікі археалогіі, гісторыі і культуры Полацка. Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 26 ліпеня 2000 г. № 1128 Музею-запаведніку нададзены статус Нацыянальнага.

У складзе запаведніка працуюць адзінаццаць музеяў:

- *Музей гісторыі архітэктуры Сафійскага сабора з канцэртнай залай;*
- *Музей беларускага кнігадрукавання;*
- *Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага;*
- *Краязнаўчы музей;*
- *Стацыянарная выстаўка «Прагулка па Ніжне-Пакроўскай»;*
- *Мастацкая галерэя;*
- *Дзіцячы музей;*
- *Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я;*
- *Прыродна-экалагічны музей;*
- *Музей баявой славы з філіялам Гісторыка-культурны комплекс «Поле ратнай славы»;*
- *Музей-кватэра Героя Савецкага Саюза З.М. Тусналобавай-Марчанка.*

Усе нерухомыя помнікі (архітэктурныя і археалагічныя) побач з рухомымі (музейны фонд на 01.01.2015 г. складае ***95456*** адзінак захоўвання) уключаны ў музейны збор музея-запаведніка. Кожны год музейны фонд павялічваецца амаль на 2000 адзінак. Штогод экспануецца каля 20 % музейных прадметаў асноўнага фонду. Музейны фонд запаведніка налічвае больш за 35 асноўных калекцый, самымі вялікімі з якіх з'яўляюцца калекцыі нумізматыкі, археалогіі, фотаматэрыялаў і друкаваных выданняў. Сярод музейных прадметаў, што захоўваюцца ў фондах запаведніка, ёсць рарытэты: абразок «Канстанцін і Алена» (XI ст.), скарб залатых ювелірных вырабаў (XI ст.), Казьянкаўскі манетны скарб (IX–X стст.), старадрукаваныя і рукапісныя кнігі (XVI–XVIII стст.), фрагменты будаўнічых матэрыялаў з надпісамі і фрэскамі (XI–XII стст.), абразы з Сафійскага сабора (XVIII ст.), свецкія партрэты часоў Рэчы Паспалітай (XVIII ст.), асабістыя рэчы знакамітых палачан і г.д.

Сам запаведнік з яго ахоўнай зонай, зонай рэгулявання забудовы, існуючымі і будучымі музеямі з'яўляецца ядром, вакол якога ствараюцца ўмовы для ператварэння гістарычнага Полацка ў горад-музей.

Узнагароды Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

МІНІСТЭРСТВА
КУЛЬТУРЫ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

ГОМЕЛЬСКІ АБЛАСНЫ
ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ

II Нацыянальны форум «Музеі Беларусі»

ДЫПЛОМ

за перамогу ў намінацыі
«Лепшы музей па арганізацыі культурна-адукацыйнай дзейнасці»
узнагароджаецца

навукова-даследчая і асветніцкая ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

МІНІСТР КУЛЬТУРЫ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Б.У. СВЯТПОЎ

СТАРШЫНЯ ГОМЕЛЬСКАГА
АБЛВЫКАНКАМА
У.А. ДВОРНІК

МУЗЕІ БЕЛАРУСІ
г. Гомель
26-27 верасня 2014 года

У 2014 г. Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік атрымаў Дыплом пераможцы конкурсу «Музеі Беларусі – трэцяму тысячагоддзю» другога Нацыянальнага форума ***«Музеі Беларусі»*** ў намінацыі ***«Лепшы музей па арганізацыі культурна-адукацыйнай дзейнасці»*** за рэалізацыю доўгатэрміновага карэкцыйна-развіваючага праекта для дзяцей дашкольнага ўзросту, доўгатэрміновага музейна-адукацыйнага праекта «Полацк музейны» і эксперыментальнай музейна-адукацыйнай праграмы для дзяцей 4-х год «Вучымся глядзець і бачыць, слухаць і чуць».

Навуковыя канферэнцыі

• *Навукова-практычная канферэнцыя* ***па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў запаведніка ў 2013 г.*** *(люты 2014 г.).*

• *IV Міжнародная навуковая канферэнцыя* ***«Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць»****, прысвечаная 385-годдзю Сімяона Полацкага (лістапад 2014 г.).* Тэматыка канферэнцыі ахоплівала праблемы духоўнай і літаратурнай спадчыны Сімяона Полацкага, гістарычнае асяроддзе, у якім фарміравалася яго асоба, дзейнасць рэлігійных канфесій на Беларусі, узаемасувязь беларускай, рускай і ўкраінскай культур XVII ст., педагагічны аспект дзейнасці Сімяона Полацкага. У канферэнцыі прымалі ўдзел навукоўцы з Кіева, Масквы, Санкт-Пецярбурга, Мінска, Гродна, Полацка.

Удзел навуковых супрацоўнікаў запаведніка ў рабоце навуковых канферэнцый і семінараў з дакладамі

• *Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя* ***«Музеи-заповедники – музеи будущего»*** *(г. Елабуга, Расія, Елабужскі дзяржаўны гісторыка-архітэктурны і мастацкі музей-запаведнік, лістапад).*

Т.А. Джумантаева «Музеефикация комплекса настенной живописи XII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма Евфросиньева монастыря в Полоцке».

• *II Міжнародная навуковая канферэнцыя* ***«Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў»*** *(г. Полацк, ПДУ, красавік).*

І.П. Воднева «Да пытання аб сацыяльным становішчы Полацка падчас Першай сусветнай вайны».

І.У. Магалінскі «Ювелірныя майстэрні Полацка X–XVII стст.».

• *Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя* ***«Перамога – адна на ўсіх»*** *(Віцебск, ВДУ імя П. М. Машэрава, красавік).*

С.П. Капыл «46-я авиационная дивизия Западного фронта в оборонительных боях на Витебщине в июле 1941 г.».

• *Міжнародная канферэнцыя* ***«Вынікі археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Беларусі ў 2013 г.»*** *(г. Мінск, НАН Беларусі, май).*

І.У. Магалінскі:

«Археалагічны нагляд за землянымі работамі падчас рэканструкцыі жылога дома па вул. Краснова, 11 у г. Полацку»;

«Археалагічны нагляд за землянымі работамі падчас будаўніцтва жылога дома па вул. Міронавай, 42 у г. Полацку»;

«Археалагічны нагляд за землянымі работамі пры пракладцы газаправода да дома № 5 па 3-му зав. Міронавай у г. Полацку»;

«Археалагічны нагляд за землянымі работамі падчас будаўніцтва жылога дома па вул. Скарыны, 12 у г. Полацку»;

«Археалагічны нагляд за землянымі работамі пры пракладцы газаправода да дамоў №№ 24, 26, 29 па вул. Тусналобавай-Марчанка і № 1 па вул. Красіна ў г. Полацку».

• *Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя* ***«Беларусь: памятнае лета 1944 года (да 70-годдзя вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)»*** *(Мінск, НАН Беларусі, Мін-ва абароны Рэспублікі Беларусь, чэрвень).*

С.П. Капыл «Организация противовоздушной обороны Полоцка летом 1941 г.».

• *VI Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя* ***«Віцебскія старажытнасці»*** *(г. Віцебск, Віцебскі абласны краязнаўчы музей, кастрычнік).*

І.У. Магалінскі «Амулет-змеявік з выявай свсв. Казьмы і Дзям'яна з раскопак у Полацку ў 2014 г.».

• *Міжнародны навукова-практычны семінар краін СНД і Балтыі* ***«Интеграционный подход в управлении объектами всемирного наследия»*** *(гг. Мінск, Нясвіж, кастрычнік).*

Т.А. Джумантаева «Историко-культурное наследие Полоцка как уникальный объект культурного туризма».

• *Навучальны семінар* ***«Навучанне экскурсаводаў» у рамках праекта Nr. LLB-2-208 «Museum Gateway»*** *(Полацк, НПГКМЗ, люты).*

Т.А. Джумантаева «Экскурсионисты прошлого о сущности экскурсионного метода».

• *37-е пасяджэнне пастаянна дзеючага семінара пры Парламенцкім сходзе Саюза Беларусі і Расіі па пытаннях будаўніцтва Саюзнай дзяржа-*

вы на тэму ***«Развитие единого культурного пространства Беларуси и России – важнейшее направление сотрудничества в рамках Союзного государства»*** *(гг. Мінск, Маладзечна, красавік).*

Т.А. Джумантаева «Музеефикация комплекса настенной живописи XII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма в Полоцке как долговременный проект российско-белорусского сотрудничества по сохранению и презентации историко-культурного наследия».

• *II Усерасійская навукова-практычная канферэнцыя* ***«Современные тенденции в развитии музеев и музееведения»*** *(г. Навасібірск, Расія, верасень-кастрычнік).*

Н.А. Андрэева, Т.Р. Смірнова «Экспозиция Детского музея Полоцка как средство формирования основ социальной компетентности детей дошкольного возраста».

• *Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя* ***«Петербургские чтения»*** *(С.-Пецярбург, Расія, С.-Пецярбургскі ўніверсітэт раслінных палімераў, лістапад).*

К.А. Нарэйка «Полаччына ў вайне 1812 г.».

• *Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя* ***«Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны: да 70-годдзя вызвалення ад нацысцкай акупацыі»*** *(Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава, Віцебскі абласны музей Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова, красавік).*

П.С. Рудакоў «Эволюция советской фортификации 20–30-х годов XX века на примере Полоцкого укрепрайона».

І.В. Сырэвіч «В/ч 9903. Диверсионная группа Герчика Г.Я. на Полоцкой земле».

• *Круглы стол* ***«Кніга ў музейнай прасторы»*** *(Мінск, Нацыянальная бібліятэка Беларусі, май).*

Г.П. Зуева «Выставачная дзейнасць Музея беларускага кнігадрукавання як адзін з асноўных відаў музейнай дзейнасці».

В.А. Шульчанка «Рэалізацыя камунікатыўнай функцыі кнігі праз музейна-педагагічныя заняткі».

• *Рэспубліканскі выязны навукова-практычны семінар Міністэрства спорту і турызму Рэспублікі Беларусь* ***«По следам пути «Из варяг в греки»*** *(Полацк, чэрвень).*

Т.А. Джумантаева «Об участии Полоцка в ганзейской торговле в XIII–XV вв.».

Т.У. Явіч «Об участии Полоцка в торговле на пути «Из варяг в греки».

Выданні Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1–3 лістапада 2012 г.): у 2-х ч. Ч. 1. — Полацк: НПГКМЗ, 2013. — 380 с.: іл.

История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI Международной научной конференции (1–3 ноября 2012 г.): в 2 ч. Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке: История. Архитектура. Живопись. — Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2013. — 155 с.

Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2012 г.) / уклад. Т.У. Явіч. — Полацк: НПГКМЗ, 2014. — 164 с.: іл.

Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2013 г.) / уклад. Т.У. Явіч. — Полацк: НПГКМЗ, 2014. — 288 с.: іл.

Выставачная дзейнасць

- ***Сценапіс XII–XIX стст. Спаса-Праабражэнскага храма***

Стацыянарная выстаўка

З 22 верасня 2014 г.

У Мастацкай галерэі музея-запаведніка пачала працаваць стацыянарная выстаўка манументальнага жывапісу, знятага са сцен храма Спаса-Праабражэння ў Полацку. Гэта стала магчымым пасля праведзеных рэстаўрацыйных работ, мэтай якіх было раскрыццё фрэскавага жывапісу XII ст. і захаванне некалькіх слаёў алейнага жывапісу XVIII–XIX стст.

Выстаўка сценапісу XII–XIX стст. Спаса-Праабражэнскай царквы створана дзякуючы гранту Фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па падтрымцы культуры і мастацтва і з'яўляецца вынікам шматгадовай працы навукоўцаў, рэстаўратараў і музейных супрацоўнікаў.

Выстаўка дэманструе ўпершыню ўжыты ў маштабах суцэльнага комплексу, навукова распрацаваны тэхналагічны працэс работ па расслаенні і кансервацыі шматслаёвага насценнага жывапісу, выкананага ў розныя стагоддзі. Кожны міліметр з амаль 1000 кв. метраў фрэскавага жывапісу быў раскрыты з-пад некалькіх слаёў алейнага жывапісу, ачышчаны ад пылу і сажы, апрацаваны спецыяльным замацоўваючым саставам і сёння ўпрыгожвае сцены дзеючага храма манастыра.

Музеефікацыя адслоенага алейнага жывапісу XVIII–XIX стст. дазваляе прадставіць у поўным аб'ёме гістарычную і культурную каштоўнасць унікальнага помніка архітэктуры і жывапісу – Спаса-Праабражэнскага храма Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра ў Полацку.

Выстаўкі ў залах музеяў:

Мастацкая галерэя

- ***«Пільны позірк». Выстаўка мастацкай фатаграфіі***

18 студзеня – 3 сакавіка 2014 г.

Галоўнай задачай выстаўкі стала спроба аб`ектыўна адлюстраваць візуальны стан беларускай арт-фатаграфіі сёння. Арганізатары выставы ставілі перад сабой задачу пашырыць уяўленне гледача аб мастацкай фатаграфіі як аб натуральнай неабходнасці душы аўтара ў эстэтычнай самарэалізацыі. Адкрыццё выстаўкі адбылося ў форме дыялогу паміж фотамастакамі і гледачамі. Аўтары выказвалі сваё меркаванне аб развіцці беларускага фотамастацтва, спрабавалі выказаць сваё разуменне мастацкай фатаграфіі і ўласны погляд на тое, якой яна павінна быць. У выставе прынялі ўдзел дзевяць фатографаў: Юрый Васільеў, Алег Яравенка, Сяргей Плыткевіч, Леанід Леўшын, Андрэй Шчукін, Марына Бацюкова, Андрэй Савіч, Ігар Супранёнак, Алекс Галер – аўтары з суб`ектыўным бачаннем і індывідуальнымі падыходамі да рэалізацыі сваіх задум.

- ***Рускі жанравы жывапіс XIX – пачатку XX ст. са збору Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь***

7 лютага – 13 красавіка 2014 г.

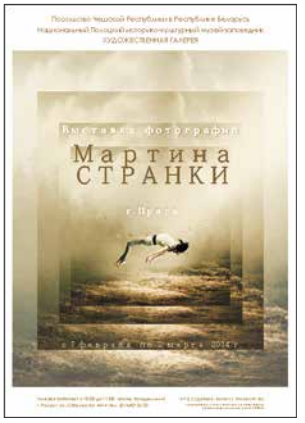
На выстаўцы «Рускі жанравы жывапіс XIX – пачатку XX ст.» былі паказаны шадэўры – класіка, якая і сёння робіць незабыўнае ўражанне на аматараў мастацтва. Арганізатары выставы паставілі перад сабой задачу прадэманстраваць шматграннасць рускага жанравага жывапісу, рознанакіраванасць пошукаў яе майстроў, своеасаблівасць лёсу народа.

Палачане і госці горада атрымалі магчымасць убачыць арыгіналы такіх прызнаных майстроў, як Аляксей Карзухін, Канстанцін і Уладзімір Макоўскія, Барыс Кустодзіеў і іншых выдатных жывапісцаў.

Рускі бытавы жывапіс другой паловы XIX – пачатку XX стст. дазваляе нам сёння ўбачыць рэчаіснасць таго часу – гарадскія будні і рускую вёску, сцэны з паўсядзённага жыцця прадстаўнікоў розных саслоўяў.

- ***Фотавыстаўка Марціна Странкі* «MONO»**

6 лютага – 13 красавіка 2014 г.



Выстаўка чэшскага фатографа Марціна Странкі была прадстаўленая Пасольствам Чэшскай Рэспублікі ў Рэспубліцы Беларусь. На выстаўцы былі паказаны 15 маштабных фотаработ мастака з серыі пад назвай «MONO», якія аўтар адабраў спецыяльна для гэтай экспазіцыі.

Марцін Странка – таленавіты прафесійны фатограф з Прагі з асаблівым поглядам на мастацтва фатаграфіі. Ён знайшоў свой уласны стыль у адлюстраванні эмацыйных імгненняў жыцця. У свае 29 год ён паспеў заваяваць прызнанне ва ўсім свеце. За апошнія тры гады малады фатограф атрымаў больш за 40 вышэйшых міжнародных узнагарод, у тым ліку «Professional Photographer of the Year», «Emerging Talent Award» на конкурсе «Nikon International Photo Contest», «Photo Maestro», а прэмія «International Photo Awards» прысуджалася яму два гады запар.

У фотаздымках М. Странкі можна прачытаць праблемы адзіноты, страху, пошуку сэнсу жыцця, паглыблення ў свет сноў, даследаванні рэальнасці і многае іншае.

- ***«Адценні часу». Выстаўка твораў беларускіх мастакоў***

7 сакавіка — 13 красавіка 2014 г.

На выстаўцы жывапісу і скульптуры «Адценні часу», падрыхтаванай беларускімі мастакамі, былі прадстаўлены галоўным чынам пейзажы, выкананыя ў розных стылях і тэхніках. Мінскія мастакі Мікалай Мішчанка, Яўген Шунейка, Леанід Гоманаў, Фёдар Ладуцька, Яраслаў Філіповіч і мастакі з горада Узда Мінскай вобласці Андрэй Лычкоўскі і Алесь Філіповіч прапанавалі каля ста твораў на суд аматараў мастацтва.

Творчае аб'яднанне гэтых мастакоў ладзіць не толькі індывідуальныя, але і сумесныя выстаўкі-падарожжы па роднай Беларусі. У мінулым годзе серыя выставак прайшла ў Пінску, Нясвіжы, Салігорску, Навагрудку і іншых гарадах.

- ***«АнтыкварыART». Марыта і Уладзімір Голубевы***

18 красавіка — 17 мая 2014 г.

Выстаўка «АнтыкварыART» працягвае серыю персанальных праектаў аўтараў: «Холодно/Горячо» (2004 г.), «Книги БЫТиЯ» (2009 г.) і «Инвентаризация» (2013 г.), якія рэалізуюць прынцыпы канцэптуальнага мастацтва і прыёмаў «zoom-art». Марыта і Уладзімір Голубевы на выстаўцы «АнтыкварыART» прапанавалі гледачу адчуць атмасферу сучасных тэндэнцый у мастацтве і ўвайсці ў прастору гульні, у «культурную археалогію», дзе, нібы ў антыкварнай краме, побытавыя рэчы і каштоўныя прадметы становяцца фрагментамі Быцця, сімваламі Часу. Шалі, посуд, сталовыя прыборы, чамаданы, цацкі і г.д. падаюцца імі як прадметы не проста адлюстравання, а як аб`екты пільнага

аналізу іх «чалавечых» рыс. Мастакі ператварылі жанр нацюрморта ў яркую і арыгінальную рысу сучаснага канцэптуальнага мастацтва.

- ***Выстаўка акварэляў Святланы Курашовай***

18 красавіка – 17 мая 2014 г.

Персанальная выстаўка гомельскай мастачкі Святланы Курашовай стала выдатнай падзеяй у асяроддзі мастакоў-акварэлістаў. Яна адкрылася ў Полацку па выніках чарговай біенале акварэлі «Вада + Фарба», як аднаго з лепшых аўтараў, якія паказвалі сучасныя прыёмы ў акварэльным майстэрстве. У IV Міжнароднай біенале акварэлі яна ўдзельнічала з двюма працамі «Анёл, які спяшаецца» і «Канец сезону», у якіх уласцівая ёй паэтычнасць, лёгкасць акварэльнай тэхнікі, што спалучаецца з матэрыяльнасцю і глыбокай маляўнічасцю работ, тактоўна злучыліся з тэмай кампазіцыі, надзяліўшы працу асаблівым філасофскім сэнсам.

- ***«Жадаеш пачуць – глядзі»***

Выстаўка дзіцячых малюнкаў і фатаграфій Марыны Бацюковай

18 мая – 4 чэрвеня 2014 г.

Праект пад назвай «Рэха цішыні» ў рамках спецыяльнай музейнай праграмы «Крок насустрач» падарожнічае па свеце ўжо з 2005 г. Ён адрасаваны дзецям і дарослым з абмежаванымі магчымасцямі. У ім прадстаўлены малюнкі выхаванцаў творчай майстэрні «Фарба» пры мінскай спецыяльнай школе №14 – дзяцей з цяжкімі парушэннямі слыху, а таксама работы вядомага фатографа Марыны Бацюковай, якая ў сваіх фотаработах паказвае самыя звычайныя будні гэтых дзяцей у звыклай для іх абстаноўцы. Яна занатавала іх паўсядзённае жыццё, у якім няма ні найменшага гуку, аднак дыялогі дзяцей напоўнены сэнсам і часам выразней за словы.

- ***«ABSTRACT»***

30 мая – 29 чэрвеня 2014 г.

Арт-праект «ABSTRACT» – адзін з сучасных аўтарскіх праектаў у мастацкім жыцці Віцебска – увабраў у сябе творчасць 19 мастакоў з Мінска, Віцебска і Полацка.

Аўтарам ідэі і нязменным куратарам праекта на працягу 15 гадоў з`ўляецца Васіль Васільеў. Праект арыентаваны на дэманстрацыю работ мастакоў беспрадметнага абстрактнага напрамку сучаснага мастацтва. Традыцыі беспрадметнага мастацтва былі закладзеныя ў Віцебску яшчэ ў 1910–20-я гг. у творчых пошуках мастакоў Віцебскага народнага мастацкага вучылішча і звязаныя, перш за ўсё, з творчасцю Казіміра Малевіча і членаў аб`яднання «Уновис» («Утвердители нового искусства»). Як момант апускання ў атмасферу творчага мыслення падчас працы выставы дэманстраваўся фільм-інтэрв`ю з заслужаным дзеячам мастацтваў Беларусі Аляксандрам Аляксандравічам Салаўёвым, створаны пры падтрымцы Віцебскага Цэнтра сучаснага мастацтва.

- ***Выстаўка габеленаў Ларысы Густавай і Людмілы Пуцейка***

7–29 чэрвеня 2014 г.

На выстаўцы вядомых майстроў габелена Ларысы Густавай і Людмілы Пуцейка былі прадстаўлены іх працы апошніх год, якія пацвярджаюць, што класічная эстэтыка прыгожага ніколі не страціць сваёй актуальнасці. Ларыса

Густава і Людміла Пуцейка належаць да пакалення мастакоў-тэкстыльшчыкаў, выпускнікоў Беларускага дзяржаўнага тэатральна-мастацкага інстытута, з якім звязана адраджэнне нацыянальных традыцый ткацтва і тэхнікі класічнага габелена ў 1970–1980-х гг. — знакавым перыядзе для беларускага мастацтва. Нягледзячы на распаўсюджанне ў мастацтве тэкстылю апошніх дзесяцігоддзяў новых тэхнік, нетрадыцыйных матэрыялаў і вобразных рашэнняў, пакаленне «сямідзясятых» і дагэтуль працягвае захоўваць вядучыя пазіцыі, што сведчыць пра невычэрпныя мастацкія і пластычныя магчымасці гладкага габелена.

- ***Ксілаграфія. Выстаўка графікі Анатоля Цімафеевіча Зайцава***

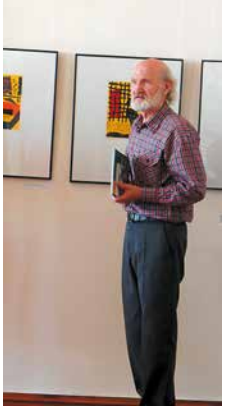
7–29 чэрвеня 2014 г.

Калекцыя графікі ў зборы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка папоўнілася 26 гравюрамі вядомага беларускага мастака Анатоля Цімафеевіча Зайцава. Яны былі перададзены яго жонкай Л.Н. Густавай на яго персанальнай выстаўцы, адкрытай да 75-годдзя з дня нараджэння мастака. На выстаўцы былі прадстаўлены некалькі тэматычных цыклаў, а таксама экслібрысы. Гравюры розных гадоў склалі даволі поўнае ўяўленне пра творчасць мастака. Яны расказалі пра яго любоў да беларускага пейзажа, да горада Мінска, у якім ён жыў і якому прысвяціў мноства серый. Расказалі пра яго філасофскія развагі пра вечнасць, якую ён называў «нябеснай радзімай», пра час, які адведзены чалавеку (у працы «Роздум»), пра тыя старонкі жыцця, якія выпалі на долю чалавека, што нарадзіўся ў пачатку XX стагоддзя (у працы «Нацюрморт»). Анатоль Цімафеевіч шмат падарожнічаў — пра гэта таксама распавядаюць яго працы. Жанр партрэта, да якога ён звяртаўся час ад часу, акрэслівае кола яго сяброў. Пра гэта ж кажуць таксама шматлікія экслібрысы, выкананыя ім для сваіх сяброў, калег і знаёмых.

- ***Абразная гравюра на дрэве. Уладзімір Правідохін***

15 жніўня — 14 верасня 2014 г.

Усе працы, прадстаўленыя на выстаўцы вядомага беларускага мастака-графіка Уладзіміра Андрэевіча Правідохіна пад назвай «Абразная гравюра на дрэве», мастак перадаў у дар Нацыянальнаму Полацкаму гісторыка-культурнаму музею-запаведніку. Уладзімір Хін (так падпісвае свае гравюры У.А. Правідохін) працуе ў галіне станковага жывапісу, плаката і шрыфтавай



графікі. Пачынаючы з 1975 г. мастак займаецца праблемай сінтэзу ў выяўленчым мастацтве: малюнак і слова, колер і гук, прастора і час, знак і знакавыя сістэмы. Гравюры У. Правідохіна арыентаваныя не толькі на «вобраз», але і на «ідэю», рашэнне той ці іншай пластычнай задачы. Літаратурны тэкст прыцягвае мастака сваёй дваістай прыродай, здольнасцю адначасова сімвалізаваць і яснасць, і таямніцу. Выкарыстоўваючы «літару» тэксту як знак, мастак адгадвае ў ёй патэнцыял вострага выразнага сродка, новага, нечаканага мастацкага матэрыялу. Літары актыўна ўдзельнічаюць у стварэнні рытмічнай пабудовы гравюр. Асноўны прынцып у яго мастацтве – прынцып метамарфозы, графічнай гульні – разбурае прагматычныя і рацыяналістычныя прадстаўленні чалавека, які належыць да сучаснай тэхнагеннай цывілізацыі.

- ***Ю.М. Пэн. Да 160-годдзя з дня нараджэння мастака***

29 жніўня – 29 кастрычніка 2014 г.

Да 160-годдзя з дня нараджэння мастака ў Мастацкай галерэі была падрыхтавана выстаўка твораў Ю.М. Пэна са збору Віцебскага абласнога краязнаўчага музея. Юдаль Пэн па праву лічыцца заснавальнікам віцебскай школы жывапісу. Ён вядомы не толькі як мастак, але і як педагог. У 1897 г. ён адкрыў першую ў горадзе прыватную школу малявання і жывапісу, навучан-

не ў якой было пабудавана па акадэмічнай сістэме, і выхаваў цэлую плеяду цяпер шырока вядомых мастакоў. У яго майстэрні атрымалі першапачатковую мастацкую адукацыю такія мастакі, як М. Шагал, В. Цадкін, С. Юдовін і многія іншыя. У сваім жывапісе Ю.М. Пэн прытрымліваўся адзінага погляду на сваю творчасць, у якой сінтэзаваліся тры лініі: рамесны натуралізм, пошукі сацыяльнай характарыстыкі праз аповед з дапамогай атрыбутаў, дэталяў і партрэтнае падабенства. На працягу ўсяго свайго жыцця Юдаль Майсеевіч пісаў віцебскіх жыхароў, віцебскія краявіды, карціны побыту простых людзей правінцыйнага гарадка. Яго мастацкую спадчыну складае больш за 800 карцін, эскізаў, малюнкаў. Сёння работы Ю. Пэна захоўваюцца ў Віцебскім мастацкім музеі і Нацыянальным мастацкім музеі Рэспублікі Беларусь.

- ***Выстаўка твораў Нінэль Шчаснай, прысвечаная памяці мастачкі*** 6 кастрычніка – 14 лістапада 2014 г.

У залах Мастацкай галерэі была паказана пашыраная экспазіцыя твораў Нінэль Іванаўны Шчаснай, якая ўключыла ў сябе калекцыю жывапісных і графічных работ з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, а таксама частку работ, перададзеных ёю роднаму гораду ў памяць пра сябе. Для нашага горада імя Нінэль Шчаснай асабліва блізкае і дарагое – тут яна з'явілася на свет, пачала свой творчы шлях і назаўжды пакінула частку сваёй душы. Творчасці Нінэль Шчаснай уласцівыя адухоўленасць і глыбокі філасофскі сэнс. Жывапіс для яе – гэта пастаянны эксперымент, выпрабаванне свайго прафесійнага, творчага і эмацыйнага патэнцыялу, жаданне пранікнуць у невядомае. За гады творчай дзейнасці ёю былі праілюстраваны больш за 30 выданняў мастацкай літаратуры. Сярод іх кнігі А. Васілевіч «Калінавая рукавічка» (1963), І. Бурсава «Матрошкіны казкі» (1968), беларуская народная казка «Пых» (1966), Н. Галіноўскай «Размова сняжынак», Д. Бічэль-Загнетавай «Рыжая палянка» (1971), М. Хведаровіча «Крылы» (1973), А. Лойкі «Пра дзеда Аяяй і бабу Оёёй» (1983) і інш. Як мастак-ілюстратар яна ўмела тонка перадаць унутраны свет дзяцей, зразумець і адлюстраваць не толькі сэнс казкі, але, самае галоўнае, убачыць гэтую казку вачыма дзіцяці. Нінэль Шчасная шмат працавала ў тэхніцы адліванага фактурнага вітража. Нінэль Іванаўна Шчасная заўсёды была свабоднай асобай, і ў жыцці, і ў

творчасці робячы тое, што лічыла патрэбным, пакінуўшы ў гісторыі беларускага мастацтва яркі след.

- ***Выстаўка графікі Валерыя Славука і жывапісу Георгія Скрыпнічэнкі***

26 лістапада 2014 г. — 14 студзеня 2015 г.

Адбылася выстаўка мастакоў, чые натхненні, дух і светапогляд ніколі не пакідаюць гледача абыякавым, бо народжаныя імі творы заўсёды прымушаюць задумацца, засяродзіцца, здзівіцца і натхніцца.

Вядомы мастак Валерый Пятровіч Славук працуе ў галіне кніжнай і станковай графікі. Выкладае ў Беларускай акадэміі мастацтваў на кафедры графікі. Ён валодае невычарпальнай і шматграннай фантазіяй. Работы В. Славука — сапраўдны «дапаможнік» для вывучэння беларускага фальклору. У ліку мастакоў, чыя творчасць аказала на яго моцны ўплыў, называе Брэйгеля і Босха. Мастак гаворыць, што каб прыйшло натхненне для пэўнай работы, патрэбна пачаць працаваць: «Пачынаю з нейкай дэталі, скажам, малюю траву, галінку — і паступова разгортваецца ўся карціна».

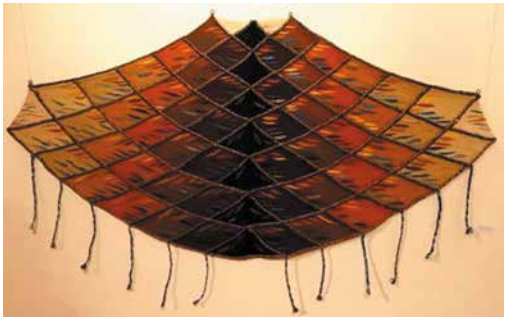
Георгій Сяргеевіч Скрыпнічэнка — знакавая фігура ў беларускім выяўленчым мастацтве, ён «майстра галаваломак». Яго работы дэкаратыўныя і адкрыта эпатажныя. На яго палотнах суіснуюць жахлівае і прыгожае, камічнае, узвышанае і трагічнае. Яго творы ўспрымаюцца як сучасная відэаверсія беларускіх чарадзейных казак, дзе чорт і анёл час ад часу мяняюцца ролямі.

- ***«Гісторыя адной гісторыі». Выстаўка графікі, тэкстылю і скульптуры Людмілы і Максіма Пятруль.***

5 снежня 2014 г. — 8 студзеня 2015 г.

У самой назве выстаўцы закладзена канкрэтыка і філасафічнасць, розны погляд на адну ідэю. Экспазіцыю склалі работы мастакоў розных пакаленняў і кірункаў — маці і сына. Людміла Пятруль прадставіла габелены і серыю графічных лістоў, Максім — скульптуру.

Людміла Пятрусь — майстар мастацкага тэкстылю, мастак, што ў сваёй творчасці імкнецца максімальна выкарыстоўваць невычэрпныя пластычныя магчымасці габелена ў стварэнні «дывана-карціны». Філасафічнасць сваіх



кампазіцый яна будуе на ўмоўнасці і сімвалічнасці вобраза. Пастаянна эксперыментуе не толькі ў розных тэкстыльных жанрах і тэхніках, але, акрамя тэкстылю, займаецца жывапісам і графікай, піша вершы.

Максім Пятруль — мастак сучаснага светапогляду, для якога творчае пераасэнсаванне і спазнанне свету з'яўляецца правакацыйнай гульнёй, дыялогам з гледачом. Яго скульптуры з'яўляюцца сэнсавым рэбусам, іх можна ўспрымаць як фармальны знак, сюррэалістычны аб'ект, мастацкі сімвал. Нягледзячы на тое, што кідаецца ў вочы змястоўны эпатаж, яго працы ў кантэкстуальным сэнсе далёка не адназначныя.

Музей беларускага кнігадрукавання

- ***«Лепшыя кнігі Беларусі»***

1 лютага — 13 мая

На працягу больш як дваццаці гадоў Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь штогод перадае Музею беларускага кнігадрукавання выданні, якія сталі лаўрэатамі Нацыянальнага (да 2007 г. — Рэспубліканскага) конкурсу «Мастацтва кнігі». На дадзенай выставе былі прадстаўлены выданні-лаўрэаты LI Нацыянальнага конкурсу «Мастацтва кнігі–2012». Дзякуючы выставе наведвальнікі маглі пазнаёміцца з лепшымі беларускімі выданнямі 2012 г., прадставіць сучасны стан паліграфічнай справы ў Беларусі, даведацца пра сам конкурс «Мастацтва кнігі». Выданні, прадстаўленыя на выставе, размяшчаліся паводле намінацый: «Трыумф», «ЛІТ-фармат», «За ўклад у захаванне духоўнай спадчыны», «Духоўнасць», «Залатыя скрыжалі», «Эўрыка», «Арт-кніга», «Разам з кнігай мы расцем», «Падручнік новага тысячагоддзя», «Садружнасць», «Фотапогляд».

- ***«Таямніцы на кніжнай паліцы» (беларускія пісьменнікі дзецям)***

15 мая – 25 чэрвеня

Выстаўка, прымеркаваная да Міжнароднага дня музеяў, які ў 2014 годзе ў Полацку прысвячаўся дзіцячай тэме, прадстаўляла і прапагандавала нашу нацыянальную літаратуру для дзяцей, давала магчымасць уявіць працэс станаўлення, развіцця і сучасны стан беларускай дзіцячай кнігі, яе спецыфіку, тэматыку, эстэтычную вартасць.

На ёй былі прадстаўлены дзіцячыя выданні першай паловы XX ст.: «Беларускі лемантар» (1906), Цётка «Першае чытанне для дзетак беларусаў» (1906), Я. Колас «Другое чытанне для дзяцей беларусаў» (1909); кнігі для дзяцей такіх славутых беларускіх пісьменнікаў, як Міхась Лынькоў, Віталь Вольскі, Янка Маўр, Васіль Вітка, Уладзімір Караткевіч; кніжныя серыі для дзяцей – «Мая першая кніжка», «Школьная бібліятэка», «Казкі беларускіх пісьменнікаў», «Бібліятэка беларускай дзіцячай літаратуры», «Бібліятэка прыгод і фантастыкі»; дзіцячая гістарычная літаратура; кнігі-цацкі, гумарыстычныя дзіцячыя кнігі.

- ***«Навекі ў памяці...» (Да 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)***

1 ліпеня – 31 жніўня

За сваю шматвяковую гісторыю Беларусь неаднойчы станавілася арэнай узброенага процістаяння. Сотні вялікіх і малых войнаў бязлітасна абпальвалі нашу шматпакутную Бацькаўшчыну, прынеслі безліч людскіх страт, разбурэнне і гора. Але самыя цяжкія выпрабаванні выпалі на долю беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1418 дзён вайны былі днямі гора і пакут, і адначасова днямі мужнасці і гераізму. Яны застаюцца і будуць заставацца ў памяці ўсіх пакаленняў беларусаў. Паказаць трагічныя і гераічныя старонкі Вялікай Айчыннай вайны праз навуковыя, навукова-папулярныя і літаратурна-мастацкія выданні з фондаў НПГКМЗ – такія задачы выконвала выстаўка.

- ***«Дзень беларускага пісьменства: з гісторыі свята»***

5 верасня – 9 лістапада

Штогод, у першую нядзелю верасня, у Беларусі адзначаецца свята «Дзень беларускага пісьменства». А пачыналася ўсё з Полацка, які першым з гарадоў

нашай краіны прымаў свята ў 1994 г. Сімвалічна, што месцам правядзення юбілейнага дзясятага свята ў 2003 г. зноў стала старажытная полацкая зямля — калыска беларускай дзяржаўнасці, культуры, асветніцтва. Дні беларускага пісьменства двойчы адзначаліся ў Тураве (у 1995 і 2004 гг.). Сталіцамі свята станавіліся таксама Навагрудак (1996), Нясвіж (1997), Орша (1998), Пінск (1999), Заслаўе (2000 і 2014 гг.), Мсціслаў (2001), Мір (2002), Камянец (2005), Паставы (2006), Шклоў (2007), Барысаў (2008), Смаргонь (2009), Хойнікі (2010), Ганцавічы (2011), Глыбокае (2012), Быхаў (2013).

Музей беларускага кнігадрукавання прымаў удзел у мерапрыемствах падчас святкавання Дня беларускага пісьменства ў многіх гарадах. У Паставах, у 2006 г. у час цырымоніі ўзнагароджання лаўрэатаў конкурсу «Мастацтва кнігі» Музей быў узнагароджаны «Залатым фаліянтам» за ўклад у захаванне духоўнай спадчыны.

У фондах НПГКМЗ на сённяшні дзень захоўваецца багатая калекцыя матэрыялаў, прысвечаных Дням беларускага пісьменства. Па гэтых матэрыялах можна прасачыць гісторыю свята, пазнаёміцца з гарадамі — сталіцамі свята ў розныя гады. Менавіта гэта і было зроблена на нашай выстаўцы.

- ***«Лепшыя сярод лепшых» (Кнігі-лаўрэаты міжнародных конкурсаў «Мастацтва кнігі» краін-удзельніц СНД)***

14 лістапада — 15 снежня

З 2004 г. існуе міжнародны конкурс «Мастацтва кнігі» краін СНД, у якім з самага пачатку прымае ўдзел і Рэспубліка Беларусь. Першы міжнародны кніжны конкурс краін СНД прайшоў 11–12 жніўня 2004 г. у Маскве. У конкурсе прынялі ўдзел выдаўцы з 10 краін (Азербайджана, Арменіі, Беларусі, Казахстана, Кыргыстана, Малдовы, Расійскай Федэрацыі, Таджыкістана, Узбекістана, Украіны). Па выніках конкурсу беларускія выдаўцы атрымалі найбольшую колькасць дыпломаў — 14.

Не менш паспяхова беларускія выдаўцы ўдзельнічалі ў конкурсах і ў наступныя гады. Не раз нашы кнігі атрымлівалі не толькі дыпломы I-й, II-й і III-й ступеняў (а таксама спецыяльныя дыпломы), але і Гран-пры конкурсу. Вышэйшую ўзнагароду конкурсу ў розныя гады атрымалі выданні: «Чарнобыль», «Напалеон Орда. Шлях да Бацькаўшчыны», «Земля силы. Беловежская пуща», «Радзивиллы. Альбом портретов XVIII–XIX веков», «Дмитрий Струков. Альбом рисунков 1864–1867), «Полацк. 1150».

Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік дзякуючы Міністэрству інфармацыі Рэспублікі Беларусь, валодае значнай калекцыяй выданняў-лаўрэатаў міжнародных кніжных конкурсаў СНД. Гэтая калекцыя і была прадстаўлена наведвальнікам на выставе, каб прадэманстраваць высокую якасць беларускай кнігі, яе поспех і прызнанне на міжнародным узроўні.

Краязнаўчы музей

- ***«На Западном фронте без перемен»***

З лютага па красавік у адной з залаў Краязнаўчага музея працавала выстаўка, прысвечаная 100-годдзю з пачатку Першай сусветнай вайны. На ёй было прадстаўлена больш за 100 прадметаў часоў так званай «Вялікай вайны». Гэта амуніцыя, асабістыя рэчы ўдзельнікаў вайны, дакументы, папяровыя грошы, карты, плакаты, паштовыя карткі, якія былі сабраны членамі клуба ваенна-гістарычнай рэканструкцыі «Рубеж» з Брэста.

- ***«Прыцягненне вады» (дынастыі полацкіх весляроў)***

Увесь летні перыяд для палачан і гасцей горада ў Краязнаўчым музеі працавала выстаўка «Прыцягненне вады» (дынастыі полацкіх весляроў). Яна была ўрачыста адкрыта ў Міжнародны дзень музеяў, калі на свята прыйшлі непасрэдныя героі дадзенай выстаўкі. Навуковыя супрацоўнікі прадставілі наведвальнікам матэрыялы з асабістых архіваў пяці сямей полацкіх спартсменаў, якія складаюць сёння «залаты фонд» Полаччыны па акадэмічным веславанні: Лемяшкевіч, Залатаровы, Камінскія, Рэзянковы, Шлюпскія. Па ініцыятыве музейшчыкаў на выставе у верасні з мэтай прапаганды здаровага ладу жыцця для школьнікаў Полацка было праведзена каля 20 інтэрактыўных экскурсій з гульнёй-віктарынай.

- ***«Я – шлях, якому век няма спакою...»***

Выстаўка «Я — шлях, якому век няма спакою...» стала вынікам сумеснай працы з калегамі з Дзяржаўнага літаратурнага музея Янкі Купалы. Дзякуючы матэрыялам з Мінска і прадметам з фондаў НПГКМЗ усе жадаючыя змаглі не толькі даведацца пра цікавыя моманты з жыцця класіка беларускай літаратуры, пра яго сувязь з Полацкам, але і прыняць удзел у акцыі «Чытаем Купалу разам» і паглядзець відэафільм, створаны супрацоўнікамі музея. Заключным акордам выставачнага праекту стала літаратурна-музычная вечарына «З Купалам у сэрцы».

Музей гісторыі архітэктуры Сафійскага сабора

• ***«Помнікі каменнага дойлідства Старажытнага Полацка» (па матэрыялах раскопак М.К. Каргера са збору Наўгародскага музея-запаведніка)***

Чэрвень — верасень

Выстаўка была прысвечана самаму ранняму перыяду гісторыі полацкай архітэктуры, большая частка збудаванняў якога была страчаная, а тыя нешматлікія, што захаваліся — значна перабудаваны. Яны прыцягнулі ўвагу спецыялістаў яшчэ ў канцы XIX ст., але толькі ў XX ст. былі праведзены архітэктурна-археалагічныя даследаванні гэтых пабудоў.

Значны ўклад у вывучэнне полацкага дойлідства ўнёс Міхаіл Канстанцінавіч Каргер (1903–1976) — вядомы археолаг і гісторык мастацтва, доктар гістарычных навук.

На выстаўцы «Помнікі каменнага дойлідства Старажытнага Полацка» прадстаўлена невялікая частка полацкіх «каргераўскіх» матэрыялаў: плінфы са знакамі на тарцах, цэгла са знакамі, клеймамі і малюнкамі, цэгла з паўкруглым або востравугольным тарцом, шматлікія фрагменты фрэсак, паліўныя керамічныя пліткі падлогі і смальта мазаічнай падлогі.

• ***«Помнікі архітэктуры Старажытнага Полацка (з археалагічнага збору НПГКМЗ)»***

верасень 2014 г. — май 2015 г.

На выстаўцы ў Музеі архітэктуры Сафійскага сабора былі прадстаўлены матэрыялы археалагічных раскопак і назіранняў, якія праводзіліся на месцах

раней існаваўшых каменных збудаванняў Полацка XII ст.: Храма на дзяцінцы, Храма «на рву», Храма на стрэлцы Ніжняга замка, храмаў Бельчыцкага Барысаглебскага манастыра, а таксама княжацкага церама. Артэфакты з археалагічнай калекцыі Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка сведчаць пра высокі ўзровень развіцця матэрыяльнай і духоўнай культуры старажытнага Полацка і Полацкага княства.

Прыродна-экалагічны музей

- ***«Жывёлы з зімовых казак» (з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка)***

8 студзеня — 5 лютага

Выстаўка «Жывёлы з зімовых казак» дазволіла дзецям у перыяд зімовых канікул і дарослым акунуцца ў чароўную атмасферу вядомых зімовых казак — такіх, як «Снежная каралева», «Шэрая шыйка», «Зімоўе звяроў», «Марозка», «Ліса і воўк», «Срэбны капыток».

Наведвальнікі музея змаглі азнаёміцца з натуральным прыродным абліччам жывёл, якія з'яўляюцца персанажамі казак. Таксама для падтрымання казачнай атмасферы выстава была дапоўнена прадметамі побыту, якія сёння ўжо не выкарыстоўваюцца, але з'яўляюцца неад'емнай часткай многіх сюжэтаў зімовых казак. На выстаўцы працавала кіназала, дзе можна было паглядзець мультфільмы, створаныя па матывах зімовых казак.

- ***«Краіна перавалаў». Фотавыстаўка Наталлі Яўмененка, г. Мінск***

27 сакавіка — 25 красавіка

Выстаўка прысвечана прыродзе і культуры замежных краін, падарожжу аўтара ў Ладакх, ва ўсходнюю частку Індыі, рэгіён самых высокіх у свеце горных перавалаў.

- ***«Феерверк кветак». Выстаўка жывога букета***

10 жніўня — 2 верасня

Кветкавы свет Беларусі поўны фарбаў і водараў, дзіўных і непаўторных формаў і відаў раслін. На выстаўцы жывога букета было прадстаўлена 40 відаў

дзікарослых раслін, якія растуць у ваколіцах Полацка — у лесапаркавых зонах, па абочынах дарог, па берагах рэк Палата і Заходняя Дзвіна.

- ***«Сустрэчы ля вады». Фотавыстаўка Віталя Кашчэева***

5 лютага — 20 сакавіка

Выстаўка была адкрыта ў рамках святкавання Сусветнага дня водна-балотных угоддзяў. На адкрыцці аўтар распавёў пра сюжэты сваіх фатаграфій і даў практычныя парады пачынаючым фотааматарам. На выстаўцы прысутнічалі навучэнцы гімназіі № 2 г. Полацка, якія з цікавасцю пазнаёміліся з чароўным светам насельнікаў Беларускага Паазер'я.

Дзіцячы музей

- ***«Падручнік-чараўнік»***

1–30 верасня

Першакласнікі гімназіі № 1 г. Полацка вырашылі пазнаёміцца (і пасябраваць) з падручнікам-чараўніком, наведаўшы выстаўку, якую супрацоўнікі Дзіцячага музея падрыхтавалі да новага навучальнага года. Дзяцей чакала нямала адкрыццяў. Аказваецца, навучальны год некалі пачынаўся 1 снежня, а дзяцей навучалі грамаце па Псалтыры, і ўжо зусім не верылася ў тое, што нядбайнага падлетка настаўнік-дзяк караў розгамі. Вясёлы Бураціна

пазнаёміў дзяцей з сучаснымі чытанкамі, дапамог сабраць партфель у школу, паспаборнічаў у кемлівасці і падарыў усім гасцям святочны настрой.

- ***«Добры дзень! І зноў табе пішу я ліст...». Выстаўка-інсталяцыя***

8 кастрычніка — 30 лістапада

Адкрыццё выстаўкі адбылося 8 кастрычніка, напярэдадні Міжнароднага дня пошты, і стала сапраўднай падзеяй для ўсіх прысутных, якія змаглі ў нефармальнай абстаноўцы пагутарыць з гасцямі свята, прафесіяналамі ў вобласці паштовай сувязі. Назва выстаўкі-інсталяцыі абрана невыпадкова: кожны жадаючы змог не толькі азнаёміцца з унікальнымі экспанатамі, але і напісаць ліст маме ці тату, любімай бабулі, лепшаму сябру.

- ***«Чароўны ліхтар»***

15 снежня 2014 — 31 студзеня 2015

З чаго ўсё пачыналася? Як стваралі першыя фільмы? Якой была першая кінаапаратура? На гэтыя і многія іншыя пытанні вучні гімназіі № 2 знайшлі адказы на выстаўцы «Чароўны ліхтар», якую арганізавалі супрацоўнікі Дзіцячага музея ў рамках святкавання 90-годдзя беларускага кіно.

У музеі гімназістаў чакаў яшчэ і невялікі сюрпрыз: сустрэча з выкладчыкам інжынернай графікі і начартальнай геаметрыі, калекцыянерам кінафотаапаратуры Вячаславам Аляксандравічам Лубчонкам. Яшчэ ў маладосці, атрымаўшы сертыфікат кінамеханіка, ён пачаў цікавіцца ўсім, што звязана з кінематографам. Вячаслаў Аляксандравіч расказаў вучням пра аматарскую кінаапаратуру, прадстаўленую на выстаўцы, і гэта так зацікавіла дзяцей, што нават пад канец сустрэчы яны доўга не хацелі адпускаць Вячаслава Аляксандравіча, абмяркоўваючы работу і ўстройства найболей цікавых, на іх думку, экспанатаў выстаўкі. Завяршальным акордам сустрэчы стаў прагляд незвычайна лірычнага фільма «Зіма», знятага Феактыстам Фёдаравічам Фядотавым, дырэктарам кінатэатра «Радзіма».

Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я

- ***«Дама здавала ў багаж...» (з фондаў НПГКМЗ)***

5 сакавіка – 20 красавіка

На выстаўцы былі прадстаўлены сумкі, дарожныя чамаданы і спадарожныя рэчы. Наведвальнікі музея адзначылі незвычайную задуму і цікавае выкананне інтэр'ера на выстаўцы, выказалі жаданне таксама прыняць удзел у ёй праз свае асабістыя рэчы.

- ***«Пяшчота матчыных рук»***

18 мая – 30 чэрвеня

На выстаўцы былі прадстаўлены ручнікі з фондаў Цэнтра рамёстваў і нацыянальных культур г. Полацка, Музея нацыянальнай культуры «Вытокі» Наваполацкага дзяржаўнага прафесійнага ліцэя будаўнікоў. Асаблівае месца было адведзена прыватнай калекцыі ручнікоў Руфіны Іосіфаўны Язерскас, якая да сённяшняга моманту займаецца ткацтвам і навучае падрастаючае пакаленне.

Музей баявой славы

• ***«Вялікая Перамога. Памяць без тэрміну даўніны» (да 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)***

Падзеі Вялікай Айчыннай вайны застаюцца актуальнымі па сёняшні дзень. Але год ад году ўдзельнікаў і сведак той страшнай і вялікай вайны становіцца ўсё менш. З гадамі згасае і памяць пра Вялікую Айчынную вайну, пра салдат і афіцэраў, пра партызанаў, якія здолелі на сваіх плячах вынесці ўсе цяжкасці вайны і вызваліць сваю родную зямлю. На выстаўцы з дапамогай музейных прадметаў увага наведвальнікаў акцэнтавана на захаванні памяці пра падзеі тых гадоў, паказаная важнасць і актуальнасць падзей Вялікай Айчыннай вайны, якія з'яўляюцца урокам для будучых пакаленняў. У экспазіцыі прадстаўлены фатаграфіі сустрэч ветэранаў воінскіх частак і падраздзяленняў, партызанскіх фарміраванняў у пасляваенныя гады, памятныя і юбілейныя медалі, манеты і значкі, выпушчаныя ў гадавіны Вялікай Перамогі і вызвалення Беларусі і нашага горада, віншаванні ветэранаў ад уладаў горада і рэспублікі.

Музейныя святы

- ***Міжнародны дзень музеяў***

18 мая

Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік адзначыў 10-годдзе Дзіцячага музея. Усе падзеі ва ўсіх полацкіх музеях у гэты дзень былі прысвечаны самым юным наведвальнікам.

У 2004 г. адзіны ў Беларусі ***Дзіцячы музей*** адчыніў свае дзверы для першых наведвальнікаў. Віншаванні з 10-годдзем калектыў музея прымаў ад шматлікіх гасцей, сярод якіх – дырэктар Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, аўтар ідэі стварэння Дзіцячага музея, Тамара Аляксандраўна Джумантаева, загадчык Д/у № 29 г. Полацка Вікторыя Нарыманаўна Кірыенка і яе намеснік па выхаваўча-адукацыйнай дзейнасці Вольга Уладзіміраўна Хаткевіч. Сваімі выступленнямі парадавалі супрацоўнікаў музея і шматлікіх гасцей Галіна Чорная (10 гадоў назад яна ўдзельнічала ў адкрыцці Дзіцячага музея), удзельнік вакальнай студыі «Магія гукаў» СШ № 18 Руслан Аміраў, танцавальны калектыў «Экстрым» СШ № 16, удзельнікі тэатра гістарычнага касцюма «Полацкі звяз». Нікога не пакінула абыякавым выступленне юных артыстаў лялечнага тэатра «Сонейка» СШ № 9.

У свой дзень нараджэння Дзіцячы музей не толькі атрымліваў падарункі, але і дарыў іх. Падзякі Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка за супрацоўніцтва з Дзіцячым музеем былі ўручаны калекцыянерам Вячаславу Аляксандравічу Лубчонку, Веры Андрэеўне Пялых, Ульяне Бабко, Максіму Карпішыну, Наталлі Краско, Уладзіславу Водневу, Ягору Шульчанка, Дар'і Іванец, сям'і Бабровых. Завяршылася свята вясёлымі гульнямі, забаўкамі, віктарынамі.

У ***Музеі беларускага кнігадрукавання*** адбылося свята для маленькіх наведвальнікаў і іх бацькоў, прысвечанае чароўнай кнізе Алены Туравай «Рыжык ў Залюстрэччы» і аднайменнаму фільму. Невыпадкова для свята была абраная менавіта гэта кніга, бо здымкі фільма па ёй праходзілі ў Музеі-бібліятэцы Сімяона Полацкага. Падчас мерапрыемства дзеці даведаліся, як Музей ператварыўся ў здымачную пляцоўку, узгадалі іншыя казкі, па якіх былі знятыя фільмы, самі адчулі сябе маленькімі акцёрамі, падняўшыся на другі ярус Музея-бібліятэкі. Завяршылася свята дэманстрацыяй фільма «Рыжык у Залюстрэччы».

У ***Мастацкай галерэі*** ўсе аматары рускай і замежнай класічнай музыкі змаглі наведаць канцэрт «Вечар ля раяля», у якім прынялі ўдзел выкладчыкі і вучні Наваполацкага музычнага каледжа.

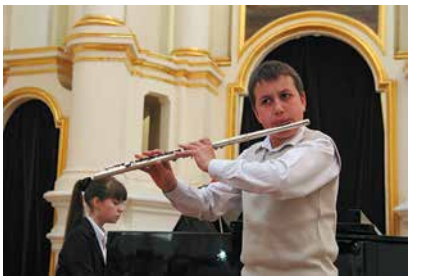
Прыродна-экалагічны музей да свята падрыхтаваў шмат займальных мерапрыемстваў, якія не пакінулі абыякавымі ні дзяцей, ні дарослых. Наведвальнікі змаглі палюбавацца не толькі асноўнай экспазіцыяй, але і з цікавасцю разглядалі пано і вырабы з саломкі, мэблю з лазы на выставе «Залатое пляценне». Майстар-клас па саломкапляценні правяла Людміла Міхайлаўна Шайтар, майстар Полацкага раённага Цэнтра рамёстваў і нацыянальных культур. А для аматараў жывёл была падрыхтавана прэзентацыя «Конь – прыроды стварэнне цудоўнае». Дырэктар коннага клуба «Жывое захапленне» распавяла пра гісторыю прыручэння коней, аб іх пародах, аб конях у мастацтве. А ўвечары каля музея кожны жадаючы змог ажыццявіць сваю мару – пакатацца на коніку.

Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я запрасіў на творчую сустрэчу з народным майстрам па ткацтве Руфінай Іосіфаўнай Язерскас, жыхаркай г.п. Ветрына Полацкага раёна. Музей ледзьве змог змясціць усіх жадаючых наведаць мерапрыемства. Руфіна Іосіфаўна, седзячы за кроснамі, з вялікім задавальненнем расказвала пра пераемнасць ткацкай традыцыі ў сваёй сям'і, пра асаблівасці арнаментыкі тканых вырабаў. Творчая сустрэча стала знакавай як для самой майстрыхі, так і для тых, хто прыехаў яе падтрымаць і словам, і песняй. Гэта народны ансамбль песні «Млын» Ветрынскага дома культуры, а таксама ветэранскі хор, удзельнікам якога з'яўляецца і сама Руфіна Іосіфаўна.

Музей Баявой славы арганізаваў музейны вечар «Мне дзядуля ў дзяцінстве распавядаў..». На мерапрыемстве прысутнічалі ветэраны Вялікай Айчыннай вайны і працы, дзеці вайны, навучэнцы школ і студэнты. Тыя, хто

перажыў цяжкія ваенныя гады, падзяліліся сваімі ўражаннямі пра вайну з маладым пакаленнем палачан. Актыўны ўдзел у мерапрыемстве прынялі калектывы гарадскога Палаца культуры: народны хор ветэранаў, народны клуб «Грай гармонь, любімая палачаначка», квартэт «Меланж» і выяўленчая студыя. Завяршыўся вечар запальваннем свечак Памяці ля Кургана Бессмяротнасці вучнямі ПГГ № 2 і СШ № 18 г. Полацка.

Святочны дзень завяршыўся ў ***Сафійскім саборы***, дзе вучні Полацкай дзіцячай школы мастацтваў выканалі «Дзіцячы альбом» П.І. Чайкоўскага.



Усе наведвальнікі полацкіх музеяў у гэты незвычайны дзень не засталіся абыякавымі і з задавальненнем прынялі ўдзел у дабрачыннай акцыі «10 гадоў разам. Час рабіць дабро». Кожны жадаючы змог набыць кветачку і прымацаваць яго да чароўнага дрэва, якое да канца дня заквітнела, пакінуўшы надзею на выздараўленне 4-гадовага палачаніна Вані Сарокіна.

Традыцыйна Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік прыняў удзел у ***Міжнароднай акцыі «Ноч музеяў»***. У 2014 г. партнёрам музея-запаведніка выступіў Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт. Упершыню начную экскурсію па полацкаму калегіуму праводзіў генерал ордэна езуітаў Габрыель Грубер і сярэднявечныя студэнты.

У музеях запаведніка:

Музей беларускага кнігадрукавання

- ***Прэзентацыя кнігі Уладзіміра Арлова «Ад Полацка пачаўся свет»***

24 чэрвеня

У Музеі-бібліятэцы Сімяона Полацкага адбылася прэзентацыя другога выдання кнігі У. Арлова «Ад Полацка пачаўся свет». Падчас мерапрыемства аўтар пазнаёміў прысутных з асаблівасцямі новага выдання, якое на гэты раз выйшла на беларускай і англійскай мовах, адказаў на шматлікія пытанні, звязаныя з гісторыяй Полацка і Беларусі. Усе жадаючыя мелі магчымасць набыць прэзентаванае выданне і атрымаць аўтограф пісьменніка.

Прыродна-экалагічны музей

- ***«Навакольны свет – багацце кожнага»***

20 сакавіка

Экалагічная гадзіна «Навакольны свет – багацце кожнага» прайшла на базе цэнтральнай бібліятэкі для выхаванцаў прафесійна-тэхнічнага каледжа г. Полацка. Экалагічная гадзіна была прымеркавана да Міжнароднага дня

Зямлі, на якім навучэнцы даведаліся пра багацце нетраў нашай краіны, аб карысных выкапнях і праблемах іх здабычы.

- ***«Сусветны дзень аховы навакольнага асяроддзя»***

5 чэрвеня

У гэты дзень у Прыродна-экалагічным музеі адбылося ўзнагароджанне памятнымі падарункамі пераможцаў V штогадовага адкрытага рэгіянальнага экалагічнага конкурсу дзіцячых творчых работ «Жыві, Планета». Ініцыятарам конкурсу з'яўляецца Дзіцячая мастацкая школа імя І.Ф. Хруцкага г. Наваполацка пры падтрымцы Наваполацкай гаррайінспекцыі прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя. Конкурс дзіцячых малюнкаў быў прызваны прыцягнуць увагу людзей да экалагічных праблем і прымусіць задумацца пра будучыню нашай планеты.

Дзіцячы музей

- ***«Казкі з музейнага куфра»***

Кастрычнік

З чаго пачынаецца дзяцінства? З першага сказанага слова і зробленага кроку, з першай цацкі і лепшага сябра і, вядома, з першай казкі. Але, нягледзячы на тое, што на двары даўно стагоддзе камп'ютарных тэхналогій, сёння, як і шмат гадоў таму, бацькі чытаюць і расказваюць дзецям казкі. У тым, што малыя ведаюць і любяць казкі, пераканаліся супрацоўнікі Дзіцячага музея падчас правядзення мерапрыемства «Казкі з музейнага куфра». Дзеці з першых слоў пазнавалі герояў любімых казак, праяўлялі шчырую цікавасць да расказу супрацоўніка пра гісторыю вынаходства пяра і чарніліцы, разнастайных прадметаў побыту, з вялікім захапленнем і азартам прымалі ўдзел у прапанаваных гульнях.

- ***«Казкі пад Новы год»***

Снежань

Новы год — адна з самых яркіх і чаканых падзей. Мільёны людзей па ўсім свеце кожны год збіраюцца разам, каб сярод сваіх родных і блізкіх сустрэць самую казачную ноч. Бо кожны год усе мы шчыра верым: разам з апошнім ударам гадзінніка ўсё дрэннае застанецца ў старым годзе, а надыходзячы Новы год прынясе шчасце і поспех. І таму кожны раз, менавіта ў гэтую ноч мы загадваем жаданні і спадзяемся, што неўзабаве яны абавязкова збудуцца... І ў гэты чароўны час спецыяльна для самых юных палачанаў і іх бацькоў супрацоўнікі Дзіцячага музея арганізавалі сапраўднае падарожжа ў свет любімых казак.

Казачніца расказала дзецям дзіўныя гісторыі пра самыя, здавалася б, звычайныя прадметы: пра пяро і чарніліцу, пра карыта, кораб і самавар. А ідучы за ніткай Чароўнага клубка, дзеці змаглі не толькі пабываць у казках, але і праявіць сваю кемлівасць і спрыт у вясёлых конкурсах. І, зразумела, ніводнае навагодняе свята не абыходзіцца без Дзеда Мароза і Снягуркі. Дашкаляты з радасцю дапамаглі дзядулю і яго ўнучцы ўпрыгожыць ялінкі, а таксама паказалі, як выдатна яны ўмеюць спяваць, танцаваць і чытаць вершы.

Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я

- ***«Гуканне вясны»***

26 сакавіка

Гуканне вясны – старажытнае свята развітання з зімой і сустрэчы вясны. Яно суправаджаецца абрадавымі вясновымі песнямі, карагодамі. Людзі заклікаюць вясну хутчэй прыйсці, радуюцца першаму вясноваму сонцу і праганяюць зіму.

Ужо традыцыйным стала праводзіць «Гуканне вясны» ў Музеі ткацтва. Вясновыя песні ў выкананні фальклорнага гурта «Варган», карагоды, гульні, выраб папяровых птушак – неад'емная частка гэтага свята. «Цвіком праграмы» стала будаўніцтва дзецьмі шпакоўні для крылатых спевакоў. Фальклорнае свята атрымалася яркім і захапляльным.

- ***«Сяўба лёну»***

17 мая

У музеі прайшло мерапрыемства, прымеркаванае да Дня сям'і (15 мая). Наведвальнікі – бацькі з дзецьмі – сумесна пасеялі на падворку лён, які з глыбокай старажытнасці з'яўляецца асноўнай сыравінай для вырабу тканіны. Гасцямі музея сталі першакласнікі СШ № 16 г. Полацка, якія разам са сваёй настаўніцай Ірынай Віктараўнай Князюк і бацькамі прыйшлі ў музей за новымі ведамі і ўражаннямі. У выніку кожны з іх атрымаў порцыю карыснай інфармацыі пра вырошчванне і апрацоўку лёну, а таксама крыху працоўнага вопыту. Узнагародай за працу для маленькіх гасцей сталі гульні, забавы, магчымасць зрабіць для сябе, сваёй сям'і ляльку-абярэг з тканіны. Да гэтай справы з вялікім задавальненнем далучыліся і дарослыя.

- ***«Ехала Каляда з Полацку...»***

22 снежня

Каляды – дахрысціянскае свята, звязанае з перыядам зімовага сонцастаяння. З усталяваннем хрысціянства яно было прымеркавана да святаў

Раства Хрыстовага і Вадохрышча. Традыцыйна ў гэты час музей наведваюць калядоўшчыкі (фальклорны гурт «Варган»), прыход якіх суправаджаецца калядными спевамі, гульнямі, карагодамі.

Музей баявой славы

• ***Прэзентацыя кнігі Сяргея Пятровіча Капыла, загадчыка Музея баявой славы, «Пяты сталінскі ўдар. Полацкая франтавая наступальная аперацыя. 29 чэрвеня – 4 ліпеня 1944 года»***

4 ліпеня

Прымеркавана да 70-годдзя вызвалення Полацка, Полацкага раёна і Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

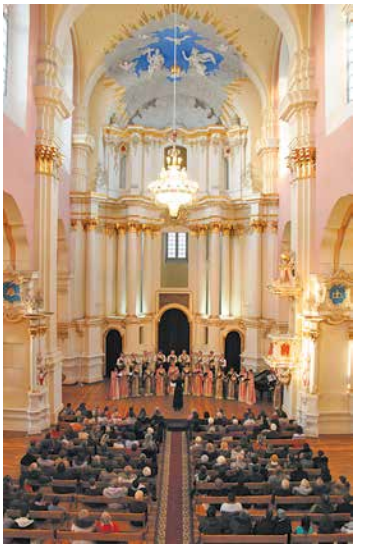
У прэзентацыі прынялі ўдзел прадстаўнікі Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, ветэраны Вялікай Айчыннай вайны – масквічы Міхаіл Якаўлевіч Скрабін і Барыс Багратавіч Вартапецян, пошукавы атрад Пермскага краю Расійскай Федэрацыі, прадстаўнікі навуковай і творчай інтэлігенцыі г. Полацка, студэнты навучальных устаноў, жыхары горада Полацка. На прэзентацыі было адзначана, што кніга С.П. Капыла адкрыла раней невядомыя старонкі з гісторыі Полаччыны ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны, і што яна павінна стаць своеасаблівым «падручнікам» для студэнтаў навучальных устаноў, краязнаўцаў і ўсіх палачан, неабыякавых да гісторыі Полацкай зямлі.

Канцэрты і фестывалі

Канцэртная дзейнасць у Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеі-запаведніку працягвае інтэнсіўна развівацца. З кожным годам павялічваецца колькасць удзельнікаў і пашыраецца геаграфія фестываляў. На працягу 2014 г. прайшло 339 разнастайных мерапрыемстваў. Выдатныя выканаўцы і калектывы з Германіі, Швейцарыі, Іспаніі, Італіі, Польшчы, Румыніі, Украіны, Харватыі, Расіі і Беларусі сталі ўдзельнікамі канцэртаў. Найбольш яркімі мерапрыемствамі года ў канцэртнай зале з'яўляюцца міжнародныя фестывалі.

- ***XXVII Міжнародны фестываль старадаўняй і сучаснай камернай музыкі***

13 сакавіка — 2 мая 2014 г.



Каралеўскае адкрыццё фестывалю — праграма «Музыка каралёў». Заслужаная артыстка Беларусі ***Аксана Волкава*** (меца-сапрана) і ***ансамбль салістаў «Парціта»*** прадставілі знатакам музычнага мастацтва эпохі Барока шэдэўры вялікіх майстроў І.С. Баха, Г.Ф. Гендэля, А. Вівальдзі, А. Марчэла.

Старонкі рускай і еўрапейскай харавой музыкі падарыў слухачам адзін з вядучых калектываў краіны ***Дзяржаўны камерны хор Рэспублікі Беларусь*** (дырыжор — заслужаная артыстка Беларусі Наталля Міхайлава).

Канцэрт «Вялікі Бах» арганістка ***Ксенія Пагарэлая, Джаміля Амандурдыева*** (меца-сапрана) і ***камерны аркестр «Еўропа-Цэнтр»*** (дырыжор — Раіль Садыкаў) прысвяцілі дню нараджэння кампазітара.

«Канцэрт-рапсодыя» сабраў прыхільнікаў таленту і творчасці салісткі Сафійскага сабора Ксеніі Пагарэлай. Удзельнікамі юбілейнай праграмы

сталі ***камерны аркестр «Еўропа-Цэнтр», хор дзіцячай школы мастацтваў № 1 г. Віцебска*** (дырыжор — Віталь Раўза) і арганіст ***Іаахім Айхорн*** (Германія).

Прафесар Санкт-Пецярбургскай кансерваторыі імя М. Рымскага-Корсакава, заслужаная артыстка Расіі ***Ніна Сярогіна*** і яе вучні ***Энрыке Лапас*** з Іспаніі і палачанка ***Валянціна Бандарэнка*** ўразілі аматараў фартэпіяннай музыкі.

Дарота Цалек (сапрана) і ***Марыета Крузель-Сасноўская*** (арган) пазнаёмілі слухачоў з духоўнай музыкай польскіх кампазітараў.

Прэм'ера сучаснага нямецкага кампазітара Глорыі Бруні «Requiem a Roma» прагучала ў выкананні ***салістаў, акадэмічнага хору і сімфанічнага аркестра Белдзяржтэлерадыёкампаніі*** пад кіраўніцтвам ***Вільгельма Кайтэля*** (Германія). Партыю сапрана выканала Глорыя Бруні.

У заключным канцэрце фестывалю Народны артыст Украіны, саліст Нацыянальнай оперы ***Ігар Барко*** (тэнар) і заслужаная артыстка Украіны ***Валерыя Балахоўская*** (фартэпіяна, арган) парадавалі слухачоў шэдэўрамі сусветнай класікі і ўкраінскай музыкі.

- ***XIX Міжнародны фестываль арганнай музыкі «Званы Сафіі»***

12 кастрычніка — *23* лістапада 2014 г.

«Уверцюра» да фестывалю прадставіла публіцы выканаўцаў, якія ўпершыню ўдзельнічалі ў полацкім форуме — заходнегерманскага царкоўнага арганіста ***Марціна Майера,*** арганіста з Польшчы ***Роберта Грудзеня***, нямецкі дуэт у складзе ***Йозэфа і Сюзаны Мільчыцкіх*** (арган-сапрана).

На адкрыцці фестывалю адбылася знакавая падзея: у выкананні арганісткі ***Ксеніі Пагарэлай***, ***камернага аркестра «Еўропа-Цэнтр»*** (дырыжор — Раіль Садыкаў) з удзелам ***Акадэмічнага хору Віцебскага дзяржаўнага музычнага каледжа імя І. Салярцінскага*** (кіраўнік — Аляксандр Суворaў) прагучала прэм'ера Месы (Orgelsolomesse) А. Дыабелі.

Прафесар арганнай музыкі з Румыніі ***Феліцыян Рошка*** выканаў старадаўнюю еўрапейскую музыку і творы румынскіх кампазітараў XXст.

Швейцарскі арганіст ***Цырыл Шмідлін*** прадставіў слухачам музыку І.С. Баха. Упершыню на фестывалі «Званы Сафіі» выступіў адзін з лепшых арганістаў Харватыі ***Эдмунд Андлер-Борыч***. Арганістка ***Ксенія Пагарэлая*** і расійскі трубач ***Аляксандр Сімановіч*** завяршылі фестываль канцэртам «Арган і медныя трубы».

На працягу года прайшлі канцэрты з удзелам вядучых беларускіх салістаў Тамары Рэмез, Яўгена Віданава, Канстанціна Зяленіна; арганіста Лукі Масалія (Італія); калектываў з Расіі: акадэмічнага хору г. Вялікі Ноўгарад, канцэртнага хору «Капель» (г. Нара-Фамінск), струннага аркестра Дзіцячай школы мастацтваў імя С. Рыхтэра (г. Масква), хору «Vita» (г. Сергіеў Пасад). У Міжнародны дзень музыкі на адкрыцці XXXII канцэртнага сезона прагучала еўрапейская харавая музыка чатырох стагоддзяў у выкананні Маладзёжнага хору Дрэздэна (Das Junge Ensemble Dresden).

У рамках святкавання Дня горада прайшоў канцэрт «Юныя таленты».

Сумесна з Полацкай епархіяй праведзены канцэрт, прысвечаны святу Божага Нараджэння. Да Дня памяці Еўфрасінні Полацкай адбыўся канцэрт-прынашэнне «Хоровые гласы и светозарные звоны во имя святой Евфросинии Полоцкой» з удзелам 8 харавых калектываў з Полацка, Наваполацка і Віцебска.

У канцэртнай зале вядзецца пастаянная работа па музычна-эстэтычным выхаванні юных слухачоў. Для іх прайшлі лекцыі-канцэрты «Таямніцы аргана» і музычна-пазнавальныя праграмы «Запрашэнне да канцэрту». Карыстаюцца нязменнай папулярнасцю канцэрты-віншаванні для выпускнікоў школ і тых, хто уступае ў шлюб.

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ
па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў НПГКМЗ у 2013 г.

Андреева Н.А.

Экспозиция 3-го зала Детского музея в свете теории музейной коммуникации

На первый взгляд, коммуникативность самой музейной деятельности очевидна и проста: взаимодействие экспоната и посетителя – это и есть процесс коммуникации. Тем не менее, осмысление самой сути музейной коммуникации продолжается уже более полувека, что свидетельствует о сложности и многомерности этого процесса, так как это не только процесс взаимодействия, происходящий в музейном пространстве, а вся совокупность отношений, включающих разные виды культурной коммуникации.

Традиционно считалось, что коммуникационная функция музея реализуется через экспозиционно-выставочную работу, что упрощало представление о процессах, происходящих в музейном пространстве. Сегодня уже очевидно, что музейная коммуникация играет ключевую роль в деятельности современного музея. Она проявляется в разных формах: в изучении предмета, его описании, в сборе информации, рассказе о нём или простом созерцании. В процессе коммуникации происходит передача информации, которую содержит музейный предмет. О.С. Сапанжа выделяет два уровня музейной коммуникации: уровень «внешней» коммуникации и уровень «внутренней» коммуникации. Уровень «внутренней» коммуникации связан с подготовкой самого музейного пространства, уровень «внешней» коммуникации – с его постижением и интерпретацией посетителем. Поэтому, если структурообразующим ядром первого уровня является сам предмет, то ядром второго уровня является посетитель [**11**, с. 46–58].

Впервые концептуальный подход к музею как коммуникативной системе был сформулирован канадским музееведом Д. Камероном в 1968 году. Он выделил три базовые составляющие музейной коммуникации: посетитель, экспозиционер, вещь. Сама же музейная коммуникация, по его мнению, представляет процесс общения посетителя с экспонатами, которые способны передавать информацию при наличии определённых условий: способность посетителя воспринимать язык вещей и возможность построения невербальной модели в экспозиционном пространстве, т.е. способность переложить идею на язык вещей.

В СССР коммуникационный подход в музееведении начал разрабатываться в 1970х гг. XX века М.Б. Гнедовским. Он определил подходы, с позиций которых возможно изучение музейной коммуникации: антропоцентрический, культурологический, диалогический, аксиологический [**11**, с. 28].

Анализируя современное состояние исследований в области музейной коммуникации, Б.А. Столяров выделяет следующие основные модели музейной коммуникации:

– *познавательная модель:* посетитель общается с сотрудником с целью получения знаний, а экспонат служит предметом или содержанием этого общения; процесс общения может носить как монологический, так и диалогический характер;

– *эстетическая модель* рассматривает экспонат как самоценный объект непосредственного общения; цель коммуникации – само эстетическое восприятие при минимуме информационной нагрузки;

– *диалоговая модель* рассматривает музей как центр культурной и общественной жизни; именно диалог, возникающий между различными категориями посетителей, помогает выявить существующие в обществе различные ценностные установки; общение в подобной модели становится важнейшим направлением деятельности;

– *информационная модель* предполагает анализ музея как информационно-коммуникативной системы, развитие которой определяется взаимодействием компонентов, включённых в особое образование «музей-посетитель»;

– *междисциплинарная модель:* современный музей является местом сотрудничества специалистов разного профиля, ищущих решение комплексных проблем гуманитарного характера [**16**, с. 67–68].

Сегодня музееведы определяют две коммуникационные модели, основанные на научном знании и гуманитарном. Речь идёт, по сути, о двух способах трансформации общечеловеческих ценностей в личностные.

Результатом коммуникации, основанной на узко-дисциплинарном, академическом подходе, становится «линейное» увеличение суммы знаний. Результатом коммуникации, основанной на гуманитарном знании, становится качественное изменение личности, обретение нового духовного опыта.

Коммуникационная модель, основанная на гуманитарном (т.е. обращённом к человеку) знании – диалоговая модель – базируется на сопереживании, вовлечённости, соучастии. Аудитория музея в таком случае рассматривается уже не только как объект культурно-образовательной деятельности, а как принципиально необходимый партнёр музея, само же музейное пространство символически переосмысливается как мифоэпическое пространство, постижение которого основано на различных способах постижения реальности, включая нерациональные: цвет, звук, интуицию, воображение, ассоциации.

Таким образом, диалоговая модель музейной коммуникации связана с личным постижением, которое не происходит спонтанно. Чтобы постигнуть ценности наследия, человек должен лично переоткрыть их для себя. Со стороны посетителя личное переоткрытие наследия требует эмоциональной включённости, со стороны музея – создания соответствующих условий. Среди них огромная роль принадлежит образно-символической выразительности, рабо-

тающей с внутренними пластами сознания; комплексности впечатлений, получаемых при помощи большего числа органов чувств; создание особого поля эмоциональной включённости, предощущение личного открытия, недопустимость излишнего вербализма [**3**; **8**].

Следует отметить, что сторонники коммуникативного подхода (Н.А. Никишин [**3**], Н. Павлова [**3**], О.С. Мишуровская [**6**], Е.Л. Краснова [**4**], М.Н. Чеснокова [**17**], и др.) рассматривают экспозицию как текст, состоящий из знаков, в качестве которых выступают музейные предметы. В таком случае экспозиция представляется не одним текстом, а множеством: авторским, собственно предметным и зрительским, при этом они не существуют отдельно друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии, ведут диалог. Благодаря семиотическому подходу информационный процесс в музее теряет свою линейность. Коммуникация предстаёт в виде многоуровневой деятельности по созданию собственных текстов всех участников музейного общения, в том числе на уровне сложного, но необходимого процесса коммуникации, который характеризуется двумя составляющими: человек-человек [**1**]. Этот канал коммуникации предполагает использование особых методик, например, сторителлинга, которые помогут ребёнку научиться думать, анализировать, общаться.

Очевидно, что музейный предмет сам по себе может рассматриваться как текст. Однако, будучи элементом текста экспозиции, он выступает в роли знака.

Использование музейных предметов как знака определённого типа (иконический знак, знак-индекс, знак-символ) может рассматриваться в качестве признака, лежащего в основе классификации экспозиций. Сопоставляя разные подходы, М.Е. Каулен выделяет следующие основные виды музейной экспозиции: систематическая (основу составляют коллекции), ансамблевая (ландшафтная как профильная разновидность) и тематическая, формами развития которой являются музейно-образная и образно-сюжетная [**9**, с. 335–349].

Художественно-образный метод в качестве перспективного метода построения экспозиции был выдвинут в начале 1980-х гг. Ф.Г. Кротовым (директор Центрального музея революции СССР). Суть этого метода заключалась в создании образа при помощи не только экспонатов, но и всевозможных способов их подачи. Концепция Ф.Г. Кротова стала отправной точкой для Т.П. Полякова, который выделяет традиционные методы экспонирования, а также описывает новый метод — образно-сюжетный. Критерии, позволяющие дифференцировать методы экспонирования:

– является ли демонстрируемый музейный предмет конечной целью или служит средством выражения определённых идей;

– выступает ли экспонат как относительно самостоятельная единица показа или представляет собой органичную часть единого целого [**9**, с. 349].

Эволюционное движение от использования иконического знака (систематическая экспозиция) к знаку-индексу (ансамблевая, ландшафтная экспозиция), далее — к знаку-символу и построение на его основе художественного

образа отличает стремление сделать восприятие экспозиции посетителем более насыщенным, эмоциональным, а само экспозиционное высказывание более ёмким за счёт полисемии, многозначности как музейных предметов, так и музейной экспозиции.

Музейные предметы являются основными источниками сохранения и передачи информации в пространстве музея. Музейный предмет с точки зрения семиотики рассматривается как «объект природного наследия или искусственно созданный человеком предмет, изъятый из среды его бытования и наделённый способностью передавать определённый смысл, значение» [7].

При этом разграничиваются понятия «знак» и «материальный предмет». Понятие знака шире и включает в себя материальные свойства того или иного предмета, но при этом соединяя в себе ещё несколько компонентов.

1-й компонент – это материальная основа, предметное воплощение данного знака, дающее возможность рассматривать его как знак материальной культуры и носителя информации.

2-й компонент – это значение знака (денотат), т.е. его содержательное наполнение, представление о знаке как о чём-то уникальном, ценном.

3-й компонент – десигнат знака. Это совокупность всех сведений, заключённых в музейном предмете (автор, время и место создания, внешние характеристики и т.д.), а также тот духовный опыт, который музейный предмет передаёт условно, т.е. его социальные смыслы (знания, эмоции, обычаи и др.).

4-й компонент – интерпретанта, т.е. индивидуальное понимание знака субъектом, индивидуальное впечатление каждого посетителя от экспозиции. Этот компонент очень важен, если мы говорим о том, что процесс музейной коммуникации является двунаправленным, где не только музейный работник наделяет вещи смыслом, организуя их в экспозицию, но и каждый из посетителей привносит свою собственную интерпретацию в соответствии со своим личным опытом. В таком случае экспозиция может задавать вопросы, не давая готовых ответов, чтобы заставить посетителя видеть предметы, взаимодействовать с ними и таким образом получать знания самостоятельно [7].

В качестве возможного решения в 60-е гг. XX века канадский профессор Маршалл Маклюэн выдвигает идею создания экспозиции, не имеющей сюжетной линии, а организованной по мозаичному принципу не связанных, на первый взгляд, между собой экспонатов. В таком случае зрителю будет предоставлена возможность самим создавать смысловые связи.

Таким образом, знак заключает в себе многообразную информацию, и она всегда превышает ту, что передаётся лишь внешним обликом предмета. И если в сфере бытования предмета его ценность, как правило, была прямо пропорциональна его функциональной значимости, то основным критерием его ценности в музее является способность музейного предмета выступать в качестве источника сведений о явлениях культуры, природы, исторических событий и т.д.

О.С. Мишуровская рассматривает две формы реализации направления экспозиционной деятельности, в рамках которых предмет несёт функцию символа. Первая из них характеризуется использованием в качестве экспонатов предметов, не имеющих самостоятельного значения в контексте экспозиции (цель такой экспозиции, например, помочь посетителю наглядно наблюдать действие законов физики). Другая форма – где в качестве символа выступает экспонат (или комплекс экспонатов), связанных со стремлением превратить музейную экспозицию в особое художественное творение. Однако самостоятельная ценность экспонатов в таком случае может отходить на второй план. И тогда стоит задача – не перейти ту грань, за которой начинается отношение к музейному предмету лишь как к средству, материалу и следующее за тем пренебрежение его самостоятельной ценностью, значимостью, смысловым и эстетическим потенциалом [**5**].

Т.е., с одной стороны, есть опасность восприятия экспозиции посетителем как скопления предметов, изъятых из среды бытования, с другой стороны встаёт вопрос, как не превратить экспозицию в аттракцион, театр, а музейный предмет – в бутафорию.

Многие экспозиционеры (Т.П. Поляков, Н.А. Никишин, М.П. Гнедовский) отмечают, что при проектировании художественной среды музейный предмет выступает как элемент её формирования, а совокупность предметов организует пространство, где особое значение приобретают связи между предметами, соотношение их друг с другом, их формально-пластические характеристики, такие как цвет, размер, форма, фактура, возраст, степень узнаваемости. Н. Никишин так же отмечает, что экспозиционный текст, выражаемый в основном музейными средствами, был бы неоправданно беден без подтекста. И наряду с понятием «язык музея», он использует понятие «подъязыки музея». К их числу автор относит:

– язык экспозиционного дизайна;

– вербальный язык;

– язык графических построений (шрифты, планы, карты);

– аудиовизуальные средства;

– язык театра;

– язык обучающих манипуляций (элементы ролевых игр, демонстрация мастерства народных умельцев).

Среди большинства практиков современного экспозиционного проектирования распространено мнение, что соответствовать современному восприятию посетителя можно благодаря образу, сюжету, канве взаимосвязей и действию. Экспонат всё больше включается в действие, обретает сложные смысловые и сюжетные взаимосвязи [**2**].

Таким образом, если метод построения экспозиции образно-сюжетный, соответственно в сценарной форме необходимо обосновать и запрограммировать комплекс эмоциональных реакций, чувств и ощущений, которые хоте-

лось бы вызвать у посетителя. Для этого нужно ответить на вопрос, что ждёт посетитель от музея?

Поскольку реальная и потенциальная аудитория Детского музея — дети, то вряд ли они хотят прямого образовательного и воспитательного воздействия. В основе мотивации посещения музея (чаще всего — это мотивация родителей) — организация досуга, отдых от повседневных забот, стремление оградить своего ребёнка от многих проблем современного общества, в том числе от дефицита духовности. В таком случае музейная экспозиция должна играть роль фактора психологической разгрузки, фактора обретения внутренней гармонии, пробуждения творческих начал. Главное, что должен получить наш посетитель — это эмоциональная, чувственная, нравственно ценностная информация. Набираясь новых впечатлений, ощущений, посетитель в то же время учится самостоятельно решать этические проблемы, формировать ценностные суждения, духовно обогащается (в данном случае речь идёт о духовных ценностях как элементах культуры, представляющих нематериальное культурное наследие).

И сверхзадача заключается в том, чтобы внести свой вклад в процесс формирования культурной личности ребёнка, обладающего устойчивой системой ценностных ориентаций, сознательно строящего свои отношения с окружающим миром, готового к творческой реализации в любой сфере деятельности. Чтобы решить эту сверхзадачу, необходимо:

– повысить эффективность процесса познания, сделав его личностно ориентированным;

– используя диалоговую модель музейной коммуникации, создать условия для самовыражения детей в различных формах творческой деятельности, необходимой для расширения и обогащения опыта восприятия окружающего мира.

В таком случае, предметом изучения остаётся сам предмет как часть материального мира, но опосредованно предметом познания становится человек, его нравственные ценности, его взаимоотношения с окружающим миром, с себе подобными. И средством такого познания может стать книга, поскольку в ней сконцентрирован опыт предшествующих поколений, положительные (или отрицательные) эмоции, образы — одним словом, целый мир, который предстоит постичь ребенку.

Если рассматривать экспозицию как художественное произведение, несущее не столько знания, сколько отношение к ним, то музейные предметы будут выступать в роли знаков-символов затрагиваемых в экспозиции проблем.

Язык экспозиции — это явно не вербальный текст, это язык музейных предметов, которые передают ощущение времени, а необычные музейные предметы — ощущение нереального, непознанного, сказочного. Но, пожалуй, самое главное — то, что предметы не только несут определённую информацию о событиях и явлениях, пусть даже сказочных, вымышленных, а несут опреде-

лённые ценностные смыслы, вызывают эмоционально окрашенные ассоциации, а значит побуждают к сопереживанию, размышлению.

В проектном замысле музейной экспозиции, соответствующей логике гуманитарного знания, нет хронологии в привычном понимании, поэтому мы можем одномоментно присутствовать в любом времени, а вневременные явления, принадлежащие разным областям знаний, связать логикой ассоциаций и образов.

Таким образом, время и место действия всего происходящего в экспозиции условны, но легко узнаваемы благодаря знакам-символам. Поскольку в экспозиционном повествовании не будет строго хронологической последовательности, допустимо использование методического приёма — привнесение в экспозиционные комплексы разновременных, различных по происхождению предметов. В таком случае музейные предметы могут использоваться в качестве «цитат», например, произведений разных литературных жанров: сказок, стихов, рассказов. По этой же причине в экспозиции возможно использование новоделов и современных предметов.

Принципы построения экспозиции:

– научность;

– предметность;

– художественная условность;

– интерактивность;

– доходчивость и универсальность;

– комфортность и безопасность пребывания.

Одна из задач данной экспозиции — обеспечить динамизм экспозиционного пространства с помощью мультимедийных средств, формально-пластических характеристик предметов, нерациональных способов освоения музейного пространства, в то же время давая возможность посетителю увидеть, прочувствовать каждый раздел, каждый комплекс в отдельности, т.е. должно быть единое пространственно-композиционное решение. В нашем случае это может быть мифоэпическое пространство Пути, Путешествия, Перекрестка дорог, Встреч.

Дорога — это движение, это процесс, это жизнь. Это один из универсальных архетипов, который участвует в создании мифа, сказки и, на наш взгляд, важно то, что в этом архетипе не заложен конечный результат.

В таком случае важно суметь перевести восприятие экспонируемых предметов из сферы конкретных реалий в сферу мифологическую. И здесь, безусловно, важна роль как экспозиционера, так и транслятора.

Сюжет экспозиции может строиться как сюжет любого художественного произведения, в котором есть интрига (завязка), развитие сюжета, кульминация и развязка, и как некий обобщенный образ, который раскрывается через объёмно-пространственные композиции, где сочетаются предметы, обладающие самостоятельной ценностью, показ которых является самоцелью их экспонирования, и предметы, выполняющие функцию символа, знака.

Список литературы

1. Баданина, М.С. Музейный текст и проблема его интерпретации посетителями музея / М.С. Баданина // Психология человека [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://psibook.com/religion/muzeynyy-tekst-i-problema-ego-interpretatsii-posetitelyami-muzeya.html. – Дата доступа: 14.11.2013.

2. Воротникова, Е.Ю. Становление экспозиции современного музея как научно-художественной системы / Е.Ю. Воротникова // Российское музееведение [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.museumstudy.ru/content/files/vorotnikova2.pdf. Дата доступа: 23.11.2013.

3. Дукельский, И.Ю. Музейные коммуникации: модели, технологии, практики / И.Ю. Дукельский // Музей будущего [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.future.museum.ru/lmp/books/archive/Mus&Comm.pdf. – Дата доступа: 20.01.2014.

4. Краснова, Е.Л. Современное экспозиционное пространство музеев Беларуси: коммуникативный аспект: автореф. дис. ... канд. культурологии: 31.05.12 / Е.Л. Краснова // Авторефераты [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://dis.podelise.ru/text/index-45197.html. – Дата доступа: 20.11.2013.

5. Мишуровская, О.С. Музей как семиотический феномен: автореф. дис. ...канд. культурологии: 26.03.12 / О.С. Мишуровская // Человек и наука [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/muzey-kak-semioticheskiy-fenomen. – Дата доступа: 10.12.2013.

6. Мишуровская, О.С. Музей как предмет семиотического исследования / О.С. Мишуровская // Грамота [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.gramota.net/articles/issn_1993–5552_2011_10_08.pdf. – Дата доступа: 05.12.2013.

7. Мишуровская, О.С. Семиотический анализ знаковой специфики музейного предмета / О.С. Мишуровская // Глобальная сеть рефератов [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/culture/00269764_0.html. Дата доступа: 08.01.2014.

8. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Н.Г. Копелянская [и др.]; под ред. А.А. Щербаковой // Музейные решения [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://issuu.com/museumsolutions/docs/book_5. – Дата доступа: 15.10.2013.

9. Музейное дело России / М.Е. Каулен [и др.]; под общ. ред. М.Е. Каулен. – М.: ВК, 2003. – 616 с.

10. Музейная экспозиция. На пути к музею XXI века. Сборник научных трудов / РИК; редкол.: М.Т. Майстровская (отв. ред.) [и др.] // Музеология [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.dooc.ru/usr/people/admin/page/1042/_jekspozicija._%D0%9Da_puti_k_muzeju_xxi_veka.pdf. – Дата доступа: 22.01.2014.

11. Сапанжа, О.С. Основы музейной коммуникации: учеб. пособие / О.С. Сапанжа. – СПб., 2007. – 116 с.

12. Сапанжа, О.С. Развитие представлений о музейной коммуникации / О.С. Сапанжа // Психология человека [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://psibook.com/religion/razvitie-predstavleniy-o-muzeynoy-kommunikatsii.html. – Дата доступа: 11.11.2013.

13. Сапанжа, О.С. Методология теоретического музееведения / О.С. Сапанжа // Наука и жизнь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://olgasapanzha.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=f3037047-c4e8-45e4-ba07-61c89d876b7a&groupId=996433. – Дата доступа: 27.11.2013.

14. Триумф музея?: сб. науч. ст. / Санкт-Петерб. гос. ун-т; редкол.: А.А. Никонова (отв. ред.) [и др.] // Российское музееведение [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.museumstudy.ru/content/files/triumph.pdf. Дата доступа: 23.11.2013.

15. Столяров, Б.А. Педагогические аспекты образовательной деятельности музея: учеб. пособие / Б.А. Столяров; М-во культуры РФ, ФГБУК «Государственный Русский музей», РЦМПиДТ, РАО. – СПб., 2013. – 316 с.

16. Столяров, Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика / Б.А. Столяров // Наша учёба [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://nashaucheba.ru/v14349/столяров,_б.а._музейная_педагогика._история,_теория,_практика. – Дата доступа: 14.11.2013.

17. Чеснокова, М.Н. Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы: автореф. дис. … канд. культурологии: 22.04.10 / М.Н. Чеснокова // Центр научных изысканий [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.ceninauku.ru/page_25235.htm. – Дата доступа: 19.11.2013.

Аниськович М.М.

Начальные и средние учебные заведения в г. Полоцке в 1918–1923 гг.

В истории образования г. Полоцка 1918–1923 гг. стали началом нового этапа, связанного с созданием советской школьной системы. Её основой была Единая трудовая школа двух ступеней.

Однако немецкий оккупационный режим, установившийся в г. Полоцке вскоре после Октябрьской революции, помешал проведению школьной реформы. С февраля по ноябрь 1918 г. только в 9 учреждениях образования (из более чем 20 ранее существовавших) проводились занятия *(см. приложение 1)*. Сразу же после освобождения все полоцкие учебные заведения, включавшие в себя школы бывшего Министерства просвещения, духовного ведомства, частные школы перешли под начало Полоцкого уездного отдела Народного образования (УОНО) [**5**, с. 2].

Общее руководство Единой трудовой школой возглавил школьный подотдел УОНО, который находился в доме Гинзбурга на углу улиц Вознесенской и Троцкого [**6**, с. 18]. Заведующим подотделом стал Н.М. Пруслин, председатель полоцкой партийной организации РСДРП(б). Позже, с октября 1920 г., его заменил Ф.П. Аргировский (1886–1942), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. До революции он работал преподавателем реального училища г. Холм Псковской губернии, с 1914 г. стал штатным учителем Полоцкой мужской гимназии. Философ Павлович внёс большой личный вклад в преобразование школьной системы г. Полоцка в первые послереволюционные годы (Рис. 1). Через много лет его брат Василий Павлович Аргировский вспоми-

Рис. 1. Семья Ф.П. Аргировского (Ф.П. Аргировский в первом ряду слева).

нал, что «Октябрьская революция и строительство новой жизни в первые годы увлекли Философа Павловича, он работал для советской власти, совершенно забывая себя» [**4**]. Инструкторами школьного подотдела были бывшие учителя полоцких дореволюционных учебных заведений П.И. Дейнис, П.С. Иванов, Т.Д. Борейко, И.Ф. Будько, Б.Ф. Тясто [**18**, с. 29].

14 января 1919 г. на общем собрании учебных заведений г. Полоцка была обнародована концепция Единой трудовой школы. Позже, 2 февраля, коллегия Полоцкого УОНО объявила о преобразовании существующих учебных заведений. Так, начальные училища стали именоваться Единой трудовой школой I ступени; гимназии и два последних класса Высших начальных училищ получили статус Единой трудовой школы II ступени *(см. приложение 2).*

Работа школ в период оккупации польской армией левобережной части г. Полоцка проходила в крайне тяжёлых условиях. С августа по октябрь 1919г. руководство школами было парализовано в связи с эвакуацией Полоцкого УОНО на ст. Дретунь. Учебные заведения закрывались, а их помещения стали использоваться войсками. Здание бывшей женской гимназии было разбито снарядами. Однако в ноябре 1919 г. несколько школ открылось. В дни сильного обстрела занятия в них также не проводились [**11**, с. 3].

На протяжении 1919–1923 гг. количество полоцких школ и их нумерация часто менялись. В начале 1919 г. в городе Полоцке было открыто 18 трудовых школ (11 школ I ступени и 7 школ II ступени). В них обучалось 2602 ученика (в школах I ступени было 1677 человек, школах II ступени – 925 человек) [**18**, с. 31]. Через год численность учащихся сократилась на 40 % и составила 1579 детей (в школах I ступени – 1214, II ступени – 365 человек) [**23**, с. 92]. Уменьшилось и количество школ II ступени за счёт введения параллельных классов. В конце 1921 г. их было уже 4, а в январе 1923 г. – 2. Школы I ступени в г. Полоцке оставались малокомплектными (в 1920 г. их было 11, в 1921 – 12, в 1923 – 8) [**10**, с. 1]. Несмотря на это с 1922 г. наметилась тенденция к увеличению числа школьников. В январе 1923 г. в полоцких школах обучалось уже 3040 учеников [**13**, с. 6].

До Октябрьской революции полоцкие учебные заведения делились на мужские, женские и смешанные. С приходом советской власти в трудовых школах вводилось обязательное совместное обучение учащихся обоего пола. Это нововведение для многих стало болезненным, но в целом в г. Полоцке прошло спокойно. «Смешение» учащихся школ I ступени закончилось в январе 1919 г., школ II – ступени завершилось в мае этого же года. Исключениями были только бывшие Полоцкая женская и Полоцкая мужская гимназии. Совместное обучение мальчиков и девочек этих учебных заведений было затруднено большими расхождениями в учебных программах. В мужской гимназии основной акцент был сделан на изучение точных наук, в женской гимназии – гуманитарных. Из архивных источников известно, что здания учебных заведений в гигиеническом плане не были приспособлены для совместного обучения

мальчиков и девочек. Принимая во внимание требования педсоветов, школьный подотдел УОНО принял решение о переводе детей из бывшей мужской гимназии в женскую во II ступень классом выше «ввиду превосходства программ» [**18**, с. 47].

В советских трудовых школах отменялись отметки, а также экзамены и зачёты как методы проверки знаний учащихся. Не все преподаватели полоцких школ II ступени были согласны с этим. Громкий инцидент по данному вопросу произошёл в мае 1921 г. в 4-й и 5-й советских трудовых школах II ступени. Учитель Г.П. Глухарёв продолжал принимать зачёты по химии, биологии и географии среди школьников старших групп. Этот вопрос стал предметом разбирательства коллегии УОНО, на которой был поставлен вопрос о профессиональной компетентности Глухарёва. Метод его преподавания признали недопустимым, а учителя обвинили в том, что он «не приложил надлежащего усердия к усвоению преподаваемого и преодолению возникших трудностей при усвоении, не оказался достаточно чутким и тактичным, чтобы сгладить возникшие недоразумения» [**24**, с. 31].

Согласно советскому Декрету об отделении церкви от государства в школах отменялось изучение Закона Божьего, и «аттестация успехов» по этому предмету не должна была записываться в документы, выдаваемые учащимся. Однако родительский комитет бывшей Полоцкой мужской гимназии единогласно выразил желание обучать своих детей Закону Божьему, занимаясь им как частным предметом за счёт собственных средств в свободное от учёбы время [**3**, с. 30].

В апреле 1921 г. в полоцкие школы был разослан циркуляр «О немедленном введении в число учебных предметов, преподаваемых в школах, курса политграмоты» как важный «шаг вперёд на пути строительства советской школы». Первыми преподавателями этого курса стали члены РКП Н.М. Пруслин (1-я школа), П.М. Вайман (6-я школа), Пшетыцкий (7-я школа). Школа политграмоты была открыта и при Союзе коммунистической молодёжи под руководством Градова. Находилась она в доме Минца по ул. К. Маркса [**12** с. 31].

Согласно Декрету ВЦИК СНК РСФСР от 22.03.1923 г. «О порядке взимания платы за обучения в учреждениях Народного Комиссариата Просвещения» была введена «платность» за обучение в школах города. Её размер был согласован с родителями учащихся. По оплате, в зависимости от материального положения семьи, школьники делились на 4 категории. Четверть полоцких учеников была освобождены от оплаты.

С целью материальной поддержки школьных работников (или шкрабов) и учеников в г. Полоцке был проведён ряд мероприятий. Беднейшие учащиеся снабжались одеждой и обувью. С февраля 1919 г. школьные работники освобождались от призыва на военную службу и реквизиции «на предмет освобождения помещения» [**5**, с. 4]. С 10 марта на ул. Троцкого, напротив здания бывшего духовного училища, начала работать школьная амбулатория.

Лекарства по её рецептам отпускались бесплатно во всех городских аптеках [**19**, с. 46]. В феврале открылась бесплатная центральная школьная столовая. Через год таких столовых было уже три. [**23**, с. 3]. Во многих полоцких школах стали организовываться бесплатные завтраки для учащихся. Например, ученики Полоцкой 11-й образцовой трудовой советской школы I ступени при учительской семинарии ежедневно получали чашку сладкого чая, ¼ доли хлеба, иногда со сметаной. Администрация школы отмечала, что «завтраки очень оживляли детей, производили на них приятное впечатление и даже заметно привлекали их в школу, т. к. отсутствующих в школе детей с введением завтраков стало гораздо меньше» [**20**, с. 42].

В состав Полоцкого УОНО входил подотдел национальных меньшинств, которому были подотчётны 4 национальные школы (3 еврейские и 1 польская). 1 июля 1919 г. на базе бывшей еврейской школы «Тарбут» была открыта еврейская трудовая школа двух ступеней. Они находились в доме Шпакова, в здании бывшей городской управы, на ул. К. Маркса [**4**, с. 97]. Третья еврейская школа I ступени была открыта на ул. Безымянной за Двиной [**29**, с. 8]. Еврейские учебные заведения неплохо финансировались. Во второй половине 1919 г. квартирным отделом было принято решение об ремонте школ и закупке для них новой мебели. В июне 1920 г. три еврейские школы посещало 148 учеников. Их обучали 7 учителей (Ш.И. Ганелин, С.М. Левина, Б.Н. Брейдо, А.И. Хейфец, З.М.Магид, И.Х. Лев, С.С. Рубинштейн) [**27**, с. 57]. Из архивных источников известно, что в марте 1919 г. учительница 3-й еврейской школы Р.Ш. Гофеншефер была делегирована в Москву на Всероссийское совещание по Просвещению национальных меньшинств как «представительница от Полоцкого городского еврейского учительства» [**27**, с. 94].

Польская национальная школа I ступени была открыта 28 апреля 1919 г. на базе ранее существовавшей польской школы. Она находилась на Рижской улице в здании, принадлежащем Польскому приходскому совету. Учителями школы были А. Робаль, М. Добрженская, Я. Моис и М. Павлович. Преподавание всех предметов, кроме русского языка и арифметики, проходило на польском языке. Число учеников составляло в разное время от 103 до 118 человек [**26**, с. 14]. С 1923 г. польскую школу возглавил Пшетыцкий, при котором началась кампания по её советизации и уничтожению как «оплота религиозного фанатизма». Из школы были вывезены все иконы. По причине «фанатично-религиозных взглядов, которые влияли на детей в плохом смысле», была уволена бывшая заведующая школой М. Павлович [**13**, с. 15]. С целью ликвидации политической безграмотности среди учителей был организован политический кружок на польском языке [**13**, с. 1].

Положение учителя в первые послереволюционные годы было трудным. Педагогическая нагрузка на учительскую ставку составляла 24 часа в неделю. Жалованье школьным работникам в г. Полоцке выплачивалось своевременно, но оно было «нищенским» и составляло за июнь 1923 г. 510 рублей, за июль

вместе с субвенцией — 1520 рублей, за август — 1155 рублей, тогда как прожиточный минимум по г. Полоцку равнялся 700 рублям [**15**, с. 129]. Согласно циркуляра Наркомпроса 1923 г. отпуск учителей был 1 месяц. Остальное время в период летних каникул «шкрабы» (так называли учителей) должны были использовать для повышения своей квалификации. Для этого в июле 1919 и 1920 гг. открывались обязательные 8-недельные педагогические курсы при красноармейском клубе, расположенном в здании бывшего кадетского корпуса. Их участниками стали 194 школьных работника г. Полоцка и Полоцкого уезда [**22**, с. 61]. На лекциях разъяснялись принципы новой школьной системы, проводились занятия политграмоты. Такую же цель имела и педагогическая конференция-съезд школьных работников со всего Полоцкого уезда, проходившая 24–25 августа 1923 г. В ней приняло участие 252 шкраба из Полоцкого уезда и 57 городских учителей. Важнейшим этапом курсов являлся политический цикл, на котором были заслушаны доклады по истории партии, взаимоотношений советской власти и крестьянства, развитию рабочего движения в России. Проблемы содержания школьных работников, организации школьного самоуправления стали ключевыми темами педагогического цикла на съезде [**16**, с. 14]. С начала 1923 г. еженедельно, по воскресеньям, проходили обязательные курсы для «учительства» г. Полоцка «с целью ликвидации их политической безграмотности» [**13**, с. 6].

В 1922 г. была введена должность заведующего школой, который вместе с педсоветом возглавлял работу учреждений образования (см. приложение 3). В этом же году были установлены 3 учительские категории с примечаниями в зависимости от степени педагогической и политической подготовленности. Лишь учителя 1-й и 2-й категорий допускались к работе в школах. Большой редкостью была 1-я категория с первым примечанием, которая считалась высшей. Она была присвоена только одному полоцкому учителю, заведующему 3-й еврейской школой Б.Н. Брейдо. Учителя 3-й категории не допускались к педпрактике. В Полоцке лишь бывшая монахиня Л. Ксюнина, работавшая в детском доме III интернационала, была отнесена к третьей категории, в связи с чем была освобождена от занимаемой должности [**25**, с. 3].

Из архивных документов известно, что в начале 1920 г. в г. Полоцке работал 81 школьный работник. В конце 1921 г. было уже 95 учителей (71 — первой ступени, 24 — второй ступени). Полоцкие школы были полностью укомплектованы педагогическими кадрами [**9**, с. 18].

Многие полоцкие педагоги имели высокий образовательный уровень и большой педагогический стаж. В 1918–1923 гг. продолжала работать дореволюционная преподавательская элита города: учителя иностранных языков В.Ф. Рульковиус, Е.И. Лютцельшраб, О.Е. Храмцова, Е. А. Маттисон, учитель физики А.С. Еленев, учитель истории Т.Д. Богоявленский, учителя еврейских школ А.И. Хейфец и И.О. Деречинский, учитель русского языка В.В. Мягкова, учитель музыки М.Ф Маттисон и др.

Многие учителя школ II ступени г. Полоцка были выпускниками элитных высших учебных заведений царской России: Императорского Санкт-Петербургского археологического института, Петербургского, Московского, Казанского университетов. Учителя иностранных языков обучались в Смольном институте в г. Москве, Высшем классе учительниц французского языка в Петербургском сиротском институте Николая I. Более 9 учителей закончили Виленский педагогический институт. В школах I ступени г. Полоцка преподавали выпускницы Полоцкой женской гимназии, Спасо-Евфросиньевского епархиального женского училища, учительской семинарии, реального училища.

Среди учителей полоцких школ II ступени были и известные учёные, общественные деятели России. Так, например, учитель истории Е.В. Сабинин являлся действующим членом Петроградского археологического института [**18**, с. 6]. Бывший директор Полоцкой мужской гимназии, учитель физики, математики 2-й и 4-й советских школ II ступени А.С. Еленев в 1885–1891 гг. занимался геологическими исследованиями на Дальнем Востоке. Он один из первых применил комплексный подход для выделения культурных слоёв в изучении археологического памятника [**2**]. бывший полоцкий городской голова Н.О. лоскович в первые послереволюционные годы возглавил педсовет 8-й трудовой школы I ступени, находившейся в его собственном доме на ул. Ленина [**21**, с. 92].

Для укомплектования учительскими кадрами школ первой ступени г.Полоцка и Полоцкого уезда летом 1919 г. открылись краткосрочные педагогические курсы под руководством Е.В. Сабинина, проходившие в здании бывшей учительской семинарии. Их слушателями стали 75 человек. Лекторская группа сформировалась из числа опытных учителей полоцких школ второй ступени (Ф.П. Аргировский, В.Г. Соловьёв, Б.Ф. Тясто, П.О. Дейнис, П.М. Перовский, П.А. Богданов, Н.Д. Гнедовский, М.Ф. Маттисон, П.И.Тихомиров, Д.А. Виноградов, В.Л. Вериго, Э.Ю. Костра, С.С. Матвеев, А.А. Дорош) [**17**, с. 113].

В бывшей Российской империи большое количество взрослого населения оставалось неграмотным. Только в Полоцком уезде в 1920 г. эта цифра достигла 52858 человек, что составило более 50 % от общего числа жителей [**9**, с. 20]. По этой причине особое значение приобрела политика по ликвидации неграмотности взрослого населения. Более систематически и организованно эта работа стала осуществляться после издания декрета СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г.

В г. Полоцке и Полоцком узде её возглавила Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, созданная при внешкольном подотделе УОНО, под руководством Р.Р. Апановича [**31**, с. 63]. В её состав вошли представители Союза молодёжи и профсоюзов. Комиссия выявляла и проводила строгий учёт неграмотного населения в возрасте от 14 до 50 лет, ходатайствовала об открытии пунктов ликбеза и краткосрочных курсов для подготовки кадров преподавателей.

Первая компания по ликвидации безграмотности в Полоцке началась летом 1920 г. Ещё в июле было открыто пять школ грамоты для взрослых, т.н. ликвидпунктов. Известно, что три из них расположились в отдельных комнатах пролетарской столовой, одна – при клубе Союза молодёжи [**8**, с. 50]. К концу 1920 г. общее число специальных ликвидпунктов достигло 27, четвёртая часть из которых действовала при полоцких профсоюзах (см. приложение 4).

Основными видами обучения в школах ликбеза были занятия без отрыва от производства. На время учёбы продолжительностью 3 месяца рабочий день для слушателей курсов сокращался на два часа. При этом заработная плата сохранялась в полном объёме [**7**, с. 144].

Изначально посещение школ ликбеза г. Полоцка было активным. Но постепенно число желающих учиться уменьшалось. Порой на уроке присутствовало всего несколько человек. На это Чрезвычайная комиссия неоднократно обращала внимание. Но всевозможные инструкции и прошения, иногда с угрозами, не имели положительного результата. Такое пассивное отношение курсантов к освоению грамоты было связано с введением для них трудовой повинности.

Таким образом, результаты работы по ликвидации безграмотности были очень слабыми. К лету 1921 г. по Полоцкому уезду только 7,5 % курсантов (366 человек) из общего числа зачисленных в ликбезы (4931 человек) полностью прошли курс и обучились грамоте [**31**, с. 83]. Данный факт противоречит общепринятому мнению советской историографии, что жители г. Полоцка и Полоцкого уезда всячески стремились осваивать грамоту, а школы и курсы ликбеза не могли принять всех желающих [**32**, с. 179].

На летнее время работа школ по ликвидации безграмотности приостанавливалась. Так, например, в июле 1921 г. в г. Полоцке работало только две школы, в которых обучалось 37 человек [**31**, с. 63]. Одна из них была создана для еврейского населения. Школу возглавил учитель И.Х. Лев. Занятия проводили учителя еврейской школы I и II ступеней (Ш.И. Танелин, А.П. Хейфец, С.М. Левина, Б.Н. Брейдо и З.М. Магид) [**28**, с. 8]. По сравнению с обычным ликвидпунктом, эти курсы были более организованными и расширенными. Изначально слушателей распределяли на три группы. Первая была отрыта для безграмотных. Вторая группа рассчитана для малограмотных, владевших механизмом чтения и письма, выполнявших простые арифметические действия. Третью группу могли посещать лица, «свободно читающие и умеющие самостоятельно разбираться в прочитанном, знающие все четыре действия над простыми и именованными числами и могущими разрешать задачи» [**28**, с. 32]. Учебная нагрузка была большей по сравнению с обычным ликвидпунктом и составляла 12 часов в неделю. Наряду с общеобразовательной программой слушатели осваивали еврейский язык и литературу. При курсах были организованы хор и драматический кружок.

Наиболее результативно ликвидпункты работали при воинских частях. В начале 1921 г. в 4-х таких ликвидпунктах города обучалось 137 красноармей-

цев. К декабрю количество курсантов увеличилось до 204 человек за счёт открытия «Большой красноармейской школы» при 43-х Полоцких объединённых курсах красноармейцев [**31**, с. 78].

Наряду с либезами взрослое население могло получить образование на курсах, программа которых соответствовала школе II ступени. В г. Полоцке такие курсы были открыты 25 ноября 1920 г. в помещении 4-й трудовой школы, позже в здании бывшей учительской семинарии [**7**, с. 137]. Слушатели изучали математику, физику, историю социализма, введение в философию. В первом наборе обучалось 30 человек.

Учителями в ликбезах могли быть как педагоги школ I ступени, так и специально подготовленные люди из местного населения, которых иногда называли «ликвидаторами». Предварительно кандидаты на эту должность обучались на специальных трёхмесячных курсах в здании отдела Народного образования, которые возглавил учитель русского языка 4-й трудовой школы II ступени П.И. Тихомиров. Первый набор курсов начал работать 15 июля 1920 г. [**30**, с. 1]. Программа курсов сводилась к освоению методических приёмов по обучению неграмотных. Лекторами курсов стали педагоги Б.Ф. Тясто, П.М. Перовский, Ф.П. Аргировский, М.К. Супрун. Всего в г. Полоцке прошло три серии выпусков, было подготовлено и выпущено 77 специалистов. По окончании выпускники распределялись в волости Полоцкого уезда [**9**, с. 21].

Таким образом, развитие школьного образования в 1918–1923 гг. в г. Полоцке ознаменовалось проведением масштабной реформы. На базе дореволюционных учреждений образования открылась сеть советских трудовых школ двух ступеней. Учитывая пёстрый национальный состав города, продолжили работу национальные школы (еврейские и польская), где ученики имели возможность изучать родной для них язык. В школах ликбеза были созданы условия для повышения грамотности взрослого населения. В результате число желающих учиться ежегодно увеличивалось. Постепенно полоцкие школы были полностью укомплектованы педагогическими кадрами. Однако форсированный, зачастую не до конца продуманный характер школьной реформы отрицательно сказался на её развитии. Кроме того, немецкая и польская оккупации, имевшие место в Полоцком уезде в начале 1918–1920 гг., значительно осложнили учебный процесс.

Список литературы и источников

1. Аргировский, В.П. Дневник войны / В.П. Аргировский // Наследие [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://elobkovskaya.ucoz.ru/publ/#_ednref1. Дата доступа 17.01.2014

2. Вдовин А.С. О Бирюсинских и Караулинских пещерах / А.С. Вдовин, А.В. Мясников // Приложение к памятной книге Енисейской губ. – Енисейск, 1890;

Естественно-геогр. очерк р. Енисея от г. Енисейска до г. Туруханска. — Иркутск, 1893; Заметки к археологии окрестностей г. Иркутска // Изв. ВСОРГО. — 1894. — Т. 25.

3. Дело о передаче народных училищ и церковно-приходских школ в ведение земств, их содержании и открытии новых школ // Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 4.

4. Постановления, циркуляры СНК, губисполкома, губернского отдела народного образования и переписка с волостными отделами народного образования о предоставлении сведений и правильном оформлении документов // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 7.

5. Протоколы заседаний коллегии УОНО, план сети школ I ступени г. Полоцка // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д.12.

6. Отчёт о работе отдела за ноябрь 1919 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 17.

7. Циркуляры, инструкции Наркомпроса, ГУБОНО, УОНО // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 19.

8. Протоколы заседаний подотделов, уездной комиссии по ликвидации безграмотности // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 34.

9. Протоколы заседаний подотделов, собраний работников народного образования, отчёты о деятельности отдела // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 36.

10. Списки учреждений города, подведомственные отделу // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 49.

11. Списки работников народного образования города и уезда, акты обследования подведомственных учреждений // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 50.

12. Отчёты о работе отдела и подотдела за 1921 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Опись 1. — Д.66.

13. Доклады, отчёты о работе отдела и подотделов за 1922–1923 гг. // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 72.

14. Месячные доклады, отчёты о работе отдела и подотделов за 1922 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 73.

15. Циркуляры, инструкции Наркомпроса, ГУБОНО, УОНО // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д.75.

16. Протоколы уездной конференции учителей, совещания при заведующем УОНО и материалы к конференции // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 79.

17. Учебный план и переписка об организации курсов по подготовке учителей // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 90.

18. Протоколы собраний представителей учебных заведений, заседаний комиссии по реформе школы // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 93.

19. Переписка с волостными отделами народного образования об организации и проведению 27.01.1919 уездного съезда учителей // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 103.

20. Доклады о работе школ за 1919 г. // ЗГА в г. Полоцке. Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 106.

21. Списки учащихся школ и переписка о комплектовании школ учащимися за 1919 г. // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 127.

22. Протокол заседания УОНО об организации краткосрочных летних курсов школьных работников // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 133.

23. Отчёт о состоянии школьного дела в уезде за вторую половину 1919 г. – апрель 1920 г. // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 140.

24. Протоколы заседаний президиумов и школьных советов школ города // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 156.

25. Протоколы заседаний проверочной комиссии по аттестации школьных работников // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 189.

26. Протоколы собрания представителей национальных меньшинств г. Полоцка от 04.05.1919 // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 281.

27. Переписка с губернским и волостными отделами народного образования об открытии, обеспечении и работе национальных еврейских школ // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 283.

28. Переписка УОНО об организации и работе школ, кружков, курсов для взрослых национальных меньшинств // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 287.

29. Инструкции УОНО по ликвидации неграмотности в городе и уезде // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 345.

30. Протокол уездной конференции по ликвидации неграмотности, план работы, отчёты, доклады о работе по ликвидации безграмотности // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 346.

31. Инструкция по ведению работы по ликвидации неграмотности в городе и уезде // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 352.

32. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. ИН-т истории; П.Т. Петриков (отв. ред.). – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.: ил.

33. Списки школ и учителей, находившихся на оккупированной территории // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 9.

34. Протокол совещания заведующих школами города от 17.02.1922. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 54. – Оп.1. – Д. 169.

Приложение 1. Список действующих училищ и их учителей во время немецкой оккупации в г. Полоцке в 1918 г. [33, с. 1–3].

	Название училища	Учителя учебных заведений
1	Иоанно-Богословкое 4-комлектное училище	Горбунова Анна, Гиедовская Александра, Гиедовская Анна
2	Полоцкое училище при благотворительном обществе	Якубовская Олимпиада, Питомцева Елизавета, Зыль Клавдия, Питомцева Лидия
3	Полоцкое профессиональное двухклассное училище	Хлебникова Анастасия, Устинович Лидия, Гариницкая Клавдия, Александрова Мария
4	Полоцкое мужское приходское училище 2-комплектное	Эвель Иван, Дейнис Мария
5	Полоцкое женское приходское училище	Казьянина Елена
6	Полоцкое мужское приходское училище двухкомплектное	Дейнис Мария, Томгарова Нина
7	Полоцкое женское училище двухкомлектное	Томгарова Ольга
8	Полоцкое еврейское училище	Деречинский Иосиф
9	Борисоглебское училище	Казьянина Елена, Казьянина Вера

Приложение 2. Преобразование школ г. Полоцка из ранее существующих учреждений образования (1919 г.) [5, с. 4–9].

Список школ I ступени	**Расположение школ**
1-я советская школа I ступени	Здание 1-го высшего начального училища Учительской семинарии
2-я советская школа I ступени	Здание 2-го высшего начального училища
3-я советская школа I ступени	Здание бывшего Спасо-Евфросиньевского училища
4-я и 5-я советские школы I ступени	Здание бывшей Полоцкой женской гимназии
6-я советская школа I ступени	Здание бывшей Иоанно-Богословской школы
7-я советская школа I ступени	Здание бывшего женского 3-классного профессионального училища
8-я советская школа I ступени	Дом Н.О. Лосковича

9-я советская школа I ступени	Здание Богоявленского монастыря
10-я советская школа I ступени	Здание бывшей женской гимназии Храмцовой
11-я советская школа I ступени	Здание высшего начального училища

Список школ II ступени	**Расположение школ**
1-я советская школа II ступени	Здание бывшего 1-го высшего начального училища
2-я советская школа II ступени	Здание бывшего 2-го высшего начального училища
3-я советская школа II ступени	Здание бывшего Спасо-Евфросиньевского женского епархиального училища
4-я и 5-я советские школы II ступени	Здание бывшей Полоцкой женской гимназии
6-я советская школа II ступени	Здание бывшей Полоцкой мужской гимназии
7-я советская школа II ступени	Здание бывшей частной женской гимназии Храмцовой

Приложение 3. Список заведующих советских трудовых школ в г. Полоцке (февраль 1922 г.) [34, с. 4].

Школы I ступени	**ФИО заведующего**
1-я школа	П.О. Дейнис
4-я школа	В.Ф. Рульковиус
5-я школа	К. Ульмер
6-я школа	Вышиевский
7-я школа	П.М. Петровский
11-я школа	В.В. Кузьмичёв
польская школа	М. Павлович
еврейская школа	А.И. Хейфец
3-я еврейская школа	Б.Н. Брейдо
Школы II ступени	
1-я школа	П.О. Дейнис
4-я школа	Б.Ф. Тясто
5-я школа	А.А. Дорош
еврейская школа	А.И. Хейфец

Приложение 4. Сведения о школах ликбезов при профсоюзах в г. Полоцке (конец 1921 г.) [30, с. 33].

№ п/п	Список полоцких школ ликбеза при профсоюзах	Месторасположение
1	Школа по ликбезграм при Союзе кожевенников	ул. К. Маркса, 55
2	Школа по ликбезграм при Союзе швейной промышленности	Мастерская при швейной промышленности
3	Школа по ликбезграм при Союзе медикосантруда	Народная больница
4	Школа по ликбезграм при Союзе народного питания	ул. К. Маркса, 2
5	Школа по ликбезграм при Сокомоле	ул. К. Маркса, клуб комсомола
6	Школа по ликбезграм при Союзе строителей	ул. Советская и Гоголя
7	Школа по ликбезграм при Союзе Всеобуча	ул. К. Маркса, 3

Бакунова Т.В.

Касцюм прадстаўніц прывілеяванага саслоўя і яго асаблівасці на Беларусі ў XVIII–XIX стст.

Уступ

Адзенне з'яўляецца важнай часткай матэрыяльнай культуры кожнага народа. Разам з абуткам, галаўнымі ўборамі і аксесуарамі (сумкі, ювелірныя ўпрыгажэнні і інш.), што лаканічна падыходзяць да адзення і могуць быць выраблены з ім у адной мастацкай стылістыцы, яны складаюць суцэльны комплекс — касцюм.

Развіццё жаночага касцюма на тэрыторыі Беларусі прайшло некалькі гістарычных этапаў, удасканальваючыся адпаведна пануючай модзе, убіраючы ў сябе з цягам часу новыя элементы і адмаўляючыся ад старых. І перыяд XVIII–XIX стагоддзяў не з'яўляецца выключэннем.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца спроба больш дэталёва разгледзець касцюм прадстаўніц прывілеяванай часткі грамадства на тэрыторыі Беларусі ў XVIII–XIX стст. Дзеля дасягнення гэтай мэты выкарыстоўваюцца не толькі ўжо вядомыя гістарыяграфічныя даследаванні, але і ўводзяцца ў навуковы зварот новыя архіўныя дакументы. Побач з архіўнымі крыніцамі дзеля раскрыцця тэмы даследавання выкарыстана мемуарная літаратура XVIII ст. і перыядычны друк XIX ст.

Арамя пісьмовых крыніц, былі выкарыстаны і візуальныя крыніцы XVIII–XIX стст., якім адводзіцца значнае месца. Візуальныя крыніцы дапаўняюць, канкрэтызуюць і карэкціруюць пісьмовыя звесткі. У дадзеным даследаванні такімі крыніцамі выступілі жаночыя партрэты XVIII ст., што паходзяць з тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, а таксама фотаздымкі канца XIX — пачатку XX ст. (з тэрыторыі былой Расійскай імперыі, у якую раней уваходзілі і беларускія землі) з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (далей НПГКМЗ).

Асноўная частка

У XVIII–XIX стст. дастаткова значным і ўплывовым у грамадстве было прывілеяванае саслоўе. Яго прадстаўнікі займалі вышэйшыя службовыя пасады, прадстаўлялі эліту грамадства. Заможныя жанчыны з'яўляліся ўзорамі для пераймання.

Прадстаўніцы прывілеяванага саслоўя пільна сачылі за модай. Яны часта вандравалі, былі пры двары манарха, атрымлівалі замежныя модныя часопісы і

Мал. 1. Партрэт Эльжбеты Агінскай Пузыны. Палатно. Алей. Полацк(?). Рэч Паспалітая. 1760 г.

такім чынам маглі бачыць апошнія тэндэнцыі ў модным свеце.

У XVIII–XIX стст. комплекс касцюма прадстаўніц прывілеяванага саслоўя складаўся з плечавога, паяснога і верхняга адзення, галаўнога ўбора, абутку і разнастайных аксесуараў.

Папулярным жаночым плечавым адзеннем XVIII–XIX стст. з'яўляліся кашулі, якія надзявалі пад іншыя віды плечавога адзення. Так, у вопісе маёмасці 1705–1708 гг. жонкі канцлера ВКЛ з роду Радзівілаў сустракаецца: «...chemise neufue de toille...» («...новая кашуля для туалета... (непасрэдна для нейкага ўбрання – аўт.)») [**17**, л. 12]. Як візуальны прыклад – партрэт Эльжбеты Агінскай Пузыны невядомага мастака XVIII ст., што захоўваецца ў фондах НПГКМЗ. На ім заможная жанчына адлюстравана апранутай у белую шоўкавую кашулю (ці блузку) з карункамі па краях рукавоў, паверх якой апранута чорная сукенка. Выраз гарлавіны, полачка і манжэты сукенкі аздоблены белай каймой з геаметрычным арнаментам карычневага колеру [**18**] (Мал. 1).

Паверх кашулі маглі насіць жакет-казакін, які ў моду прывілеяванага саслоўя XVIII ст. прыйшоў з Францыі. Гэта было кароткае (да бёдраў) плечавое адзенне з шаўковых тканін без падкладкі, якое мела круглае або квадратнае дэкальтэ і замацоўвалася шнуркамі ці схаванымі аплікамі з петлямі спераду. На кашулю з доўгімі рукавамі і карункавым каўнерыкам пад горла насілі кунтушыкі з дэкаратыўнымі, разразнымі вышэй локця рукавамі. У сярэдзіне XVIII ст. яго шылі са шчыльным станікам, які меў падоўжаны мыс спераду і расклёшаную ад таліі нешырокую баску [**2**, с. 122; 9, с. 66].

У канцы XVIII ст. у гардэроб жанчын прывілеяванага саслоўя ўвайшоў кунтуш, або паланез (фр. polonaise) – кароткае расхіннае адзенне, якое прыйшло з палацавай моды Францыі. Спачатку ён меў прамую спінку, драпіраваную ў буйныя складкі, якія пераходзілі ў шлейф. Складак на спінцы было тры (па колькасці раздзелаў Рэчы Паспалітай) [**2**, с. 218; 8, с. 550].

Неад'емным элементам жаночага адзення заставаліся спадніцы і сукенкі. У гардэробе заможных жанчын іх павінна было быць некалькі. Так, у рэестры маёмасці пані Марыяны (Мар'яны) Мышынскай ад 19 снежня 1728 г. запісаны: «...Iedna spodnica fioletowa... Iedna spodnica adamazteowa lielona...» («...адна

спадніца фіялетавая…адна спадніца адамашкавая ліловая…») [**20**, арк. 182 адв.]. У вопісе рэчаў князёў Радзівілаў, які быў пачаты 29 студзеня 1739 г. значацца адразу некалькі спадніц: «…spodnica czarna…z kamizelka… spodnica z kamizelka czarnego… spodnica z kamizelka kitayki… spodnica z kamizelka czarnego… spodnica kitayzana zielona…» («…спадніца чорная з камізэлькай… спадніца з чорнай камізэлькай… спадніца з кітайкавай камізэлькай… спадніца з чорнай камізэлькай… спадніца зялёная кітайкавая (кітайка – гатунак шаўковай або баваўнянай тканіны – аўт.)…») [**3**, арк. 18].

Аднак фасоны спадніц і сукенах XVIII–XIX стст. у залежнасці ад моды часта змяняліся. Так, з 20-х гг. XVIII ст. атрымлівае папулярнасць кабат. Яго пакрой апісваецца ва ўспамінах мемуарыста Енджэя Кітовіча: «…Kabat tym sie różnił od innych sukien długich, że sznurował sie z tyłu, a inne wszystkie z przodu, i że nie miał fałdu w tyle przez całe plecy aż do dołu ciągnionego, jak go miał szust, robron, szamerluk i tym podobne…» («…Кабат розніўся ад іншых доўгіх сукенак тым, што шнураваўся ззаду, а ўсе іншыя спераду, і не меў ззаду такіх складак, што ў шустах, рабронах і таму падобных сукенках ідуць праз усю спіну аж да нізу, які цягнецца па падлозе…») [**22**, s. 315].

У 30-х гг. XVIII ст. кабаты выйшлі з моды. Іх месца занялі раброны – доўгія сукенкі з цяжкай шарсцяной тканіны са шнуроўкай уверсе і маленькім дэкальтэ.

З 50-х гг. XVIII ст. у палацавую моду беларускіх земляў уваходзіць спадніца на каркасе (панье), якую ў ВКЛ і Польшчы называлі «рагоўкай»: «…rugowka ladanowa… rugowka kitayki…» («…рагоўка ладанавая… рагоўка кітайкі…») [**16**, л. 28]. Мемуарыст Е. Кітовіч так апісвае рагоўку: «…spódnica z płótna, na trzech obreczach z wielorybiej kości obszyta, na jednej w pas, na drugiej w kolano, na trzeciej wpół łydki. Te obrecze nie były okrągłe jak na beczce, ale spłaszczone do podługowatości na kształt wanny owalnej. Brały najprżod damy, strojące sie w rogówke, spódnice materialną, fetką lub przeszywaną, podług pory czasu; na nią kładły rogówke, a na rogówke dopiero wdziewały suknią, jaka była w modzie…» («…спадніца з палатна, да якой падшываліся тры абручы з кітовага вуса – адзін у поясе, другі ў каленях, трэці ў палавіне лыткі. Абручы тыя былі не круглыя, як на бочцы, але прыплюшчаныя, падоўжаныя – накшталт авальнай ванны. Дамы, што насілі рагоўку, спачатку апраналі спадніцу з тканіны, лёгкую або падшытую – у залежнасці ад пары года; на яе ўздзявалі рагоўку, а на тую усцягвалі прасторную сукенку, якая была ў модзе…») [**2**, с. 121; 22, s. 315].

Падзеі Вялікай французскай буржуазнай рэвалюцыі 1789–1794 гг. нечакана абудзілі цікавасць тагачаснага французскага грамадства да антычных традыцый старажытнага Рыма і Грэцыі. З 1794–1795 гг. антычная мода пашыраецца на Беларусі. Сукенкі «антычнага» стылю мелі кароткі станік (лінія таліі знаходзілася пад грудзямі), глыбокае дэкальтэ і прамога пакрою спадніцу, даўжыня якой была да падлогі. Спачатку пад ніз такой сукенкі жанчыны надзявалі кашулю, аднак палічыўшы, што кашуля псуе фігуру, модніцы замянілі яе белым або цялесным трыко [**5**, с. 214–215].

4 МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ.

№ 1. Платье „Принцесса“.

Мал. 2. Сукенка са спадніцай на каркасе — «крыналін». Ілюстрацыя са старонкі часопіса «Модный магазинъ» № 1 за 1866 г.

Аднак такая мода падабалася не ўсім. Ян Дуклан Ахоцкі ва ўспамінах крытыкуе прыдворных жанчын за такі манер адзявацца: «...Rozpusta najwyuzdansza podniosła głowe i panowac zaczeła, bo nie było komu czuwac nawet nad ocaleniem pozorów, nie było pani krakowskiej, pani Tyszkiewiczowej, pani kasztelanowej Kaminskiej... zacnych matron, ozdoby owego wieku...» («...Блуд падняў галаву і стаў царом, таму што няма каму было выглядаць, як нават бачнасць выратавання, не было кракаўскіх пані: пані Тышкевіч, пані кашталяна Камінскага... рэспектабельных матрон, упрыгажэнняў гэтага часу...») [**23**, s. 78–79]. «Французская» мода карэкціравалася ў Беларусі патрыярхальнымі традыцыямі. Многія жанчыны ў XVIII ст. па-ранейшаму хадзілі ў зашпіленым пад шыю плечавым адзенні і шырокіх спадніцах.

«Антычны» фасон сукенак быў модным дастаткова працяглы час — амаль да сярэдзіны XIX ст., калі ў моду зноў увайшла каркасная спадніца «панье», але ўжо пад назвай «крыналін»: «...Кринолинъ есть неизбѣжная принадлежность нынѣшнихъ костюмовъ...» [**14**, с. 30] (Мал. 2).

Аднак ужо ў канцы 60-х гг. XIX стагоддзя крыналіны выйшлі з моды. Паступова пачаў фарміравацца новы сілуэт жаночага касцюма, у якім спадніца, гладкая спераду, збіралася пышнымі мяккімі складкамі ззаду. Крыналін саступіў месца турнюру — спецыяльнаму прыстасаванню ў выглядзе ватнай падушачкі або ажурнага стальнога валіка, якое мацавалася ззаду крыху ніжэй спіны [**2**, с. 42, 45]. Вось як апісваюць адносіны да турнюра старонкі модных выданняў таго часу: «...въ современной модѣ при всемъ ея наружномъ блескѣ и изяществѣ замѣтна извѣстная эксцентричность, и наши читательницы догадываются, вѣроятно, въ чемъ именно она заключается? Въ турнюрахъ, mesdames, то есть въ слишкомъ грандіозныхъ размѣрахъ этихъ турнюровъ, такъ что дамскій костюмъ невольно просится въ карикатуру какого нибудь юмористическаго жур-

нала…Турнюры необходимы для поддержки платьевъ изъ толстыхъ тяжелыхъ матерій, а для легкихъ туалетовъ они нужны для того, чтобы матерія ложилась на нихъ болѣе изящными и эффектными подборами и складками…Возьмите средній размѣръ турнюра, сдѣлайте его немного пониже тѣхъ, какіе изображены въ парижскихъ модахъ, и костюмъ выйдеть лучше и красивѣе того, который скопированъ съ картинки…То, что красиво на картинкъ, не всегда бываетъ хорошо на фигурѣ…» [**21**, с. 21] (Мал. 3). Аднак, мода на спадніцы з турнюрам заставалася актуальнай да канца XIXст., калі ва ўжытак паступова ўваходзяць простыя сукенкі

Мал. 3. Сукенкі са спадніцамі на турнюры. Ілюстрацыя са старонкі часопіса «Новый русскій базаръ» № 5 за 1884 г.

Мал. 4. Фотаздымак дзяўчыны ў белай сукенцы. Ніжні Ноўгарад. Расійская імперыя. 1899 г.

з прыталеным і закрытым ліфам, як на фотаздымку маладой дзяўчыны, які захоўваецца ў фондах НПГКМЗ [**10**] (Мал. 4).

Верхняй жаночай вопраткай у XVIII ст. былі шубы, мантыі з розных гатункаў футра (лісы, вавёркі, куніцы, собаля, трусоў), пакрытыя дарагімі імпартнымі тканінамі яркіх колераў [**2**, с. 215]. На партрэце Эльжбеты Агінскай Пузыны невядомага мастака XVIII стагоддзя, што знаходзіцца ў фондах НПГКМЗ, паверх чорнай сукенкі адлюстраваная жанчына накінула чырвоную мантыю на гарнастаевай падшыўцы [**18**] (Мал. 1).

Папулярным відам верхняй вопраткі ў XVIII ст. быў «салоп» («салопа») – доўгае свабоднае адзенне з палярынай на футры або ватнай падкладцы. Існаваў у двух варыянтах:

Мал. 5. Партрэт невядомай. Палатно. Алей. Рэч Паспалітая(?). 1701–1800 гг.

з шырокімі доўгімі рукавамі або ў выглядзе накідкі з проразямі для рук. Салопы часта фалдавалі ззаду, а спераду дапаўнялі зашыўкамі. Мемуары Е. Кітовіча дазваляюць высветліць, з чаго шылі салопы: «...Salopy pierwsze były z samej kitajki czarnei, niczym nie podszyte. Potem nastały podszywane rozmaitym futrem lub kitajką albo atłasem czerwonym. Na wacie jedwabnej dla ciepła...» («...Першыя салопы былі з кітайкі чорнай, нічым не падшытыя. Потым салопы пачалі падшываць розным футрам ці кітайкай ці чырвоным атласам на шоўкавай ваце для цяпла...») [**2**, с. 218–219; 22, s. 318].

На пачатку XIX ст. вялікую папулярнасць у асяроддзі заможных жанчын набывае кароткая куртачка з доўгімі рукавамі – «спенсер». Часцей за ўсё спенсеры шылі з аксаміту, падшывалі лебядзіным пухам, вавёркавым футрам. Моднымі спенсеры былі да 1840-х гг., калі на змену ім прыйшлі разнастайныя паліто [**2**, с. 126].

Галаўныя ўборы з'яўляюцца той часткай адзення, якая надае касцюму лагічную і візуальную завершанасць. У XVIII–XIX стст. прадстаўніцы прывілеяванага саслоўя насілі самыя разнастайныя галаўныя ўборы: футравыя шапкі, розных фасонаў капелюшы, чапцы і інш. Так, на абодвух партрэтах XVIII ст. з фондаў НПГКМЗ (партрэт Эльжбеты Агінскай-Пузыны і партрэт невядомай) жанчыны адлюстраваны ў чапцах з карункамі [**18**; 19]. На першым партрэце чырвоны чапец шчыльна аблягае галаву жанчыны, ён упрыгожаны белымі карункамі, якія выйграшна абрамляюць твар. На галаве чапец замацаваны пры дапамозе чырвоных стужак, што завязаны «на бант» пад падбародкам (Мал. 1). Галаву невядомай жанчыны на партрэце XVIII ст. ўпрыгожвае больш свабодны чапец, які хавае ўсе валасы. Ён таксама аздоблены карункамі, што абрамляюць твар; уверсе чапец упрыгожаны вялікім бантам (Мал. 5). А на фотаздымку канца XIX – пачатку XX ст. з фондаў НПГКМЗ жанчына прадстаўлена ў невялікім капелюшы, які ўпрыгожаны маленькімі кветкамі і зубчастымі карункамі [**12**] (Мал. 6).

Аб вялікай разнастайнасці фасонаў капелюшоў даюць уяўленне старонкі моднага перыядычнага друку XIX ст. Яны ўтрымліваюць шмат ілюстрацый, да якіх даецца падрабязнае апісанне. Так, на старонцы часопіса «Модный свет»

за 1868 г. у раздзеле «Новыя моды» можна даведацца, што «...Такъ называемыя шляпы тоже не хотятъ отставать отъ костюма въ эксцентричности и на рис. 32 5-го № Моднаго Свѣта мы представимъ читательницамъ модель шляпки съ райской птицей, считающейся теперь Haute nouveauté въ Парижѣ. Птица сидитъ на краю полей, а хвостъ ея дугообразно поднимается къ верху...» [**13**, с. 13]. У наступным нумары часопіса прадстаўлены малюнак і апісанне іншага капелюша: «...Эта маленькая плоская круглая шляпка съ узенькими полями, покрыта вся темными перушками, убрана отдѣльными цвѣтами и двумя перьями яркаго цвѣта. Два коротенькихъ атласныхъ конца въ цвѣть перьевъ, обшитыхъ внизу бахромой, падаютъ сзади на шиньонъ; съ одного боку видна вѣтка цвѣтовъ» [**7**, с. 22].

Мал. 6. Фотаздымак жанчыны ў капялюшыку. Фатограф А. Карэлін. Ніжні Ноўгарад. Расійская імперыя. 1890–1917 гг.

На працягу XVIII ст. абутковая мода сярод вышэйшага саслоўя Рэчы Паспалітай некалькі разоў мянялася. У першай палове XVIII ст. абутак быў пераважна скураным, аздобленым стужкамі, карункамі, разеткамі. Е. Кітовіч ва ўспамінах згадвае жаночыя туфлі, зробленыя з замшы: «...trzewiki najdawniej w modzie były u dam dystyngwowanych irchowe, malowane w kwiaty...» («...стары абутак у модзе дам быў з замшы, афарбаваны кветкамі...») [**22**, s. 317].

Каля сярэдзіны XVIII ст. ў моду ўвайшоў далікатны абутак з тонкіх шаўковых тканін, з якіх шылі сукенкі — нетрывалыя «трэвікі блаватныя» («trzewiki blawatne»). Мемуарыст часоў караля Рэчы Паспалітай Аўгуста III так апісвае гэты жаночы абутак: «...trzewiki bławatne, atłsowe i grodetorowe rozmaitych kolorów, gładkie, bez haftu...zapinane na sprzączke srebrną która w początkach swoich była mała, wąska, potem przerobiona na wielką cały niemal wierszch nogi okrywającą miejsce miała niedaleko od palców, po które miejsce trzewik był wykrojony...» («...блаватныя чаравікі, з атласа розных колераў, гладкія, без вышыўкі... зашпільваліся на сярэбраную спражку, якая напачатку была маленькай, вузкай, потым перераблялася на вялікую, якая амаль поўнасцю прыкрывала верх нагі...») [**22**, s. 317].

У канцы XVIII ст., з пашырэннем сярод прывілеяванага саслоўя «антычнай» моды абутак страціў абцасы і таксама набыў «грэчаскі» стыль. Жаночыя туфлі

сталі лёгкімі і вузкімі, на зусім нізкім абцасе. Бальныя туфлі шылі з шоўку, сукна, атласу, лайкі. Часам абутак складаўся з адной падэшвы і мацаваўся да нагі стужкамі, якія перакрыжоўваліся на пад'ёме і мацаваліся вакол нагі на ладыжцы, нагадваючы грэчаскія сандалі [**2**, с. 314]. Так, ва ўспамінах валынскага мемуарыста Яна Дуклана Ахоцкага такія сандалі названы «трэпкамі»: «...zamiast trewików były trepki jakby kapucynskie, przytwierdzone białemi wstążeczkami obmotującemi noge aż dokolana...» («...замест боцікаў былі трэпкі, падобныя да манаскіх і прывязаныя белымі стужкамі, што абмотвалі нагу аж да калена...») [**23**, s. 62].

Ужо ў пачатку XIX ст. далікатны абутак заможных жанчын паступова стаў замяняцца туфлямі, чаравікамі, паўбоцікамі, зробленым з прунэля (шчыльнай і тонкай тканіны саржавага перапляцення з шоўку, шэрсці і бавоўны) і тонкай скуры [**2**, с. 314].

Ва ўспамінах Енджэя Кітовіча дасканала апісаны ўсе каштоўныя ўпрыгажэнні XVIII ст. прадстаўніц прывілеяванага саслоўя: «...Szyje zdobiły najprzód koralami, potem koralami z perłami przeplatanymi, potem samymi perłami, potem łancuszkami żłotymi, na ostatku wąska aksamitką czarną od której spadał miedzy piersi misternej roboty krzyżyk diamentowy lub inny jaki portrecik kamelizowany, albo też bez żadnej figury drogi kamien świecący. Jakie zaś było noszenie na szyi, takie byc musiały manele na reku; pierścionkówzaś im wiecej na palcach, tym lepiej reka ubrana. Do uszów przypinały najprzód zauszniczki małe perłowe lub rubinkowe; w złoto oprawne, potem wieksze w figure rózy z brylantów prawdziwych albo czeskich...Na ostatek wymyślili zausznice wielkie jak grona winne wiszące z pereł i brylantów...» («...Шыю ўпрыгожвалі спачатку пацеркамі, потым уплеценым у пацеркі жэмчугам, потым адным жэмчугам, потым залатымі ланцугамі, урэшце вузкай чорнай аксаміткай, ад якой на грудзі звешваўся брыльянтавы крыж тонкай работы, або нейкі адмысловы партрэцік, або без аніякага профелю бліскучы каштоўны камень. Падобнымі да таго, што насілася на шыі, павінны былі быць манелі на руках; пярсцёнкаў жа чым больш было на пальцах, тым лепш лічылася ўпрыгожанай рука. Да вушэй спачатку прышпільвалі малыя жамчужыны або рубінавыя завушніцы, у золата апраўленыя, потым большыя, у форме ружы з сапраўдных ці чэшскіх брыльянтаў...Урэшце прыдумалі вялікія жамчужныя і брыльянтавыя завушніцы, якія звісалі быццам вінаград...») [**22**, s. 315]. Гэта яскравае апісанне слушна дапаўняюць актавыя матэрыялы XVIII ст. Так, падчас правядзення рэвізіі скрыні пані Марыяны Мушынскай 26 верасня 1727 г., высветлілася, што ў скрыні той было «...Ieden pas srebrno złocisty... Pięć łotow koral rożnych dobrych... Ieden pierśćień złoty z oczkiem kryształowym... Ieden pierśćień złoty z oczkiem mńieysżym...» (Адзін пояс сярэбраны пазалочаны... Пяць лотаў (адзінка вымярэння масы, роўная прыблізна 11,7 г. — аўт.) караляў розных добрых... Адзін залаты персцень з устаўкай крышталавай... Адзін залаты персцень з устаўкай меншай...) [**4**, арк. 151 адв. — 152]. А ў тастаменце пані Настассі Леанавічоўны Даміставай Савічоўны ад 27 студзеня 1706 г. згадваюцца: «...pierscini trzy zlote...

korali czerwone…» («…пярсцёнкаў тры залатых… каралі чырвоныя…») [**1**, арк. 13 адв.].

Аднак, ужо ў канцы XVIII ст. з прыходам «антычнага» стылю ў адзенні мода на багатае аздабленне ювелірнымі ўпрыгажэннямі адыходзіць. Да канца XIX ст. становіцца папулярным сярод маладых дзяўчат і замужніх жанчын у парадных абставінах дапаўняць адзенне некалькімі ювелірнымі упрыгажэннямі, а ў штодзённых абставінах насіць толькі брошкі з напаўкаштоўных камянёў, сціплыя завушніцы і заручальны пярсцёнак [**2**, с. 333]. Гэтыя словы пацвярджаюць фотаздымкі канца XIX — пачатку XX стст., што захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ [**10**; **11**]. Так, на фотаздымку маладой дзяўчыны, што датуецца 1899г., няма ніякіх ювелірных упрыгажэнняў (Мал. 4). Побач з гэтым, на фотаздымку работы Д. Дзейбоўскага, які зроблены прыблізна паміж 1890–1900 гг., на жанчыне можна заўважыць завушніцы сярэдняга памеру (Мал. 7).

Мал. 7. Фотаздымак жанчыны. Фатограф Д. Дзейбоўскі. Ніжні Ноўгарад. Расійская імперыя. 1890–1900(?) гг.

Разам з упрыгажэннямі касцюм прадстаўніц прывілеяванага саслоўя XVIII–XIX стст. дапаўнялі пальчаткі, рукавіцы, муфты, хустачкі, вееры, сумачкі і інш. Так, пальчаткі і рукавіцы згадваюцца ў вопісе маёмасці 1705–1708 гг. жонкі канцлера ВКЛ з Радзівілаў: «…paire de gant… paire de mitaine…» («…пара пальчатак… пара рукавіц…») [**17**, л. 10]. У копіі рахунку за 1786 г. на пакупку рэчаў ваяводам Зібергам значыцца: «…Para Rukawiezek bialych damskich…» («…пара рукавічак белых дамскіх…») [**6**, арк. 26]. Слушныя парады наконт модных аксесуараў даюць жаночыя часопісы: «…Зато для вечера перенято одно дневное украшеніе. Именно — муфты. Ихъ прикръпляють къ кончику платья…Въера дълаются все разнообразнъе; и здъсь преобладають турецкій вкусъ и золотое шитье. Ручка въеровъ дълается, преимущественно, изъ ръзной слоновой кости…» [**15**, с. 1].

Заключэнне

Такім чынам, жаночы касцюм прывілеяванага саслоўя XVIII–XIX стст. увабраў у сябе ўсё лепшае, выразна адлюстроўваючы эстытычныя ідэалы і густы дадзенага гістарычнага перыяду. Ён знаходзіўся пад моцным уплывам французскай моды, што панавала ў той час у краінах Еўропы. Часам гэта было абумоўлена не толькі культурнымі, але і палітычнымі прычынамі. Мэтай жа-

ночага касцюма заможных слаёў Беларусі XVIII–XIX стст. было паказаць усю прыгажосць і прывабнасць жаночага цела, падкрэсліць высокі маёмасны статус прыгажуні. Але, нягледзячы на панаванне моды замежных краін, на тэрыторыі Беларусі прадстаўніцы пануючага саслоўя яе карэкціравалі, адпаведна старадаўнім звычаям і асабістым густам.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Актыкацыя тастаменту пакінутай волі нябожчыцы пані Настассі Леанавічоўны Даміставай Савічоўны ад 27 студзеня 1706 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Мінск (НГАБ). — Фонд 1823. — Воп. 1. — Спр. 4. — Арк. 13 адв. — 14.

2. Бялявіна, В.М. Жаночы касцюм на Беларусі / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава. — Мінск: Беларусь, 2007 — 350 с.

3. Вопіс розных рэчаў князей Радзівілаў, пачаты 29 студзеня 1739 г. // НГАБ. — Фонд 694. — Воп. 1. — Спр. 53. — Арк. 1–19.

4. Запіс пратэстацыі мяшчан месца Полацк Яна Маладзёшкі і яго жонкі Кацярыны Шпыркевічаўны Янавай Маладзёшкавай на Базыля Савіча Клыпу аб невыкананні дамоўленасці аб правядзенні рэвізіі скрыні нябожчыцы Марыянны Мушынскай, а таксама запіс аб равядзенні камісіяй рэвізіі скрыні ад 26 верасня 1727 г. // НГАБ. — Фонд 1823. — Воп. 1. — Спр. 13. — Арк. 149–154.

5. Коммиссаржевский, Ф.Ф. История костюма / Ф.Ф. Коммиссаржевский. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. — 336 с.

6. Копія рахунка за 1786 г. на пакупку рэчаў ваяводай Зібергам // НГАБ. — Фонд 1503. — Воп. 1. — Спр. 169. — Арк. 26 — 26 адв.

7. Круглая шляпка с отделкой из перьев // Модный свет. — 1868. — № 3. — С. 22.

8. Мерцалова, М.Н. Костюм разных времен и народов: в 4 т. / М.Н. Мерцалова. — М.: Академия Моды; СПб.: Чарт Пилот, 2001. — Т. 3–4. — 576 с.

9. Нанн, Дж. История костюма. 1200–2000 / Дж. Нанн; пер. с. англ. Т.Г. Супруновой. — М.: АСТ: Артель, 2008. — 343 с.

10. Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік (НПГКМЗ). — КП-18 № 21695. — Фотаздымак дзяўчыны. Фотапапера глянцавая; кардон. Адбітак чорна-белы. Ніжні Ноўгарад. Расійская імперыя. 1899 г.

11. НПГКМЗ. — КП-18 № 21708. — Фотаздымак жанчыны. Фатограф Д. Дзейбоўскі. Фотапапера матавая; кардон. Адбітак чорна-белы. Ніжні Ноўгарад. Расійская імперыя. 1890–1900(?) гг.

12. НПГКМЗ. — КП-18 № 21724. — Фотаздымак жанчыны ў капялюшыку. Фатограф А. Карэлін. Фотапапера глянцавая; кардон. Адбітак чорна-белы. Ніжні Ноўгарад. Расійская імперыя. 1890–1917 гг.

13. Новыя моды // Модный свет. — 1868. — № 2. — С. 13.

14. Новыя моды // Модный свет. — 1868. — № 4. — С. 29–30.

15. Новыя моды // Модный свет. — 1880. — № 1. — С. 1.

16. Опись драгоценностей, ювелирных изделий, золота, серебра, фарфора, посуды, платьев, картин и др. вещей князей Радзивиллов // Национальный исторический архив в г. Минск (НИАБ). — Фонд 694. — Оп. 1. — Д. 51. — Л. 1 — 55 об.

17. Опись платьев, мануфактуры, белья, галантереи и др. Жены канцлера Великого княжества Литовского кн. Радзивилла за 1705–1708 гг. // НИАБ. — Фонд 694. — Оп. 1. — Д. 62 — Л. 1–31.

18. Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік (ПГКМЗ). — Кніга паступленняў (КП)-3 № 24. — Партрэт Эльжбеты Агінскай Пузыны. Палатно. Алей. Полацк(?). Рэч Паспалітая. 1760 г.

19. ПГКМЗ. — КП-3 № 66. — Партрэт невядомай. Палатно. Алей. Рэч Паспалітая(?). 1701–1800 гг.

20. Рэестр маёмасці нябожчыцы пані Марыяны (Мар'яны) Мышынскай ад 19 снежня 1728 г. // НГАБ. — Фонд 1823. — Воп. 1. — Спр. 14. — Арк. 182–183.

21. София Ш. Мода // Новый русский базар. — 1885. — № 2. — С. 21–22.

22. Kitowicz, J. Opis obyczajów za panowania Augusta III. / Jedrzej Kitowicz. — Wrocław, 1970. — 382 s.

23. Ochocki, J. D. Pamietniki / Jan Duklan Ochocki. — Warszawa, 1900. — Tom IV. — 145 s.

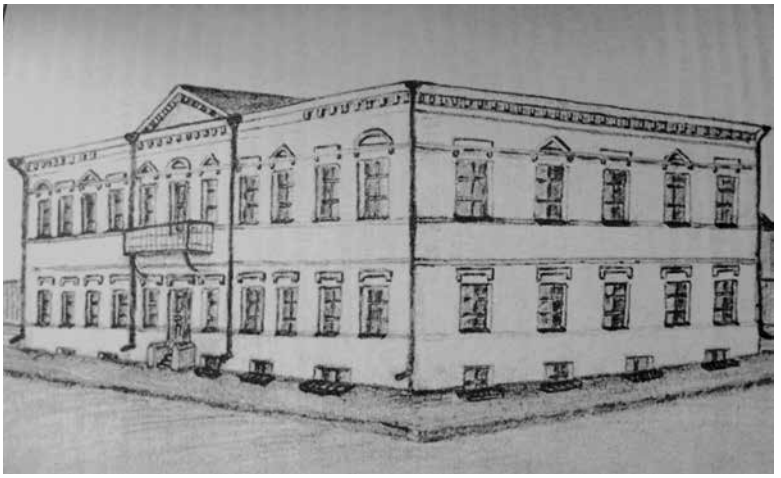
Воднева І.П.

Да пытання аб дзейнасці пачатковых навучальных устаноў г. Полацка ў пачатку XX ст.

Полацкае гарадское 4-класнае вучылішча

Пры разглядзе дзейнасці пачатковых навучальных устаноў г. Полацка ў канцы XIX – пачатку XX стст. быў адзначаны той факт, што колькасць школ і вучылішчаў у залежнасці ад агульнапалітычнай сітуацыі пастаянна вагалася. Так, пасля ўвядзення ў 1884 г. «Правіл аб царкоўна-прыхадскіх школах» змяніліся назвы і сродкі фінансавання ўстаноў. Дзеці сялян атрымалі магчымасць набываць пачатковую адукацыю не ў народных вучылішчах, а ў школах граматы і царкоўна-прыхадскіх школах, а дзеці мяшчан – у гарадскіх вучылішчах. Значная частка выдаткаў на ўтрыманне народных вучылішчаў пасля 1884 г. лягла на плечы сельскіх абшчын. Гэта прывяло да таго, што школы арганізоўвалі ў непрыстасаваных памяшканнях, адчуваўся недахоп вучэбных дапаможнікаў і кваліфікаваных настаўніцкіх кадраў. Аналагічная сітуацыя была і ў гарадах, дзе ўтрыманнем вучылішчаў займаліся гарадскія органы самакіравання. Пасля паўстання 1864 г. і забойства імператара Аляксандра II яшчэ больш увагі ў пачатковых навучальных установах сталі аддаваць Закону Божаму і рускай мове. На жаль, нізкі ўзровень выкладання і адсутнасць матэрыяльнай падтрымкі з боку дзяржавы прывялі да скарачэння колькасці пісьменнага насельніцтва.

Несуцяшальнай сітуацыя была і ў г. Полацку. У апошняй чвэрці XIX ст. назіралася скарачэнне колькасці як пачатковых, так і сярэдніх навучальных устаноў. Мясцовае насельніцтва турбавала такая сітуацыя, у выніку чаго на пасяджэннях гарадской думы былі ўзняты пытанні па выпраўленні становішча ў галіне адукацыі [**1**, л. 35]. У дакладной запісцы полацкага гарадскога галавы М. Ліцвінава віцебскаму губернатару П.Я. Растоўцаву адзначалася: «Город Полоцк в течение долгого периода своего исторического существования представлял собой центр административного управления довольно обширной части Северо-Западной Белоруссии, в то же время служил центром и рассадником умственного просвещения этого же края. В народной памяти до сих пор сохранилось ещё предание о том обилии учебных заведений, какими располагал город в прежние времена. Начиная со школ нижнего разряда, городских и уездных училищ, вообще, дешёвых и доступных для детей всех сословий и состояний, тут же имели место не только средние, но и высшие учебные заведения, пользовавшиеся в своё время даже некоторой известностью, какова была, например, Коллегия Иезуитов.



Мал. 1. Дом Н. Левіна па вуліцы Верхне-Пакроўскай.

В последнее время эти благоприятные условия для воспитания юношества изменились к худшему. Город Полоцк утратил значение, которое продолжается и по настоящее время. Кроме трёх строго специальных и сословных учебных заведений, каковыми являются Военная гимназия, Учительская Семинария и Духовное училище, никаких других общеобразовательных учреждений в г. Полоцке не существует» [**2**, л. 39].

Пасля шматлікіх прашэнняў у 1880 г. гарадская дума станоўча вырашыла пытанне аб адкрыцці ў былым дамініканскім кляштары Полацкага рэальнага вучылішча для ўсіх саслоўяў і канфесій. Установа павінна была насіць імя Аляксандраўскай у гонар 25-годдзя царавання імператара Аляксандра II [**3**, л. 46 ад.].

Наступнай навучальнай установай, за адкрыццё якой выказваліся полацкія купцы і мяшчане, было гарадское 4-класнае вучылішча. Лёс гэтай установы склаўся больш паспяхова: яна праіснавала 17 гадоў і стала асновай для стварэння пачатковай школы новага савецкага тыпу.

У красавіку 1896 г. жыхарамі Полацка і Полацкага павета ў гарадскую думу ўпершыню было пададзена прашэнне аб адкрыцці ў горадзе 4-класнага гарадскога вучылішча, дзе хлопчыкі 9–13 гадоў розных саслоўяў і канфесій маглі атрымаць пачатковую адукацыю. Станоўчае рашэнне было прынята толькі праз 3 гады — 20 студзеня 1899 г., калі полацкае кіраўніцтва вырашыла асігнаваць на першапачатковае «обзаведение» вучылішча адну тысячу рублёў, а таксама арандаваць для навучальнай установы памяшканне і выдзяляць на штогадовае ўтрыманне па адной тысячы рублёў з гарадской казны. Рашэнне думы было падтрымана Міністэрствам народнай асветы, і полацкая ўправа ў ліпені 1899 г. атрымала канчатковы дазвол на адкрыццё вучылішча і гарантыі матэрыяльнага забеспячэння. У дакументах канцылярыі віцебскага губернатара была вызначана колькасць класных пакояў, мэблі, прадметаў школьнага абсталявання. У Полацку разгледзелі і спіс уладальнікаў асабістых

дамоў, якія маглі б арандавацца пад вучылішча. Гэта пабудовы Б.М. Баркана, Б.Л. Рыўліна, Н. Левіна, Б.Г. Мінца, К. Свіршчэўскай і Д. Сіманава. Арандаваць памяшканні планавалася на працягу 6 гадоў, пасля чаго горад павінен быў набыць для вучылішча ўласны дом [**4**, л. 1–2 ад.].

Афіцыйнае адкрыццё Полацкага гарадскога 4-класнага вучылішча адбылося 12 верасня 1900 г. Па словах удзельнікаў, усё праходзіла вельмі ўрачыста: «Началось с молебна, окропления святой водой здания, затем участковый инспектор прочитал историческую записку о возникновении училища, затем инспектор училища зачитал протокол учительского педагогического совета о результатах вступительных экзаменов, затем имел слово господин Директор народных училищ Витебской губернии и всё закончилось исполнением народного гимна». Праз паўгода вучылішча наведалі папячыцель Віленскай вучэбнай акругі тайны саветнік В.А. Папоў і дырэктар народных вучылішчаў Віцебскай губерні Д.І. Ціхаміраў. Прадстаўнікі ўлады былі задаволены дзейнасцю полацкай навучальнай установы [**9**, л. 1–1 ад.].

У 1900 г. вучылішча было адкрыта ў складзе трох малодшых аддзяленняў, з якіх першых два складалі 1-шы клас, а трэцяе адносілася ўжо да 2-га класа. Планавалася ў 1901–1902 навучальным годзе адкрыць другое аддзяленне 2-га класа, у 1902–1903 гг. — 3 клас, а ў 1903–1904 гг. — 4 клас. Пры адкрыцці вучылішча ў 1-шы клас набралі 98 вучняў, а ў другі — 50. У дакументах захаваліся і звесткі пра канфесійны і саслоўны склад навучэнцаў. Так, у першы навучальны год з 148 чалавек 68 былі праваслаўнымі, 25 — католікамі, 48 — іўдзеямі, 44 — стараабрадцамі і 3 — лютэранамі [**9**]. Па саслоўнаму складу навучэнцы дзяліліся наступным чынам: 100 чал. — дзеці мяшчан, 32 — сялян, 14 — дваран, 2 — асоб духоўнага звання. У наступныя 8 год колькасць вучняў павялічвалася, а працэнтны склад па канфесіях і саслоўях нязначна вагаўся. Так, у 1901 г. у вучылішчы навучалася ўжо 207 чал., а у 1908 г. — 320. Потым колькасць пачала памяншацца: 1909 г. — 306 чал., 1912 г. — 190 чал. і 1914 г. — 176 чал. [**9**].

З-за павелічэння колькасці вучняў мянялася і колькасць настаўнікаў. Падчас адкрыцця ў Полацкім 4-класным гарадскім вучылішчы працавала толькі 3 выкладчыкі: настаўнік-інспектар, які выкладаў у 2-м класе і вёў урокі гімнастыкі, законанастаўнік і настаўнік пачатковых класаў і спеваў.

З 1 жніўня 1900 г. пасаду настаўніка-інспектара займаў надворны саветнік Аляксандр Васіленка. Урокі Закона Божага выкладаў спачатку настаяцель Свята-Іаана-Багаслоўскай царквы айцец Яўстафій Тамашэўскі, потым настаяцель Полацкага Мікалаеўскага сабора айцец Стэфан Забелін. Настаўнікам пачатковых класаў і спеваў быў М. Філімонаў. З 27 жніўня штатным урачом быў назначаны надворны саветнік Іван Сумкевіч [**9**].

Амаль з першага навучальнага года стала зразумела, што сярод палачан шмат жадаючых даць сваім дзецям рознабаковую пачатковую адукацыю. Ужо ў студзені 1901 г. па просьбах бацькоў у штаце вучылішча з'явіліся новыя настаўнікі [**10**, л. 1–1 ад.]. Выкладчыкам французскай і нямецкай моў

стаў настаўнік Полацкага кадэцкага корпуса Г.А. Фабр, які за плату згадзіўся выкладаць 1 урок замежнай мовы ў 1-м классе і 2 урокі ў 2-м. Адзін урок, акрамя згаданых, ён вырашыў даваць бясплатна, бо «чтение и произношение требует более частого повторения». Былі запрошаны і настаўнікі гімнастыкі [**6**]. З 1 сакавіка ў вучылішчы пачаў працаваць фельдфебель Полацкага кадэцкага корпуса Георгій Філімонавіч Казьянін, бацька трох вядомых полацкіх настаўніц XX ст. — Любові Дэйніс, Веры Казьянінай і Алены Александровіч.

У 1901–1902 навучальным годзе вучылішча ўзначаліў былы настаўнік установы Іван Бойцаў, а з 1905 г. і да канца існавання настаўнікам-інспектарам быў Пётр Іосіфавіч Дэйніс [**7**, л. 40]. П.І. Дэйніс нарадзіўся ў 1873 г. у Ковенскай губерні. Скончыў Панявескую настаўніцкую семінарыю, а ў 1898 г. — Віленскі настаўніцкі інстытут. Ужо працуючы ў Полацку, у 1911–1915 гг. атрымаў другую вышэйшую адукацыю ў Маскоўскім археалагічным інстытуце. Валодаў рускай, беларускай, латышскай, літоўскай, польскай і нямецкай мовамі. Быў высока адукаваным чалавекам. Памёр П.І. Дэйніс у Гомелі ў 1941 г. У спісах служачых вучылішча за 1909 і 1912 гг. пад кіраўніцвам П.І. Дэйніса ў вучылішчы працавала шмат новых настаўнікаў: Д. Гнядоўскі, І. Эдур, Р. Цюшкевіч, М. Кражаў, А. Свідзерскі, Ф. Буцько, К. Кабяка, М. Белаусенка і інш. (гл. дадатак). У вучылішчы працаваў штатны аканом па прозвішчы Берч [**5**, л. 30–30 ад.].

Гарадскія вучылішчы падзяляліся на адна-, двух-, трох- і чатырохкласныя, але у асобных выпадках і па просьбе бацькоў і настаўнікаў маглі быць пяці- і шасці класнымі. З 1907 г. Полацкае 4-класнае вучылішча стала называцца Полацкім першым шасцікласным гарадскім вучылішчам, а ў 1912 г., калі адзначалася 100-годдзе Айчыннай вайны 1812 г., вучылішчу было прысвоена імя генерала П.Х. Вітгенштэйна [**15**, л. 45]. Закон аб «Вышэйшых пачатковых вучылішчах» 1912 г. змяніў назву вучылішча, якое стала называцца Полацкім першым вышэйшым імя Вітгештэйна пачатковым мужчынскім вучылішчам. Гэтая назва захавалася да закрыцця ўстановы і стварэння на яго базе ў 1918 г. 1-й савецкай працоўнай школы.

Як адзначалася вышэй, у 1900 г. горад арандаваў для навучальнай установы дом у полацкага мешчаніна Лейбы Эпштэйна за 600 руб. Але гэтая пабудова аказалася сырой і цеснай. Пасля хадайніцтваў вучылішча і разгляду спецыяльнай камісіі ў жніўні 1901 г. гарадскія ўлады набылі для вучылішча ў Н. Левіна дом у цэнтры горада (мал. 1). Памяшканні былі больш вольнымі і светлымі, мелі лепшае размяшчэнне пакояў, але пабудова была не ў ідэальным стане. Настаўнік-інспектар А. Васіленка звярнуўся да полацкай гарадской думы з канкрэтнымі лічбамі. Ім былі вызначаны працы па рамонце новага дома. Планавалася разборка сцен, пераробка печаў, перасціланне ў некаторых пакоях падлогі, замена некаторых вокнаў і дзвярэй. На ўсе працы было патрэбна 708 руб. 74 кап. На жаль, горад выдзеліў толькі 100 руб., а астатнія прапанаваў папрасіць у Віленскай вучэбнай акругі. Але Вільня таксама адмовіла, і частка пакояў засталася без рамонту. Яшчэ адной праблемай было

тое, што пад вучылішча не перадалі ўсіх памяшканняў у доме Левіна. Так, на 1-м паверсе размяшчалася кватэра прадвадзіцеля дваранства Бондырава і Паліцэйскае ўпраўленне. З-за гэтага ўступныя экзамены ў жніўні 1901 г. прыйшлося праводзіць на часовай кватэры настаўніка-інспектара вучылішча. Навучальны год таксама пачаўся са спазненнямі [**11**, л. 18–18 ад.].

У 1909 г. дом, дзе размяшчалася вучылішча, адносіўся да ліку лепшых у горадзе. Акрамя 6-ці класных пакояў, у 2-павярховай пабудове на вуліцы Верхне-Пакроўскай размяшчаліся кватэра інспектара, актавая зала, настаўніцкая, бібліятэка, распранальні і службовыя памяшканні [**14**].

У вучылішчы, утвораным па палажэнні 1872 г., асноўнымі прадметамі вывучэння ў 1-м класе былі руская мова, арыфметыка, чыстапісанне, закон Божы, гімнастыка і спевы, у 2-м класе за кошт змяншэння ўрокаў Закона Божага дабаўляліся славянская мова, геаметрыя, маляванне, чарчэнне, геаграфія і гісторыя. Акрамя гэтага, з дазволу Міністэрства народнай асветы ў вучылішчы выкладаліся дадатковыя прадметы, напрыклад, замежная мова. Здача экзамену па гэтым прадмеце давала магчымасць паступлення ў гімназію.

У справаздачы Полацкага 4-класнага гарадскога вучылішча за 1901 г. вызначаліся асноўныя прадметы, якім трэба было ўдзяліць шмат увагі падчас адукацыйна-выхаваўчага працэсу. Першае месца ў гэтым спісе займала руская мова. У дакуменце давалі і агульныя рэкамендацыі па ўсіх прадметах. Так, на ўроках мовы ў 1-м класе настаўнік павінен быў больш увагі надаваць тлумачальнаму чытанню, вывучэнню вершаў і баек на памяць, пераказванню артыкулаў, напісанню тлумачальных дыктоўвак, у 2-м класе — вывучэнню граматыкі, напісанню перакладаў, а на ўроках геаграфіі і гісторыі рэкамендавалася выкарыстоўваць карты, атласы і малюнкі [**13**, л. 39].

Згодна з раскладам на 1901–1902 навучальны год, у вучняў быў 6-дзённы вучэбны тыдзень. Кожны дзень, акрамя пятніцы, калі займаліся толькі 4 гадзіны, было па 5 урокаў. Заняткі пачыналіся ў 9 гадзін раніцы і заканчваліся ў 14.20. Урок доўжыўся 55 хвілін, а перапынкі — 5 хвілін. Пасля 3-га ўрока быў вялікі перапынак на абед, на які адводзілася цэлая гадзіна [**12**, л. 29].

Са жніўня 1914 г., калі пачалася Першая сусветная вайна, палітычная і эканамічная сітуацыя ў Полацку змянілася. Праз год, летам 1915 г., большая частка навучальных устаноў пачала рыхтавацца да эвакуацыі. Полацкае шасцікласнае гарадское вучылішча ў лістападзе было пераведзена ў Новачаркаск Растоўскай губерні. Пакінутае ў Полацку школьнае абсталяванне, падручнікі і дапаможнікі (на агульную суму 1490 рублёў), якія захоўваліся ў памяшканнях 2-га гарадскога пачатковага вучылішча на вуліцы Азараўскай у доме Стэфановіча, засталіся пад наглядам законанастаўніка вучылішча Д.Я. Гнядоўскага. Але ў 1915–1916 гг. дом Стафановіча быў заняты пад лазарэт Усерасійскага саюза гарадоў. У пабудове па вуліцы Верхне-Пакроўскай з лістапада 1915 г. размясціўся прытулак-яслі. Калі настаўнік-інспектар

вучылішча П.І. Дэйніс у верасні 1916 г. вярнуўся з эвакуацыі, ён пачаў актыўную перапіску з галоўным дырэктарам народных вучылішчаў Віцебскай губерні аб вяртанні яго ўстановы з эвакуацыі і вызваленні вучылішчных пабудоў [**8**, л. 1–1 ад.]. П.І. Дэйніс звяртаў увагу на тое, что ў доме Стафановіча пасля размяшчэння лазарэта школьную мэблю перанеслі ў дравянік, а некаторую паставілі ўвогуле на вуліцы ў садзе, вучэбныя дапаможнікі з кладовак вынеслі ў стайню. Усё гэта прывяло да псавання і раскрадання маёмасці. У выніку, вучылішча панесла страты на агульную суму болей за 3 тысячы рублёў.

У лістападзе 1916 г. пасля вяртання вучылішча з эвакуацыі арганізаваць вучэбны працэс, на жаль, адразу не атрымалася. Вучылішчу не вызвалілі ні аднаго дома з тых, што раней належалі ўстанове. Вядома, што ў канцы года заняткі з навучэнцамі праходзілі ў пабудове мужчынскай гімназіі ў другую змену. Як адзначаў у лістах да дырэкцыі народных вучылішчаў П.І. Дэйніс, гэта было не карысна для здароўя навучэнцаў і ўсёй навучальна-выхаваўчай справы [**8**, л. 16–16 ад.].

Апошнім годам існавання Полацкага першага шасцікласнага імя Вітгенштэйна пачатковага мужчынскага вучылішча стаў 1918 г., калі згодна з новай школьнай рэформай навучальныя ўстановы часоў Расійскай імперыі набывалі новы статус. На базе дадзенай установы былі адкрыты 1-я савецкая працоўная школа I ступені і 1-я савецкая працоўная школа II ступені.

Падводзячы вынікі, можна адзначыць, што ў пачатку XX ст. адной з вядучых пачатковых навучальных устаноў горада было Полацкае чатырохкласнае гарадское вучылішча, якое з 1907 г. стала шасцікласным. Гэтая ўстанова займала прамежкавае становішча паміж пачатковымі і сярэднімі ўстановамі асветы. На працягу 17 гадоў існавання педагагічны калектыў вучылішча на чале з настаўнікам-інспектарам стараўся даць навучэнцам Полацка і Полацкага павета рознабаковую пачатковую адукацыю. У вучылішчы выкладаліся, акрамя асноўных прадметаў, да якіх адносіліся руская і славянская мовы, арыфметыка, геаметрыя, гісторыя, геаграфія, чыстапісанне, маляванне, гімнастыка і спевы, яшчэ і дадатковыя прадметы — французская і нямецкая мовы. На святы і па выхадных дзеці вучылішча мелі магчымасць займацца ў хоры. Кіраўніцтва полацкай навучальнай установы старалася стварыць працоўную абстаноўку, пастаянна клапацілася, каб класныя памяшканні былі светлымі, утульнымі, добра абсталяванымі. У гады Першай сусветнай вайны мерны лад жыцця быў парушаны. З лістапада 1915 па лістапад 1916 г. вучылішча знаходзілася ў эвакуацыі ў г. Новачаркаску. У гэты час у Полацку была разрабавана і пашкоджана вучылішчная маёмасць, аб чым стала вядома настаўніку-інспектару П.І. Дэйнісу пасля вяртання з Растоўскай губерні. На жаль, падзеі вайны і Кастрычніцкай рэвалюцыі прывялі да закрыцця Полацкага першага шасцікласнага вучылішча і адкрыцця на яго базе савецкіх працоўных школ I і II ступеняў. Але традыцыі, закладзеныя ў 1900–1917 гг., а таксама моцныя педагагічныя кадры знайшлі сваё прымяненне і ў наступны час.

Спіс крыніц

1. Письмо на имя П.Я. Ростовцева от городского головы Н. Литвинова за № 70 от 17.02.1880 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 1430. – Воп. 1. – С. 36150 а.

2. Докладная записка витебского губернатора П.Е. Ростовцева от 9.02.1880 г. // НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – С. 36150а.

3. Постановление полоцкой городской думы от 3.01.1880 г. // НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – С. 36150а.

4. Дело об открытии полоцкого городского училища. 1899 г. // НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – С. 43902.

5. Список лиц, служащих в Полоцком 1-м городском училище. 1909 г. // НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – С. 7.

6. Протокол заседания Педсовета Полоцкого 1-го городского училища № 30 от 6.09.1911 г. // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 49.

7. Именной список служащих Полоцкого 1-го городского 4-классного училища на 1 июля 1912 г. // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 56.

8. Письмо директора 1-го городского училища Дейниса П.И. на имя директора народных училищ Витебской губернии. 1915 г. // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 120.

9. Историческая записка о жизни и деятельности Полоцкого городского 4-классного училища // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 7.

10. Просьба учителя-инспектора А. Василенко от 26.12.1900 г. // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 7.

11. Доклад полоцкой городской управы от 7.08.1901 г. // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 7.

12. Расписание уроков на 1901–1902 учебный год // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 7.

13. Отчёт о состоянии Полоцкого городского 4-классного училища за 1901 г. // НГАБ. – Фонд 2671. – Воп. 1. – С. 7.

14. Историческая записка Полоцкого 1-го 6-классного городского училища. 1909 г. // НГАБ. – Фонд 2678. – Воп. 1. – С. 2.

15. Список высших училищ г. Полоцка за 1914 г. // НГАБ. – Фонд 3068. – Воп. 1. – С. 7.

Дадатак. Настаўнікі Полацкага гарадскога 4-класнага вучылішча

год	Пасада	Імя і прозвішча	З якога і па які час працаваў
1900–1901	Настаўнік-інпектар	Аляксандр Васіленка, надворны саветнік	1.08.1900–1.08.1901
	Настаўнік-інпектар	Іван Бойцаў	З 1.08.1901
	Законанастаўнік, настаяцель Св. Іаана-Багаслаўскай царквы	Яўстафій Тамашэўскі	7.09.1900–1.10.1900
	Законанастаўнік, настаяцель Полацкага Мікалаеўскага сабора	Стэфан Забелін	з 17.10.1900
	Настаўнік пачатковых класаў і спеваў	Мікалай Філімонаў	
	Настаўнік гімнастыкі	Аляксандр Васіленка	1.01.1901–1.03.1901
	Настаўнік гімнастыкі	Іван Бойцаў	З 1.08.1901
	Настаўнік гімнастыкі (па найму)	Георгій Філімонавіч Казьянін	1.03.1901–1.08.1901
	Настаўнік замежных моў	Георгій Аляксандравіч Фабр	
	Урач	Іван Сумкевіч, надворны саветнік	
1908–1909	Настаўнік-інспектар	Пётр Іосіфавіч Дэйніс	1905–1918
	Законанастаўнік праваслаўнай веры, настаяцель Полацкага Мікалаеўскага сабора	Дзмітрый Яфімавіч Гнядоўскі	З 1.11.1902
	Законанастаўнік рымска-каталіцкай веры	Франц Буцько	з 21.04.1908
	Настаўнік пачатковых класаў	Іван Якаўлевіч Эдур	з 1.08.1907
	Настаўнік пачатковых класаў	Раман Ісакавіч Цюшкевіч	з 3.09.1903
	В.а. настаўніка пачатковых класаў	Антон Сямёнавіч Свідзерскі	1904–1.01.1912
	Настаўнік пачатковых класаў	Дзмітрый Фёдаравіч Огнеў	21.02.1908
	В.а. Настаўніка пачатковых класаў	Шапавалаў	З 1.04.1908
	Настаўнік графічнага мастацтва	Міхаіл Пятровіч Кражаў	З 8.10.1908
	Настаўніца замежных моў	Яўгенія Аляксееўна Гілеўская	З 16.04.1907
	Настаўніца замежных моў	Кацярына Дзмітрыеўна Берч	З 1.11.1908
	Настаўніца спеваў	Канстанціна Селівестраўна Кабяка	З 1.08.1903
	Урач	Мікалай Дзмітрыевіч Гнядоўскі	З 1.11.1908

1911	Настаўнік гімнастыкі	Прэйс	З 6.09.1911
1912–1913	Настаўнік-інпектар	Пётр Іосіфавіч Дэйніс	
	Законанастаўнік (праваслаўны)	Дзмітрый Яфімавіч Гнядоўскі	
	Настаўнік пачатковых класаў	Міхаіл Іванавіч Белавусенка	З 2.05.1912
	Настаўнік пачатковых класаў	Дзітрый Фёдаравіч Огнеў	21.02.1908
	Настаўнік пачатковых класаў	Мікалай Ігнацьевіч Юшкевіч	31.10.1911
	Настаўнік графічных мастацтваў	Платон Яфімавіч Марусін	З 1.08.1912
	Настаўнік графічных мастацтваў	Аляксандр Мікалаевіч Адзінцоў	З 1.11.1912
	Настаўніца замежных моў	Кацярына Мацісон	
	Настаўнік гімнастыкі	Сяргей Кепен	З 1.06.1912

Гаўрылава С.В.

Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця г. Полацка ў 1944–1954 гг.

Частка 3. Ахова здароўя, адукацыя, культура, фізкультура і спорт

За гады нямецка-фашысцкай акупацыі г. Полацк моцна пацярпеў. Былі поўнасцю знішчаны даваенныя ўстановы аховы здароўя (2 бальніцы, 2 паліклінікі, 2 кансультацыі, 6 дзіцячых ясляў), сетка ўстаноў адукацыі (12 дзіцячых садкоў, 16 агульнаадукацыйных школ, 5 спецыяльных навучальных устаноў) і культуры (11 клубаў, Дом настаўніка, Дом Чырвонай Арміі, тэатр, кінатэатр, 9 бібліятэк, краязнаўчы музей), спынілася развіццё фізічнай культуры і спорту. Усё гэта прыйшлося нанова аднаўляць у пасляваенны перыяд. Гэтая задача была ўскладзена ў першую чаргу на загадчыкаў утвораных у сакавіку 1945 г. пры гарвыканкаме 6 пастаянна дзеючых камісій, у лік якіх уваходзілі культурна-асветніцкая (загадчык тав. Федаценкава) і аховы здароўя (загадчык тав. Фарынка) [**20**, л. 28].

Ахова здароўя

Адразу пасля вызвалення Полацка пачаліся работы па аднаўленні медыцынскіх устаноў. Аднавіў работу гарадскі аддзел аховы здароўя, які размясціўся па вул. Леніна, 32. З першых дзён у горадзе пачала працаваць бальніца імя Леніна на 50 ложкаў. У адным будынку з бальніцай адкрылася гарадская паліклініка. К сярэдзіне 1945 г. колькасць медыцынскіх устаноў абласнога цэнтра значна павялічылася: абласная бальніца на 150 ложкаў, гарадская паліклініка, дзіцячая і жаночая кансультацыя, венералагічны і туберкулёзны дыспансеры, дзіцячы прыёмнік НКУС, Полацкая станцыя хуткай дапамогі. Да канца года аблбальніца пашырылася да 250 ложкаў, акрамя таго пачалі працаваць радзільнае аддзяленне і аптэка, з'явіліся малочная кухня і зубапратэзная майстэрня [**18**, с. 233]. У маі 1946 г. быў зацверджаны штат бальніцы імя Леніна, дзе мелася ўжо 360 ложкаў, на 298,5 адзінак [**21**, л. 191]. Для абслугоўвання партыйнага і савецкага актыву Абладдзел аховы здароўя ў верасні 1946 г. адкрыў спецпаліклініку [**21**, л. 159]. У 1948 г. сетка дыспансераў пашырылася за кошт адкрыцця анкалагічнага дыспансера [**24**, с. 698].

На 1 студзеня 1949 г. хворых прымалі ў абласной бальніцы з хірургічным, тэрапеўтычным, інфекцыйным, сухотным, радзільным, гінекалагічным, скурна-венерычным, дзіцячым, вокавым і вушным аддзяленнямі. Паліклінічнае ад-

дзяленне налічвала 17 кабінетаў, уключала жаночую і дзіцячую кансультацыі, зубапратэзную лабараторыю, хуткую дапамогу [**21**, л. 14].

У 1952 г. ложкавы фонд абласной бальніцы імя Леніна пашырыўся да 400 адзінак, пачала функцыянаваць біяхімічная лабараторыя. У паліклінічным аддзяленні былі абсталяваны кабінеты па ўсіх спецыяльнасцях. Была наладжана сетка дыспансераў: туберкулёзны, скурна-венерычны, анкалагічны і фізкультурны [**9**, с. 14].

Сеткавыя паказчыкі па ахове здароўя г. Полацка за 1952 г. [**9**, с. 52].

	План на 1952 г.	Фактычна выканана за 1952 г.
Усяго бальнічных устаноў	1	1
у іх ложкаў	400	400
з іх сухотныя	30	30
радзільныя	45	45
дзіцячыя (інфекцыйныя і неінфекцыйныя)	60	60
Колькасць дзён работы бальнічнага ложка ў год	340	363
Абласныя, гарадскія бальніцы	1	1
ложкаў у іх	400	400
Дыспансеры: 1) процісухотныя дыспансеры	1	1
у іх урачэбных пасад	7	7
2) скурна-венерычныя дыспансеры	1	1
у іх урачэбных пасад	7	7
3) анкалагічныя дыспансеры	1	1
у іх урачэбных пасад	5	4,75
4) урачэбна-фізкультурныя дыспансеры	1	1
у іх урачэбных пасад	3	3
Усяго дыспансераў са стацыянарам	4	4
у іх урачэбных пасад	22	21,75
Урачэбныя здароўпункты	2	2
у іх урачэбных пасад	2	2
Фельчарскія здароўпункты	2	2
Станцыі хуткай дапамогі	1	1
у іх урачэбных пасад	6	6
Станцыі санітарнай авіяцыі	1	1
у іх урачэбных пасад	2	2
Станцыі пералівання крыві	1	1
у іх урачэбных пасад	3	2,5

Колькасць дзіцячых ясляў	2	2
у іх месцаў	145	145
Урачэбных пасад у яслях	1,5	1,5
Колькасць дзён работы ясельнага месца ў год	250	533
Колькасць санэпідстанцый	2	2
у іх урачэбных пасад	17	17
Проціималярыйныя станцыі	1	1
у іх урачэбных пасад	3	3
Дом санітарнай асветы	1	1
у іх урачэбных пасад	2	2
Урачэбныя пасады ў бюро судмедэкспертызы	4	4
Аптэкі	2	2
Крамы і аптэчныя майстэрні	2	2
Аптэчныя кіёскі, ларкі і пункты	2	5
Кантрольна-аналітычныя лабараторыі	1	1
Урачэбныя кадры:		
агульная колькасць урачэбных пасад	161,5	157,25
у т.л. у санітарна-проціэпідэмічных установах	22	22

К канцу 5-й пяцігодкі (1951–1955 гг.) у Полацку працавала 9 лячэбна-прафілактычных устаноў, у тым ліку бальніца, аб'яднаная з паліклінікай, дзіцячай і жаночай кансультацыямі, процісухотны дыспансер, 5 фельчарскіх пунктаў. Гарбальніца аказвала медыцынскую дапамогу не толькі гораду, але і сялу, абслугоўваючы хворых шэрагу раёнаў вобласці [**11**, с. 17].

Акрамя грамадзянскіх медустаноў, у Полацку пасля вызвалення знаходзіліся гарнізонная паліклініка і шпіталь у памяшканні Кадэцкага корпуса, шпіталі ў Богаяўленскім саборы, у жылых дамах па вул. Леніна, шпіталь у галоўным корпусе лясного тэхнікума. Да канца кастрычніка 1944 г. усе палявыя шпіталі з горада вывезлі [**25**, с. 493].

З года ў год значна павялічвалася колькасць спецыялістаў-медыкаў. Калі ў сярэдзіне 1945 г. ва ўсім горадзе працавала толькі 3 урачы пры запатрабаванай колькасці 10 [**6**, л. 24], то ў наступным годзе ў лячэбных установах стацыянарнай і ўрачэбна-амбулаторнай паліклінічнай дапамогі працавала ўжо 55 урачоў, у т.л. 45 з вышэйшай адукацыяй [**4**, с. 18]. К канцу 1940-х гг. у медыцынскіх установах Полацка працавалі 63 урачы, а к сярэдзіне 1950-х гг. медыцынскія кадры дасягнулі колькасці 108 урачоў і каля 300 чалавек сярэдняга медперсаналу [**11**, с. 17].

У пасляваеннае дзесяцігоддзе ўлады праяўлялі асаблівы клопат пра дзяцей і мацярынства. Ужо ў пачатку жніўня 1944 г. было аб'яўлена аб адкрыцці першых ясляў па вул. Пушкіна, 34. Да канца 1944 г. у Полацку былі адкрыты яслі

на 50 месцаў і жаноча-дзіцячая кансультацыя, якая ў наступным годзе была падзелена на дзве – жаночую і дзіцячую. Колькасць ложкаў у радзільным доме дасягнула 25, а ў дапамогу ўжо нарадзіўшым жанчынам была адкрыта малочная кухня [**21**, л. 51]. У студзені 1945 г. пад дзіцячыя яслі міліцыі быў адведзены будынак па вул. Гогаля – Карла Маркса, 48/3 [**21**, л. 19]. У маі з эвакуацыі з Чувашскай АССР вярнуўся Полацкі дом дзіцяці імя Самойлавай, якому было выдзелена памяшканне па вул. Пушкіна, 34 разам з яслямі [**20**, л. 68]. З пераходам да мірнага жыцця назіралася павелічэнне колькасці дзяцей, самых маленькіх з якіх у 1946 г. прымала 3 ясляў на 315 месцаў [**4**, с. 18]. У сакавіку 1947 г. быў аднаўлены дом груднога дзіцяці, які існаваў да вайны [**23**, л. 138]. У летні час пры школах горада арганізоўваліся аздараўляльныя пляцоўкі і піянерскія лагеры.

У цяжкі перыяд аднаўлення ўсім медыцынскім установам прыходзілася цясніцца, бо рамонт старых і пабудова новых будынкаў ішлі вельмі марудна. У 1945 г. у Полацкай абласной бальніцы імя Леніна адсутнічалі вадаправод і каналізацыя; кухня, пральня і прыёмны пакой не былі добраўпарадкаваны; не хапала паліва, прадметаў догляду за хворымі. Дрэнна была наладжана справа з дыетычным харчаваннем з-за адсутнасці кухоннага посуду і недаатрымання поўнага асартыменту прадуктаў харчавання [**21**, л. 21]. Гарпаліклініка не мела ўласнага памяшкання і размяшчалася ў радзільным доме. Па той жа прычыне ў будынку бальніцы размяшчаліся санэпідэмстанцыя, абладдзел і гараддзел аховы здароўя, аптэкаўпраўленне [**21**, л. 92].

У 1946 г. была праведзена работа па пашырэнні сеткі ложкаў аблбальніцы імя Леніна, якую абсталявалі мяккім і цвёрдым інвентаром. У той жа час адсутнічала дастатковая колькасць дзіцячых ложкаў, памяшканняў для венерычнага аддзялення, дзіцячага і тэрапеўтычнага аддзяленняў, а ў радзільным доме адсутнічала асобнае памяшканне для апрацоўкі парадзіх, перадродавыя палаты, родавая палата не была прыстасавана для парадзіх. Электраэнергіяй бальніца забяспечвалася з перабоямі, таму для асвятлення выкарыстоўвалі газоўкі, з-за чаго ў памяшканнях назапашваўся курадым. Не былі аднаўлены каналізацыя і вадаправод, што было прычынай дрэннага санітарнага стану медустановы [**20**, л. 87].

У 1945–1946 гг. шэраг памяшканняў, якія раней належалі арганізацыям аховы здароўя, былі заняты пад жыллё медработнікаў. Частка памяшканняў аблбальніцы была занята пад склад і апарат аптэкаўпраўлення, з-за чаго адсутнічалі санітарныя прапускнікі пры галоўным корпусе і інфекцыйным аддзяленні. Радзільны дом быў заняты пад гарпаліклініку, у будынку якой быў дзіцячы сад і жылыя памяшканні [**21**, л. 77]. Акрамя таго, на рамонт не хапала будматэрыялаў і рабочай сілы. Аднаўленне будынкаў бальніцы і радзільнага дома было скончана толькі ў 1947 г., будынак жа паліклінікі па вул. Войкава, 12 быў здадзены ў эксплуатацыю ў 1950 г. [**20**, л. 55]. У адным будынку з гарпаліклінікай размясціліся станцыя пералівання крыві, жаночая і дзіцячая

кансультацыі, сельская паліклініка. З пераездам аблвыканкама на вул. Леніна ў яго былым будынку размясціўся скурна-венерычны (галоўны ўрач Вараб'ёў), анкалагічны (галоўны ўрач Ізмайловіч) дыспансеры і санэпідэмстанцыя (галоўны ўрач Каждан) [**8**, с. *234*].

У жніўні 1948 г. быў зацверджаны генеральны план аднаўлення і развіцця Полацка, які прадугледжваў пераўтварэнне Верхняга замка ў бальнічны гарадок. Прыватныя дамы на гэтай тэрыторыі будаваць было забаронена, але асобныя ўрачы ўсё ж пабудавалі ўласнае жыллё. У хуткім часе побач з бальніцай з'явіўся будынак абласнога і гарадскога аддзелаў аховы здароўя, пад інфекцыйнае аддзяленне была перададзена казарма, а пазней зборны пункт ваенкамата. Пачалося пашырэнне радзільнага аддзялення [**8**, с. *235*].

У пасляваенным Полацку востра стаяла праблема ракавых захворванняў, і тагачасная медыцына абяцала хуткае з'яўленне прэпарата, здольнага вылечваць захворванне на ўсіх стадыях [**10**]. Побач з наладжваннем мірнага жыцця і сямейнага дабрабыту паўстала праблема крымінальных абортаў. У той час, калі многія сем'і не мелі ўласнага жылля, жанчыны гатовы былі за аперацыю плаціць па 1,5 тыс. рублёў, аддаваць апошнія прадукты і «мануфактуру». Аборты праводзіліся далёка не заўсёды прафесійнымі медыкамі і ва ўмовах лячэбнай установы. Для барацьбы з гэтай з'явай у 1946 г. была створана спецыяльная абласная камісія [**12**]. Шмат увагі медыкі надавалі барацьбе з летнімі кішэчнымі захворваннямі.

Дрэннай была сітуацыя з захворваннямі дзяцей, асабліва на сухоты. Каб ізаляваць хворых, улады вобласці прынялі рашэнне ў снежні 1945 г. арганізаваць для дзяцей з сухотнай інтаксікацыяй дзіцячы сад на *25* месцаў [**21**, л. 159]. Барацьба з захворваннем ішла марудна, праз 4 гады пасля заканчэння вайны назіралася яшчэ вялікая колькасць хворых дзяцей. Таму ў кастрычніку 1952 г. было уведзена ў эксплуатацыю дзіцячае сухотна-менінгітнае аддзяленне на 10 ложкаў [**9**, с. 14].

У горадзе і вобласці было шмат хворых на фавус (хранічны дэрматамікоз). У 1947 г. было прынята рашэнне пры аблбальніцы імя Леніна адкрыць часовы ізалятар на 40 ложкаў для гаспіталізацыі хворых на фавусных з дзіцячых дамоў [**21**, л. *234*]. У канцы 1945 — пачатку 1946 г. рэзка павялічылася колькасць захварэўшых на паразітарны і брушны тыф [**21**, л. 91]. Толькі к пачатку 1950-х гг. медыкі дабіліся значнага зніжэння інфекцыйных захворванняў: за ўвесь 1952 год не было зарэгістравана ніводнага выпадку сыпнога тыфу, назіралася зніжэнне дзіцячых інфекцыйных захворванняў [**9**, с. 14].

З усіх медыцынскіх устаноў найбольшыя нараканні выклікала работа станцыі хуткай дапамогі. Неаднаразова ўскрываліся факты выкарыстання спецмашыны не па прамым прызначэнні, адсутнічаў улік выклікаў, урачы вымушаны былі аказваць дапамогу, дабіраючыся да хворага пешшу, прыходзілі на *2–3* дні пазней ці не прыходзілі ўвогуле [**20**, л. 105]. Толькі к 1952 г. станцыя была поўнасцю ўкамплектавана ўрачэбнымі кадрамі. Меліся *3* санітарныя ма-

шыны, з якіх 1 легкавая маркі «Масквіч», але не было гаража. У той жа час не хапала памяшканняў для прыёму хворых і размяшчэння медперсаналу: станцыя займала ў будынку паліклінікі 1 пакой, дзе разам знаходзіліся ўрачы, сёстры, санітаркі і шафёр, не было магчымасці аказваць медыцынскую дапамогу непасрэдна на станцыі [**9**, с. 16].

У 1952 г. абслугоўванне хворых дома праводзілася па ўчастковым прынцыпе, для чаго тэрыторыя горада была падзелена на ўчасткі. За кожным з іх быў замацаваны ўрач, які праводзіў на сваім участку лячэбна-прафілактычную работу. Са студзеня таго ж года дома пачалі праводзіць гінекалагічнае і хірургічнае абслугоўванне хворых. Было ўведзена і абслугоўванне дзяцей 4–14 гадоў па сістэме адзінага педыятра дзіцячай кансультацыі, што да таго часу праводзілася ўрачамі-тэрапеўтамі [9, с. 14].

Урачы праводзілі вялікую прафілактычную работу: арганізоўвалі вечары пытанняў і адказаў у гарадскім клубе, чыталі лекцыі. Арганізаваны пасля вайны Дом санітарнай асветы размясціўся ў адным з дамоў па вул. Скарыны; пазней ён быў пераведзены на вул. Леніна [**8**, с. 235].

У сакавіку 1945 г. пры аблсавеце была арганізавана пастаянна дзеючая камісія па ахове здароўя з 5 чалавек, якую ўзначаліў А.Б. Кацнельсон [**21**, л. 97]. У 1946 г. загадчыкам Абласнога аддзела аховы здароўя стаў тав. Алтунін. З 1945 г. бальніцу ўзначальваў М.А. Каранеўскі, біяхімічную лабараторыю Ю. Астроўскі, будучы акадэмік Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі, заснавальнік Інстытута фармакалогіі і біяхіміі ў г. Гродна. У красавіку 1945 г. загадчыкам аблбальніцы імя Леніна быў назначаны А.Л. Дарасінскі, абласной санэпідстанцыяй — А.Б. Кацнельсон, абласной станцыяй пералівання крыві — В.А. Ізмайловіч [**21**, л. 164]. З 1953 г. галоўным урачом бальніцы была А.М. Палыгаліна.

Адукацыя

Побач з праблемай забеспячэння надзённых патрэб насельніцтва ў харчаванні і жыллі, у пасляваенным горадзе паўстала праблема аднаўлення сеткі адукацыйных устаноў. На першым жа пасяджэнні гарвыканкама 29 ліпеня 1944 г. гарадское кіраўніцтва абавязала гарана ўжо 1 жніўня адкрыць у Полацку дзіцячы дом школьнага тыпу, пад які быў адведзены даваенны будынак дзіцячага дома [**20**, л. 1], але арганізацыя яго ішла вельмі марудна. К пачатку навучальнага года павінны былі адкрыцца: 1 дзіцячы дом школьнага тыпу, 1 сярэдняя, 2 няпоўныя сярэднія, 2 пачатковыя школы, 2 дзіцячыя садкі. 1 верасня 1944 г. пачалі работу школы № 1, 2, 3 і чыгуначная школа ў Грамах. Для іх размяшчэння было прыстасавана некалькі будынкаў [**25**, с. 493].

З даклада гарана вядома, што на 30.12.1944 г. у Полацку працавала 7 школ: 1 сярэдняя, 3 няпоўныя сярэднія, 2 пачатковыя і 1 чыгуначная няпоўная сярэдняя школа. Колькасць вучняў складала 1694 чалавекі ў гарадскіх школах і 372 чалавекі ў чыгуначнай школе. Акрамя таго быў 1 дзіцячы дом змешанага тыпу,

дзе выхоўвалася 135 дзяцей, і 2 дзіцячыя садкі з 94 выхаванцамі. Педагагічны калектыў горада налічваў 58 чалавек [**6**, л. 3].

З мэтай забеспячэння школ настаўніцкімі кадрамі быў праведзены пошук педагогаў, якія працавалі не па спецыяльнасці, і быў афармлены іх перавод на педагагічную працу [**21**, л. 15]. Настаўнікі, якія не мелі адпаведнай кваліфікацыі, павінны былі скончыць завочныя аддзяленні педагагічных навучальных устаноў у вызначаныя тэрміны: настаўнікі 1–4 класаў – педвучылішча к 1 жніўня 1947 г., настаўнікі 5–7 класаў – настаўніцкія інстытуты к 1 жніўня 1946 г., настаўнікі 8–9 класаў – педінстытуты і ўніверсітэты к 1 жніўня 1948 г. Аблана павінен быў 1 раз у 3 месяцы праводзіць праверку выканання вучэбных заданняў, вызваляць настаўнікаў-завочнікаў ад пазавучэбнай працы на працягу 4 вечароў на тыдзень, забяспечваць сшыткамі ў колькасці 15 штук на год, арганізаваць для завочнікаў кансультацыйныя пункты 1 на 200 чалавек, арганізаваць бібліятэкі-перасоўкі пры бібліятэках і педвучылішчы, забяспечыць радыёвяшчанне лекцый [**21**, л. 31].

Многія падлеткі, адукацыя якіх была перарвана ў гады вайны, замест вучобы ўладкоўваліся на працу, таму для іх гарвыканкам загадаў з 1 кастрычніка 1945 г. адкрыць вячэрнія школы працоўнай моладзі з 14-гадовага ўзросту пры наяўнасці не менш за 40–50 чалавек, а асобныя класы пры наяўнасці 15–20 чалавек. Установы былі падзелены на 2 тыпы: 7-гадовыя – 5–7 класы, 10-гадовыя – 5–10 класы [**20**, л. 32]. У наступным годзе вячэрнія няпоўна-сярэднія школы працоўнай моладзі былі арганізаваны пры Полацкай НСШ № 3 па вул. Красіна і пры 59-й чыгуначнай школе [**19**, л. 10].

На 1 мая 1945 г. сетку ўстаноў школьнай і дашкольнай адукацыі складалі: 1 сярэдняя школа, 5 няпоўных сярэдніх, 2 садкі, 1 дзіцячы дом [**6**, л. 22]. Пры правядзенні аналізу вучэбна-выхаваўчай работы школ аддзел народнай адукацыі, які з лютага 1945 г. узначальваў І.А. Пенкрат, адзначаў адсутнасць абсталявання і наглядных дапаможнікаў, недастатковы кантроль за работай настаўнікаў, недастатковую работу бацькоўскіх камітэтаў, настаўнікаў над павышэннем уласнага адукацыйнага і ідэйна-палітычнага ўзроўню, нязначны рост колькасці піянераў і камсамольцаў.

У жніўні 1945 г. перад новым навучальным годам была праведзена рэгістрацыя дзяцей школьнага ўзросту па г. Полацку. Мерапрыемства паказала, што адукацыяй ахоплена 2500 чалавек, аднак з-за затрымкі аднаўлення будынка 2-й сталінскай сярэдняй школы гэтая колькасць дзяцей не магла наведваць адукацыйную ўстанову. У выніку, толькі па адной СШ № 1 200 навучэнцаў не маглі быць ахоплены навучаннем з-за адсутнасці месцаў. Выйсце было знойдзена ў часовым абсталяванні класных пакояў у Доміку Пятра І для рускай школы № 1 і адкрыцці на тэрыторыі Зялёнага гарадка сярэдняй школы [**20**, л. 104].

У 1945/1946 навучальным годзе школы горада працавалі ў 3 змены, у іх навучалася 2715 чалавек, толькі ў школе № 1 было 1200 вучняў. На 1 лютага

1946 г. толькі адна школа працавала ў прыстасаваным цагляным будынку [**21**, л. 103]. Для разгрузкі беларускіх школ у жніўні 1946 г. на вул. Леніна ў будынку былой сярэдняй рускай школы № 1, якую перавялі ў будынак па вул. Пушкіна, 20, была адкрыта сярэдняя беларуская школа № 7 [**20**, л. 34]. Пры школах № 1, 2, 59 (чыгуначная) былі арганізаваны вячэрнія школы [**20**, л. 53]. Нумары школ у пасляваенны перыяд не адпавядалі нумарам школ, што працавалі ў Полацку да вайны, а надаваліся ўстановам у залежнасці ад пачатку заняткаў. Праведзены ў канцы 1946 г. падлік паказаў, што ў Полацку працавала 8 агульнаадукацыйных школ з колькасцю вучняў 4544, 3 вячэрнія школы з колькасцю вучняў 226, 146 настаўнікаў, у т.л. 21 з вышэйшай адукацыяй, 2 садкі і яслі на 110 месцаў. Дзве з трох сямігадовых і адна з дзвюх сярэдніх школ былі беларускімі [**21**, л. 240, 242].

У 1947/48 навучальным годзе была адкрыта 7-гадовая руская школа №8 па вул. Горкага ў былым будынку СШ № 10, які пасля вызвалення горада выкарыстоўваўся пад размяшчэнне гасцініцы. Фактычна ў Полацку на той час працавалі 2 пачатковыя, 4 няпоўныя сярэднія і 2 сярэднія школы; усяго налічвалася 80 камплектаў 1–4 класаў, 23 камплекты 5–7 класаў, 8 камплектаў 8–10 класаў [**21**, л. 227]. З-за адсутнасці спецыялізаваных будынкаў многія школы вымушаны былі займаць грамадскія пабудовы і нават прыватныя дамы. З 11 школ толькі 3 установы знаходзіліся ў спецыяльных школьных будынках. У 1947/48 навучальным годзе была ўведзена абавязковая 7-гадовая адукацыя, што значна павысіла колькасць вучняў у 5–7 класах. З 590 чалавек, якія скончылі ў 1948 г. 4-ы клас, у 5-ы паступілі 549, а у наступным 1949 г. з 742 толькі 1 выпускнік не пайшоў у 5-ы клас [**20**, л. 183].

Працэс навучання ў пасляваенны перыяд наладжваўся з цяжкасцямі: не хапала падручнікаў, дапаможных матэрыялаў і пісьмовых прылад. Колькасць дзяцей школьнага ўзросту з года ў год павялічвалася, месцаў у школах на ўсіх не хапала. Так, у 1948 г. усе школы Полацка працавалі ў 3 змены, замест устаноўленых 35 чалавек у класах было па 50–60 вучняў, за 1 партай сядзелі па 3–4 чалавекі. У выніку, толькі ў першай чвэрці 1947/1948 навучальнага года непаспяховасць складала амаль 30 %: з 3676 вучняў не паспявалі 1075 [**20**, л.8]. Аналіз работы школ у тым навучальным годзе і падрыхтоўкі да новага навучальнага года паказаў, што з-за непаспяховасці з 3590 чалавек 313 атрымалі заданні на лета, 267 засталіся на другі год (не паспявалі па беларускай мове, матэматыцы, гісторыі) [**20**, л. 55].

Непаспяховасць звязвалі не толькі з нізкай матэрыяльнай забяспечанасцю навучальных устаноў, але і з недахопам кваліфікаваных кадраў. Так, у пачатку 1947/1948 навучальнага года з 136 настаўнікаў вышэйшую адукацыю мелі толькі 26, няскончаную вышэйшую – 24, сярэднюю – 86. Прааналізаваўшы работу школ, Полацкі гарвыканкам прыйшоў да высновы аб неабходнасці замены некаторых настаўнікаў з тых, што знаходзіліся падчас вайны на акупаванай тэрыторыі, якіх у полацкіх школах працавала на той час

59 чалавек, і кіраўнікоў школ [**20**, л. 8]. У канцы года ў школах абласнога цэнтра працавала ўжо 149 настаўнікаў, з якіх 32 мелі вышэйшую адукацыю, 4 былі Заслужанымі настаўнікамі БССР, 12 былі ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі. У 1948 г. ордэнам Леніна былі адзначаны А.Г. Александровіч, настаўнік СШ № 7, В.Г. Казьяніна, настаўнік СШ № 3, Т.І. Азернікава, настаўнік СШ № 1; ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга — Л.Г. Дэйніс, дырэктар СШ № 2; Знакам гонару — У.К. Азернікаў, настаўнік СШ № 1 [**21**, л. 67]. У 1950 г. са 166 настаўнікаў 40 мелі вышэйшую, 36 — няскончаную вышэйшую адукацыю [**21**, л. 39].

У выніку, колькасць вучняў, якія не паспявалі, скарачалася з кожным годам. Калі на 1 студзеня 1949 г. з 4250 не паспявалі 816 чалавек, ці 19,2 %, то праз год з 4520 такіх было 717, ці 15,8 % [**22**, л. 183]. У 1950/1951 навучальным годзе з 4401 не паспявалі 647, ці 14,7 %. Асабліва нізкая паспяховасць назіралася па рускай (724 чалавекі), беларускай (469 чалавек) мовах і матэматыцы (382 чалавекі) [**7**, л. 55]. Выпускнікі вячэрніх школ часта паспявалі лепш за вучняў дзённых школ. Так, у 1951 г. 3 скончылі вячэрнюю школу з залатым медалём, 1 з сярэбраным, у той час як у выпускнікоў СШ № 1 і 7 было толькі 2 такія медалі [**7**, л. 11].

Скарачалася і колькасць дзяцей, якія па розных прычынах увогуле не наведвалі школу. Калі ў 1950 г. такіх было 23, то ў 1951 г. ужо 10 чалавек. Сярод дарослага насельніцтва ў той перыяд яшчэ заставалася значная колькасць непісьменных ці малапісьменных. Так, у 1951 г. з 186 малапісьменных навучаліся толькі 49 чалавек і 21 з ліку 53 непісьменных [**7**, л. 10].

У пачатку 1950-х гг. у Полацку ў 1 пачатковай, 2 няпоўных сярэдніх і 5 сярэдніх навучалася 4800 чалавек. 514 чалавек наведвалі 3 вячэрнія школы. СШ № 1 працавала ў 3 змены, у школах № 2, 3, 8 акрамя дзвюх дзённых змен працавалі вячэрнія школы. Акрамя таго працавалі 2 чыгуначныя школы. Два дзіцячыя садкі, разлічаныя на 125 месцаў разам, фактычна наведвала 172 чалавекі [**9**, с. 12].

Звесткі аб колькасці школ, класаў і вучняў па школах г. Полацка за 1952 г. [**9**, с. 54].

	Па плану на 1952 г.	Фактычна за 1952 г.
1. Колькасць школ усяго у т.л. пачатковых няпоўных сярэдніх сярэдніх	9 1 3 5	8 1 2 5
2. Колькасць вучняў усяго у т.л. 1–4 кл. 5–7 кл. 8–10 кл.	5040 1500 2540 1000	4800 1630 1340 880

3. Колькасць класаў-камплектаў усяго у т.л. 1–4 кл. 5–7 кл. 8–10 кл.	151 47 75 29	145 49 69 27
4. Прыём у школы ўсяго у т.л. у 1-я класы 5-я класы 8-я класы	1575 270 700 605	1862 403 877 582
5. Выпуск са школ усяго у т.л. з 4-х кл. 7-х кл. 10-х кл.	1360 675 605 80	1201 617 508 76
6. Напаўняльнасць класаў у т.л. у 1–4 кл. 5–7 кл. 8–10 кл.	 31,9 33,8 34,4	 33,2 33,9 30,7
Вячэрнія школы:		
1. Колькасць школ усяго у т.л. пачатковых няпоўных сярэдніх сярэдніх	3 – 2 1	3 – 1 1
2. Колькасць вучняў усяго у т.л. 1–4 кл. 5–7 кл. 8–10 кл.	540 20 240 280	514 76 206 232
3. Колькасць класаў-камплектаў усяго у т.л. 1–4 кл. 5–7 кл. 8–10 кл.	29 1 12 16	26 5 11 10
Дзіцячыя сады:		
Колькасць дзіцячых садоў у іх месцаў Колькасць дзяцей	2 125 125	2 125 172

У пасляваенны перыяд аднавілі сваю работу ўстановы сярэдне-спецыяльнай адукацыі. У 1946 г. у Полацку працавала 3 тэхнікумы і вучылішчы з агульнай колькасцю навучэнцаў 643 чалавекі [**4**, с. 12]. К 1952 г. тыя ж навучальныя ўстановы наведвала ўжо 911 чалавек [**7**, л. 56].

Пасля вызвалення БССР на ст. Бігосава Дрысенскага раёна быў адкрыты Полацкі будаўнічы тэхнікум. Кіраўніцтву ўстановы ў 1945–1946 гг. выдзялялі грошы на аднаўленне будынка па вул. Фрунзэ ў Полацку [**21**, л. 19], аднак з-за таго, што выкладчыкі мелі ў Бігосава кватэры, зямельныя ўчасткі, вялі гаспадарку, выдзеленыя тэрміны былі спісаны, а тэхнікум перавялі ў Друю.

Згодна з Пастановай СНК БССР ад 04.08.1944 г. № 2-64/5 была аднаўлена Полацкая школа медсясцёр з першапачатковай колькасцю навучэнак 120 чалавек [**21**, л. 85]. З-за недахопу памяшканняў школа доўгі час працавала

ў 2-павярховым будынку каля цырульні «Ландыш» па вул. Гогаля [**8**, с. *223*]. У 1947 г. была зроблена спроба аднаўлення будынка былога казначэйства, аднак, пэўна, сродкаў на яго рамонт у кіраўніцтва ўстановы не было [**20**, л. 86]. У 1954 г. на базе школы медсясцёр адкрылася Полацкае медыцынскае вучылішча [**24**, с. 697].

Полацкае педагагічнае вучылішча (дырэктар тав. Радзевіч, затым тав. Сакалоўскі), якое пачало працаваць у 1944 г., таксама доўгі час адчувала патрэбу ў вучэбных памяшканнях і інтэрнаце для навучэнцаў. Спачатку ўстанова месцілася ў ацалелых дамах па вул. К. Маркса [**8**, с. *220*]. У 1945 г. педвучылішча перавялі ў памяшканне лясного тэхнікума, а затым у былы келейны корпус Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра па вул. Фрунзэ, 89, дзе заняткі праходзілі да 1947 г. З той прычыны, што Полацкі будтэхнікум застаўся на ст. Бігосава, яго цагляны корпус быў перададзены педвучылішчу [**21**, л. *237*]. Аднавіўшы правае крыло будынка з актавай і спартыўнай заламі, вучылішча пераехала ў будынак, які займае па сённяшні дзень.

У пасляваенны перыяд перад абласным кіраўніцтвам ставілася задача не проста ўкамплектаваць школы педагагічнымі кадрамі. Настаўнікі павінны былі мець высокую кваліфікацыю. Таму пры Полацкім педагагічным вучылішчы былі арганізаваны 3-месячныя курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў пачатковай школы [**20**, л. 41], з 1 мая 1945 г. быў адкрыты інстытут удасканалення настаўнікаў [**21**, л. 24], а ў 1952 г. у абласным цэнтры адкрыўся Полацкі педагагічны інстытут [**24**, с. 697].

Распараджэннем СНК СССР ад 30.09.1944 г. № 19331-р была адноўлена дзейнасць Полацкага лясного тэхнікума [**21**, л. 31]. Але толькі ў снежні Полацкі аблвыканкам абавязаў выканаўцу абавязкаў дырэктара тэхнікума І.П. Дэйніса прыступіць да набору 120 навучэнцаў [**21**, л. 31].

З наладжваннем мірнага жыцця была запатрабавана не толькі сярэдняя і спецыяльная адукацыя. Усё большым попытам карысталіся навучальныя ўстановы дадатковай адукацыі. На першым паверсе Кадэцкага корпуса аднавіла работу музычная школа. З'явілася неабходнасць у музычнай адукацыі дарослага насельніцтва. У пачатку 1947 г. пры Полацкай абласной музычнай школе былі арганізаваны вячэрнія курсы для дарослых па класу фартэпіяна, разлічаныя на 20 навучэнцаў, з памерам аплаты 60 руб. з чалавека [**21**, л. 17].

У 1946 г. была створана сетка партасветы, дзе праводзіліся семінары па гісторыі партыі, вывучаліся біяграфіі У. Леніна і І. Сталіна. З восені 1948г. у Полацку пачаў працаваць вячэрні інстытут марксізму-ленінізму пры Абкаме КПБ. У 1950/1951 навучальным годзе ў абласным цэнтры працавала 29 палітшкол, 17 гурткоў па вывучэнні біяграфій класікаў марксізму-ленінізму, 61 гурток па вывучэнні «Кароткага курса гісторыі ВКП(б)», 2 вячэрнія партшколы і вячэрні інстытут [**18**, с. 241].

Культура

Кінатэатры. Пытанні развіцця культуры і аднаўлення сеткі ўстаноў культуры разглядаліся ўжо на адным з першых пасяджэнняў гарсавета ў жніўні 1944 г. Раней за ўсё было прынята рашэнне аб перадачы будынка па вул. Леніна, 19 на пастаяннае карыстанне кінатэатру, у якім на першым сеансе дэманстраваўся фільм «Сталінград» [**20**, л. 19; 14]. Для наладжвання абслугоўвання ўсім арганізацыям і ўстановам, якія мелі мэблю і іншую маёмасць, што належала кінатэатру, было загадана здаць яе за 2 дні Полацкаму гарадскому кінатэатру [**20**, л. 27]. На пачатку лаўкі ў кіназале не мелі нумарацыі, і гледачы займалі месцы адвольна. З цягам часу з усходняга боку было прыбудавана драўлянае памяшканне, у якім размясцілася фае, каса, а ў зале паставілі лаўкі са спінкамі і нумарацыяй [**17**, с. 281]. Начальнік упраўлення кінафікацыі тав. Сушкевіч арганізаваў 4 кінасеансы і не менш за 4 вечары танцаў у памяшканні кінатэатра, выручка ад якіх была накіравана ў дапамогу дзецям-сіротам [**23**, л. 46].

У 1945 г. у Полацку было ўжо два кінатэатры, штат якіх быў зацверджаны ў маі: штат кінатэатра № 1 (па вул. Леніна) — 10 адзінак з фондам зарплаты 2405 руб./месяц, кінатэатра № 2 — 12 адзінак з фондам 2725 руб./месяц [**4**, л. 26]. Другому кінатэатру адвялі стары будынак па вул. Савецкай. Аднак пабудова была моцна разбурана, таму кінатэатр № 2 размясціўся ў памяшканні Кадэцкага корпуса. Дзейнасць гэтай установы выклікала шматлікія нараканні з боку грамадскасці і кіраўніцтва горада за сістэматычныя зрывы сеансаў, прысутнасць на вячэрніх сеансах падлеткаў да 16 гадоў, дапушчэнне нецвярозых грамадзян няветлівае абслугоўванне гледачоў з боку адміністрацыі і дрэнны стан (зала і падсобныя памяшканні былі недастаткова асветлены, у вокнах адсутнічала шкло, сцены былі не пабелены) [**20**, л. 147]. У пачатку 1946 г. рашэннем гарвыканкама памяшканне кінатэатра № 2 было перададзена Абласному дому народнай творчасці [**20**, л. 7].

Летам таго ж года ў сувязі з пагрозай абвалу перакрыццяў столі быў закрыты на рамонт кінатэатр «Радзіма» (былы № 1). На перыяд правядзення рамонтных работ дырэктару кінатэатра тав. Каскевіч было дазволена праводзіць кінасеансы ў памяшканні гарклуба [**19**, л. 26]. Адначасова з гэтым Абласному ўпраўленню кінафікацыі для аднаўлення са змяненнем архітэктуры галоўнага фасада быў перададзены будынак былога кінатэатра «Інтэрнацыянал» па вул. Савецкай 47/17, які быў канчаткова здадзены ў 1948 г. [**20**, л. 61]. У першы ж год работы кінатэатра ў новым будынку было праведзена 1300 кінасеансаў [**20**, л. 79]. У вольным будынку па вул. Леніна вырашана было размясціць гарадскі клуб, пазней — Дом піянераў. Колькасць наведвальнікаў кінатэатра павялічвалася з кожным годам. Так, гадавы план 1950 г. быў выкананы на 100,2 % за 10 месяцаў [**21**, л. 16]. Асаблівае нараканне з боку гарадскога кіраўніцтва выклікала няўдалая арганізацыя рэкламы ў мікрараёнах і недастатковае афармленне кінатэатра наглядной агітацыяй (лозунгі, плакаты), а таксама культурна-

асветніцкая работа сярод гледачоў: малая зала не выкарыстоўвалася для правядзення лекцый (за 10 месяцаў праведзена толькі 12 лекцый, ніводнай лекцыі пра выбары ў мясцовыя Саветы дэпутатаў) [**20**, л. 180]. Кінатэатр «Радзіма» лічыўся кінатэатрам I тыпу, таму квіткі каштавалі на 1 рубель даражэй за квіткі ў кінатэатр II класа. Яго будынак быў адным з самых буйных у рэспубліцы [**20**, л. 290]. З арганізацыяй летняга кінатэатра ў мікрараёне Задзвінне ў 1952 г. у Полацку працавала ўжо 2 кінатэатры на 500 і 200 месцаў [**9**, с. 14].

Бібліятэкі. Патрэба ў бібліятэцы паўстала ў жніўні 1944 г., калі на пасяджэнні гарвыканкама абмяркоўвалася падрыхтоўка да новага навучальнага года і было прынята рашэнне адкрыць у Полацку 1 бібліятэку. Абласная бібліятэка была адкрыта ў красавіку 1945 г. у памяшканні былога Кадэцкага корпуса [**20**, л. 11]. З арганізацыяй абласной бібліятэкі паўстала пытанне аб адкрыцці гарадской публічнай бібліятэкі з чытальнай залай, якую планавалася размясціць у Доміку Пятра I. У 1947 г. гарбібліятэцы было прадастаўлена занятае раней памяшканне па вул. Леніна, 23 [**20**, л. 110].

Наладзіць працу ў пасляваенным горадзе было нялёгка. Праз 4 гады пасля вызвалення гарадская бібліятэка (загадчык тав. Паўлючэнка) пры поўным укамплектаванні штату — 3 чалавекі — працавала, на погляд кіраўніцтва, не здавальняюча: не вёўся ўлік кніг, не праводзіліся лекцыі. Бібліятэку наведвала ўсяго 129 дарослых і 151 маленькі чытач (6 дарослых і 25 дзяцей на дзень), у той час як яе фонд складаў 4871 экзэмпляр. Знаходзілася бібліятэка ў маленькім пакоі памерам 4,5×5 метраў, не мела чытальнай залы і кнігасховішча [**20**, л. 79]. У 1949 г. з'явілася чытальная зала, дзе было арганізавана 17 выстаў, прысвечаных знамянальным датам, а па нядзелях праводзіліся гучныя чытанні часопісаў і газет; колькасць чытачоў складала ўжо 1473 чалавекі [**22**, л. 187]. Толькі ў 1951 г. для гарадской бібліятэкі аднавілі спецыяльны будынак [**7**, л. 12].

З года ў год павялічваўся кніжны фонд: з 1947 па 1951 г. толькі ў абласной бібліятэцы ён вырас з 32 тыс. да 90 тыс. тамоў, у гарадской бібліятэцы за аналагічны перыяд — амаль у 7 разоў [**4**, л. 77]. З павелічэннем бібліятэчнага фонду ў 1948 г. у Полацку адкрылася дзіцячая бібліятэка (сёння дзіцячая бібліятэка імя Л. Талстога), у 1950 г. — гарадская бібліятэка № 2 (сёння бібліятэка імя Я. Купалы) і ў 1952 г. — дзіцячая бібліятэка № 2 (сёння дзіцячая бібліятэка імя Я. Журбы). Шырыўся і спектр паслуг: у 1949 г. пры абласной бібліятэцы быў створаны міжбібліятэчны абанемент, па якім можна было атрымаць кнігі па розных галінах навукі з бібліятэк Мінска, Масквы, Ленінграда. Так, выкладчык педвучылішча Б. Пятровіч выпісаў 8 новых кніг па літаратуры, мастацтве, мовазнаўстве, а заслужаны ўрач БССР Б. Бараўскі — 6 кніг па медыцыне [**1**]. У 1951 г. у Полацку працавалі: абласная бібліятэка з кніжным фондам 93950 экзэмпляраў, 2 гарадскія і 1 дзіцячая бібліятэкі з фондам 29250 экзэмпляраў, прафсаюзныя, ведамасныя і школьныя бібліятэкі з агульным кніжным фондам 5430 экземпляраў [**7**, л. 12]. Аднак на той час толькі гарадская бібліятэка № 1 і дзіцячая бібліятэка знаходзіліся ў прыстасаваных памяшканнях [**7**, л. 57].

У дапамогу тым, хто ўсе намаганні прыкладаў да аднаўлення роднага горада, былі арганізаваны бібліятэкі-перасоўкі. У 1951 г. такіх налічвалася 20, яны абслугоўвалі больш за 1500 рабочых і служачых [**18**, с. 244]. Ствараліся ведамасныя бібліятэкі ў розных арганізацыях горада.

У 1952 г. у Полацку ўжо 4 гарадскія, 9 прафсаюзных і 12 ведамасных бібліятэк, 22 бібліятэкі-перасоўкі на прадпрыемствах горада [**7**, л. 57]. Кніжны фонд складаў 179 тыс. кніг. Колькасць чытачоў дасягнула 3480 чалавек, з якіх 970 былі чытачамі дзіцячых бібліятэк [**7**, л. 12]. У 1954 г. у сувязі з ліквідацыяй Полацкай вобласці абласная бібліятэка была рэарганізавана ў цэнтральную гарадскую бібліятэку і пераведзена ў новае памяшканне па вул. Гогаля, 15.

Музей. За перыяд Вялікай Айчыннай вайны фонды адзінага полацкага музея былі разрабаваны. Рэшткі калекцый — 462 прадметы — у пасляваенны час захоўваліся ў Сафійскім саборы, экспазіцыі не было [**5**, с. 13]. У студзені 1946 г. абласное кіраўніцтва разгледзела пытанне аб арганізацыі ў Полацку абласнога гісторыка-краязнаўчага музея. Для яго размяшчэння найперш было прапанавана памяшканне Доміка Пятра I. Патрабавалася выселіць з помніка работнікаў абласной канторы сувязі, перадаць яго абладдзелу культасветработы і стварыць там музей [**21**, л. 92]. Але, напэўна, па прычыне недахопу жылой плошчы ад гэтай ідэі адмовіліся. Увага была скіравана на Сафійскі сабор. Гарадскія ўлады прынялі рашэнне прыступіць да састаўлення праекта і каштарыса на рамонт сабора і арганізацыі ў ім музея. Заяву вернікаў аб выкарыстанні Сафійскага сабора для богаслужэнняў адхіліла [**21**, л. 242]. Аднак і гэтае рашэнне не спраўдзілася, і ў 1948 г. зноў вярнуліся да ідэі адвесці пад музей і гарадскую бібліятэку Домік Пятра I па вул. Сака і Ванцэці.

З аднаўленнем будынка кінатэатра «Інтэрнацыянал» у 1948 г. вольнае памяшканне былой лютэранскай кірхі адвялі пад музей. Яго адкрыццё было запланавана к святкаванню 30-годдзя БССР. Экспанаты абласнога музея павінны былі распавядаць пра гістарычнае мінулае, утварэнне Савецкай улады, дасягненні прамысловасці і сельскай гаспадаркі за апошнія 30 год. Аддзел сацыялістычнага будаўніцтва атрымаў узоры прадукцыі асобных прадпрыемстваў горада і вобласці. Шырока павінны былі быць прадстаўлены ў экспазіцыі музея матэрыялы па Вялікай Айчыннай вайне, сярод якіх — партызанская і трафейная зброя, экзэмпляры газеты «Большэвіцкі сцяг», што выходзіла ў час вайны як орган Полацкага падпольнага РК КП(б)Б, друкарскія станкі, фатаграфіі горада адразу пасля вызвалення і ў перыяд аднаўлення. Гісторыю Полаччыны прадстаўлялі такія экспанаты, як агнястрэльная зброя, манеты 1642 і 1812 г., летапіс 1774 г., фатаграфіі прыезду ў Полацк Мікалая II, пераносу мошчаў Еўфрасінні ў 1910 г. і шэраг іншых [**13**]. Аднак да свята была падрыхтавана толькі фотавыстава «30 лет Советской Белоруссии» [**2**]. Пакуль ішлі падрыхтоўчыя работы да адкрыцця музея, супрацоўнікі стварылі перасоўную выставу «Творцы савецкай аграбіялогіі», прысвечаную Мічурыну, Вільямсу і Лысенку. Разам з лектарамі абласнога лекцыйнага бюро выставу адправілі ў кал-

гасы вобласці [**15**]. Летам 1949 г. Полацкі абласны краязнаўчы музей быў гатовы прыняць сваіх першых наведвальнікаў. У экспазіцыі музея былі прадстаўлены шматлікія археалагічныя матэрыялы: косці маманта, каменныя сякеры, прадметы бронзавага веку, а таксама старажытная зброя, манеты XVIII–XX стст., мінералы і г.д. Вялікая колькасць экспанатаў распавядала пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны і яе герояў: узоры трофейнай зброі і самаробнай зброі партызан, фатаграфіі байцоў і афіцэраў Чырвонай Арміі, мастацкія палотны «Салют Радзімы» В.Б. Эльконіна, «Пераможаны Берлін» Ф.М. Бараноўскага. Экспазіцыю музея ўпрыгожвалі некалькі карцін В.М. Васняцова [**3**]. Распрацоўкай прыкладных экспазіцыйных планаў для Полацкага абласнога музея займаліся супрацоўнікі Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны [**5**, с. 13–14]. Шмат увагі ў музейнай дзейнасці ўдзялялася арганізацыі перасоўных выстаў. Так, выставу «Сталинская Конституция — Конституция победившего социализма», якая аб'ехала 8 раёнаў Полацкай вобласці, наведала 4500 чалавек [**5**, с. 13]. Павялічвалася і колькасць наведвальнікаў галоўнага музея вобласці. Толькі ў 1954 г. гэтая лічба склала больш за 3 тыс. жыхароў Полацка і бліжэйшых раёнаў [**18**, с. 244].

Клубы і іншыя ўстановы культуры. Для культурнага адпачынку гараджан у абласным цэнтры былі арганізаваны гарадскі клуб на 350 месцаў, ведамасныя клубы і чырвоныя куткі на прадпрыемствах горада, Дом народнай творчасці (дырэктар А.М. Фурын), гарадская танцавальная пляцоўка (кошт білета ў 1947 г. складаў 5 руб.), праводзіліся лекцыі, ствараліся калектывы мастацкай самадзейнасці. У студзені 1945 г. у памяшканні царквы па вул. Леніна, 38 быў арганізаваны Клуб моладзі [**21**, л. 19]. У 1948 г. на птушкакамбінаце, хлебакамбінаце, ліцейна-механічным заводзе былі створаны чырвоныя куткі. Культурным жыццём вобласці кіравала арганізаваная ў сакавіку 1945 г. пры аблсавеце культурна-асветніцкая пастаянна дзеючая камісія з 5 чалавек, якую ўзначаліў М.М. Мышко [**21**, л. 111]. У 1952 г. у Полацку было 9 прафсаюзных і ведамасных клубаў, гарадскі клуб, 25 чырвоных куткоў, 12 калектываў мастацкай самадзейнасці [**9**, с. 14]. Складаная сітуацыя захоўвалася з развіццём культурнага жыцця ў мікрараёнах. Так, на пачатку 1948 г. у Задзвінні ўвогуле не было ніякіх культурных устаноў. Аднак з упарадкаваннем цэнтральнай часткі горада ўвага ўлады была скіравана на развіццё ўскраін. К 1954 г. у Задзвінні дзейнічалі кінатэатр і клуб прамысловай арцелі «Парыжская камуна».

Цэнтрам культурнага жыцця быў гарадскі клуб (загадчык тав. Раскіна), які месціўся на першым паверсе Кадэцкага корпуса каля Мікалаеўскага сабора. Сіламі работнікаў клуба праводзіліся як гарадскія, так і абласныя мерапрыемствы. У пачатку мая 1945 г. быў праведзены першы абласны агляд мастацкай самадзейнасці, прайшла абласная алімпіяда творчасці выхаванцаў дзіцячых дамоў, у канцы мая 1946 г. — алімпіяда мастацкай самадзейнасці па Полацкай вобласці, у верасні 1947 г. — абласны агляд драмгурткоў і калектываў, прысвечаны рабоце над савецкай п'есай. За першую палову 1948 г. у клубе было

прачытана 20 лекцый на палітычна-эканамічныя і гістарычныя тэмы (12), літаратурныя (3), прыродазнаўча-навуковыя (1), медыцынскія (3), грамадска-навуковыя (1) тэмы, якія наведалі 3110 слухачоў, 2 платныя і 10 бясплатных вечарын мастацкай самадзейнасці, паказаны 33 кінакарціны, арганізавана 16 выстаў прафесійных калектываў, праведзена 33 грамадска-партыйныя сходы і канферэнцыі, 5 вечарын моладзі, 1 навагодні баль-маскарад, 23 платныя вечары танцаў. Пры клубе працавалі харавы, народных танцаў, струнны, драматычны гурткі і займалася група салістаў. За адзначаны перыяд было толькі 20 вольных дзён па прычыне адсутнасці электрычнасці [**20**, л. 102]. Работнікі клуба стараліся разнастаіць культурную праграму. У 1949 г. у клубе было прачытана12 лекцый, праведзена 45 эстрадных канцэртаў і спектакляў, 29 канцэртаў мастацкай самадзейнасці, 3 літаратурна-мастацкія вечарыны і 2 вечары пытанняў і адказаў [**22**, л. 186].

З мэтай пашырэння навуковых ведаў сярод насельніцтва пры аддзеле культасветустаноў была створана лектарская група з 20 чалавек [**9**, с. 14]. Пры розных установах было арганізавана 7 лекторыяў [**20**, л. 272]. З мэтай пашырэння прапаганды прыродазнаўча-навуковых ведаў сярод насельніцтва горада ўлетку 1948 г. быў дадаткова зацверджаны склад няштатнай гарадской лектарскай групы. У яе складзе былі выдзелены секцыі фізікі, гісторыі, мовы і літаратуры, прыродазнаўчая, якую ўзначальваў У.К. Азернікаў, медыцынская пад кіраўніцтвам В.С. Магаршака [**20**, л. 18]. За год колькасць лектараў пры аддзеле павялічылася да 25 чалавек (19 настаўнікаў і 4 урачы), імі было прачытана 314 лекцый. Лектарскай групай кіраваў Л.П. Казлоў, секцыяй мовы і літаратуры Н.П. Ярмак, фізікі і геаметрыі І.П. Дэйніс, працавалі таксама секцыі гісторыі, медыцыны, юрыдычная [**20**, л. 65]. У 1951 г. у складзе лектарскай групы ўжо 42 лектары [**20**, л. 272]. Толькі за першае паўгоддзе 1951 г. яны прачыталі 157 лекцый, якія праслухалі 13887 чалавек. Больш паловы лекцый (82) былі на грамадска-палітычныя тэмы («Партыя Леніна-Сталіна, кіруючая і накіроўваючая сіла Савецкага грамадства», «Вялікія будоўлі камунізма» і г.д.), 22 лекцыі на прыродазнаўча-навуковыя тэмы («Аб анцінароднай дзейнасці Ватыкана», «Вечнасць і матэрыяльнасць свету» і інш.), 19 — на медыцынскія («Сучасная сістэма аховы здароўя ў капіталістычных краінах», «Інфекцыйныя хваробы і барацьба з імі») і 16 лекцый былі прысвечаны літаратуры [7, л. 12].

Фізкультура і спорт

Немалаважнае значэнне ў пасляваенны перыяд мела развіццё спорту і фізічнай культуры. Ужо ў верасні 1944 г., улічыўшы неабходнасць заняткаў моладзі і навучэнцаў старэйшых класаў лёгкай атлетыкай, а таксама наведвання секцый валейболу, баскетболу і футболу, гарадскія ўлады прадаставілі клубу фізкультуры раней занятае ім памяшканне па вул. Леніна [**20**, л. 26]. З-за фінансавых праблем доўгі час працягваліся работы па добраўпарадкаванні спартыўных аб'ектаў і назапашванні матэрыяльнай базы. Адзіны ў Полацку

стадыён у Прасмушках, пабудаваны да Вялікай Айчыннай вайны, быў у першую чаргу месцам правядзення пасляваенных дэманстрацый, яшчэ ў 1948 г. на тэрыторыі стадыёна знаходзіліся гароды мясцовых жыхароў [**16**, л. 29].

15–17 ліпеня 1945 г. Полацк прымаў спартсменаў з усёй вобласці, якія ўдзельнічалі ў абласной летняй спартакіядзе ў гонар гадавіны вызвалення БССР, правядзенне якой у наступныя гады стала традыцыяй [**21**, л. 29]. 8–10 верасня 1945 г. у абласным цэнтры прайшло фізкультурнае свята, прысвечанае адкрыццю цэнтральнага стадыёна вобласці. Спартыўнае мерапрыемства наведала рэспубліканская дэлегацыя фізкультурнікаў — удзельнікаў усесаюзнага парада ў г. Маскве [**21**, л. 78]. У 1946 г. аднавіла дзейнасць абласное таварыства «Спартак» [**20**, л. 45], колькасць фізкультурнікаў і спартсменаў расла. У ліпені 1946 г. спартыўная каманда з 87 чалавек удзельнічала ў 2-й Усебеларускай спартакіядзе ў г. Мінску [**21**. л. 61].

Згодна з планам развіцця Полацка, складзеным архітэктарам І. Рапапортам у 1937–1938 гг., была распрацавана дэталёвая планіроўка вострава на левым беразе Заходняй Дзвіны пад парк адпачынку з наступнымі спартыўнымі аб'ектамі: пляцоўкі для тэніса, валейбола, купальныя і водная станцыі, більярдныя, шашачныя, шахматныя. Зацверджаны Саветам Міністраў БССР у жніўні 1948 г. новы генеральны план аднаўлення і развіцця горада ў многім паўтараў папярэдні дакумент. На левым беразе Заходняй Дзвіны было вырашана разбіць парк з фізкультурным комплексам.

Шмат увагі надавалася аздараўленню школьнікаў у перыяд летняга адпачынку. Пры школах арганізоўваліся спецыяльныя пляцоўкі, дзе праводзіліся мерапрыемствы летняй фізкультурна-аздараўляльнай кампаніі. Абласны камітэт па справах фізкультуры і спорту (старшыня тав. Купцоў) клапаціўся і аб развіцці зімовых відаў спорту: кожны год залівалі гарадскі каток, на якім у 1947 г. была арганізавана лыжная база [**16**, л. 29].

Найбольшае распаўсюджанне спорт і фізічная культура атрымалі ў канцы 1940-х — пачатку 1950-х гг. У 1950 г. у Полацку было 50 калектываў фізічнай культуры, якія ахоплівалі каля 4 тыс. чалавек. У наступным годзе іх было ўжо 70, у іх займалася 5550 чалавек [7, л. 16]. Для спартыўных заняткаў былі арганізаваны 1 малы стадыён, 2 спартыўныя пляцоўкі, 1 футбольнае поле, 11 баскетбольных пляцовак, 76 валейбольных пляцовак, тэнісны корт на стадыёне [7, л. 150]. Для жадаючых працавалі 25 секцый па лыжах, якія наведвала 50 чалавек, 21 канькабежная секцыя на 220 чалавек і 6 секцый па хакеі, якія аб'ядноўвалі 78 чалавек [7, л. 16]. Працавала дзіцячая спартыўная школа (дырэктар М.Я. Карасёў) [**21**, л. 199].

Асаблівае развіццё ў пасляванным Полацку атрымаў футбол: было створана 11 дарослых, 8 юнацкіх і 2 дзіцячыя футбольныя каманды. Усе яны ўдзельнічалі ў розыгрышах першынства горада. Асабліва адзначылася каманда «Спартак», якая іграла ў 2-й групе. У 1951 г. яна ні разу не прайграла, а на першынстве рэспублікі заняла першае месца і была пераведзена ў 1-ю групу [7, л. 16]. На на-

ступны год на першынстве рэспублікі полацкі «Спартак» заняў 7-е месца сярод 12 каманд, а юнацкая футбольная каманда заняла 3-ю пазіцыю [7, л. 62].

У 1954 г. у Полацку былі створаны 62 калектывы, якія аб'ядноўваліся ў добраахвотныя спартыўныя аб'яднанні «Спартак», «Лакаматыў», «Медык», «Буравеснік», «Іскра», «Будаўнік» і інш. [**18**, с. 245].

Першае пасляваеннае дзесяцігоддзе для народнай гаспадаркі Полацка было, напэўна, самым цяжкім за ўсё XX ст. Пасля вызвалення ў ліпені 1944 г. палачанам прыйшлося нанова аднаўляць спустошаны горад, дашчэнту разбураныя прадпрыемствы, наладжваць сетку ўстаноў адукацыі і культуры. Немалаважнае значэнне для Полацка ў гэты перыяд мела наданне яму пастановай Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 20 верасня 1944 г. статусу цэнтра вобласці, а таксама матэрыяльная дапамога з боку рэспубліканскіх улад, якая выдзялялася абласцям і ў першую чаргу размяркоўвалася сярод арганізацый абласных цэнтраў.

Перыяд існавання Полацкай вобласці прыпаў на 2 пасляваенныя пяцігодкі — 4-ю (1946–1950 гг.) і 5-ю (1951–1955 гг.). Іх планы аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі прадугледжвалі пераўтварэнне зруйнаванага Полацка ў магутны эканамічны, прамысловы і культурны цэнтр вобласці і рэспублікі ў цэлым. У першую чаргу былі адноўлены прадпрыемствы энергетычнай і харчовай прамысловасці: электрастанцыя, хлебакамбінат, мясакамбінат, а таксама арцелі па вырабе тавараў шырспажыву. Менавіта дзейнасць апошніх у першыя гады пасля вызвалення, калі буйныя прадпрыемствы толькі нарошчвалі вытворчыя магутнасці, аказала значную дапамогу насельніцтву ў забеспячэнні таварамі і прадуктамі першай неабходнасці. У канцы першай пасляваеннай пяцігодкі ў горадзе аднавілі сваю работу і працавалі ўсе прадпрыемствы, што дзейнічалі да вайны. У далейшым яны нарошчвалі энергетычную базу, асвойвалі новыя віды прадукцыі, механізавалі вытворчыя працэсы.

Кантроль за аднаўленнем Полацка здзяйснялі Полацкія абласны і гарадскі саветы дэпутатаў і выканаўчыя камітэты. На кожным пасяджэнні яны разглядалі пытанні наладжвання грамадскага харчавання, аднаўлення жыллёвага фонду, разгортванне сеткі ўстаноў адукацыі і культуры. Асаблівыя цяжкасці выклікала размеркаванне ацалелых і рамантуемых памяшканняў паміж гараджанамі і арганізацыямі. Недахоп жылля не ўдалося поўнасцю ліквідаваць нават да канца 5-й пяцігодкі. Адсутнасць вольных памяшканняў стварала складаную сітуацыю ў школах, дзе ў 1-м пакоі маглі вучыцца адначасова да 60 чалавек. Разам з дэфіцытам падручнікаў, дапаможнікаў і пісьмовых прылад гэта садзенічала маруднаму скарачэнню колькасці вучняў, якія не паспявалі за вучэбнай праграмай. Улады стараліся ахапіць навучаннем разнастайны кантынгент жыхароў Полацка: дзеці школьнага ўзросту, падлеткі, якія ўладкаваліся на працу, непісьменныя дарослыя. Пабудова спецыяльных школьных будынкаў, павышэнне кваліфікацыі настаўніцкіх кадраў і рост

агульнага дабрабыту палачан дапамаглі вырашыць усе праблемы пасляваеннай лакальнай сістэмы адукацыі.

З першых дзён пасля вызвалення шмат увагі надавалася аздараўленню насельніцтва, культурнаму адпачынку палачан, развіццю спорту. Найбольшыя намаганні ўрачоў былі прыкладзены да ліквідацыі ўспышкі інфекцыйных захворванняў, якія падмацоўваў антысанітарны стан горада і медыцынскіх устаноў. Вялікае значэнне ў пасляваенны час мела павелічэнне нараджальнасці і догляд за парадзіхамі і дзецьмі дашкольнага ўзросту, таму ў Полацку не толькі былі адкрыты радзільны дом, малочныя кухні, жаночая і дзіцячая кансультыцыі, але і вялася жорсткая барацьба з крымінальнымі абортамі.

Для забеспячэння патрэб насельніцтва ўстановы культуры стваралі філіяльныя сеткі, праводзілі выязныя мерапрыемствы і стваралі перасоўныя выставы. У Полацку дзейнічалі абласныя (бібліятэка, Дом народнай творчасці) і гарадскія (клуб, кінатэатры) установы культуры, ствараліся чырвоныя куткі і калектывы мастацкай самадзейнасці на прадпрыемствах, чыталіся лекцыі, арганізоўваліся тэматычныя вечарыны. У гарадскім клубе выступалі сталічныя і мясцовыя артысты, праводзіліся абласныя агляды і алімпіяды сярод калектываў мастацкай самадзейнасці.

Каманды полацкіх спартсменаў прымалі ўдзел у рэспубліканскіх спаборніцтвах. Гарадскія калектывы па разнастайных відах спорту аб'ядноўвалі тысячы палачан, праводзілася планавая падрыхтоўка значкістаў ГПА. Для спартсменаў і фізкультурнікаў будаваліся спартыўныя пляцоўкі і назапашвалася матэрыяльная база спортінвентару.

Калі першую пасляваенную пяцігодку можна характарызаваць як аднаўленчую, то другая пяцігодка — аднаўленча-развіццёвы перыяд, калі адбудаваныя прадпрыемствы, арганізацыі і ўстановы, пераадолеўшы асноўныя праблемы пасляваенных гадоў, перайшлі да наладжвання стабільнай працы, назапашвання энергетычнай і матэрыяльнай базы для павелічэння тэмпаў вытворчасці і аб'ёмаў паслуг.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Баланкова, П. Междубиблиотечный абонемент / П. Баланкова // Большевистское знамя. — № 14 (732). — 12 февраля 1949 г. — С. 2.

2. В краеведческом музее // Большевистское знамя. — № 48 (615). — 23 декабря 1948 г. — С. 2.

3. Гаттих, В. В областном краеведческом музее / В. Гаттих // Большевистское знамя. — № 38 (785). — 17 июня 1949 г. — С. 2.

4. Данные о развитии г. Полоцка за 1945–1964 гг. (Полоцкий промышленно-экономический район / Рукопись // Архіў Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ. — Полоцк, 1965. — 22 с.

5. Джумантаева, Т.А. Краязнаўчы музей Полацка (пач. 20 ст. – 70-я гг. 20 ст.) / Т.А. Джумантаева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 1999 г.) / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк: НПГКМЗ, 2000. – С. 5–15.

6. Докладные записки отделов и коммунальных предприятий исполкома о восстановлении их деятельности; статсведения горисполкома и других о репатриации, соцобеспечении и награждении жителей города, о жилищном фонде и по другим вопросам // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 18.

7. Доклады о работе исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 93, 110.

8. Дэйніс, І.П. Полоцк в XX веке / І.П. Дэйніс // НПГКМЗ. – КП 19-2345. – С. 210–237.

9. Итоги выполнения народнохозяйственного плана города Полоцка за 1952 год / Рукапіс // Архіў Краязнаўчага музея – філіяла НПГКМЗ. – Полацк, 1953. – 60 с.

10. Магаршак, В. Праблема рака / В. Магаршак // Большэвіцкі сцяг. – № 6 (472). – 6 красавіка 1947 г. – С. 2.

11. Материалы депутатам Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся для отчёта перед избирателями / Рукапіс // Архіў Краязнаўчага музея – філіяла НПГКМЗ. – Полацк, 1955. – 22 с.

12. Міхачоў, С. Узмацніць барацьбу супроць крымінальных абортаў / С. Міхачоў // Большэвіцкі сцяг. – № 34 (437). – 14 лютага 1947 г. – С. 2.

13. Осташкевич, П. К созданию музея в Полоцке / П. Осташкевич // Большевистское знамя. – № 37 (590). – 23 сентября 1948 г. – С. 2.

14. Па гораду і раёну // Большэвіцкі сцяг. – № 22 (34013). – 2 жніўня 1944 г. – С. 2.

15. Передвижная выставка // Большевистское знамя. – № 23 (742). – 15 марта 1949 г. – С. 2.

16. Переписка с республиканскими, областными и городскими учреждениями по вопросам восстановления и развития городского хозяйства и культуры, улучшения благосостояния трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 57.

17. Полацкая даўніна / І.П. Дэйніс; уклад., прадм. і камент. М. Баўтовіча; пер. з ... мовы М. Ермалаева. – Мінск: Медисонт, 2007. – С. 300–305.

18. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. ИН-т истории; редкол.: П.Т. Петриков (отв. ред.) и др. – 2-е изд., перераб и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 233–238.

19. Постановления исполкома Полоцкого горсовета депутатов трудящихся и Полоцкого горкома КПБ // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 11, 22.

20. Протоколы заседаний исполкома Полоцкого горсовета депутатов трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 2, 12, 23–24, 44, 52, 65, 78, 88.

21. Протоколы заседаний исполнительного комитета Полоцкого областного Совета депутатов трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 686. – Воп. 1. – С. 16, 29, 30, 31, 53, 54, 55, 56, 83, 86.

22. Протоколы решений, доклады и др. материалы по подготовке для рассмотрения их на сессиях горсовета // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 65.

23. Распоряжения облисполкома по основной деятельности // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 686. – Воп. 1. – С. 28, 81.

24. Яноўская, В.В. У мірнай працы / В.В. Яноўская // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 693–700.

25. Яшчэ грымелі баі. З успамінаў І.П. Дэйніса // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 491–493.

Копыл С.П.

46-я авиационная дивизия Западного фронта в оборонительных боях в июле 1941 г.

Роль советских Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне нашла должную оценку в приказе Верховного Главнокомандующего Вооружёнными силами Советского Союза И.В. Сталина № 51 от 19.08.1945 г.: «В Великой Отечественной войне советского народа против фашистской Германии наша авиация с честью выполнила свой долг перед Родиной». Её действия были и остаются объектом постоянного внимания специалистов и военных историков. Библиография на эту тему достаточно обширна. Среди ранних работ выделяются коллективный труд «Советские Военно-воздушные силы в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» (1968 г.), книги А.Г. Фёдорова «Авиация в битве под Москвой» (1975 г.) и М.Н. Кожевникова «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1977 г.), а также материалы IX военно-научной конференции ВВС (1986 г.). В настоящее время благодаря интернету появилась возможность познакомиться с интересными работами М.В. Тимина, В.И. Перова, О.В. Растренина, М.В. Зефирова, М.С. Солонина. Однако во всех рассмотренных работах события, которые развернулись под Полоцком летом 1941 г., не получили должной оценки. Хотя срыв сроков наступления немецкого 57-го моторизованного армейского корпуса (МАК) повлиял на изменение планов по дальнейшему наступлению 3-й танковой группы генерал-полковника Г. Гота.

Ранним утром 27.06.1941 г. артиллеристы 390-го гаубичного артиллерийского полка полоцкого гарнизона не позволили противнику сходу захватить мосты в Полоцке. Ожесточённые бои, в которых кроме 174-й СД приняли участие части 98-й и 186-й стрелковых дивизий, задержали продвижение немецких войск и тем самым сорвали планы Вермахта по своевременному обеспечению правого фланга немецкой группы армий «Север», нацеленной на Ленинград. Боевые действия советских войск с воздуха на Великолукском операционном направлении обеспечивала 46-я скоростная бомбардировочная авиационная дивизия (СБАД). Она была сформирована в 1940 г. в Московском военном округе. На 22.06.1941 г. в её боевой состав входили: управление дивизии, четыре авиационных полка (95-й, 98-й, 134-й, 208-й – каждый в составе пяти эскадрилий), внештатные курсы командиров звеньев, части и подразделения 167-й авиабазы. Полки дивизии под командованием командира дивизии полковника Б.Р. Писарского, заместителя командира подполковника

А.А. Бурдина, заместителя командира по политчасти старшего батальонного комиссара И.Л. Ехичева и начальника штаба подполковника П.И. Брайко базировались на аэродромах Калининского и Московского аэроузлов. На её вооружении находились пикирующие бомбардировщики Пе-2, Ар-2 и дальние бомбардировщики ДБ-3. Всего 183 самолета, из них боеготовы – 137 (или 75 %) [**1**, л. 1]. Во второй половине 22 июня командование дивизии отдало приказ о переходе на штаты военного времени: были расформированы курсы командиров звеньев, принято решение о передаче 98-го авиаполка на ДБ-3 в состав 52-й дальнебомбардировочной дивизии. Начиная с 23.06.1941 г. части и подразделения приступили к плановому приёму военнообязанных и техники из народного хозяйства, а также отправки военнослужащих кадров на развёртывание новых частей и подразделений. В этот же день в 9:45 по донесению ротного участка войск наблюдения, оповещения и связи г. Калинин о большой группе бомбардировщиков, летящих от Великих Лук в сторону Калинина, в воздух была поднята эскадрилья 95-го бомбардировочного авиаполка в составе 8 самолетов Пе-2. Пробарражировав около часа и не встретив противника, самолеты совершили посадку на аэродроме Мигалово г. Калинина [**8**, л. 1].

Табл. 1. **Лётный состав 46-й АД по состоянию на 23.06.1941 г.** [**1**, л. 12].

	Управление 46 СБАД	95 БАП	134 СБАП	208 СБАП	Всего
Лётчиков и пилотов	5	84	78	79	246
Лётчиков-наблюдателей и стрелков-бомбардиров	5	78	92	103	278
Воздушных стрелков и стрелков-радистов	1	98	95	87	281
Готовых экипажей	1	54	51	44	150
Готовых экипажей, но не имеющих самолётов	1	–	22	28	51
Не полных экипажей	3	–	3	4	10

В связи с резким ухудшением наземной и воздушной обстановки на фронте Ставкой Главного Командования Красной Армии было принято решение о передаче ряда авиационных дивизий из внутренних военных округов в состав действующей армии. Среди них была и 46-я СБАД, поступившая в оперативное подчинение 22-й армии Западного фронта. С момента вхождения в состав действующей армии (30.06.1941 г.) в её боевом составе числилось:

Табл. 2. **Боевой состав 46-й СБАД по состоянию на 30.06.1941 г.** [**1**, л. 8].

Типы самолётов	Управление 46 СБАД (аэр. Мигалово)	95 БАП (аэр. Мигалово, г. Калинин)	134 СБАП (аэр. Дубровицы г. Подольск)	208 СБАП (аэр. Климово, г. Ржев)	Всего
Пе-2	1	58	–	–	59
Ар-2	–	–	21	–	21
СБ-2 (с моторами М-103)	1	1	27	45	73+/–1
СБ-2 (с моторами М-105)		1	–	10	11+/–1

Всего 165 боевых машин примерно с одинаковыми требованиями по их техническому обслуживанию.

Некоторое изменение произошло в 208-м скоростном бомбардировочном авиационном полку (СБАП): 27.06.1941 г. он получил шестую эскадрилью в составе 9 самолётов СБ-2 из учебного полка при Академии командно-штурманского состава ВВС Красной Армии [**2**, л. 2].

Первым в войну вступил 208-й СБАП под командованием майора Л.В. Коломейцева. Произошло это 30.06.1941 г. В сложных метеоусловиях все шесть эскадрилий вылетели на бомбардировку вражеских переправ через р. Западная Двина у г. Двинска (ныне г. Даугавпилс). Из-за большого расстояния от аэродрома постоянного базирования до объектов удара для дозаправки горючим и маслом был выделен промежуточный аэродром в г. Великие Луки. Боевая задача была выполнена частично: большая часть самолётов до г. Двинска не сумела долететь. Так, первая эскадрилья в составе 9-ти СБ вернулась из-за низкой облачности. При посадке в Великих Луках один самолёт был разбит вследствие невыпущенных шасси. Экипаж серьёзно не пострадал. Вторая эскадрилья в составе 8-ми СБ также возвратилась с маршрута. Шестая эскадрилья в составе 8-ми самолетов СБ вернулась из-за низкой облачности в районе г. Себеж. Над г. Пустошкой она была атакована парой своих истребителей МиГ-3, а при посадке на аэродроме Великие Луки обстреляна пулемётным огнём. Четвёртая и пятая эскадрильи (всего 17 самолётов) не долетели до цели, заблудились и к концу дня на свой аэродром не вернулись. Боевое задание было выполнено только третьей эскадрильей в составе 9-ти СБ. В 15:53 она с высоты 2000 м в условиях сильного противовоздушного противодействия нанесла удар по переправам через Западную Двину. На противника было сброшено 80 бомб ФАБ-100. Экипажами отмечены прямые попадания в переправы. При отходе от цели один самолёт загорелся и стал падать. [**8**, л. 8]. Судьба еще трёх экипажей оставалась неизвестной. На базу они не вернулись. Впоследствии все четыре самолёта были отнесены в категорию сбитых. Таким образом первый резуль-

тат оказался весьма скромным: на боевое задание вылетел 51 самолёт из 55, к цели вышло 9 самолётов. В бою потеряно 4 машины и ещё одна потеряна при посадке. И хотя третья эскадрилья претендует на уничтожение 5-ти немецких истребителей, подтверждения этому нет. Полёты на предельную дальность с максимальной бомбовой нагрузкой в сложных метеоусловиях показали недостаточную выучку лётного состава и прежде всего командиров эскадрилий и их заместителей.

01.07.1941 г. 134-й скоростной бомбардировочный авиаполк (командир полка майор П.Н. Ткачёв) получил приказ тремя эскадрильями нанести удар по скоплению немецких танков в районе м. Плещеницы. В период с 20:40 до 21:37 26 советских бомбардировщиков успешно выполнили боевое задание. При полёте от цели на шоссе Лепель – Плещеницы экипажи наблюдали движение пехоты противника с артиллерией. На свой аэродром эскадрильи не сумели вернуться: две из них сели на аэродром Бешенковичи, одна – на аэродром Витебск [**8**, л. 13]. При этом противовоздушная оборона Витебска обстреляла свои самолёты. К счастью, обошлось без потерь. И в вылете 134-го СБАП, как и в случае с 208-м СБАП, сказалась низкая слётанность эскадрилий на предельную дальность. Следующий день ушёл на сбор самолётов на свои аэродромы, их обслуживание и выполнение разведывательного полёта звеном 95-го БАП (командир – полковник С.А. Пестов) в районе Крустпилса, ж.-д. станции Силины. При этом наземная обстановка вновь ухудшилась: 4-я танковая группа группы армий «Север» начала свой рывок с двинского плацдарма к Пскову, а 3-я танковая группа группы армий «Центр» – к Полоцку. 03.07.1941 г. 134 СБАП в составе 5-ти эскадрилий (42 самолёта) вылетел на уничтожение танковых колонн противника в районах Докшицы, Плещеницы. При посадке с бомбами в Витебске для дозаправки один Ар-2 получил повреждения и продолжить полёт не смог. Остальные экипажи выполнили поставленную боевую задачу: вторая эскадрилья нанесла удар по скоплению пехоты на восточной окраине м. Браслав. На обратном пути три эскадрильи совершили посадку на аэродроме Опочка, а две вернулись домой [**1**, л. 17], [**3**, л. 1]. 208-й авиаполк 4-мя эскадрильями (40 самолётов) при сильном противодействии ПВО противника действовал по скоплению танков северо-западнее Двинска. С задания вернулись все экипажи [**8**, л. 17]. В период с 13:30 до 14:30 авиаразведкой 95-го БАП в районе м. Глубокое установлено продвижение нескольких мотомеханизированных колонн противника протяжённостью от 4-х до 10 км каждая в общем направлении Полоцк, Дисна [**11**, л. 1, 2]. В этот день немецкие войска продолжали наступать. Разведывательный батальон 19-й немецкой танковой дивизии после ожесточённого боя занял большую часть г. Дисна и попытался сходу переправиться на правый берег Западной Двины. Контратакой 98-й советской стрелковой дивизии 22-й армии немцы были отброшены в исходный район. Рано утром следующего дня уже двумя усиленными группами они повторили попытку закрепиться на противоположном берегу. С одного плацдарма немцы

были выбиты, но другой сумели удержать за собой, и приступили к подготовке наведения переправ. 46-я СБАД в этот день продолжала в основном действовать по району г. Двинск. На дисненский плацдарм было выделено две эскадрильи пикирующих бомбардировщиков Ар-2 из 134-го СБАП. В воздушном бою над Дисной был потерян один самолёт, но сбит и один истребитель противника Ме-109. Два вылета в район Краслава, Дагда совершил 95-й БАП. По докладам экипажей наблюдались прямые попадания в переправы. При возвращении на свой аэродром были атакованы группой своих истребителей и потеряли один самолёт. Лётчик и штурман сгорели, стрелок-радист был тяжело ранен.

04.07.1941 г. звено лейтенанта А.И. Быкова из 134-го СБАП при подходе к цели было встречено зенитной артиллерией противника. Один самолёт был повреждён. Командир звена приказал сомкнуть строй и первым пошёл в атаку на колонну танков. Отбомбившись, звено взяло курс на свой аэродром. Через некоторое время оно подверглось нападению немецких истребителей. Отбивая их атаки, Быков не покидал подбитого товарища. После вынужденной посадки последнего посадил рядом свой бомбардировщик, забрал экипаж подбитого самолёта и благополучно вернулся на базу.

К исходу дня явственно обозначилось значение дисненского плацдарма для противоборствующих сторон. До 15.07.1941 г. на нём развернулись ожесточённые, кровопролитные бои. Особенностью ведения боевых действий 22-й армии было то, что её соединениям приходилось сражаться на трёх направлениях: на Себежском, Полоцком и Витебском. Поэтому полки 46-й СБАД были вынуждены действовать на широком фронте при сильном противодействии ПВО противника.

Табл. 3. **Итоговые потери самолётов дивизии в период с начала боевых действий по 29.07.1941 г.** [7, л. 2–20].

Причины потерь	95 АП	134 АП	208 АП	Всего
Уничтожено противником на аэродромах	–	1	–	1
Уничтожено противником в воздушных боях	5 (один сбит своими)	31	18	54
Сбито зенитной артиллерией противника	сведений нет	11	сведений нет	11
Разбито самолётов в результате катастроф и аварий	–	10	5	15
Пропало без вести	сведений нет	17	32	49
Всего	5	70	55	130

Таким образом потери самолётного парка по полкам первоначального состава составили 79 %. При этом на свои аэродромы не вернулся 151 чел. лётного состава. Для восполнения потерь некоторое количество самолётов было получено 208-м и 134-м полками. Достоверно известно, что 134-й АП получил 25 машин (11хАр-2 и 14хСБ-2), а 208-й АП – 24 самолёта СБ-2. В ходе боевых действий произошло изменение в составе дивизии. 95-й БАП (32хПе-2) 08.07.1941 г. был передан в состав Северо-западного фронта. К 14.07.1941 г. оставшиеся в исправном состоянии 5 самолётов СБ 208-го СБАП с 10-ю лётными экипажами и наземным обслуживающим персоналом были переведены в 134-й СБАП. А 16.07.1941 г. на ржевский аэродром приземлились самолёты вновь сформированного 150-го АП (32хСБ-2) под командованием подполковника И.С. Полбина и 9-й истребительный авиаполк (ИАП) в составе 13-ти истребителей И-16 (командир полка – подполковник С.И. Тимофеев). Фактически 9-й ИАП – это одна эскадрилья. Но уже реализуется идея формирования из 46 бомбардировочной дивизии смешанную авиадивизию, в которой имеются свои истребители для прикрытия бомбардировщиков. Объясняя высокие потери, начальник штаба 134-го СБАП майор С.М. Могиндовид в донесении в штаб дивизии писал: «Причины понесённых потерь (объясняются следующим – С.К.)*: работа над полем боя без прикрытия истребителями, старая матчасть (малая скорость), усталость лётного состава (круглосуточная работа и незначительный отдых)*» [7, л. 14]. К этому следует добавить противодействие зенитной артиллерии и авиации противника. Существует и ещё один фактор, повлиявший на высокие потери советского лётного состава. В официальных документах про это упоминается вскользь. Немецкие лётчики не только стремились сбить советские самолёты, но и уничтожить их экипажи, расстреливая их в воздухе при аварийном покидании подбитой машины с парашютами или на земле в момент совершения вынужденной посадки. Самолёт, сколько бы он ни стоил денег, является расходным материалом, как патрон или портянка. А чтобы научить лётный экипаж грамотному использованию вверенной ему матчасти, нужны не только деньги, но годы напряжённой боевой подготовки. Один из командиров эскадрилий 208-го СБАП, фамилия которого отсутствует в боевом донесении на имя командира дивизии (имеется только его личная подпись) о посадке горящего самолёта, писал: «Один из вражеских истребителей не прекращал атаки до момента посадки самолёта в лесу и даже когда я уже после посадки вылез из кабины, он зашёл, дал *2–3 очереди с высоты 25–30 м, второй заход он сделал на очень низкой высоте буквально надо мной, приоткрыл боковую* переднюю часть своей кабины и сфотографировал меня у моего самолёта. Я дал по нему два выстрела из пистолета. Он медленно прошёл надо мной и больше не показывался». [**12**, л. 16]. Сохранилась объяснительная записка командира звена 134-го АП лейтенанта Камалягина. В ней он описывает почти курьёзный случай, когда 04.07.1941 г. после попадания в его самолёт зенитного снаряда у кабины штурмана выбило нижние люки и выбросило зим-

ний комбинезон. И по этому комбинезону два немецких истребителя Ме-109 произвели атаку, стремясь убить советского лётчика. Заместитель командира эскадрильи 208-го СБАП Герой Советского Союза капитан А.Е. Остаев получил приказ 07.07.1941 г. разбомбить скопление войск противника северо-восточнее г. Дисна. Сам он рассказывает про это боевое задание так: «Вылетели (звеном – С.К.) *в 11:10,* бомбометание произвели в 12*:25 с высоты 1200 м. После бо*мбометания были обстреляны сильным зенитным огнём. *В районе* Борковичи атакованы звеном истребителей Ме-110. При первой атаке один истребитель был нами сбит. Загорелся самолёт левого ведомого старшины Гусева. В скором времени загорелся самолёт правого ведомого старшины Терёхина. Одновременно мою машину стало сильно трясти, т.к. была отрублена лопасть правого винта, лопасть левого винта была погнута, руль высоты – правая сторона и левый элерон были разворочены снарядом. Гидросистема была пробита, отчего вывалились шасси. Кроме того, во всех машинах была масса пулевых пробоин. Мой самолёт загорелся, я пошёл с резким снижением на посадку. Истребители противника обстреливали до самого приземления*, причём, в момент выскакивания из горящей машины по нам ещё была дана очередь. Мой штурман младший лейтенант Корнилов ранен в обе руки, а стрелок-радист младший сержант Фертиков ранен в обе ноги. В 2-х км был найден экипаж Терёхина. Лётчик старшина Терёхин, штурман лейтенант Снопков, стрелок-радист младший сержант Степанов сгорели в самолёте.* (Недалеко – С.К.) был найден третий экипаж. Остался жив старшина Гусев, который спасся на парашюте. Он мне доложил: «Машина стала сильно гореть, расплавленный металл стал брызгать на комбинезон. Он подал команду выбрасываться на парашютах, перекрыл баки*, включил противопожарные краны, выключил зажигание и выбросился с парашютом. При спуске был атакован истребителем. По словам колхозников, выпрыгнул и штурман младший лейтенант Бунтов, но зацепился парашютом за стабилизатор. Стрелок-радист Ясютин, очевидно, был убит и не пытался выброситься*» [**12**, л. 32, 33].

В последующие дни в донесениях появляются названия новых населённых пунктов Витебской области: Волынцы, Бигосово, Росица, Освея, Игнатовичи, Фесюки, Ветрино. По мере нарастания накала боёв на земле нарастал накал боёв и в воздухе. 11.07.1941 г. 134-й СБАП совершил 46 самолётовылетов, работая по мотомеханизированным колоннам противника на дорогах Званица – Игнатово и Званица – Фесюки. Повторным вылетом 4-й и 5-й эскадрилий (8хСБ-2) произвели удар по танкам и пехоте немцев на дороге Улла-Сиротино. При подходе к цели звенья были встречены сильным зенитным огнём и атакованы самолётами противника. Нашими стрелками-радистами было сбито два Ме-110 и подбит один Ме-109. Но и нами было потеряно 5 экипажей. Среди них экипаж заместителя командира полка майора С.А. Ульяновского Его, обгорелого и израненного, лежащего без сознания, нашла семья Багрецовых из д. Спасское Шумилинского района. «В деревне знали, что Багрецовы пря-

чут раненого лётчика. И свято хранили тайну. О раненом заботились многие крестьяне. Они приходили к Ульяновскому, приносили ему лучшее, что у них было». Весной лётчика переправили через линию фронта и уже в июле 1942 г. он летал на боевые задания. В 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Матрёна Андриановна Багрецова за спасение советского пилота была награждена орденом Красная Звезда [**9**, л. 74–76].

В фонде Полевого управления 22-й армии сохранился список личного состава частей 46-й СБАД, представляемого к правительственным наградам по состоянию на 16.07.1941 г. В списке 92 фамилии лётного состава управления дивизии, 134-го и 208-го авиаполков. Документ интересен тем, что в силу различных обстоятельств не был реализован, но в нём часто упоминаются населённые пункты Витебской области. Приведу некоторые выдержки из него: «Младший лейтенант Гершкович Виктор Львович – командир звена, с 1.7 по 13.7.1941. имеет 13 боевых вылетов. Бесстрашный лётчик, беспощадный к врагам. *6.7.41 г. при выполнении боевого задания в районе Борковичи был подбит зенитной артиллерией и истребителями противника. Один мотор был пробит, маслосистема нарушена. Сбросив бомбы на цель, он умело ушёл на свою территорию и посадил машину благополучно. Экипаж невредим…* Командир экипажа лейтенант Хрущёв Леонид Никитович (сын Никиты Сергеевича), член ВЛКСМ, имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. В воздушном бою 6.7.41 г. храбро дрался с истребителями противника, вышел с изрешечённой машиной… Стрелок-бомбардир лейтенант Король Надежда Гавриловна, член ВКП(б). Имеет 5 боевых вылетов, как штурман метко поражает цели противника. В бой шла с большим рвением. В бою сбила один вражеский истребитель… Штурман эскадрильи капитан Губарец Николай Алексеевич. 7.7.41 г. в районе Борковичи сильным огнём зенитной артиллерии и атакой тремя вражескими истребителями перебито частично управление. Находчивость штурмана помогла кислородными шлангами привязать*(ся)* за штурвал и держать его до посадки (помогая лётчику – С.К.). Одновременно соблюдал ориентировку. Взаимная выручка спасла жизнь и матчасть экипажа… *Стрелок-радист младший сержант Смирнов Иван Андреевич,* имеет 4-*е* боевых вылета. В воздушном бою 12.7.41. в районе Городок, защищая жизнь экипажа и других товарищей, метким огнём пулемётов сбил два Не-112. Огонь вёл до тех пор, пока горящий самолёт, на котором летал Смирнов, не врезался в землю» [**10**, л. 4–5, 10, 13, 20].

Боевые вылеты обеспечивал наземный персонал: мотористы, механики по самолётам, по приборам, по вооружению, водители спецмашин, слесари, электрики и токари ремонтных мастерских. Про их труд говорят во вторую очередь. Но если бы не они, не было бы и внушительных побед над врагом. Они готовили машины к боевым вылетам, встречали их с многочисленными повреждениями и восстанавливали в короткие сроки. В мирное время на замену одного мотора уходило 3–4 дня. В боевой обстановке неисправный мо-

тор менялся за 6–7 часов. Представляя наземный персонал к правительственным наградам, командование 134-го СБАП отмечало: «Тов. Алёшин Алексей Андреевич отлично работает по подготовке материальной части самолёта. Одновременно овладевает второй специальностью – переукладчика парашютов. Ночью, когда лётный состав отдыхает, он, не считаясь со временем и усталостью, переукладывает парашюты, содержит их в отличном состоянии… Тов. Максин (Аркадий Петрович – С.К.*) самоотверженно работает по обеспечению готовности вооружения и бомбовооружения самолёта. За время боевых действий матчасть работала безотказно. После возвращения с боевых заданий самолётов, он сейчас же тщательно осматривает вооружение, подвешивает бомбы, устраняет все недостатки, замеченные во время осмотра. Когда его самолёты находятся в воздухе, он помогает в работе другим подразделениям, вовлекая своим личным примером в работу товарищей*». [**5**, **6**]. И как итог работы всего наземного технического персонала – выписка из наградного листа старшего инженера 134-го авиаполка военинженера 3-го ранга Куликова А.Е.: «Обеспечил 850 боевых самолётовылетов полка, организовал смену 10 авиамоторов в максимально короткий срок. Самолеты, требующие заводского ремонта, ремонтировались на аэродромах в полевых условиях. За весь период боевых действий полка не было ни одного случая отказа и не выхода матчасти по вине технического состава. Под его руководством весь технический состав полка работал чётко, не считаясь со временем, отдавая все знания и силы на своевременное обеспечение боевых полётов» [**4**].

Это заслуженное признание ратного труда воинов советским командованием, но имеется и оценка действия советской авиации, в том числе и 46-й СБАД, противником. В военных дневниках (аналог советских журналов боевых действий – С.К.) 3-й танковой группы и её 57-го моторизованного армейского корпуса немало записей, посвящённых советским лётчикам. До выхода передового отряда 19-й ТД из 57-й МАК к Западной Двине действия советской авиации оцениваются достаточно скромно*: «2.7.41 г. 21:00. А*виация противника не действует, за исключением двух русских самолётов-разведчиков». [**13**, f130]. Но уже в последующие дни картина кардинально меняется: «*4.7.41 г. 13:00.* противник многократными ударами с воздуха противодействует переправе 19-*й* ТД через Двину. В данный момент в первый раз, а затем ещё два раза в течение второй половины дня по заявкам 19-*й* ТД было затребовано усиленное прикрытие истребителями над Дисной. Однако 8 воздушный корпус радиограммой обращает внимание корпуса на то, что не может обеспечить непрерывный авиационный контроль ввиду нехватки самолётов, нехватки ГСМ и необходимости прикрывать район протяжённостью в 200 км. *По*этому удовлетворить заявку 19 тд на постоянное дежурство 1–*2 истребителей над Дисной невозможно*» [**13**, f138]. «*5.7.41 г. 19 тд* с самого раннего утра подавляется русскими бомбардировщиками…и из-за этого несёт серьёзные потери, вновь просит

прикрыть её истребителями» [**13**, f148]. Сами танкисты в отчёте о боевых действиях за 05.07.1941 г. этот день описали более подробно: «В течение всего дня последовали бомбовые удары русских ВВС, каждый с участием от 3-х до *13-ти машин по месту наводки мос*та, маршруту наступления и окружающим лесам. В ходе одного из ударов *19* мотоциклетный батальон потерял убитыми 33 человека и ранеными 99 человек. Противник пытался постоянными контрударами при поддержке штурмовой авиации выдавить плацдарм за реку» [**13**, f127]. Не изменилась картина и в последующие дни. Советская авиация продолжала наносить непрерывные удары по немецким войскам. Прикрытие истребителями Люфтваффе плацдарма было признано «не полностью эффективным». Непрерывное воздействие советских летчиков по противнику, деморализующее подействовало на его личный состав. Стали отмечаться массовые случаи применения оружия по своей авиации. Был сбит самолёт-разведчик Хеншель-123 и ещё несколько повреждены. Раздражённый потерями в лётном составе и технике командир 8-го воздушного корпуса генерал авиации Вольфрам барон фон Рихтгофен отдал приказ: «Отныне, в случае обстрела со стороны собственных зенитных средств, наносить ответный удар по открывшему огонь орудию» [**14**, f0602]. Стремясь снизить потери на марше, немецкие мотомеханизированные колонны вынуждены были перемещаться на больших скоростях и с увеличенной дистанцией между автомашинами.

С 17.07.1941 г. в боях приняли участие 9-й ИАП и 150-й СБАП, производя воздушную разведку противника и нанося по нему бомбовые удары. До конца июля лётчики-истребители 9-го ИАП уничтожили в воздушных боях три самолёта противника, потеряв при этом одну машину. Таким образом действуя в интересах наземных войск 22-й армии, лётчики 46-й СБАД осуществляли разведку и бомбардировку танковых, мотомеханизированных колонн противника, его войск на поле боя и вражеских самолетов на аэродромах. Систематическими ударами эскадрильями и звеньями успешно разрушались переправы через Западную Двину и тем самым срывались переброска немецких войск, горючего и боеприпасов. Только за первые три недели боёв экипажи 46-й авиационной дивизии совершили 1049 самолётовылетов, сбросив на противника около 342 т авиабомб. При этом отличились: майоры С.А. Кибирин, П.Н. Ткачёв и Дедов-Дзедушинский, капитаны В.С. Солоденко и Тимофеев, старшие лейтенанты Г.Ф. Кляпчин, Н.В. Томашевский и Павлюк.

Список литературы и источников

1. Боевой состав 46 АД // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). — Фонд 20110. — Оп. 1. — Д. 22.

2. Журнал боевых действий 208 ШАП // ЦАМО РФ. — Фонд 208 ШАП. — Оп. 145397. — Д. 1.

3. Краткая история боевых действий 134 ББАП // ЦАМО РФ. – Фонд 134 ББАП. – Оп. 143488. – Д. 1.

4. Наградной лист. Куликов Александр Ефимович / Приказ войскам Западного фронта 20.02.1942 № 0192 // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp://podvignaroda.ru/. – Дата доступа: 03.02.2014.

5. Наградной лист. Алёшин Алексей Андреевич / Приказ войскам Западного фронта 20.02.1942 № 0192 // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp://podvignaroda.ru/. – Дата доступа: 03.02.2014.

6. Наградной лист. Максин Аркадий Петрович / Приказ войскам Западного фронта 20.02.1942 № 0192 // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp://podvignaroda.ru/. – Дата доступа: 03.02.2014.

7. Отчётность управления 46 АД // ЦФМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 11.

8. Оперативные сводки 46 АД // ЦФМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 4.

9. Память: ист.- докум. хроника Шумилинского района /; [Редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) и др.]. – Минск: БелСЭ, 1985. – 520 с., илл.

10. Представления к наградам и званиям штаба ВВС 22А // ЦАМО РФ. – Фонд 376 Полевое управление 22А. – Оп. 10841. – Д. 2.

11. Разведсводки 46 АД // ЦФМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 7.

12. Рапорты возвратившихся экипажей частей 46 АД // ЦАМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 25.

13. Kriegstadebuch № 1 GenKdo. VII PzKorps // National Archives and Records Administration (U.S.A) (NARA). – T. 314 – R. 1470.

14. Anlagen zum KTB. «Funkfpruche ufn». // NARA. – T. 313 – R. 227.

Магалінскі І.У.

Прадметы пісьменства з каляровых металаў X–XVII стст. з музейных збораў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

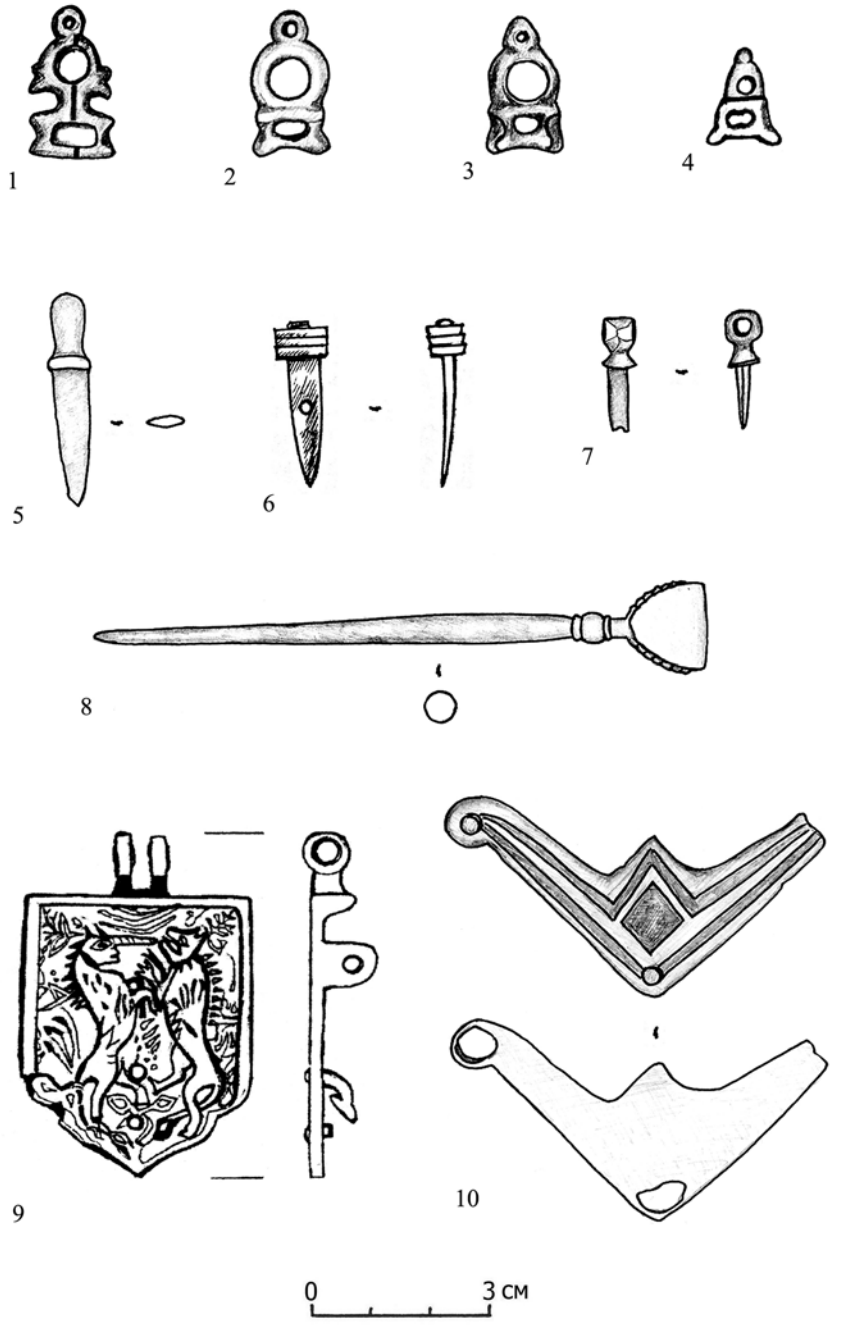
На працягу значнага адрэзка часу тэхналагічны аспект функцыянавання пісьменства на старажытнабеларускіх землях не меў дастатковага асвятлення. Толькі дзякуючы дасягненням археалагічнай навукі стала магчымым рэканструяваць і атрыбутаваць найбольш характэрны набор рэчаў, якія мелі непасрэднае дачыненне да сферы адукацыі і пісьменства. У дадзенай рабоце асноўная ўвага звяртаецца на прадметы пісьменства, якія былі створаны з каляровых металаў. Паводле функцыянальнага прызначэння прадметы дадзенай катэгорыі з Полацка адносім да двюх груп: 1) элементы аздаблення кніг; 2) прыстасаванні для пісьма. У полацкай калекцыі налічваецца 13 прадметаў пісьменства.

Група 1. Элементы аздаблення кніг

У дадзеную групу мы адносім металічныя дэталі, якія служылі для аздаблення кніг, а таксама выконвалі важную функцыянальную ролю.

Від 1. Засцежкі. Надзейных крытэрыяў для вылучэння кніжных засцежак да гэтага часу не выпрацавана. У сувязі з гэтым у дадзены від аб'яднаныя засцежкі, якія найчасцей вызначаюцца ў якасці кніжных, аднак у далейшым гэтыя прадметы могуць атрымаць і іншую атрыбуцыю. Да засцежак адносяцца невялікія спражкі з падпрамавугольным прыёмнікам для рэменя, які плаўна пераходзіць у паўкруглую рамку з кроплепадобным завяршэннем у пярэдняй частцы (Мал. 1: 1–4). Некаторыя даследчыкі вызначаць гэтыя вырабы ў якасці паясных спражак [**1**, с. 193–194]. У Полацку знойдзена пяць такіх засцежак. Усе прадметы з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі. Аналагічныя вырабы сустрэтыя ў Старой Разані, Сярэнску, Друцку, Брэсце, на гарадзішчы Маскавічы. Прадметы датуюцца XII–XIII стст. [**2**, табл. 9: 1; 3, мал. 24: 1, 2; **4**, мал.83: 3]. А.Л. Якабсон адзначае, што падобныя вырабы найбольш часта сустракаюцца на Захадзе – у Італіі і Грэцыі, дзе датуюцца X–XI стст. [**5**, с. 278].

Шпяньковыя кніжныя засцежкі часта інтэрпрэтуюцца ў якасці падвесак-мечыкаў [**6**, с. 155]. Між тым, даследаванні апошняга часу пераканаўча даказалі, што падобныя вырабы можна вызначыць у якасці элементаў засцежак кніг [7, с. 85–86]. З тэрыторыі Полацка паходзяць чатыры экзэмпляры шпяньковых засцежак (Мал. 1: 5–7). Адзін прадмет з'яўляецца выпадковай знаходкай, а другі



Мал. 1. Прадметы пісьменства з каляровых металаў X–XVII стст. з Полацка: 1–7 — засцежкі; 8 — пісала; 9–10 — накладкі.

паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў 2008 г. на Запалоцкім пасадзе (кіраўнік М.В. Клімаў). Прадмет датаваны XI–XIII стст. [**8**, мал. 5: 4]. Аналагічныя вырабы былі знойдзены ў Старой Разані, Мінску. Прадметы датаваныя XII–XIII стст. [**2**, табл. 12: 9; **9**, с. 321].

Да ліку засцежак можа быць аднесены фрагмент ажурнага вырабу трохвугольнай формы, які паходзіць з прыватнай калекцыі і з'яўляецца выпадковай знаходкай [**10**, с. 116]. З аднаго канца прадмета знаходзіўся абламаны ў цяперашні час кручок. Аналагічныя знаходкі вядомы ў Белавозеры, а таксама ў Палтаўскай і Чаркаскай абласцях Украіны. Прадметы атрыбутаваныя ў якасці кніжных засцежак [**1**, с. 194]. У той жа час вырабы аналагічнай формы, але іншай арнаментацыі ў Скандынавіі і на Русі вызначаюцца ў якасці кручкоў для зашпільвання адзення [**11**, мал. 63: 1, 64: 2, с. 161–162; **12**, с. 28].

Від 2. Накладкі. Кніжныя накладкі з'яўляюцца дастаткова рэдкімі знаходкамі ў культурным слоі старажытных беларускіх гарадоў. З матэрыялаў археалагічных даследаванняў 2010 г. на Запалоцкім пасадзе паходзіць трохвугольная вуглавая накладка, аздобленая выемкавай эмаллю зялёнага і жоўтага колеру (Малюнак: 10). Прадмет датаваны XV–XVI стст. Артэфакт трэба звязваць з полацкім бернардзінскім кляштарам, рэшткі якога былі выяўлены на месцы раскопу [**13**, с. 11]. У якасці кніжнай накладкі канца XVI — пачатку XVII стст. Д.У.Дукам быў вызначаны фрагмент пласцінчатага вырабу з выявай Сусветнага дрэва і міфічных істот — ільва і адзінарога (Мал. 1: 9). Прадмет з'яўляецца выпадковай знаходкай [**14**, с. 177].

Група 2. Прыстасаванні для пісьма

Від 1. Пісала. Важным археалагічным доказам шырокага распаўсюджвання пісьменнасці сярод старажытнага насельніцтва Русі з'яўляюцца знаходкі пісал — прыстасаванняў для пісьма, якія ўяўляюць сабой завостраны металічны стрыжань з лапатачкай [**15**, с. 39]. Полацкае пісала з меднага сплаву з'яўляецца пад'ёмным матэрыялам і паходзіць з заходняй часткі былога Запалоцкага пасаду (Мал. 1: 8). Храналогія матэрыялаў з дадзенай часткі горада ўпісваецца ў межы XI–XII стст. [**16**, с. 26]. Паводле тыпалогіі А.Ф. Мядзведзева і Б.Б. Аўчыннікавай, гэты артэфакт адносіцца да тыпу 4а, які аб'ядноўвае вырабы з разнымі авальнымі зубчыкамі на краях паўкруглай лапатачкі. Усе вядомыя экзэмпляры пісал гэтага тыпу паходзяць са слаёў канца XI — сярэдзіны XII ст. Аналагічныя вырабы вядомы ў Ноўгарадзе, Смаленску, Наваградку, Ваўкавыску, Мінску і інш. [**17**, с. 76; **18**, с. 50].

Хімічны склад дзвюх знаходак, якія адносяцца да катэгорыі прадметаў пісьменства, быў вызначаны ў Інстытуце фізікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі па метаду лазернага спектральнага аналізу. У якасці аб'ектаў даследавання былі абраны дзве кніжныя засцежкі XII–XIII стст. Адзін прадмет зроблены са шматкампанентнай бронзы (Sn=9,76 %), а другі з алавяна-свінцовай бронзы (Sn=4,62 %). Невялікая колькасць прадметаў пісьменства ў полацкай

калекцыі не дае магчымасці адназначна адказаць на пытанне аб паходжанні рэчаў гэтай групы, аднак адзінкавы характар знаходак можа ўказваць на іх імпартнае паходжанне.

Такім чынам, з тэрыторыі Полацка паходзяць прадметы з каляровых металаў, якія маюць дачыненне да сферы адукацыі і пісьменства. Вырабы прадстаўлены элементамі аздаблення кніг і прыстасаваннямі для пісьма. Падобныя прадметы вельмі добра ілюструюць тэхналагічны аспект функцыянавання пісьменнасці на беларускіх землях і могуць выкарыстоўвацца ў музейнай справе для адлюстроўвання высокага ўзроўню адукаванасці і распаўсюджанасці кніжнай культуры на тэрыторыі горада.

Спіс літаратуры

1. Захаров, С.Д. Древнерусский город Белоозеро / С.Д. Захаров. — М.: Индрик, 2004. — 592 с.

2. Даркевич, В.П. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. / В.П. Даркевич, Г.В. Борисевич. — М.: Кругъ, 1995. — 448 с.

3. Левко, О.Н. Археологические исследования Друцка в 2008–2009 гг. / О.Н. Левко, А.В. Войтехович, П.М. Кенько // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. — Мінск, 2011. — Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). — С. 122–153.

4. Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли / П.Ф. Лысенко. — Минск: Наука и техника, 1974. — 200 с.

5. Якобсон, А.Л. Раннесредневековый Херсонес (очерки истории материальной культуры) / А.Л. Якобсон // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.: Академия наук СССР, 1959. — № 63. — 363 с.

6. Голубева, Л.А. Амулеты / Л.А. Голубева // Древняя Русь. Быт и культура / под. общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997. — С. 153–166.

7. Клименко, Ю. О почитании книжном, книге рукописной и её застёжках / Ю. Клименко // Домонгол — М., 2010. — Вып. 1. — С. 69–92.

8. Клімаў, М.В. Новыя даныя аб Запалоцкім пасадзе ў Полацку (па выніках раскопак 2008 г.) / М.В. Клімаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. — Мінск, 2011. — Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). — С. 74–98.

9. Загорульский, Э.М. Возникновение Минска / Э.М. Загорульский. — Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1982. — 358 с.: ил.

10. Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С.Л. Міхейкі. Каталог / укладальнік Н.Г. Лугіна. — Віцебск: УПП «Віцебская абласная друкарня», 2010. — 175 с.

11. Носов, Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище / Е.Н. Носов. — Л.: Наука, 1990. — 211 с.

12. Янсон, И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища / И. Янсон // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. – М., 1999. – С. 18–38.

13. Дук, Д.У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2010 г. / Д.У. Дук // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі – № 2736.

14. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2007. – 268 с.

15. Рыбина, Е.А. Образование в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) / Е.А. Рыбина // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург, 2000. – Проблемы истории России. – Вып. 3. – С. 25–44.

16. Дук, Д.У. Рэчавы комплекс з раскопак на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка ў 2004 і 2006 гадах / Д.У. Дук // Acta archaeological Albaruthenica; уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – Мінск, 2009. – Вып. 5. – С. 19–45.

17. Медведев, А.Ф. Древнерусские писала X–XV вв. / А.Ф. Медведев // Советская археология. – 1960. – № 2. – С. 63–88.

18. Овчинникова, Б.Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) / Б.Б. Овчинникова // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 3. – С. 45–105.

Мороз А.П.

Иван Михайлович Столяров. Художник и педагог

Для сложившейся во второй половине XX века Витебской школы акварели личность Ивана Михайловича Столярова, заложившего её основы, знаковая. Во многом благодаря именно его педагогическим и творческим усилиям были подготовлены и воспитаны десятки белорусских художников, и прежде всего художников-акварелистов. Многие бывшие ученики И.М. Столярова сегодня являются гордостью Витебской акварельной школы. Иван Михайлович обратил внимание художественной и педагогической общности в Витебске на необходимость разработки серьёзной и последовательной системы подготовки художника и педагога в области акварели, на важность создания соответствующей методики обучения и освоения приёмов акварельного письма. Он ещё и всем своим творчеством укреплял и популяризировал определённую систему творческих принципов, пробуждал в своих учениках искреннюю заинтересованность искусством акварели, желание освоения тонкостей этого ремесла. Сегодня Иван Столяров – известный белорусский акварелист, график, педагог, заслуженный деятель искусств РБ, член Белорусского Союза художников. Он более 25 лет преподавал специальные предметы на художественно-графическом факультете Витебского государственного педагогического института, является автором специальных учебных программ, пособий, в которых систематизирована методика работы акварельными красками. И.М. Столяров – участник более 100 художественных выставок в Беларуси и за её пределами [**3**, с. 3].

В авторских произведениях Ивана Столярова, классика витебской акварельной школы, в полной мере нашли отражение те мощные традиции, которые столетиями развивались в русле реалистического искусства. Фундаментальность знаний в сфере цветоведения, истории искусства, техники и технологии акварельной живописи стали для художника тем грунтом, который на протяжении всех этапов его творчества формировал его взгляды и творческие принципы.

Любовь к акварели художнику привил один из первых его преподавателей, Валентин Константинович Дзежиц. У него И.М. Столяров начинал учиться в Витебском художественном училище. Среди других учителей, которые оказали влияние на становление творческой личности художника, можно отметить народного художника БССР Ивана Осиповича Ахремчика, Владимира Яковлевича Хрусталёва, Льва Мееровича Лейтмана, Хаима Моисеевича Лившица.

После окончания Минского художественного училища в 1951 г. И.М. Столяров возвратился в родной город Витебск. В Витебске ему была предложена должность заместителя директора Витебского художественно-графического педагогического училища (ВХГПУ). Однако, по словам самого Ивана Михайловича, он «хотел быть не чиновником, а художником», и решил сначала попробовать себя в преподавательской деятельности. Так началась его карьера в ВХГПУ.

По инициативе и благодаря усилиям И.М. Столярова учебный процесс ВХГПУ претерпел серьёзные изменения. В начале работы Ивана Михайловича в училище существовала проблема нехватки материалов – найти акварель для работ учащихся было проще, чем масляные краски. Молодой преподаватель, вопреки желанию многих коллег, преподававших технику масляной живописи, предложил В.К. Дзежицу, который в то время был заместителем директора ВХГПУ, разделить занятия по акварельной и масляной живописи. Акварель изучалась первые 2 года обучения, на первом и втором курсах, а масло – на остальных старших.

И.М. Столяров расширил технику преподавания акварели, в первую очередь благодаря своему собственному увлечению письмом «по сырому» (техника письма «по сырому» подразумевает нанесение краски на предварительно увлажнённую поверхность бумаги). Художник обратился к этому способу, потому что, по его словам, в таком случае «акварель получается обаятельной, притягивает к себе взгляд». Студенты охотно перенимали опыт Ивана Михайловича, искали собственные ходы в акварели и тем самым позволяли преподавателю одновременно учиться и у них. В учебном заведении вскоре были созданы аудитории, оборудованные стеллажами, планшетами, специальными мольбертами для акварельной живописи. Несколько десятилетий студенты работали на мольбертах, разработанных самим И.М. Столяровым [**2**, с. 3].

В связи с изменениями в программе И.М. Столярову было поручено сначала переработать планы лекционных и практических занятий по теории, технике и технологии акварельной живописи, цветоведению, а затем и вести означенные курсы. Хорошо успевающим учащимся было разрешено продолжать заниматься акварельной живописью на протяжении всего периода обучения в ВХГПУ и защищать дипломные работы в акварели, что явилось нововведением для существовавшей в то время системы обучения.

Новым этапом в развитии художественно-педагогической школы в Витебске стало создание в 1959 г. на базе ВХГПУ художественно-графического факультета при Витебском государственном педагогическом институте (ВГПИ) им. С.М. Кирова. И.М. Столяров, более четверти века преподавая акварель на этом факультете, прошёл путь от преподавателя до доцента кафедры рисунка и живописи. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди коллег по преподавательскому цеху и студентов.

Рис. 1. Преподавательская деятельность

Многие ученики И.М. Столярова, получив образование, став членами профессиональных Союзов художников, именно акварель выбрали в качестве основной художественной техники. Среди них такие яркие имена, как Фёдор Киселёв, Александр Карпан, Виктор Лукьянов, Михаил Левкович, Игорь Шкуратов, Викентий Ральцевич. Некоторые из них, например, А.Ф. Карпан и М.В. Левкович, в настоящее время работают на художественно-графическом факультете Витебского университета, передают знания и умения свои и своих преподавателей новым поколениям художников [**1**] (Рис. 1).

Рассматривая творческое наследие И.М. Столярова, можно выделить несколько периодов, которые отличаются сюжетами, техническим приёмами письма, взглядом художника на задачи акварели.

Акварельная живопись, по мнению И.М. Столярова, самая быстрая, современная и маневренная. Она не рассчитана на большие размеры; в отличие от масляной живописи, акварелью можно работать, не имея большой мастерской. Художник говорит, что акварель – это техника будущего, времени скоростей, быстрой жизни. Особую прелесть акварельной живописи И.М. Столяров видит в том, что акварельную работу, в отличие от картины, написанной маслом, нельзя исправить: «Когда художник пишет акварелью, он уже в начале работы знает, какой будет конец».

Начало своей творческой деятельности сам художник исчисляет с 1951 г. На начальном этапе основная тематика его произведений – сельские и город-

Рис. 2. И. Столяров «Думы у костра»

ские пейзажи, сюжеты на военную тему. В работах этого периода присутствует сложная нюансировка цвета, которой И.М. Столяров достигает нередко только благодаря ему известным лессировочным сочетаниям красок. Работы этого периода характерны для такого глобального направления в искусстве Советского Союза, как социалистический реализм. Акварели художника наполнены оптимизмом и отражают действительность того времени.

Нельзя не отметить точность штриха и линии в его графических работах, посвящённых партизанской тематике. Много сюжетных композиций И.М. Столярова посвящено теме партизанской борьбы с немецко-фашистскими оккупантами. Почти всю жизнь художник работал над серией «По следам партизанской славы». По словам Михаила Цыбульского, кандидата искусствоведения, эта серия выполнена в стиле своеобразного «художественного документализма». В ней нашло отражение многое из пережитого в годы Великой Отечественной войны художником, который сам прошел её партизанскими и солдатскими тропами. С августа 1942 по 1943 г. И.М. Столяров принимал участие в боевых действиях в составе 1-й Белорусской партизанской бригады М. Шмырёва. В отряде А.И. Воропаева стал снайпером, затем — командиром отделения разведки в отряде Р.С. Машкова. Он принимал участие в боевых действиях в составе 423-го полка 166-й стрелковой дивизии, которая входила в четвёртую ударную армию Калининского фронта. Участвовал в освобождении Беларуси, Польши, Литвы, Латвии. Войну закончил под Либавой в Курляндии (западная часть современной Латвии). И.М. Столяров стремился увековечить партизанскую жизнь в искусстве. В своих работах он воспевает природу, которая для партизан в военные годы была родным домом [**3**, с. 54] (Рис. 2–4).

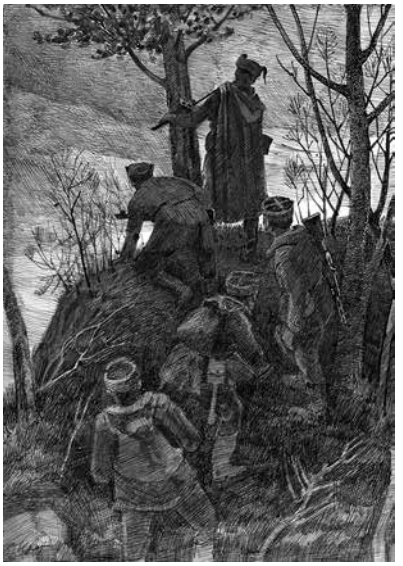


Рис. 3. И. Столяров «Подрывники»

Одной из самых важных составляющих творчества И.М. Столярова в 1970–80-е гг. являются камерные, лирические и романтические по настроению пейзажи родной

Рис. 4. И. Столяров «У костра»

белорусской земли, в которых с особой проникновенностью и трепетом мастер изображает уголки своей малой родины – Витебского края. Ярким примером этого могут выступить акварельные работы из собрания НПИКМЗ. В фондах музея-заповедника находятся три работы художника: «Карьеры» (КП 015721) (Рис. 5), «Езерище» (КП 015722) (Рис. 6), «Там, за Бочейково» (КП 015723) (Рис. 7), написанные им в 80-е гг. XX века и закупленные музеем в 1999 году. В них художник стремится максимально сохранить и донести до зрителя настроение природы. Эти работы отвечают запросам того времени, для них свойственна традиционная именно для пейзажного жанра этого периода поэтизация натуры, отображение красоты конкретных мест, населённых пунктов.

Как пишет М. Цыбульский, среди жанровых разновидностей Столярову наиболее свойственнны эпичный и элегичный пейзажи, тесно соединённые с присутствием романтических и лирических мотивов. Пейзажи художника – это не просто изображения взволновавших его мест. Это глубокое авторское выражение, которое отражает переживания автора и состояние его души [**3**, с. 6].

М. Цыбульский называет акварель И.М. Столярова «тихой»: подчёркнуто неяркой, колористически не броской, представленной в эмоционально сдержанной тональности. Однако сам художник говорит, что нет такого понятия – «тихая» акварель. Есть цвет и есть краски. Красками пользуется маляр, а художник пишет цветом: сложным, смешанным, имеющим неограниченное количество сочетаний и оттенков. Художник видит их, чувствует, и, используя их взаимосвязь, создает картины [**3**, с. 7].

Рис. 5. И. Столяров «Карьеры»

Важную роль в пейзажах И.М. Столярова играет свет, который не только усиливает выразительность композиций, но и создаёт глубокую тональную перспективу. Отличной особенностью произведений

художника является также их топографическая точность, что совсем не мешает достижению в образах высокой степени обобщений. В деревенских и городских пейзажах Столярова почти нет изображений фигур людей, пространство в акварелях художника будто демонстрирует отстранённость от повседневной суеты.

Рис. 6. И. Столяров «Езерище»

Традиционно небольшие по формату акварели И.М. Столярова лишены глубокомысленной философии. Однако за безмятежностью сюжетов кроется глубокая уверенность и оптимизм человека, верующего в правдивую ценность реалистического искусства. Художник очень ревностно защищает место реализма в современном искусстве, говорит об авангарде как о контркультуре.

Требовательно И.М. Столяров относится и к материалам для своих произведений: не каждая бумага и краска подойдёт для написания акварельной работы; отечественная шариковая ручка, в отличие от немецкой или итальянской, не обеспечит достойной сохранности графического рисунка.

Последние несколько лет И.М. Столяров живёт в Могилёве. Но Витебск и художественно-графический факультет для него остаются не просто воспоминанием, но и олицетворением того большого дела и отличного явления, которое в истории развития белорусского искусства получило название Витебской акварельной школы. Несмотря на довольно широкий диапазон стилистических привязанностей и творческих ориентиров своих бывших учеников, многие из которых сегодня являются гордостью этой школы акварели, сам Иван Михайлович на всю жизнь остался верен традициям реалистической акварельной классики, хоть и на этом пути приобрёл свою собственную манеру, подтвердил свои собственные художественные взгляды на мир.

Рис. 7. И. Столяров «Там, за Бочейково»

Труд И.М. Столярова высоко оценён в разных сферах. За участие в боевых действиях Иван Михайлович награждён орденом Отечественной войны I степени, 19-ю медалями, среди которых две «За отвагу», «Партизану Отечественной войны», «За Победу над Германией». Творческая и педагогическая работа отмечены медалью «За заслуги в изобразительном искусстве», нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР», 40 почетными грамотами [**3**, с. 55].

В 1980 г. издательство «Вышэйшая школа» (г. Минск) выпустило учебник И.М. Столярова «Акварель». В 2005 г. вышел в свет альбом-каталог графики И.М. Столярова «Партизанская быль», в 2013 г. — альбом-каталог «Іван Сталяроў. Ля вытокаў Віцебскай школы акварэлі» под редакцией В.А. Дорофеевой и М.Л. Цыбульского.

В 2013 году в Могилёве в музее П. Масленникова проходила персональная выставка И.М. Столярова, приуроченная к юбилею автора. На открытии лично присутствовал художник, которому в мае 2013 года исполнилось 90 лет.

Изучение жизненного пути художника, его творчества и педагогической деятельности на основе анализа акварельных и графических работ, знакомства с литературой и личной беседы с автором в дальнейшем может явиться составной частью работы над изданием, посвящённым творчеству художников Витебщины, произведения которых есть в коллекции НПИКМЗ.

Список литературы и источников

1. Да выстаўкі, прысвечанай 90-годдзю І.М. Сталярова: буклет. — Магілёў, 2013.

2. Методические рекомендации для занятий по акварели: студентам-заочникам 1–2 курсов худож.-граф. фак. / сост. И.М. Столяров. — Витебск: Витебск. пед. ин-т, 1980. — 21 с.

3. Іван Сталяроў. Ля вытокаў Віцебскай школы акварэлі: каталог / ДУ «Віцебская абласная бібліятэка ім. У.І. Леніна», Аддзел літаратуры па мастацтве; склад. В.А. Дарафеева, М.Л. Цыбульскі. — Віцебск, 2013. — 108 с.: іл.

Нарейко К.А.

Полотчина во время войны 1812 года

Вступление

В ночь на 12 июня 1812 г. французский император Наполеон I во главе 640-тысячной «Великой армии» начал захватнический поход на Россию. Белорусские земли стали ареной ожесточённых сражений между русскими и наполеоновскими войсками. С началом войны 1-я русская армия под командованием М.Б. Барклая де Толли отступала в направлении Дриссенского укреплённого лагеря, а затем — через Полоцк на Витебск, где русское командование рассчитывало соединить 1-ю и 2-ю армии для решительного сражения с армией Наполеона (Рис. 1). 6 июля 1812 г. император Александр I, находящийся с 1-й западной армией под Полоцком, перед отъездом из своей ставки в Москву обратился с воззванием к жителям Москвы встать на защиту Отечества против наполеоновского вторжения и издал манифест о сборе внутри государства земского ополчения [**15**, с. 253] (Рис. 2).

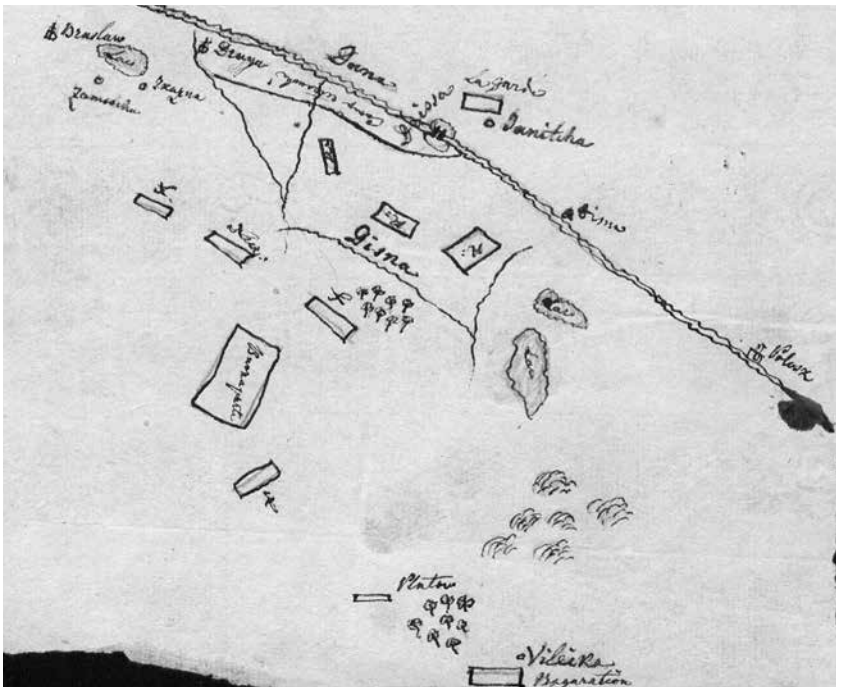
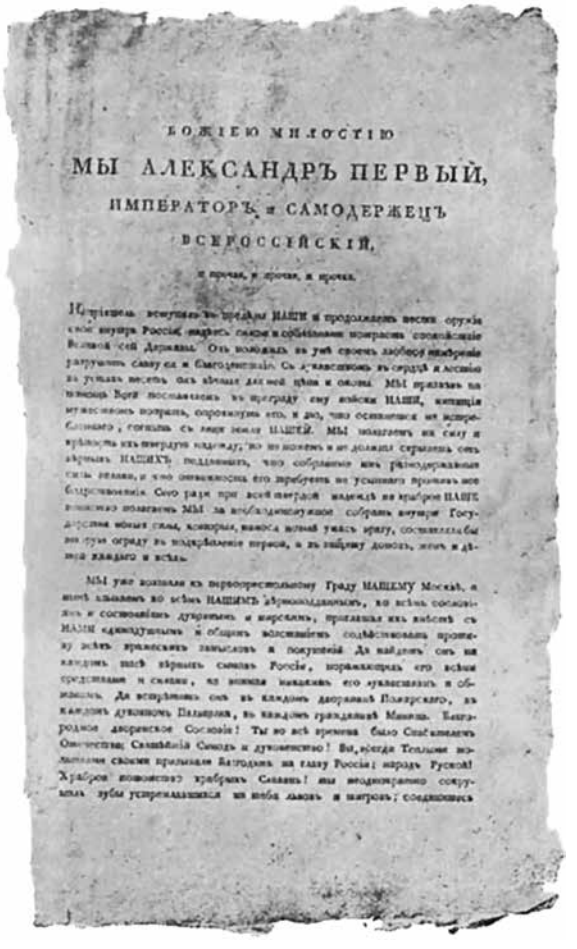


Рис. 1. План расположения русской и французской армий на первом этапе войны 1812 года. Перо, карандаш. Надписи на фр. языке. Неизвестный автор.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Рис. 2. Фрагмент манифеста императора Всероссийского Александра I о сборе внутри государства земского ополчения. Подписан 6 июля 1812 года в лагере I русской армии под Полоцком.

8 июля 1-я русская армия под командованием Барклая де Толи покинула Полоцк.

Оккупация для Полоцка началась 10 июля, когда войска И. Мюрата и М. Нея заняли город и его окрестности. По воспоминаниям очевидцев, вступление частей «Великой армии» в Полоцк сопровождалось массовыми грабежами и насилием. 13 июля маршал М. Ней отдал своим войскам Полоцк на разграбление. Порядок в городе удалось навести только со вступлением в Полоцк 14 июля 2-го армейского корпуса «Великой армии» Н.Ш. Удино, который пришёл на смену войскам М. Нея [**20**, с. 267] (Рис. 3).

Расположился Н. Удино со своим штабом в иезуитской академии. Оставив в Полоцке небольшой французский гарнизон, 16 июля он с основными силами 2-го корпуса начал выходить из города в направлении д. Клястицы, имея задачей уничтожить оставленный на Себежской дороге для прикрытия Санкт-Петербурга 1-й отдельный русский корпус под командованием П.Х. Витгенштейна и таким образом создать угрозу столице Российской империи.

После сражений корпуса Н. Удино у д. Клястицы 18–19 июля и первого полоцкого сражения 5–6 августа с русским корпусом под командованием П.Х. Витгенштейна Полоцк остался под оккупацией французского корпуса.

Русские войска, заняв удобные позиции у Сивошино, в короткое время возвели здесь прочную линию обороны. Укреплённые позиции русских войск французы не решились атаковать и отошли к Полоцку. В таком положении обе стороны оставались до начала октября, ограничиваясь мелкими стычками небольших отрядов и не предпринимая значительных военных действий.

Рис. 3. Картина «На подходе к Полоцку. 25 июля 1812 г.». Фабер дю Фор, [1830-е гг.]. Фоторепродукция.

Основная часть

Положение Полоцка на пересечении важных водных и сухопутных путей, имевших стратегическое значение, заставило Наполеона превратить Полоцк в важную военную базу своей армии.

В районе Полоцка расположился 35-тысячный франко-баварский корпус под командованием маршала Франции Г. Сен-Сира, сменившего Н.Ш. Удино из-за ранения последнего. Две пехотные дивизии (8-я и 9-я) и тяжелая кирасирская (3-я) дивизия французов перешли на левый берег Западной Двины. Ещё одна французская (6-я) и две баварские дивизии (19-я и 20-я) заняли непосредственно сам город, который вместе с околицами превратился в огромный военный лагерь.

Офицеры располагались в лучших домах города, солдаты — частью в построенных наскоро бараках на окраинах, частью — в близлежащих селениях. Штаб французских войск находился в центре города, в иезуитской академии [**14**, с. 561].

По свидетельствам французских офицеров, с началом оккупации в городе царил полный хаос. Улицы города были загромождены зарядными ящиками, обозом и ранеными. «Часто в Полоцке невозможно было дышать, потому что воздух был отравлен злокачественными испарениями от трупов, которые лежали вокруг города, еле погребённые и наполовину разложившиеся» — пишет один из офицеров 2-го корпуса.

Избегая ужасов войны и лишений, горожане покидали свои дома, уходили в сёла, пробирались в глубь страны. Капитан 4-го швейцарского полка 9-й дивизии 2-го пехотного корпуса Гаспар Шумахер вспоминал: «8 августа мы пришли в Полоцк. Дома и церкви в Полоцке были полны ранеными. В домах горожан мы нашли только мёртвых солдат. Жители разбежались» [**2**, с. 115].

Хозяйственная жизнь города была частично парализована. Многие ремесленники прекратили работу, большинство лавок были закрыты. Можно предположить, что некоторая часть производства работала на оккупантов. Граф Марбо, командир 23-го конно-егерского полка 2-го армейского корпуса вспоминал, что во время оккупации сотрудничал с полоцкими иезуитами, получая от них водку в обмен на защиту от мародёров, а также обеспечивал сбор и обмолот солдатами пшеницы. Иезуиты производили водку при помощи установок, которые были размещены в имении Лушонки Полоцкого уезда. Скопление воинских частей вокруг города сделало алкогольные напитки очень редкими и дорогими, так что служащим солдатских кухонь приходилось совершать многодневные походы в Вильно, чтобы раздобыть там спиртное. Иезуиты получали большую прибыль, продавая водку французам [**14**, с. 580].

Торговая деятельность, возможно, не прерывалась, однако торговые обороты резко сократились.

Под госпитали в городе были заняты здания гимназии, училищ, административные здания, некоторые более обширные частные дома. Переполненность полоцких госпиталей, антисанитарные условия, отсутствие квалифицированной медицинской помощи, плохое питание приводило к большой смертности. Так, только за один день от ран и голода в госпитале базилианского монастыря умерло 70 баварцев [**6**, с. 27]. Чтобы уменьшить число умерших среди больных и раненых, их отправляли из Полоцка в Вильно (о чём и пишет Марбо), «где было больше помещений и продовольствия, однако большинство этих несчастных умерли по дороге от голода и нужды». В зданиях иезуитской академии также находился госпиталь, но для раненых высших офицеров.

Французскими военными был принят ряд мер военного характера. Вокруг города силами солдат и согнанных насильственно местных жителей спешно возводились укрепления для защиты от возможного штурма города русскими войсками. Швейцарский офицер Т. Леглер вспоминал: «В дни затишья нами были сделаны многие траншеи, большие валы, сильно укреплённые по всей линии, окружённые полисадами, уничтожение всех содовых кустов, деревьев и домов на правом берегу между нашими линиями…». Ещё в самом начале оккупации французами были построены два понтонных и один плавучий мост из брёвен через р. Западная Двина, необходимый им в случае отступления из города.

Несмотря на ряд жёстких мер и указов Наполеона по предотвращению мародёрства, дисциплина в частях 2-го и 6-го армейских корпусов, что были

Рис. 4. «Мародеры». Литография работы Баумейстера по рисунку Фабер дю Фора. Фоторепродукция.

размещены в Полоцке и в окрестностях, стала заметно падать. Солдаты грабили население, отнимали съестные припасы, домашний скарб. Для поддержания порядка в городе и для защиты сохранившегося производства часть солдат выполняла в городе охранные функции [**9**, с. 23]. Согласно некоторым документам, военные суды строго наказывали наполеоновских солдат за мародёрство. Вот некоторые примеры из документов: «5 сентября. Полоцк. Бернар Гитц, солдат 21 линейного полка, Мигель Гомес — солдат 1-го португальского полка, Ян Иличанеци — солдат 3-го хорватского полка, виновны в мародёрстве». По приговору военного суда эти солдаты были расстреляны [**6**, с. 25] (Рис. 4).

Церкви, костёлы и монастыри подвергались безжалостному разграблению. Согласно донесению «о нашествии французов на город Полоцк» униатского Архиепископа Иоана Красовского, министру духовных дел и народного просвещения князю А. Голицыну, «поместье архиепископа в Струнье, при вторжении французов было разграблено, разорено, пропала ценная библиотека и архив, а также церковные принадлежности. 2 церкви в Струнье были разграблены и осквернены». Из приложенных к донесению ведомостей видны убыткаи, понесённые униатскими церквями Полоцкой епархии: ограблению подверглось 28 церквей в полоцком уезде, в частности униатская церковь Полоцкого уезда понесла убытки на сумму 22000 рублей. Духовенство Полоцкого уезда потерпело на 48812 рублей [**16**, с. 7].

Не обошли мародёры и православные храмы и монастыри Полоцкого уезда. Согласно донесению архиепископа рязанского Феофелакта, в Полоцке были разграблены Покровская церковь и все 4 церкви Богоявленского мона-

стыря. Крайнее разорение полоцкого православного Богоявленского монастыря побудило графа П.Х. Витгенштейна после окончания войны пожертвовать монастырю 5760 рублей, о чём и свидетельствует рапорт от 17 января 1813 года архимандрита Александра Могилёвской духовной консистории [**16**, с. 8].

Не подвергается сомнению тот факт, что с момента занятия Полоцка оккупационный франко-баварский корпус практически полностью обеспечивался провиантом и фуражём за счёт населения Полоцка и уезда. Его снабжение продовольствием и фуражом превратилось в главную заботу новых органов власти, созданных французами, летом 1812 г. Французские военные мемуаристы по разному оценивают ситуацию с наличием припасов и продовольствия в городе при его занятии в начале июля 1812 года. Одни отмечают, что «русские в спешке покинув город, оставили огромные припасы продовольствия и провианта». Однако офицер 4-го швейцарского полка Гаспар Шумахер писал в своих мемуарах иное: «при занятии Полоцка съестные припасы были вывезены или сожжены русскими, жителей почти не было: они убежали, унося с собой свою провизию, в большие окрестные леса…» [**2**, с. 115].

Специальные реквизиционные отряды отнимали у окрестных крестьян зерно, скот, сено, для снабжения продовольствием и фуражом наполеоновской армии. Подвоз продуктов в город часто прерывался и шёл с перебоями. Согласно документам, в связи с перебоями в снабжении корпуса Сен-Сира, в сентябре по требованию Дисненской и Лепельской подпрефектур Борисовской подпрефектуре пришлось доставлять провиант в Полоцк. В октябре поставки продолжаются [**11**, с. 43].

Но всё равно провианта для огромной оккупационной армии не хватало. Гаспар Шумахер вспоминал: «Солдаты получали пищу очень неправильно: мясо без хлеба и соли». Особенно страдал от нехватки продовольствия и болезней 6-й баварский корпус, о чём свидетельствуют и французские, и немецкие мемуаристы. Согласно источникам, в сентябре корпус насчитывал всего 4560 чел.

Сбор продовольствия был главной функцией созданных французским командованием на занятой территории временных органов власти. И если первоначально французы пытались наладить заготовку продовольствия и фуража за деньги, то вскоре перешли к прямой конфискации, направляя в помощь осуществлявшим заготовку фуражирам крупные воинские силы (Рис. 5). По признанию маршала Г. Сен-Сира, в подобных акциях была задействована по меньшей мере четвёртая часть всех наличных сил [**9**, с. 23]. Отдельный французский отряд под командованием генерала Н. Мезона, который находился в 12 верстах восточнее города, у д. Козяны, имел своей задачей прикрытие фуражировок в Полоцком уезде [**13**, с. 253]. Иногда французским фуражирам приходилось в поисках продовольствия и фуража выходить и за пределы Полоцкого уезда, так как местность вокруг города была опустошена.

Население полоцкого уезда, кроме поставок (как официальных, так грабежа) для французских войск, обеспечивало в некоторых случаях продоволь-

Рис. 5. «Возле Евы. 29 июня 1812 г». Рисунок Фабера дю Фора. Фоторепродукция.

ствием и фуражом российский корпус генерала П.Х. Витгенштейна, о чём свидетельствуют документы. Согласно ходатайству волостного старосты крестьянина Герасимова от 23 июля 1825 г. на имя генерал-губернатора витебского, могилевского, смоленского и калужского Хованского, «с умения Ломово Полоцкого уезда по назначению правительства во время войны поставлялись продукты и фураж в города Себеж и местечко Волынцы» [**24**].

Кроме поставок продовольствия и фуража, население Полотчины было обложено новыми властями целым рядом прямых и косвенных денежных налогов. Французские власти также требовали от населения поставок большого количества рабочей силы для разных военных работ.

На оккупированной территории Витебской губернии были созданы новые органы губернской и местной власти. Витебская губерния управлялась губернской административной комиссией, созданной из представителей местного дворянства, под председательством французского военного губернатора А. Шарпантье; а К. Пасторе был назначен интендантом Витебкой губернии. Уезды Витебской губернии формально управлялись комиссиями подпрефектур во главе с подпрефектом [**18**, с. 7].

В Полоцке, как и во всей Витебской губернии, было введено французское правление из состава местных дворян польско-белорусского происхождения под присмотром французских генералов [**23**]. Согласно некоторым источникам, 25 июля приказом Наполеона полоцким подпрефектом был назначен бывший уездный предводитель дворянства польского двора Юзеф Михайлович Рыпинский, а маршал Н.Ш. Удино назначил вицепрефектом Полоцка уездного судью Пакаша [**6**, с. 23].

В функции подпрефекта входили обязанности бывшего уездного предводителя дворянства: руководство районной полицией, наблюдение за порядком, обеспечение безопасности общественного имущества, сбор налогов, осуществление карательных мер.

Фактически же власть в крае находилась в руках наполеоновских генералов и губернских интендантов. Члены комиссии подпрефектуры должны были выполнять все приказы французских военачальников. На них в качестве важнейшей была возложена обязанность обеспечивать продовольствием и фуражом франко-баварский корпус.

Общественно-политическое движение на Полотчине во время оккупации Полоцка французскими войсками характеризовалось поддержкой местными властями французских войск. Однако среди различных групп населения Полотчины не было единства настроений в отношении наполеоновских войск: имелись как сторонники России, так и приверженцы Наполеона.

Местное руководство, созданное Наполеоном, состоявшее из поляков и полонизированного белорусского дворянства, католическое духовенство возлагало большие надежды на Наполеона. Они надеялись на возрождение Речи Посполитой в рамках 1772 г. С надеждой на это они встретили в Полоцке французский оккупационный корпус маршала Н. Удино и Г. Сен-Сира.

Крупные помещики польского происхождения и ополяченные белорусы в большей своей массе поддерживали французов. Вот что писал в своих мемуарах граф Марбо: «Хотя польские аристократы, имевшие большие поместья в окрестностях Полоцка, и не осмеливались открыто перейти на сторону французов, боясь скомпрометировать себя перед русскими, они всё же тайно служили нам и снабжали нас шпионами» [**14**, с. 555].

Среди духовенства также не наблюдалось единства настроений. Католические священнослужители Полоцка по большей части перешли на сторону Наполеона. На сторону Наполеона перешёл также православный архиепископ могилёвский и витебский – Варлаам Щишатский, которому были подчинены православные приходы Витебской губернии. Согласно документу – донесению архиепископа рязанского Феофелакта – можно заметить, что многие представители православного духовенства города Полоцка остались верны Отечеству и русскому императору. Священник Покровского собора Кирилл Дорошкевич «призывал прихожан не терять мужества и надежду на скорое поражение врага, затем находился в русской армии при генерале Дохтурове, генерале Платове, при Кутузове и с большим усердием выполнял их поручения» [**3**, с. 118].

Не поддержали новую власть и многие представители униатского духовенства. Во главе Полоцкой греко-униатской епархии во время нашествия французов стоял архиепископ Иоан Дамаскин Красовский. Иоан Красовский остался верен русскому царю и народу. По указанию Красовского, все униатские пастыри и священнослужители Полоцкой епархии получили соответствующие указания, как принять и встретить врага [**16**, с. 11–12].

Рис. 6. «Разгром помещичьей усадьбы». Художник В.Н. Курдюмов Фоторепродукция.

Масса крестьянства Полоцкого уезда оставалась индифферентной и была озабочена лишь тем, как избежать ужасов войны, сохранить свое имущество. В начале часть крестьянства, ожидая от Наполеона упразднения крепостного права, стала бороться против собственных помещиков, олицетворявших крепостнические порядки. Крестьяне не подчинялись помещикам, отказывались выполнять повинности, грабили поместья своих владельцев. Помещики вынуждены были обращаться за помощью к французским оккупационным властям. Однако оккупационная администрация не горела желанием бороться с крестьянскими выступлениями, происходившими в зоне длительного противостояния войск, как это было на Полотчине, с тем чтобы дестабилизировать обстановку в зоне боевых действий. Следует отметить, что вне зависимости от позиции верховного командования, рядовая масса наполеоновских войск несла с собой антикрепостнический дух и заражения им белорусской деревни помещики очень боялись. В Полоцком уезде в июле 1812 г., как свидетельствуют документы: «Крестьяне взбунтовались, вышли из повиновения своих помещиков и, соединяясь с французскими мародёрами, разбили казённый магазейн.., потом все мызы ограбили и своих помещиков прогнали…». Впоследствии зачинщики выступлений были преданы суду. Крестьянне Д. Макаров, С. Грачуха, Л. Курашонок были приговорены к смертной казни и повешены. В целях устрашения крестьян приговор был приведён в исполнение в тех местах, где они проживали [**3**, с. 112]. Об «сотрудничестве» взбунтовавшихся крестьян Полоцкого уезда и французских мародёров, которые совместно

нападали на помещичьи усадьбы, грабили жителей, свидетельствует и донесение от 6 августа 1814 г. помещика Ф. Антонова витебскому, могилевскому, смоленскому и калужскому военному губернатору князю Хованскому: «В 1812 году на имение Осиновка Невельского уезда было совершено нападение разбойников, которые разграбили имение, избили жителей» [**22**]. О схожих случаях можно узнать и из других документов того времени. Согласно приказу по I отдельному корпусу графа Витгенштейна от 17 сентября 1812 года с мызы Саколище: «Крестьяне разных помещиков с д. Козулина дворище, Петовки, Краснопольдчигина Полоцкого уезда взбунтовавшись и соединяясь с французскими мародерами, ходили толпами, грабили мызы и били самих помещиков» [**5**, с. 65].

Эти случаи не единичны. Витебский гражданский губернатор писал 8 августа, что «наипаче в поветах Полоцком, Городецком и Невельском, по внушению неприятеля необузданной вольности и независимости не только многочисленные крестьяне вышли из повиновения своих помещиков, но и оных ограбив и изгнав, достигли высочайшей степени буйства и возмущения, так что и земская полиция не в силах укротить их…» [**3**, с. 113] (Рис. 6).

Сильные волнения крестьян происходили по всей Витебской губернии. Здесь ещё в самом начале оккупации, как сообщал наполеоновский интендант в Витебске маркиз де Пасторе, «был величайший беспорядок, царивший в сельских местностях, в которых тайные агенты революции возмутили крестьян» [**19**, с. 62].

Вскоре восстание крестьянства приняло ещё большие размеры. Тому пример – уничтоженные и разграбленные поместья в Дретуни, Ропно и др. [**21**]. «Помещики со всех сторон, – писал наполеоновский офицер Дедем де Гельдер, – стали обращаться к витебскому губернатору Шарпантье с просьбой прислать охрану для их защиты от крестьян… многие семейства приехали в Витебск, заботясь о своей безопасности» [**24**]. «Летучие отряды», созданные по распоряжению французской военной администрации для усмирения крестьян, «скоро затушили этот временный бунт». Восставшие крестьяне арестовывались и привлекались к суду. Летом – осенью 1812 г. в созданных французскими властями судах дела подобного характера занимали главное место. Их относили к категории уголовных.

Можно заметить, что проблема крестьянских волнений в Полоцком уезде была общая и для французского оккупационного корпуса, и для командования русских войск. Тому пример – приказ по I отдельному корпусу Витгенштейна от 22 августа 1812 года: «Взбунтовавшиеся крестьяне имения помещика Полтинки Полоцкого уезда разбили отряд порутчика Квятковского, выделенный из эскадрона Московского драгунского полка в 43 человека для их усмирения и предали его неприятелю…» [**5**, с. 50–51].

Реквизиционная система, карательные акции французов, а также постоянный открытый грабёж со стороны французских частей убедило часть крестьян Полоцкого уезда в необходимости борьбы и с оккупантами. Крестьяне

собирались в отряды, вооружались косами, вилами, топорами, оружием и совершали нападения на небольшие отряды врага, главным образом реквизиционные, захватывали обозы, брали в плен солдат, убивали мародёров.

Наиболее успешными были действия крестьянских отрядов в тех случаях, когда над ними принимали командование солдаты и казаки расположенных вблизи русских войск. Так, в одном из сообщений из корпуса генерал-лейтенанта графа Витгенштейна приводится следующий факт: «Сентября 8-го числа французский генерал Легран с одним батальоном пехоты и эскадроном кавалерии рекогносцировал за аванпостами своими от реки Полоты до Двины, подходя Полоцкого повета к деревне Жарцы, он хотел её занять, но жители оной русские мужики, узнав о том, просили случившегося тут Донского казачьего полковника Платова 4 полку казака Грушина, принять над ними команду, чтоб они могли защититься от неприятеля. Когда французы приблизились, то они встретили их из лесу ружейными залпами и тем принудили их, оставив покушение на деревню, бежать от оной далее» [**3**, с. 131]. Деревня Жарцы в 22 двора расположена была в 16 километрах севернее Полоцка в промежутке между французским корпусом Н. Удино и русским корпусом П.Х. Витгенштейна. Всё взрослое население объединилось в отряд. Руководил им крестьянин Максим Марков, крепостной помещика Жебровского. Отряд часто выступал против французов при поддержке казаков полка Платова 4, находящегося при корпусе П.Х. Витгенштейна. Своими смелыми нападениями крестьяне часто вводили в заблуждение французов, которые думали, что имеют дело с казаками. Крестьяне-староверы деревни Жарцы показали себя незаурядными воинами не хуже регулярной армии. Участвовали в освобождении города Полоцка. Согласно рапорту полоцкого коменданта Данилова витебскому и могилёвскому генерал-губернатору от 21 июля 1832 г., крестьяне этой деревни и дальше «не изменили долгу перед Отечеством, сохранили верность престолу и были посылаемы в разъезды для борьбы с «польскими бунтовщиками у Дисны» во время восстания 1830–1831 гг. [**25**].

За свои смелые действия крестьяне нередко жёстко наказывались французами. Пример тому — уничтоженная деревня Краснополье Полоцкого уезда. Согласно документу — показаниям жителей бывшей деревни Краснополье Полоцкому земскому суду от 3 марта 1834 г., — «деревня Краснополье была сожжена при нашествии неприятеля в 1812 году, имение и церковь разграблены полностью». Исходя из показаний жителей деревни, перед тем, как французы вошли в деревню, жителями деревни был уничтожен «большой мост через Двину» [**23**]. Из всего этого можно предположить, что это была своеобразная карательная акция французов.

Во время оккупации Полоцка франко-баварскими войсками возросла роль разведывательной информации.

В начале 1812 г. в исполнение секретного указа Александра I была образована Высшая воинская полиция, на которую легли контрразведывательные

функции. Её представители были при каждой из трёх действовавших в начале войны армий и подчинялись начальникам их штабов. Возглавлял полицию потомок выходцев из Франции Яков Иванович де Санглен. Оперативной деятельностью занимались 10 его сотрудников, набранных из гражданских чиновников и отставных офицеров. В городах, занятых французами – Велиже, Полоцке, Могилеве – из местных патриотов были созданы законспирированные группы, связь с которыми поддерживали чиновники Высшей воинской полиции. Их постоянно засылали на фланги и в тыл наполеоновской армии.

Согласно некоторым источникам, в Полоцке действовала такая агентурная группа, которая снабжала российское командование различной информацией о численности, дислокации, состоянии франко-баварского корпуса, находившегося в Полоцке и его окрестностях. Главой агентурной группы в Полоцке был купец Василий Белогузов. Его помощниками в сборе информации являлись гражданин города Полоцка Иван Тимофеев и Федора Миронова – крестьянка деревни Погирщина Полоцкого уезда. Согласно документам, И. Тимофеев постоянно снабжал важными сведениями о французском оккупационном корпусе командование российского корпуса П.Х. Витгенштейна, за что вместе с женою был награждён серебряными медалями [**26**]. Собирая важные сведения о состоянии франко-баварского корпуса, Тимофеев в письменном виде на имя начальника русского авангарда генерала Е.И. Властова доставлял информацию в штаб корпуса Витгенштейна при помощи своей жены и 8-летней дочери. Разведкой он занимался как в самом городе, так и в 50 верстах от него.

Крестьянка Федора Миронова несколько раз под предлогом продажи продуктов пробиралась в город, разузнавала о расположении артиллерийских батарей, складов и штабов, а затем сообщала эти сведения в штаб корпуса П.Х. Витгенштейна. Собранные ею данные помогли русским войскам во время осеннего наступления на Полоцк. В 1816 г. Ф. Миронова по ходатайству генерала Е.И. Властова была награждена медалью с надписью «За полезное», денежной суммой в 500 руб. и была освобождена от крепостной зависимости.

Заключение

Таким образом, несмотря на неудавшееся наступление на Санкт-Петербург, главной задачей французского командования 2-го и 6-го армейских корпусов было удержание Полоцка под своим контролем для обеспечения безопасности тыла «Великой» армии. Факты свидетельствуют, что вместо ожидаемого освобождения на оккупированной части Полотчины наполеоновская администрация установила достаточно жёсткий оккупационный режим, главной задачей которого являлось обеспечение франко-баварской оккупационной армии продовольствием и фуражом, материальными и людскими ресурсами.

Список литературы и источники

1. Богданович, М.И. История отечественной войны 1812 года / М.И. Богданович. — М: Эксмо, 2012. — 672 с.

2. Васютинский, А.М. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. С.П. Мельгунов, А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов: в 3 т. — М.: Изд-во «Задруга», 1912. — Ч. 1: Неман — Смоленск — Бородино. — Вступление в Москву. — 200 с.

3. Война 1812 года: события, судьбы, память: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2012 г. / Вит. Гос. ун-т: редкол: А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. — Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова, 2012. — 293 с.

4. Глыбовский, В.И. 1812 год в Витебской губернии / В.И. Глыбовский; издание Витебской ученой архивной коммиссии. — Витебск: Вит. губ. типография, 1910. — 62 с.

6. Добровольский, В.К. Витебская губерния в Отечественную войну / В.К. Добровольский. — Витебск, 1912. — 44 с.

5. 1812 год. Войска генерала П.Х. Витгенштейна в боях на санкт-петербургском направлении: документы и воспоминания / сост. Д.Г. Целорунго, О.В. Кравченкова. — Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2012. — 372 с.

6. Ерошевич, А.В. Полоцк во время войны 1812 года. // Сражения при Полоцке 1812 год — Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2010. — 64 с.: ил. — (Наследие Полоцкой земли; вып. 9).

7. Ерашэвіч, А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): дыс. ...канд. гіст. навук: 07.00.02: Абаронена 23.12.03: Зацв. 26.05.04 / А. У. Ерашэвіч. — Мінск, 2003. — 140 л.

8. Канстанцінаў, Ф. Роля беларускага народа ў разгроме Напалеона / Ф. Канстанцінаў // Бальшавік Беларусі. — 1945. — № 4. — С. 52–62.

9. Литвиновская, Ю.И. Мародерство наполеоновских солдат на территории Беларуси / Ю.И. Литвиновская // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 2003. — № 1. — С. 19–24.

10. Литвиновская, Ю.И. Дворянство Беларуси в период войны 1812 г. / Ю.И. Литвиновская // Гуманітарна-экан. весн. = Гуманитарно-экон. вестн. — 2002. — № 2. — С. 45–54.

11. Литвиновская, Ю.И. Деятельность органов местной власти в Беларуси, созданных Наполеоном / Ю. Литвиновская // Гісторыя: праблемы выкладання. — 2005. — № 2. — С. 40–46.

12. Ліс, Я. Палітыка Напалеона на Беларусі / Я. Ліс // Спадчына. — 1996. — № 5. — С. 117–122.

13. Лякин, В.А. 1812 год. Ратные поля Беларуси: хроника битв / В.А. Лякин. — Минск: А.Н. Вараксин, 2012. — 423 с., [10] л. ил.: ил. — (Такая история).

14. Марбо, М. Мемуары генерала барона де Марбо / пер. с франц. – М.: Эксмо, 2005. – 736 стр., ил. – (Энциклопедия военной истории).

15. Михаиловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной войны 1812 года / А.И. Михайловский-Данилевский А.И. – 3-е изд. – СПб. 1843. – Ч. I. – 383 с.

16. Матюшенский, А.М. Униатское и православное духовенство Полоцкой епархии в войну 1812 г.: чит. 5 дек. 1912 г. по случаю открытия памятника павшим воинам под Витебском в Отечеств. войну 1812 г. в г. Витебске / Протоиерей А.М. Матюшенский. – Витебск: Губ. тип., 1913. – 22 с.

17. Сосна, У.А. Вайна 1812 г. і беларускае сялянства / У.А. Сосна // Науч. тр. РИВШ. – 2008. – Вып. 6, ч. 1. – С. 268–277.

18. Таляронак, С.В. Грамадска-палітычны рух у Беларусі напярэдадні і ў час вайны 1812 г. / С.В. Таляронак. – Мінск, 1999. – 18 с.

19. Філатава, А. Стан беларуска-літоўскага грамадства ў час вайны 1812 года [Тэкст]: [Уплыу падзей Айчыннай вайны 1812 года на лес жыхароу Беларуси] / А. Філатава // Французская рэвалюцыя і лёсы свету. – Мінск: БДУ, 1992. – С. 54–112.

20. Zaleski? S. Jezuici w Polsce porozbiorowej. Krakow: Druk W.L. Anczyca I Spolki, 1907. T. 5. Cz. 1. – 369 S.

Национальный исторический архив Республики Беларусь.

21. Фонд 1297. – Оп 1. – Д. 473. Л. 63–64. Дело о разорении французами в 1812 году имения Дретунь Полоцкого уезда помещика Верещинского. 1814 г.

22. Фонд 1297. – Оп 1. – Д. 667. Дело о конфискации имущества крестьян за участие в нападении на имение Осиновка Невельского повета в 1812 году. 1826 г.

23. Фонд 1297. – Оп 1. – Д. 5957. Л. 18–19, 27. Дело об уничтожении деревни Краснополье Полоцкого уезда французами в 1812 году. 1834 г.

24. Фонд 1297. – Оп 1. – Д. 804. Дело об уплате денег крестьянам деревни Ломово Полоцкого уезда за поставку русской армии в 1812 году фуража и провианта. 1825–1827 гг.

25. Фонд 1297. – Оп 1. – Д. 5779. Дело об участии крестьян деревни Жарцы в военных действиях 1812 года и их заслугах перед Отечеством. 1832 г.

26. Фонд 1297. – Оп 1. – Д. 5553. Л. 4–15. Записка полоцкого мещанина Тимофеева Витебскому и Могилёвскому генерал-губернатору с просьбой о награждении его за заслуги в 1812 году. 1813 г.

27. Фонд 1416. – Оп 2. – Д. 5025. Свидетельство начальника Санкт-Петербургского и Новгородского ополчения Бибикова от 11 октября 1812 года, выданное крестьянам деревни Жарцы за участие в военных действиях. 1813 г.

28. Приказ Наполеона I о привлечении военных и гражданских лиц к суду за разбои и мародерство // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Минск, 2014. – Режим доступа: http://archives.gov.by/index.php?id=780081. – Дата доступа: 21.01.2014.

29. Письмо начальника штаба Наполеона А. Бертье // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. — Минск, 2014. — Режим доступа: http://archives.gov.by/index.php?id=712845. — Дата доступа: 21.01.2014.

30. Записки генерала А. Дедема // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. — Минск, 2014. — Режим доступа: http://archives.gov.by/index.php?id=611743. — Дата доступа: 21.01.2014.

Пархимчик Т.В.

Искусство и философия А. Коновалова

Актуальность выбранной темы состоит в желании подробно и детально исследовать биографии отдельных художников Полоцко-Витебского региона, чтобы составить более полную характеристику художественной жизни региона и соотнести её с общим художественным процессом страны.

В данной работе хочется остановить своё внимание на творчестве А. Коновалова. Художник интересен своей позицией в искустве. Он работает в области интуитивно-ассоциативного искусства, создаёт произведения, изысканно-утончённые по колориту и наполненные философскими размышлениями о вечных общечеловеческих ценностях и проблемах бытия. В фондах НПИКМЗ находятся 9 живописных и 5 графических произведений А. Коновалова. Собрание в некоторой степени характеризуют поступательные этапы его творчества, составляющие наше представление о нём как о художнике.

Рис. 1. А. Коновалов в мастерской.

А. Коновалов пришёл в искусство как сложившийся художник в конце 80-х — начале 90-х гг. Это был неоднозначный переходный период в стране, когда внешняя и внутренняя политика становилась более открытой, и, как следствие этого, активизировались процессы приобщения к проблемам современного мирового художественного процесса, что способствовало расширению диапазона творческих поисков художников. Для белорусского искусства 80–90-х гг. были характерны раскованность и философичность мышления, повышенный интерес к внутреннему миру человека, в творчестве художников возникал синтез новых концепций и национальных традиций. Многие художники стремились разработать свою знаковую систему отображения мира. Именно поэтому живопись этих десятилетий отличается богатством и разнообразием стилевых тенденций.

В 80-е годы Полоцк жил насыщенной культурной жизнью, в этот период в городе сформировалась серьёзная художественная среда. Этому во многом способствовало то, что с 1981 г. была открыта Картинная галерея, которая стала центром художественной жизни Полоцка. Это было место, где можно было увидеть оригинальные живописные произведения. В галерее проводились республиканские и всесоюзные выставки, а также различные художественные акции, перформенсы, встречи с деятелями искусства. Это давало возможность познакомиться с существующими художественными направлениями в современном искусстве, что способствовало развитию творческого потенциала полоцких художников.

Конец 80-х годов является периодом появления творческих объединений художников в разных городах Беларуси, образованных на основе общих творческих интересов и на базе оппозиции к официальному соцреализму. В художественной жизни города немаловажную роль сыграло объединение художников «4-63», созданное в 1989 г. Одним из инициаторов его создания выступил А. Коновалов. В его состав вошли четверо художников, в то время проживавших в Полоцке: А. Коновалов, О. Ладисов, В. Васильев и Г. Васильева. Главный принцип объединения — свобода творческого поиска, неограниченная социальными и идеологическими требованиями. Художники провели серию выставок интуитивного искусства в разных городах Беларуси. Это укрепило их в уверенности в выбранном творческом пути, придало чувство независимости от мнения других. Они работали над проблемой психологического прочтения цвета, создавали образную систему понимания гармонии современным человеком, представляя картину как эстетический объект.

Живопись А. Коновалова в этот период близка к абстрактному искусству, но носит ассоциативный характер, связанный с конкретным образом, впечатлением, воспоминанием. В своём творчестве он отталкивается от своих эмоциональных ощущений, стремится заглянуть за границу предметов, для этого он разрушает, трансформирует их внешнюю оболочку и создаёт из ассоциативных образов свою пластическую модель мира.

Рис. 2. Уходя из города. 1991.

В своих работах, отказываясь от литературности, сюжетности, художник отдаёт предпочтение цветопластической живописи. При этом, обладая утончённым восприятием цвета, он через гармонию красок, цветовых отношений ведёт разговор о личностных жизненных впечатлениях, ощущениях, связанных с теми или иными событиями, философствует, размышляет. Художник находит своеобразный внутренний ритм полотен, созвучный его эмоциональному состоянию.

Работы, находящиеся в нашем собрании, подчёркивают всё вышесказанное. Так, в картине «Уходя из города» (КП15-15718) (Рис. 2) общий колорит построен на сочетании холодных оттенков серебристого, передавая ощущение неприсутствия, отстранённости. Автор не уходит от реалистических тенденций, рассматривая цветовое поле картины, мы видим городской пейзаж, силуэты людей.

Такая же ассоциативность наблюдается и в картине «Благословенный день» (КП16-15733). Она выполнена художником на одном дыхании, очень светлая работа, созвучна радостному мироощущению. Создавая эмоциональное пространство своих ощущений, художник стремится с помощью красок, линий, цветовых пятен выразить своё внутреннее содержание. Здесь автор также не избегает реалистических тенденций, в картине просматривается линия горизонта, контуры деревьев и фигур людей.

Рис. 3. Остров. 1992.

Картина «Остров» (КП14-10243) (Рис. 3) ближе к понятию абстракционизма. Здесь художник на основе цветовых сочетаний создаёт образ интимного характера, где главной задачей является передача внутреннего ощущения

свободы, связанного с абстрагированным понятия «остров». Цвет носит ассоциативный характер, где насыщенный синий ассоциируется с водой, зелёный — с сочной травой, зеленью, жёлтый — с песком. Это не какой-то конкретный остров, а тот остров, который находится в душе, остров, где хорошо.

Таким образом, создавая произведения интуитивно-ассоциативного характера, художник не стремится изображать реальность, копируя её на холсте, а с помощью гармонии цвета, красок, линий выражает своё отношение к ней. По мнению Л. Лысенко, — он создает свой мир красоты, гармонии, стремится передать утонченное ощущение цвета, говорящего, воздействующего, гармонизирующего [**5**, с. 36]. Его работы — это органичные колористические композиции, где у каждого цвета — своё звучание.

Анализируя и характеризуя творчество А. Коновалова этого периода, хотелось бы отметить, что когда художник приступает к работе над произведением, у него нет заданной темы, сюжета. Образы возникают спонтанно, поэтому сам процесс создания произведения предстаёт как таинство, увлекая своей непредсказуемостью. А. Коновалов говорит: «В начале работы возникает эмоциональный импульс или психологическая потребность, которая постепенно, по мере работы выстраивается в структуру картины». И когда положен последний мазок, произведение получает своё название. И, несмотря на то, что название привязывает произведение к какой-либо теме, в то же время оно даёт широкий простор зрителю для интерпретации, т.к. построенные на ассоциациях, они носят неоднозначный характер.

А. Коновалов постоянно находится в творческом поиске, он стремиться экспериментировать с техниками, материалами, оставаясь при этом художником-живописцем. Постепенно художник обращается к технике коллажа.

Коллаж (от фр. collage — наклеивание, аппликация; в англ. — комбинация разнородных элементов) — приём в изобразительном искусстве, заключающийся в создании живописных или графических произведений путём наклеивания на какую-либо основу предметов и материалов, отличающихся от основы по цвету и фактуре. Принято считать, что технику коллажа изобрёл Жорж Брак в 1910 г., но примерно в то же время Пикассо создал свои первые коллажи. С 1912 г. коллаж как метод активно применяется многими художниками. В творчестве каждого мастера коллаж получил свою интерпретацию. В работах А. Коновалова коллаж органично сочетается с живописным слоем картины, становится его составной частью. По словам автора, у него было желание так совместить коллаж с живописной поверхностью, чтобы они составили одно целое.

Для создания коллажных работ художник использует различные материалы: кусочки тканей, нити, различную по фактуре бумагу, монеты и др., с помощью которых, вырезая, наклеивая, он создаёт фактурные рельефы. Как отмечает Л. Лысенко: «…в коллажных работах художника выразительно прослеживается тенденция последних десятилетий — взаимодействие различных

Рис. 4. Оттепель. 2003.

видов искусств» [**1**, с. 36]. Это позволяет обогатить содержание работы, так как использованный в картине материал несёт определённую информацию, связанную с каким-то событием, воспоминанием, явлением или вызывает какую-то ассоциацию. И зачастую эти предметы становятся определенными смысловыми акцентами. Работы, выполненные в технике коллажа, отличаются сложной фактурой и богатым колоритом, что придаёт своеобразную визуальную тактильность, когда возникает желание дотронуться до поверхности холста, что усиливает эмоциональное впечатление от произведения.

В создании работ художник в основном использует акрил, так как он даёт возможность достичь прозрачности красок, когда нижний слой просвечивает сквозь верхний. А также акрил позволяет наклеивать различные материалы, тем самым создавая возможность эксперимента.

В коллекции НПИКМЗ находятся четыре работы, выполненные в технике коллажа: «Февраль» (КП21-31632), «Воскресение» (КП21-30310), «Оттепель» (КП18-22987), «Дом» (КП21-29188).

«Февраль» — одна из первых коллажных работ, созданная в 2003 г. — на находится в постоянной экспозиции Художественной галереи. По мнению автора, она дала толчок к созданию других произведений, выполненных в этой технике. В создании работы художник использовал фактурную бумагу с тиснёным рисунком. Наклеив её на поверхность холста, он создаёт живописную структуру, построенную на оттенках прозрачного охристого серого цвета. В этой работе вся поверхность холста выполнена в технике коллажа, в отличие от другой его работы, «Оттепель» (Рис. 4), где художник использует коллаж частично, отдельным фрагментом на живописной поверхности холста. Это пейзаж, увиденный из окна. Вдали — полоска тёмного леса и синее низкое небо. Фрагмент коллажа передаёт не только ощущение холода от тающего снега, но и фактуру колких острых льдинок.

В картине «Воскресение» (Рис. 5) воплощено торжественно-праздничное настроение, автор строит её на сочетании очень активных красно-бордовых цветов. Живописная поверхность с элементами коллажных вставок дополнена графическим рисунком, который конкретизирует всю композицию, и она становится понятной для восприятия.

Рис. 5. Воскресение. 2004.

90-е гг. XX в. стали неоднозначным периодом в развитии белорусского искусства. С одной стороны, художники получили возможность полной творческой свободы, не ограниченной никакими идеологическими рамками, были сняты все запреты. С другой – стало меньше поддержки и финансовой помощи со стороны государства. В этих условиях белорусские художники пытались найти те новые пути, которые соответствовали бы изменившемуся времени. Закономерным явлением стало развитие арт-рынка, в связи с этим возникла потребность в создании частных галерей, где художники могли бы не только выставлять, но и продавать свои работы. В 1991 г. по инициативе А. Коновалова, совместно с С. Тимоховым, Л. Лысенко и другими художниками, была открыта в городе первая частная галерея под названием «Рыса». Согласно уставу галереи, её задачи выходили за рамки чисто коммерческих интересов. Главной целью являлась комплектация коллекции современного белорусского изобразительного искусства, создание художественной среды данного региона [**4**, с. 3]. Галерея старалась знакомить с творчеством самобытных, оригинальных художников, с индивидуальным творческим методом, а также представлять отечественное искусство за пределами Беларуси. Так, в июне 1993 г. галереей была организована выставка семи белорусских художников (С. Каткова, З. Литвинова, А. Коновалов, О. Орлов, А. Соловьев, С. Тимохов) в Центральном Доме художников в Москве [**6**, с. 37]. А. Коновалов на этой выставке представил работы, созданные в конце 80-х–90-е гг.

С конца 90-х гг. художник начинает работать сериями. Это позволяет полностью погрузиться в то или иное состояние, тему. Произведения, объединённые одним мотивом, приобретают цельность и глубину в раскрытии своего содержания. Известны такие серии, как «Следы», «Атрибуты искусства», «Частная архитектура», «Влияние света», «Фамильное серебро».

«Следы» — это серия работ, которую можно охарактеризовать как отражение эмоциональных переживаний автора, где каждая работа — это определённое состояние. Следы, оставленные в душе человека от определённых переживаний, событий, впечатлений, переданные с помощью цветовых сочетаний. В дальнейшем к такому же приёму обратятся художники концептуалисты, создавая произведения, в которых будут ставить отметки в виде графических линий своему эмоциональному состоянию (А. Веренич, О. Сазыкина).

В работах серии «Частная архитектура» художник передаёт своё эмоциональное настроение через увиденный пейзаж. Работы этой серии выполнены на бумаге акрилом с использованием цветных пигментов (красящий пигмент — это порошок, который может быть разведён лаком или водой). Используя пигменты в создании произведения, художник добивается особой выразительности цвета, создаёт различные эффекты. Например, чёрный цвет приобретает бархатистость, он может быть более холодным, тёплым или насыщенным.

В серии «Атрибуты искусства» А. Коновалов проводит параллель с картиной французского художника XVIII века Жана Батиста Шардена «Натюрморт с атрибутами искусства». Это современный взгляд на старую тему, где художник рассуждает о восприятии окружающего мира современным человеком. О том, что благодаря внутреннему багажу и информационному развитию для художника предметный мир выступает как ассоциативный посыл, что в сегодняшнее время искусством может стать всё, что нас окружает. Если натюрморт французского художника носит конкретный характер, изображая предметы, необходимые для творчества, то произведения А. Коновалова носят более абстрагированный характер, они наполнены геометризированными формами и, как отмечает искусствовед А. Белявец, напоминают предметы, необходимые в мастерской художника и одновременно свидетельствуют о чём-то намного большем [**2**, стр. 66].

С 1995 г. А. Коновалов начал работу над серией «Фамильное серебро» и постоянно к ней возвращается. Произведения этой серии отличаются сложной фактурой и богатым колоритом, в них художник, опираясь на свой опыт и наблюдения, ведёт разговор со зрителем о духовных связях между людьми, о преемственности поколений, о сущности жизни и творчества. Само понятие «фамильное серебро» — это осознание того, что есть ценности не одного дня и, по словам самого автора, оно применимо ко всему творчеству художника.

Таким образом, творчество А. Коновалова — это один из примеров, когда искусство становится другой реальностью. Философское начало в его творчестве нашло своё выражение в том, что художник в своих произведениях создаёт образ мира и человека, переработанный в своём сознании. Когда конкретные зримые объекты, жизненные впечатления, размышления становятся исходным пунктом, во время создания живописного произведения они трансформируются в образы, наполненные особым смыслом, прочитанным слов-

но изнутри. Поэтому содержание работ художника многослойно и носит неоднозначный характер. И только понимая язык искусства, можно прочитать зашифрованную в картине мысль, идею.

Исследуя и анализируя творческий путь А. Коновалова на протяжении более двух десятилетий, можно говорить о тех принципах, которые были свойственны для художественной среды не только Полоцко-Витебского региона, но и для всего художественного процесса в белорусском искусстве конца XX – начала XXI в. В творчестве А. Коновалова нашли своё отражение те веяния и поиски, которые были характерны для искусства Беларуси периода 80–90-х годов прошлого века, а также те тенденции, которые актуальны и на сегодняшний день. В то же время, обладая яркой авторской индивидуальностью и творческой независимостью, он говорит своё слово в развитии белорусского искусства.

Список литературы

1. Белявец, А. Аляксандр Канавалаў: «Шукаю выразных сродкаў» / А. Белявец // Мастацтва. – 2006. – № 9. – С. 33–37.

2. Белявец, А.М. Праекцыя ўнутранага свету Аляксандра Канавалава / А.М. Белявец // Художественная галерея в Полоцке. – Мінск, 2009. – С. 64–67.

3. Вайніцкі, П. Без падману. Маляўнічыя паверхні Аляксандра Канавалава / П. Вайніцкі // Мастацтва – 2011. – № 11. – С. 15.

4. Галерэя Рыса: буклет. – Полацк, 1991. – 3 с.

5. Лысенка, Л. «Філасофія жыцця» Аляксандра Канавалава / Л. Лысенка // Мастацтва – 2011. – № 8. – С. 36–38.

6. Московский поводырь: музеи, галереи, выставочные залы. – М.: Информ.-издат. центр «Московская коллекция», 1993. – 46 с.: карт.

Рудаков П.С.

Эволюция советской сухопутной фортификации 20–30-х годов XX века на примере Полоцкого укрепрайона

Фортификация – отрасль военно-инженерного искусства, охватывающая теорию и практику укрепления (фортификационного оборудования) местности как при заблаговременной военно-инженерной подготовке театра военных действий и территории страны, так и в ходе войны с целью повышения боеспособности Вооружённых сил, увеличения их боевой эффективности, защиты войск, органов управления, населения и объектов народного хозяйства от средств поражения противника. Фортификация подразделяется на войсковую (полевую) и долговременную [**6**, с. 4–5].

Фортификационное сооружение – постройка, предназначенная для укрытого размещения и наиболее эффективного применения оружия, военной техники, пунктов управления, а также для защиты войск, населения и объектов тыла страны от воздействия средств поражения противника.

Полевая фортификация рассматривает закрытия и преграды, служащие для полевых войск, редко остающихся долго на одном месте и потому возводимые непосредственно перед боем и сохраняющие своё значение только на время боя на данной местности. Соответственно этому, время, в течение которого полевые фортификационные постройки строятся и служат, измеряется обыкновенно часами и редко превосходит одни сутки; в качестве рабочей силы при их возведении являются сами войска; инструмент – так называемый шанцевый, входящий в походное снаряжение войск; материал – преимущественно земля с добавлением иногда простейших лесных и некоторых других материалов, находимых на месте производства работ. Полевые фортификационные постройки могут быть разделены на:

- укрепления, представляющие сочетание закрытия, позиции для действия огнём и преграды штурму;
- окопы, дающие закрытие и позицию для действия огнём;
- заслоны, дающие только закрытие;
- искусственные препятствия, дающие только преграду штурму;
- различного рода приспособления местных предметов к обороне как способ получения результатов, свойственных предшествующим видам построек, но с наименьшей затратой рабочих средств и времени.

Развитие советской фортификации 20–30-х гг. является логичным продолжением идей, выработанных в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Если в начале Первой мировой войны в военном планировании всех воюющих сторон основой обороны считалась крепость, то к концу войны был осуществлён переход к так называемым «расчленённой» и «распылённой» фортификации [**15**, с. 3]. Во время Гражданской войны эти идеи получили своё развитие в виде укреплённых районов, задачами которых были:

- прикрывать основные операционные направления;
- создавать оборудованные плацдармы для перехода в контрнаступление;
- обеспечивать важные в политическом и стратегическом отношении промышленные пункты от захвата противником [**13**].

23 июля 1919 г. Революционным военным советом (РВС) Западного фронта издаётся приказ № 04409/оп, в котором ставилась задача «…немедленно приступить к организации узлов обороны в последующих пунктах: Новая Ладога, Новгород, Старая Русса, Великие Луки, Полоцк, Борисов, Бобруйск и Мозырь». 30 июля 1919 г. окружной военный комиссар В.В. Каменщиков и военный руководитель округа Е.З. Барсуков подписали приказ № 792, в котором начальнику инженерного управления предписывалось выслать специалистов для рекогносцировки и производства подготовительных работ. Особое внимание при выборе мест расположения орудийных капониров обращалось на танкоопасные направления [**4**, с. 4–5]. Таким образом, во время советско-польской войны на подступах к Полоцку было начато строительство одного из первых советских укрепрайонов. Несмотря на то, что строительство не было закончено, и укрепрайон не сыграл какой-либо роли в обороне Полоцка в 1919 г., работа, проведенная на территории укрепрайона, была востребована при проектировании новых укреплённых районов в конце 20-х — начале 30-х гг.

В 1927 г. под руководством начальника оперативного управления Красной Армии было проведено совещание начальников инженерных округов и представителей центральных управлений. Участвующие в обсуждении вопроса постановили: основой фортификационной подготовки границ государства считать укреплённый район с основным фортификационно-тактическим элементом — батальонным районом обороны (батрайоном) [**4**, с. 6].

Военными инженерами Хмельковым, Карбышевым, Белинским и другими были проработаны различные варианты конструкций огневых и защитных сооружений, их размещение и функции [**14**, с. 71–83].

Основными фортификационными сооружениями укрепрайона должны были стать долговременные огневые точки — ДОТы. Первые из них были построены на территории Полоцкого укрепрайона в 1928 г.: 2 сооружения по проекту инженера И.О. Белинского и 2 — по проекту инженера Н. Залесского. Они значительно отличались друг от друга по своей конструкции: ДОТ Белинского был двухэтажным, с двухъярусным расположением восьми амбразур круго-

вого обстрела; ДОТ Залесского был одноэтажным, с 5-ю амбразурами также кругового обстрела. В ходе испытаний были выявлены недостатки этих сооружений и в дальнейшем от большого количества пулеметов в ДОТе стали отказываться, «так как выяснилось, что большое количество амбразур вёдет к низкой устойчивости стен к попаданию снарядов большого калибра» [**5**]. Эти огневые точки стали прототипами будущих типовых ДОТов.

Следующим этапом была постройка типовых долговременных огневых сооружений на территории Полоцкого укрепрайона в 1930–32 гг. Было построено более двухсот таких сооружений, и они составляли основную часть ДОТов укрепрайона. Была создана классификация ДОТов по категории стойкости и типу внутренней планировки. Согласно ей, двухэтажные точки с противохимическим убежищем получали обозначение «Б», а одноэтажные без противохимического убежища обозначались литерой «М». К сооружениям типа «Б» относились те, которые были оборудованы убежищами для гарнизона (в них размещались нары для отдыха), и имели несколько боевых казематов и вспомогательных помещений. Большинство таких сооружений имело два этажа. В тех случаях, когда ДОТ такого типа имел только один этаж, в обозначении делалось соответствующее дополнение – «тип Б одноэтажный». Основным вооружением подавляющего большинства долговременных огневых точек были пулемёты системы «Максим» на специальном казематном станке Соколова. Только 10 огневых сооружений были пушечными, с башнями от танков Т-26.

По уровню защиты ДОТы подразделялись на три типа:

	Напольная	Покрытие	Фундамент	Тыльная	Стойкость (дистанция стрельбы 6 км)
М1	150	110	70	80	Одно попадание 203-мм гаубицы и 152-мм пушки
М2	135	90	60	60	Одно попадание 152-мм гаубицы и 152-мм пушки
М3	90	60	50	50	Одно попадание 122-мм гаубицы и 76-мм пушки

Третьим этапом развития фортификации была программа усиления существующих укрепрайонов, предпринятая в 1937–39 гг. Для развития Полоцкого укрепрайона в нём предполагалось построить «два узла обороны второго типа на правом фланге и четыре отдельных опорных пункта впереди обвода УР». Узел обороны второго типа должен был иметь следующие параметры: «…фронт до 6 км, глубина – до 6 км [**4**, с. 19]. Имеет примерно следующие сооружения:

- артиллерийско-пулемётных капониров (45-мм пушки, спаренные с пулемётами) – 3–4;
- пулемётных полукапониров – 12–16;

- железобетонных точек с фронтальным обстрелом (на 2–3 станковых пулемёта) –10–15;
- артиллерийских полукапониров (по две 76-мм пушки) — 3–4;
- казематированных тяжёлых батарей (по 4 орудия) 107 или 122-мм пушек — 2 или подготовленных площадок для тяжёлых батарей с убежищами и погребками для снарядов — 3–4;
- броневых огневых точек ПТО (45-мм пушки) — 8–10;
- командно-наблюдательных пунктов — 10–12;
- подземных убежищ для войск узла обороны и полевых войск — не более — 3, общей вместимостью на три роты;
- прожекторных убежищ — 5;
- подземных ходов сообщения — в зависимости от местности;
- противотанковых и противопехотных препятствий — по 3–4 км на один км фронта».

Из Протокола № 7 Заседания ГВС РККА «О развитии существующих и строительстве новых укреплённых районов»:

Узел обороны является основой укреплённого района и должен во всех случаях иметь круговую оборону как узла в целом, так и составляющих его опорных пунктов.

Опорные пункты составляют основу узла обороны и должны быть способными сопротивляться всем средствам подавления противника и самостоятельно вести бой в окружении.

Система обороны опорного пункта должна строиться на фланговом, косоприцельном и фронтальном из глубины огне долговременных сооружений. Для прострела мёртвых пространств должны быть предусмотрены специальные сооружения с соответствующим вооружением.

Препятствия: противопехотные препятствия возводятся в виде нескольких полос проволочных сетей и малозаметных препятствий, расчленённых в глубину, с тщательным применением к местности. Препятствия должны быть расположены по всей глубине узлов обороны, создавая отсеки и мешки. Препятствия должны быть прикрыты надёжным огнём из пулемётных сооружений и противотанковых огневых точек. На важнейших направлениях препятствия строятся на металлических кольях, укрепляемых на бетонном основании. Для непосредственного прикрытия вокруг сооружений, расположенных на переднем крае, возводятся противопехотные и противотанковые препятствия; система противотанковых препятствий должна прикрывать боевые сооружения не только с фронта, но и от возможных атак танков из глубины узла обороны. Противотанковые препятствия должны быть прикрыты огнём артиллерийско-пулемётных капониров, противотанковых огневых точек или артиллерийских полукапониров (капониров) и противопехотными препятствиями. На важнейших направлениях строятся металлические надолбы, бетонированные эскарпы и контр-эскарпы.

Убежища для гарнизонов боевых сооружений возводятся в непосредственной близости от сооружений. Эти сооружения должны строиться, как правило, на обратных скатах или врытые в гору, под навесом скал и пр. [**11**].

Опорные пункты представляли собой систему сравнительно компактно расположенных орудийных и орудийно-пулемётных полукапониров, хорошо вписанных в окружающий ландшафт и расположенных в узлах важнейших дорог. Сооружения опорных пунктов представляли собой, в сравнении с ДОТами основной линии Полоцкого укрепрайона 1930–1932 гг. постройки, качественно новые фортификационные сооружения. Их пулемётно-пушечное вооружение позволяло эффективно бороться как с пехотой, так и с бронетехникой противника, в отличие от предыдущих сооружений с чисто пулемётным вооружением. Уровень защиты и условия содержания гарнизона также стали существенно выше [**4**, с. 20].

Инженерное оборудование рубежей обороны также претерпело значительные изменения, адекватно отвечая на стремительный прогресс в области развития вооружений и тактики. Из Полевого устава 1939 г.:

Устойчивость обороны во многом зависит от степени инженерного обеспечения войск и от оборудования местности защитными сооружениями.

В инженерное обеспечение войск и оборудование местности входит:

а) подготовка совместно с химическими частями полосы заграждений перед передним краем, участков заграждений перед позицией боевого охранения и если имеется открытый фланг, то и на открытом фланге;

б) устройство противотанковых районов и различных противотанковых препятствий по всей глубине;

в) оборудование основных и запасных позиций для стрелков, пулемётов, артиллерии, расчистка обстрела, устройство КП (основных и запасных), установка препятствий против пехоты, устройство укрытых сообщений, убежищ, ложных сооружений и препятствий;

г) подготовка отсечных позиций, второй полосы и обороны тыла;

д) восстановление и постройка мостов, ремонт и постройка дорог, устройство посадочных площадок, оборудование складов и т.п.;

е) маскировка оборонительных сооружений, расположения войск и учреждений, дорог и т.п.;

ж) организация водоснабжения войск (бурение скважин, подъём и очистка воды, оборудование водного пункта) [**10**, с. 279].

Изменились взгляды на устройство позиции для стрелкового отделения: если в 20-х гг. окоп представлял собой сплошную линейную траншею, разделённую траверсами, то в 30-х — в зависимости от местности рекомендовалось создавать или сплошной изломанный окоп, или окоп с вынесенными вперёд стрелковыми ячейками (при условии окапывания на высоте) [**12**, с. 334].

Переход от линейного, с траверсами, к ячеистому окопу имеет два разнонаправленных фактора:

1. Требование более эффективной защиты от поражения продольным огнём способствует переходу к ячеистому окопу, при этом расстояние между ячейками по фронту должно быть таким, чтобы одним разрывом не поражались сразу две;

2. С точки зрения эффективности огня, ячеистый окоп с редким расположением ячеек оправдан лишь при высокой насыщенности автоматическим стрелковым оружием [**9**].

Изменились также взгляды на ширину стрелкового окопа. До начала 30-х годов норматив составлял: ширина по дну — 1 метр, ширина стрелковой ступени — 50–60 см. К концу 30-х годов ширину окопа сузили, доведя до 40–50 см. по дну, и отказались от стрелковой ступени [2, с. 28].

К 30-м годам роль авиации и бронетехники, и в первую очередь танков, серьёзно возросла. Это обстоятельство вызвало необходимость пересмотреть основы противовоздушной и противотанковой обороны в полевой фортификации. Поэтому в Наставлении по инженерному делу для пехоты Красной Армии 1936 г. появляется изображение каземата венчатого типа для 45-мм противотанковой пушки. Был проработан вариант открытого окопа с укрытием для аналогичного орудия [**8**, с. 61–62]. Противовоздушная оборона была усилена введением специальных окопов для стрельбы из зенитного пулемёта и открытых площадок для зенитных орудий [**7**, с. 26–27].

Изменилась и инженерная техника — появились новые инструменты и техника: бульдозеры, экскаваторы, канавокопатели, автомобильные силовые электрические станции, электрические пилы, электрорубанки, подвижные лесопильные рамы и многое другое [**3**, с. 18–41].

Полевые сооружения, строившиеся на территории укрепрайонов, имели свою специфику — они должны были быть встроены в систему огня долговременных огневых сооружений, а также осуществлять защиту ДОТов от штурмующей пехоты противника.

Полоцкий укрепрайон можно рассматривать как пример поступательного развития советской фортификации. Именно на его территории были построены первые долговременные огневые точки, которые послужили прообразом будущих типовых сооружений укрепрайонов, защищавших западную границу СССР.

Список литературы и источников

1. Волков, И. Первые шаги усиленной полевой фортификации XX века / И. Волков, Е. Хитряк // Para Bellum [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://vn-parabellum.com/fort/ivan-eugeny.html. – Дата доступа: 03.12.2013.

2. Гербановский, С. Развитие и оборудование окопов / С. Гербановский – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. – 48 с.

3. Дугарев, С. Военно-инженерная техника / С. Дугарев – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. – 112 с.

4. Копыл, С.П. Линия Сталина. Полоцкий укрепрайон 1919–1941 / С.П. Копыл, С.И. Поляков – Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2009. – 55 с.

5. Кузяк, А.Г. Железобетонные сооружения укрепленных районов СССР 1928–1936 гг. / А.Г. Кузяк, В.В. Каминский // [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://archive.is/I4VE. Дата доступа: 10.07.2013.

6. Левыкин, В.И. Фортификация: прошлое и современность / В.И. Левыкин – М.: Военное издательство, 1987. – 160 с.

7. Наставление по инженерному делу для зенитной артиллерии РККА – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. – 89 с.

8. Наставление по инженерному делу для пехоты РККА – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. – 200 с.

9. Полевая фортификация Первой мировой войны / Фортовед [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://fortoved.ru/forum/index.php?t=msg&th=240&prevloaded=1&rid=0&S=76a6cba3ecc0795001cb27790868de60&start=20. Дата доступа: 14.11.2013.

10. Полевой устав РККА (ПУ-39) – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. – 448 с.

11. Протокол № 7 Заседания ГВС РККА / РККА [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.rkka.ru/handbook/doc/gvs-210538.htm. – Дата доступа: 24.05.2013.

12. Седякин, А. Военная техника / А. Седякин – М.: Государственное военное издательство, 1934. – 401 с.

13. Фортификация в период между двумя Мировыми войнами / Русский фортификационный сайт [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://www.szst.ru/library/shperk_f/101.htm. – Дата доступа: 16.11.2013.

14. Хмельков, С.А. Бетонные и железобетонные сухопутные фортификационные сооружения / С.А. Хмельков – М.: Военно-инженерная академия, 1937. – 130 с.

15. Яковлев, В.В. Современные предложения по долговременной фортификации / В.В. Яковлев, Н.И. Шмаков – М.: Военно-инженерная академия, 1937. – 96 с.

Смирнова Т.Р.

Психолого-педагогическое обоснование экспозиции третьего зала Детского музея

Современные дети живут в ярком, разнообразном, информационно насыщенном мире. Возможности компьютера, телевидения, с одной стороны, облегчили нашим детям способы познания окружающего мира, а с другой стороны, отучили наблюдать, утрачены многие семейные традиции, в частности, чтение книг и пересказ их содержания.

Ещё одной немаловажной проблемой, по мнению известных белорусских психологов, является то, что детям дошкольного возраста часто некогда играть, а поэтому игра перестаёт быть способом вхождения ребёнка в мир взрослых. Социальный мир становится более сложным, закрытым, а поэтому требует от ребёнка дополнительных усилий в его освоении [**2**, с. *23*].

Мы должны помочь ребёнку. А для этого необходимо перестроить наше сознание, изменить работу с детьми: перенести внимание с организованной взрослыми деятельности на самостоятельную, особое внимание уделяя игровой.

Учитывая все эти проблемы, мы поставили перед собой цели, которые будем решать в работе над экспозицией третьего зала:

– расширять представления ребёнка об окружающем мире, обогащать эмоции положительными переживаниями, используя опыт и знания, полученные в игровой и творческой деятельности;

– развивать у детей способность принимать самостоятельные решения в ситуации выбора, рефлексии, адекватно оценивать свои возможности, формировать жизненные смыслы и ценности.

Желание возвратить современных детей в мир интересных приключений, научных открытий, в мир природы через книгу подтолкнуло нас к мысли о создании такой экспозиции, посетив которую ребёнок ощутит свою значимость, сможет использовать свои первые жизненные навыки и впечатления, поделиться своими переживаниями, чувствами и мыслями. А мы сможем показать ребёнку неравнодушие взрослых к его субкультуре.

Своеобразной практической подготовкой к работе над экспозицией третьего зала явилось проведение выездных интерактивных выставок «Сказки из музейного ларца» и «Сказка за сказкой», которые позволили нам проанализировать работу по следующим вопросам:

– понимают ли дети разного возраста содержание тематических комплексов, представленных на выставках;

– какие методы и приёмы нужно использовать для активизации восприятия детьми музейных предметов;

– обозначили наиболее яркие эмоциональные реакции детей в разных видах деятельности (игры, беседы, рассматривание книг);

– отметили особенности восприятия детьми дошкольного и младшего школьного возраста информации об истории изобретения предметов;

– выяснили отличия в восприятии содержания материала у детей дошкольного и младшего школьного возраста;

– определили роль научно-вспомогательных материалов в комплексах;

– рассмотрели, какой вид опыта преобладает на разных возрастных этапах и как использовать небольшой жизненный опыт каждого ребёнка в общении. (Как известно, различают когнитивный опыт: умения, знания, навыки; поведенческий — усвоенные нормы, правила, установки, привычки; эмоциональный — образы переживаний, закреплённые отношения, ценностные ориентации, интересы, склонности. Основная их функция — регуляция поведения и деятельности человека).

Тематические комплексы детьми разного возраста воспринимались с интересом и пониманием, дети положительно реагировали на представленные в них предметы. В дальнейшем мы продолжим работу по изучению разнообразных способов обучения детей активным исследовательским методам, что позволит создавать ситуацию успешности каждого ребёнка на основе включения его в деятельность, отвечающую индивидуальным возможностям и способствующую самореализации.

У детей дошкольного возраста недостаточно сформировано умение слушать, поэтому требовалось руководство в организации слушания с помощью методических приёмов: изменение интонации и тембра голоса, использование определённых жестов.

Дети младшего школьного возраста проявляли интерес к предлагаемому материалу, управляли процессом внимания, дополняли рассказ примерами из личного опыта, отождествляли себя с героями и эмоционально проживали с ними различные ситуации. В дальнейшем мы должны выходить на открытое общение с детьми и формировать умения выражать свои внутренние переживания вербально и невербально.

Дети всех возрастных категорий эмоционально воспринимали материал. Однако учащиеся начальных классов более мотивированно подходили к процессу беседы по содержанию сказок, быстрее улавливали сюжетную линию повествования, принимали игру, согласившись совершить путешествие в мир волшебных сказок, демонстрировали умение производить внутренний план действий, знание содержания многих сказок, выражали желание узнавать ещё больше. У детей сформированы поведенческий и когнитивный жизненные опыты, а над формированием эмоционального опыта ещё необходимо работать.

Наработанный практический материал позволяет нам утверждать, что ребёнок в нашем музее является партнёром, другом, который будет познавать и совершать открытия совместно со взрослым. Он будет исследовать, отгадывать, изучать, а не пассивно созерцать и воспринимать информацию.

Нам, сотрудникам Детского музея, необходимо предоставлять время для общения между детьми, между взрослым и ребёнком, создавать ситуации для повторения эмоциональных переживаний. А, как известно, повторение эмоциональных переживаний не обедняет восприятие, а ведёт к усвоению языка и, следовательно, к более глубокому осмыслению событий, пониманию и правильной оценке поступков героев.

В основе подготовки будущей экспозиции и разработки методики работы с аудиторией лежит изучение психологических особенностей детей дошкольного и младшего школьного возраста.

И начнём мы с первого года жизни, несмотря на то, что дети этого возраста могут быть у нас или не быть. Ведущим видом деятельности в этом возрасте является эмоционально-ситуативное общение со взрослыми. К концу года ведущим видом деятельности становится манипулирование предметами.

На 2–3-м годах жизни по-прежнему предметная деятельность остаётся ведущей. Ребёнок действует с предметами не механически, а с некоторым смыслом: знает, какой предмет он берёт, как он будет с ним действовать, воспринимает образ предмета и соотносит его с названием. Речь постепенно становится средством общения со взрослым. Третий год жизни — сензитивный период для развития речи. В это время у ребёнка появляются игровые действия, объединённые общим сюжетом, закладываются и проявляются предпосылки к художественной деятельности, отмечается большая потребность в подвижных играх. Ребёнок этого возраста способен выучить и рассказать стихотворение.

Ведущим видом деятельности ребёнка 4–5 лет является игровая. Расширяется интерес к познавательной практической деятельности. Но и в этом виде деятельности важна роль взрослого, который должен работать над формированием у ребенка инициативы, самостоятельности, творчества и фантазии.

Чем же характеризуется шестой и седьмой годы жизни детей?

Ведущим видом деятельности, по-прежнему, остаётся игровая деятельность, в которой главными для ребёнка становятся отношения между людьми. Именно в этом возрасте, на наш взгляд, необходимо уделить внимание нравственным ценностям, которые можно раскрыть через такие литературные жанры, как рассказ и сказка. Однако надо учитывать, что в младших классах дети ещё плохо понимают смысл метафор, пословиц, басен, подтекст произведений, потому что ребёнок плохо владеет абстрактными понятиями. Поэтому основными методическими приёмами будут словесные пояснения, беседы, речевая активизация ребёнка и использование опыта ребёнка в организации разных видов игр: подвижных, игр с правилами, дидактических, настольных.

Слово на этом возрастном этапе становится опорой действий и мыслей.

Язык и речь – это основное средство проявления важнейших психических процессов памяти, восприятия, внимания. Знакомство с произведениями художественной литературы (стихи, потешки, басни, рассказы, сказки) обогащает словарь (как пассивный, так и активный), развивает фантазию и воображение, расширяет представления ребёнка о явлениях окружающего мира.

В возрасте от 7 до 11 лет наглядно-образный стиль мыслительной деятельности является ведущим. Воображение участвует в произвольной регуляции других познавательных процессов. Посредством образов человек получает возможность управлять восприятием, воспоминаниями, речевой деятельностью. Образы представления и воображения стимулируют мыслительный процесс, они обладают способностью замещать действительное восприятие.

Всё вышесказанное даёт нам возможность познакомить вас с примерным планом работы на экспозиции третьего зала Детского музея.

Используя архетип дороги, мы вместе с ребёнком начинаем исследовать мир, т.е. обогащать его жизненный опыт. Сначала перед ребёнком открывается предметный мир. Мы дадим возможность ребенку исследовать предмет, развивая при этом слуховые, зрительные анализаторы. Этот этап будет представлен игрушками по сенсорному развитию (пирамидка, погремушка, мяч, музыкальные детские инструменты, фигурки игрушечных животных и др.). Музейный педагог предлагает ребёнку играть, действовать, включает в совместное действие маму.

Когда ребёнок становится старше и у него расширяется представление о предметном мире через слово (дети 4–5 лет), возможно обращение к детским книгам, соответствующим возрастным особенностям детей. Этому посетителю мы тоже предоставим возможность действовать с предметами.

Работу с детьми старшего дошкольного возраста мы планируем проводить по-другому.

Музейный педагог будет опираться на небольшой жизненный опыт ребёнка, его умение вспоминать и объяснять свои чувства, которые были вызваны чтением первых стихов, сказок, увиденными игрушками, на приобретённые навыки, сформировавшиеся психические процессы (память, мышление).

Детям данного возраста мы расскажем об истории изобретения предметов, например, музыкальных инструментов. А для активизации восприятия посетителем музейной экспозиции нам понадобится большое разнообразие дидактического и развивающего материала.

Ребята младшего школьного возраста (6–9 лет) уже могут поделиться своими впечатлениями о детстве, назвать любимую мелодию, рассказать о самом забавном случае, который чему-то их научил. Наша задача – на личностном уровне регуляции осуществлять смысловые интеграции событий, ситуаций, из которых складывается смысл жизни, которыми личность будет руководствоваться в дальнейшем при постановке жизненных целей, составлении пла-

нов. Центром активизации внимания детей будет тематический комплекс, посвящённый сказкам.

Идя по дороге жизни, ребёнок начинает сталкиваться с поступками людей, которые не всегда соответствуют представлениям ребёнка. Поэтому нам важно помочь ребёнку сформировать в себе нравственные ценности, чувства, переживания, эмоции. Эти чувства всё более нуждаются в интеллектуальном оформлении — и сказка, на наш взгляд, отвечает этой потребности ребёнка. Воспринимая сказку, ребёнок учится фантазировать. Фантазия создаёт образы, которые способны передать детские чувства. Так, через изучение детских фантазий, мы сможем проникнуть в закрытый мир детских чувств. Сюрпризным моментом встречи детей со сказкой будет появление сказочного героя, который вместе с детьми будет приобретать жизненный опыт, встречаться с добрыми и злыми героями, разгадывать тайны, скрытые в тех или иных предметах.

Рассказ об этих предметах поможет нам плавно перейти на следующий тематический комплекс, который будет представлен развёрнутой книгой-энциклопедией.

Наступило время для совершения научных открытий и новых достижений. А что может создать сам посетитель? Мы предоставим ему эту возможность в виде разноплановой деятельности: рисования, лепки, чтения и др.

Мы хотим организовать такое коммуникативное взаимодействие взрослого и ребёнка, в котором будет реализовываться собственная позиция ребёнка, будет формироваться творческое восприятие окружающего мира, сделав таким образом процесс научения личностно ориентированным.

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Полное собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2: Мышление и речь. — 132 с.

2. Игра в жизни дошкольника: пособие для педагогов учреждений дошкольного образования / Я.Л. Коломинский [и др.]; под ред. Я.Л. Коломинского. — Минск: Нац. ин-т образования, 2012. — 184 с.

3. Музейное дело России / М.Е. Каулен [и др.]; под общ. ред. М.Е. Каулен. — М.: ВК, 2003. — 616 с.

4. Мухина, В.С. Шестилетний ребёнок в школе / В.С. Мухина. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1990. — 175 с.

5. Общая психология: учебник для студентов пед. ин-тов / А.В. Петровский [и др.]; под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: Просвещение, 1977. — 486 с.

6. Развитие речи детей дошкольного возраста. Пособие для воспитателя дет. сада / Ф.А. Сохин [и др.]; под ред. Ф.А. Сохина // Наша учёба [Электронный ресурс]. — 2004. — Режим доступа: http://nashaucheba.ru/v31988/?cc=1. — Дата доступа: 21.11.2013.

7. Сапанжа, О.С. Основы музейной коммуникации: учеб. пособие / О.С. Сапанжа. – СПб., 2007. – 116 с.

8. Столяров, Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика / Б.А. Столяров // Наша учёба [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://nashaucheba.ru/v14349/столяров,_б.а._музейная_педагогика._история,_теория,_практика. – Дата доступа: 20.11.2013.

9. Столяров, Б.А. Педагогические аспекты образовательной деятельности музея: учеб. пособие / Б.А. Столяров; М-во культуры РФ, ФГБУК «Государственный Русский музей», РЦМПиДТ, РАО. – СПб., 2013. – 316 с.

Соловьёв А.А.

Итоги археологического изучения западной части квартала между ул. Свердлова, Нижне-Покровской, Энгельса и пр. Ф. Скорины

Изучаемая территория находится в глубине квартала, расположенного между пр. Ф. Скорины (бывшем пр. К. Маркса) и ул. Свердлова, Нижне-Покровской (бывшей ул. Ленина) и Энгельса. Наблюдения за данной территорией начались осенью 2003 г. (Рис. 1, 2) в связи с прокладкой газа к зданию Национального банка (НБРБ) и строительством пристройки к центру занятости. Участок находится на наклонной (в сторону Двины) поверхности и имеет сложный рельеф в связи с перепланировками застройки и работами по нивелировке поверхности в послевоенный период (Рис 1). По картам и планам XVIII – начала XX вв., с восточной его стороны были возведённые в 1501 г. укрепления Великого посада (ул. Свердлова).

В ходе работ 2003 и 2004 гг. экскаватором было вырыто четыре траншеи глубиной до 2,2 м и шириной до 1,0 м. Предварительные исследования показали, что во многих местах на данной территории культурный слой перемешан либо полностью уничтожен до самого материка. Поэтому в целях исследования были зачищены и разработаны небольшие участки траншей. Привязка велась к плану города (масштабом 1:500) и окружающей городской застройке.

Мощность культурного слоя на изученных участках от 0,6 до 2,2 м толщиной. Материк – жёлтый песок, ниже красная глина. Непотревоженные участки содержат прослойки песка и глины. Органику он не сохраняет и находками беден. Подъёмный материал имеет широкий хронологический диапазон от XII до начала XX вв.

В ходе прокладки газа к банку между домами на ул. Энгельса, 4 и пр.Ф. Скорины, 22 была прорыта через двор траншея. Предварительное изучение её показало, что на дворовой территории культурный пласт на ней полностью уничтожен, а материковые ямы заполнены балластом.

Дворовая территория вокруг дома № 37 также была снивелирована и большая часть культурного слоя (особенно в северной части) полностью уничтожена, а срез закрыт подпорной стенкой.

Наиболее ранние артефакты, обнаруженные в ходе исследований, датированы XII в. Культурный слой этого времени сохранился на небольших нетронутых участках у самого материка или в материковых ямах.

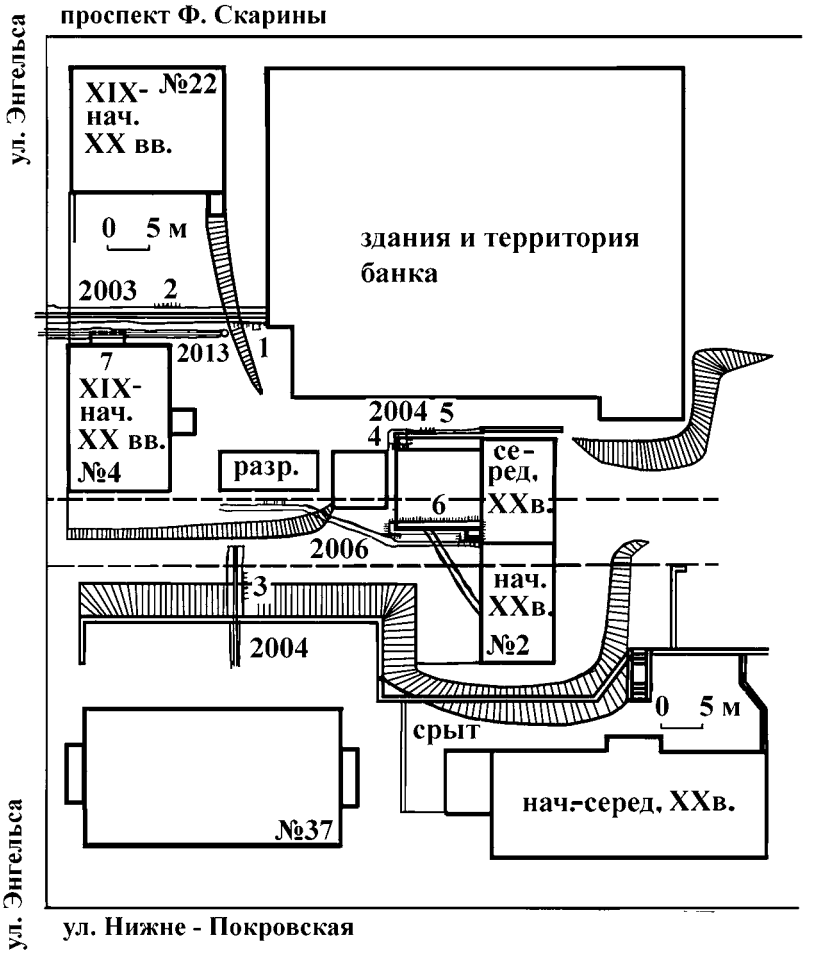


Рис. 1. Ситуационный план размещения траншей и мест исследований:
1 — развал глиняной печи XVII в. возле банка; 2 — зачистка стратиграфии во дворе; 3 — зачистка стратиграфии и врезка на проезде; 4 — зачистка стратиграфии в траншее по подпорную стенку; 5 — размещение развала бутылок начала XX в.; 6 — зачистка под южную стену пристройки к зданию; 7 — материковая яма от постройки конца XIV — начала XVI вв.

Рис. 2. Керамика XI–XII вв.

Подобная яма была обнаружена в сохранившейся части культурного слоя возле банковской постройки. Яма чашеобразная, шириной 1,8 м и глубиной 1,4 м от дневной поверхности (далее – д/п), стенки пологие. При разработке её заполнения можно выделить два слоя, нижний из которых относился к эпохе Полоцкого княжества. Он состоял из разнородных прослоек. Первая от границы (верхней части заполнения ямы с развалом печи) была толщиной до 1,0 м и прослежена на длину 1,1 м. Её земля светло-серая, комковатая. Там найдены фрагменты керамики XII в. [**5**, с. 81–82], обломки горшков и крышки с рифлением и волнистым орнаментом (Рис. 2: 4, 7) (МНАП КП2-1888 МНАП КП2-1895 НПИКМЗ КП18-22479) [**5**, с. 84–85]. Под ней была прослойка песка толщиной 0,05 м и длиной 0,3 м. Далее следовала прослойка серой комковатой земли с песком 0,3 м толщиной, прослеженая на длину 1,0 м; под ней вновь прослойка серой комковатой земли до 0,25 м толщиной. Под ней – прослойка материкового песка 0,35 м толщиной. У самого материка была прослойка серой земли толщиной до 0,12 м. Там найден обломок горшка XII в. Все прослойки длиной около 1,0 м залегают под углом около 45 градусов горизонтали дневной поверхности. Материк представлен жёлтым песком.

Характер стратиграфии заполнения нижнего слоя ямы указывает на её постепенное заполнение в течение долгого времени. Возможно, она имела хозяйственное назначение.

Остатки культурного слоя эпохи Полоцкого княжества прослежены при изучении траншеи под тамбур и южную стену пристройки к основному зданию центра занятости. Найденные отрезки также представляли собой невыразительные очертания материковых ям от врезанных в материк построек. Обе ямы, судя по характеру стратиграфии, имели плоское дно. У каждой одна из стенок была вертикальной, а другая – наклонной. Там могли располагаться входы. При этом они были расположены в противоположных направлениях. В нижней части обеих ям, в слоях, расположенных у самого их дна, были найдены обломки горшков XII в. [**5**, с. 81–82]; среди них и фрагмент донца с клеймом (МНАП КП2-1889; МНАП КП2-1892) (Рис. 2: 1–3, 5) [**3**, с. 170–171]. Примет очага или печи в них обнаружить не удалось.

Таким образом, можно полагать, что обе найденные нами постройки имели хозяйственное назначение и были заглублены в землю.

Пласты XII–XVI вв., возможно, сохранились под проездом, ведущем к центру занятости. Отдельные фрагменты керамики эпохи Полоцкого княжества из него имелись в выбросах отвала (Рис. 2: 6). Над ними были прослойки с материалами XVI–XVII вв. Ниже их прослойка серой земли 0,18 м, зачищенная на длину 1,5 м. В ходе зачистки найден крупный фрагмент горшка XV–XVI вв. с зигзагообразным орнаментом [**1**, с. 298]. Крупные фрагменты керамики, которые можно датировать этим же временем, зафиксированы и в отвале (МНАП КП2-1882; МНАП КП2-1885; МНАП КП2-1886; МНАП КП2-1887; МНАП КП2-1896; МНАП КП2-1902; НПИКМЗ КП18-22478; НПИКМЗ КП18-22479; НПИКМЗ КВФ4-3997) (Рис. 7: 1, 2,

6). Эту прослойку, как и яму, вырытую в ней, перекрывал мощный слой красной глины с песком, толщина которого достигает до 1,2 м; находок в нём не было. Слой прослежен на длину 4,0 м, незначительная его плотность свидетельствовала, что это не материк. На глубину 2,0 м от д/п прослежены угли, остатки плах ориентированные по линии север – юг. С целью их изучения и поиска материка в южной части изучаемого участка был сделан зондаж с первоначальными размерами 1,0х2,0 м. Земля серая с коричневым оттенком, мелкокомковатая, с вкраплениями глины. В ходе его разработки на глубину 0,3 м от дна траншеи были прослежены остатки углей и золы от сгоревших конструкций. В северо-восточном углу зондажа, по-видимому, яма, обложенная деревом. Она вскрыта на ¼, её диаметр приблизительно 0,9–1,0 м, заполнение – частично слегка обожжённая глина с песком. Сверху её перекрывали описанные выше выявленные остатки плах. В юго-восточном углу выявлен угол конструкции, представлявшей собой двойные стенки из досок, поставленных на кромку и соединявшихся под прямым углом. Сгоревшие доски имели толщину около 4 см, пространство между стенками шириной около 0,18 м заполнена серо-коричневой комковатой землёй с песком. В середине конструкции была глина с песком. Обе стенки прослежены по внешнему габариту на длину до 0,6 м. Из-за ограниченности времени по середине зондажа был врезан ещё один – 0,3х0,3 м. На глубине 0,35 м от дна первоначального зондажа найдены остатки толстых плах, через которые невозможно было пробиться. Таким образом, материк найден не был.

Найденный фрагмент культурного слоя сложно однозначно интерпретировать из-за слабой изученности, можно только зафиксировать следы строительных работ и большого пожара. Они могут быть соотнесены с масштабными фортификационными работами первой половины XVI в. и связаны с возведением в 1501 г. и последующими ремонтам, проведёнными до 1563 г., посадской стены, которая располагалась на ул. Свердлова практически на месте дома № 1 [**2**, с. 46]. В годы Ливонской войны Великий посад был полностью ликвидирован и 16 лет назывался «Пожарищем». Также они могут быть связаны и с восстановлением Полоцка после 1579 г. и прокладкой здесь ул. Вознесенской.

В ноябре 2013 г. при прокладке водопровода напротив северного фасада дома № 4, расположенного по ул. Энгельса, под метровым слоем балласта прослежены остатки постройки на обширном подклете (Рис. 1).

Остатки её представлены материковой ямой, в которую она была впущена на глубину 0,7–0,8 м от поверхности материка. Стенки данной ямы ровные, прямые, слегка отклонённые наружу. Ширина ямы по оси восток – запад у края устья около 4,5 м, этого было вполне достаточно, чтобы впустить сруб.

Верхняя часть развала постройки прослежена на глубину 1,4–1,5 м. Верхняя часть заполнения ямы от постройки представлена тёмно-серой с коричневым оттенком от примеси глины слоем земли толщиной 0,15–0,25 м, её граница с нижней прослойкой сильно размыта и прослеживается только приблизительно.

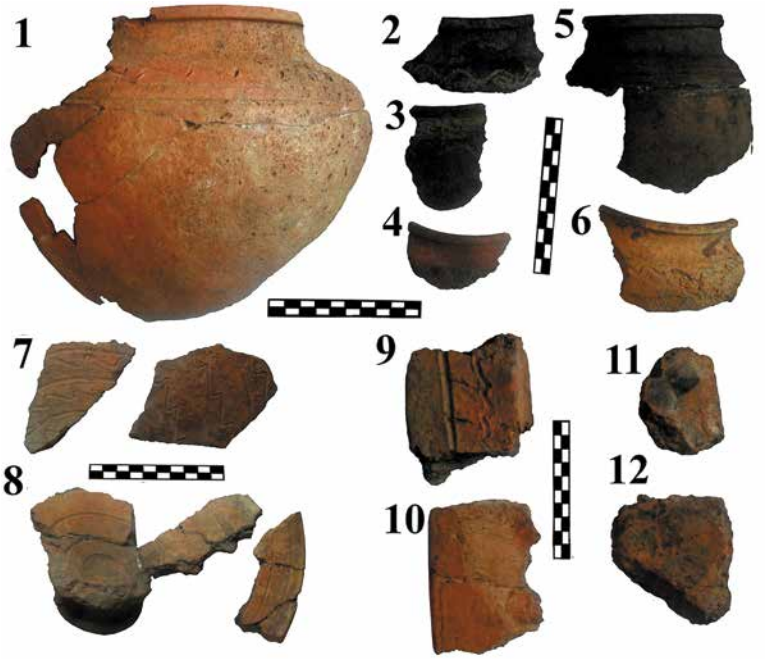


Рис. 3. Находки из материковой ямы под постройку конца XIV – начала XVI вв.

Данная глиняная прослойка средней толщиной 0,3–0,35 м. Она к стенкам материковой ямы не примыкает. Её концы сужаются и имеют незначительный подъём к краям ямы. По структуре прослойка неоднородна. В верхней её части преобладала сырая глина, а вкрапления обожжённой глины были незначительны. Слои обожжённой глины преобладали в её нижней части. Там же были сосредоточены и находки – обломки керамики плитки пола и печных стенок (Рис. 3).

Под прослойкой глины до самого дна ямы следовал слой чёрной от золы и углей земли, содержавший керамику, которая концентрировалась в её верхней части. Толщина её от 0,2 до 0,3 м, в ней найдены отдельные головни, ориентированные с севера на юг.

Исходя из найденных материалов, можно полагать, что нами была обнаружена жилая постройка с большой глиняной печью. Её устье было прямоугольным, перекрыто кирпичём-перемычкой, покрытой прочерченным геометрическим орнаментом. Исходя из размеров её сечения, можно полагать, что горшковые изразцы в её конструкции не применяли. Её под или прилегающий к ней пол был выстлан слабообожжённой плиткой. Судя по характеру материковой ямы, дом представлял собой высокий, близкий к квадрату сруб около 4,2х4,2 м (±1,0 м по оси север – юг) [**1**, с. 42]. В нижней части постройки имелся глубокий подклет, который мог достигать высоты от 0,8 до 1,2 м.

Рис. 4. Просевшая северная стенка глиняной печи XVII в.

Судя по керамике, найденную постройку можно датировать концом XIV – началом XVI вв. Найденные горшки были приземистые. Они довольно однотипны и имели ребро, высокую шейку и отогнутый венчик с бортиком под крышку (Рис. 3: 1–6) [**1**, с. 298, 301]. Сами крышки представляли собой конические изделия с полыми головками, орнаментированные внутри или снаружи (Рис. 3: 7, 8). Они были полностью аналогичны изделиям XI–XII вв. То, что дом располагался на окраине Великого посада, как и небогатый археологический материал, который удалось обнаружить в яме от него, позволяет считать его жилищем небогатого горожанина, который не имел возможности даже позволить себе печь из горшковых изразцов.

Повторное и наиболее активное освоение данной территории началось после 1579 г. в связи с отвоеванием Полоцка Стефаном Баторием. Восстановление посадской стены значительно повышало статус изучаемой нами территории. Поэтому материалы конца XVI – XVII вв. в нашей археологической коллекции наиболее представительны (МНАП КП2-1896; МНАП КП2-1897; МНАП КП2-1898; НПИКМЗ КВФ4-3998; МНАП КП2-1899; МНАП КП2-1900; МНАП КП2-1901; МНАП КП2-1903; МНАП КП2-1904; НПИКМЗ КВФ4-3997; НПИКМЗ КВФ4-3998; НПИКМЗ КВФ4-3999; НПИКМЗ КВФ4-4001).

Описаная выше материковая яма возле банковской постройки, как указывалось, имела двухслойный характер заполнения. Верхний слой был в форме линзы. Его заполнение – куски обожжённой глины и просевшие деформированные стенки глинобитной печи, сохранившиеся на высоту до 0,2 м (Рис. 4, 5). Южная её часть снесена при прокладке водопровода. Примерная длина северной стенки 0,5 м. В ходе её разборки удалось проследить части восточной и западной стенки. Толщина стенок была от 3 до 7 см (в местах углов), на внутренней стороне были прослежены отпечатки опалубки, представлявшей собой конструкцию с округлыми углами. Стенки каркаса печи были из плах, углы – из окорённых, расколотых на четверть обрезков брёвен диаметром 10–15 см, отпечатки которых сохранились на обломках глиняных стенок (Рис. 5). Под печью, как и под всем заполнением ямы, прослежена прослойка угля и золы 0,01–0,15 м. Волокна сориентированы по линии север – юг. На остатках

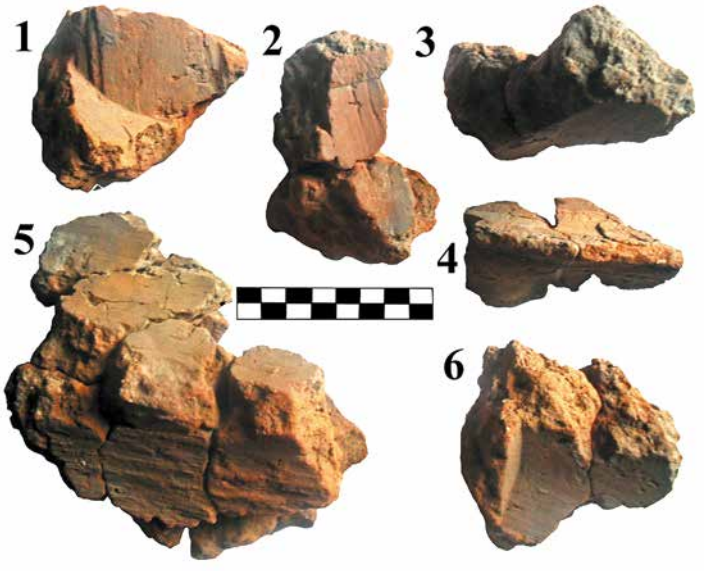


Рис. 5. Фрагменты печной стенки XVII в. и пода с отпечатками опалубки и основы из расколотых жердей.

снятого глиняного пода с обратной стороны прослежены отпечатки окорённых сгоревших жердей диаметром 7 см (расколотых вдоль); в ходе разборки завала печи были найдены мелкие фрагменты изразца XVII в., ниже – прослойки, заполнявшие материковую яму.

Найденные остатки сооружения позволяют считать, что первоначально найденная нами печь была устроена над подпечной ямой, западная часть которой была перекрыта настилом из расколотых вдоль брёвен (жердей) диаметром около 7 см (Рис. 4, 5). Печь была квадратной в плане, со стороной около 0,5 м. Верх её мог завершаться как полукруглым куполком, так и гранёным шатром. Устье было повёрнуто на восток, туда, где нами были найдены обломки румп изразцов. Они имели рифлёную поверхность, характерную для выделки изделий XVII в. В ходе эксплуатации печь нередко перегревали, что и привело к выгоранию жердей под подом и осадке печи в яму, только небольшая глубина которой не позволила ей рассыпаться полностью. Небольшие размеры сооружения и отсутствие иных материалов позволяют полагать, что она могла располагаться в хозяйственной или производственной постройке.

Участок культурного слоя с материалами конца XVI –середины XVII вв. также был зафиксирован в траншее под подпорную стену для пристройки к основному зданию. Под слоями балласта, каменной мостовой и однородной серой землёй на глубине 0,9–1,2 м находились прослойки керамики конца XVI – середины XVII вв.: обломки майоликовой(?) тарелки, чарки, зелёнополивных и терракотовых изразцов, плиток пола, миски и пр. (МНАП КП2-1897 МНАП КП2-1900 НПИКМЗ КП18-22477) [**1**, с. 38].

Рис. 6. Фрагменты столовой и тарной поливной керамики конца XVI – XVII вв.

Их разделяли тонкие прослойки угля и извести. Находки обеих прослоек синхронны и относятся к концу XVI – середине XVII вв. Значительная насыщенность данного небольшого участка столь роскошными артефактами позволяет полагать, что поблизости от этого места мог располагаться дом зажиточного горожанина (Рис 6: *2*, 4, 7; 8: *2*).

Остатки синхронного культурного слоя обнаружены под проездом к центру занятости. Он прослежен на глубине 0,9–1,0 м от асфальта и начинался прослойкой серой земли с редкими обломками керамики.

Ниже её на глубине 1,1 м находилась песчаная прослойка длиной 4,0 м и толщиной до 0,05 м. Она имела уклон в южном направлении. Под ней была прослойка серой земли толщиной до 0,03 м и длиной 2,9 м. Она содержала повреждённую огнём керамику XVII в. При её разработке были найдены обломки медного шлака и тигля (на границе с выше описанной) (МНАП КП2-1903; МНАП КП2-1904; НПИКМЗ КВФ4-3997). Эта прослойка перекрывала яму, вырытую в нижележащих слоях. Яма конической формы с пологими стенками глубиной

Рис. 7. Фрагменты кухонной керамики конца XIV – XVIII вв.

Рис. 8. Фрагменты коробчатых изразцов конца XVI – XVIII вв.

0,7 м и шириной до 1,4 м. Заполнение ямы – тёмно-серая земля и керамика (обломки горшков XV–XVII вв. и фрагмент изразца конца XVI – начала XVII вв. с солярной символикой) (НПИКМЗ КВФ4-4001). К этому же слою относятся и большинство находок из отвала (Рис 6: 4–6, 8; 7: 3–5, 7–9; 8: 3). Заполнение ямы частично перекрывало песчаную прослойку, прослеженную на длину 1,5 м и толщиной 0,05 м. Примерная глубина залегания слоя, около 2,5 м, определена в ходе подводки траншеи к дому № 37 по ул. Ленина. При его строительстве культурный слой был срезан до материка.

Материалы и культурный слой конца XVII – XIX вв. практически полностью отсутствуют или встречаются в перекопах XX в. (Рис. 8: 1; 10) (НПИКМЗ КВФ4-4000).

При замене асфальта на проезде к центру занятости в 2006 г. перед южным фасадом дома № 4 прослежены остатки стен, которые, судя по кладке, возвели в конце XVIII – начала XIX в., но более детально их изучить не удалось. В том же году на возвышении, где до 2011 г. стоял двухэтажный дровяник, были прослеженны остатки кирпичных кладок начала XX в., которые, судя по толщине, могли относиться к фундаменту деревянного дома или сарая.

Более солидно представлены материалы конца XIX – XX в. (МНАП КП2-1906; МНАП КП2-1907; МНАП КП2-1908; МНАП КП2-1909), но сначала надо несколько слов сказать о имеющейся исторической застройке квартала.

Здание, где сейчас находится центр занятости, расположеный в глубине квартала, строилось в несколько этапов на протяжении первой половины XX в. Первоначальный небольшой объём здания возвели на склоне выступа терассы. Поэтому фундамент его северной части был неглубокий. Он начинался на глубине 0,8 м от д/п. Это булыжная кладка на известковом растворе высотой от 0,5–0,8 м. Строители не раскапывали глинистый материк пригорка и центр тяжести здания перенесли на южную часть, заложив глубокий и мощный фундамент. Прослеженный при раскопках траншеи слой известковой штукатурки начинается ниже уровня булыжной мостовой – свидетельство об оштукатуривании данной стены сразу после постройки.

Рис. 9. Бутылки из-под спиртного начала XX в.

Немного позже поэтапно пристраивается его северная часть. Она отличается только высотой первого этажа, характером профиля карнизов и подчинена наклонному профилю местности. Во второй трети XX в. к зданию был проложен существующий ныне проезд и произведено его мощение булыжником.

Угловой дом по пр. Ф. Скорины, *22* возводился поэтапно и первоначально был деревянным. Каменным был только сводчатый подвал. Позднее верх был перестроен в кирпиче, при этом окна подвала и этажей, выходившие на север, были не согласованы.

На уровне подвала были склады и располагалось жильё в западной части. Об этом свидетельствовал разный характер проёмов арочных дверей и ворот с южной стороны. Туда же выводил и чёрный вход.

На первом этаже были размещены торгово-производственные помещения с несколькими входами. Верхний этаж был жилой, с литым чугунным балконом. Немного позже к юго-восточной части южного фасада была пристроен двухэтажный кирпичный объём для устройства санузлов и котельной (?). Между этим домом и зданием на ул. Энгельса, 4 был устроен обширный двор, закрытый со стороны улицы мощной кирпичной оградой. На южном фасаде цоколя до сих пор уцелела штраба для её перевязки со стеной. Территория двора могла иметь булыжное порытие, ныне полностью утраченное.

Это могло быть связано с большой реконструкцией дома на ул. Энгельса, 4 (конца XIX – начала XX вв). Она происходила в 60–70 гг. XX в. В ходе работ была перебита его внутренняя планировка и прорублены новые окна как в верхнем этаже, так и нижнем, который из-за наклонной поверхности территории в северной части был полуподвальным. В 2013 г. в траншее прослежен мощный слой балласта толщиной около 1,0 м, в нём, кроме кирпича, найдено много обломков штукатурки с побелками и покрасками, карнизный изразец начала

Рис. 10. Аптечный пузырёк начала – середины XX в.

XXв. и обломки фаянсовой и фарфоровой посуды с «орлёными» клеймами завода М. С. Кузнецова в Риге. Проведение данной реконструкции привело к понижению дворовой территоррии. Культурный слой на всю высоту сохранился только в восточной части территории, прилегающей к банку. Обследование газовой траншеи в 2003 г. показали отсутствие капитальной застройки с северной стороны дома № 4 на ул. Энгельса.

Фрагмент каменной мостовой найден при разработке траншеи под подпорную стенку на глубине около 0,8 м. Там же под лотками водопровода начинался слой битого бутылочного стекла начала XX в. (Рис. 9), среди которого были почти целые экземпляры с надписями (МНАП КП2-1907; МНАП КП2-1908; МНАП КП2-1909).

Изучение данной территории показало, что на протяжении столетий она имела периферийный характер и не имела плотной и значительной застройки. Это обусловлено как её удалённостью от замков, так и необходимостью наличия возле посадской стены свободной от застройки территоррии, необходимой для её обслуживания. Согласно реконструкции уличной сети Великого посада на XVI–XVIII вв., проведённой Д. В. Дуком, через изучаемый нами квартал проходила ул. Вознесенская, которая была тупиковой и завершалась выходом к крепостной стене посада. Трассировка её могла располагаться в районе домов №3 и 4 по ул. Энгельса, которые подностью перекрыли её. Таким образом, обьекты, выявленные на прилегающей к банковским постройкам территории квартала (печь, слой с поливными изразцами и керамикой), могут относиться к комплексу одной усадьбы. С устройством проезжей части ул. Вознесенской может быть связана и особенность стратиграфии культурного слоя траншеи под газ, прорытой поперёк проезда к центру занятости. Огромный массив песка и глины, под которым оказались погребены остатки сгоревших деревянных конструкций и плах, обнаруженные при врезке в дно траншеи, являлся подсыпкой для устройства проезжей части улицы. Её произвели уже после 1579 г. в ходе восстановления Великого посада. При этом с южной стороны вдоль улицы имелся невысокий валик, ограждавший проезжую часть от оползания вниз.

Характер вышележащих пластов позволяет полагать, что они образовались в середине второй половины XVII в., когда земля с территории разрушенной усадьбы, расположенной на месте двора и дома № 4 по ул. Энгельса, была использована в качестве нивелировочной подсыпки.

В XVIII–XIX вв. после ликвидации ул. Вознесенской данная тетрритория становится дворовой и не имеет основательной застройки [**4**, с. 274: рис. 188,

275: рис.189, 276; рис.190]. Наиболее плотно и основательно застраивается периметр квартала. Возможно, именно в это же время появились подвалы дома № 22 по пр. Ф. Скорины и ул. Энгельса, 4; возводятся дома и на месте здания НБРБ (оно было возведено в 50-х г. XX в. и, возможно, «посажено» на старые фундаменты).

В начале XX в. возводится и первоначальный обьём центра занятости. Существующие ныне исторические здания отстраиваются полностью из кирпича. После этого на изучаемой территории появляются каменные мостовые дворов, которые не раз перекладывали и в 60–70 гг. XX в. Близкое размещение верхнего рынка (современная территория между кинотеатром «Родина», магазина «Витязь» и памятником Ленину) также накладывала свой отпечаток. Во многих зданиях имелись склады и лавки (дом № 22 по проспекту Ф. Скорины). Склады располагались и в глубине квартала. Остатки одного из них – прослойки битых бутылок от спиртных напитков. Сама постройка была деревянной и никаких следов от неё не сохранилось.

Список литературы

1. Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. – 214 с.

2. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк, 2007. – 180 с.

3. Рыбаков, Б.А. Ремесло древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М., 1948., – 792 с.

4. Чантурия, Ю.В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.: Средневековое наследие. Реннесанс. Барокко. Классицизм / Ю.В. Чантурия. – Минск, 2005. – 375 с..

5. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г.В. Штыхов. – Минск, 1975. – 175 с.

Соловьёв А.А.

Итоги археологического надзора на ул. Скорины, 11.

Изучаемая территория находится между ул. Ф. Скорины и левым берегом реки Полоты. Летом 2004 г. на ул. Ф. Скорины был вырыт котлован 14х10 м под частный дом (Рис. 1). На его дне были прорыты траншеи под фундаменты глубиной до 1,0 м от дна котлована (Рис. 2). Глубина котлована (без учёта траншей) от 1,0 до 1,5 м от дневной поверхности (далее – д/п). Владельцами участка были собраны и представлены в Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник обломки керамики XVIII–XIX вв. Участок имеет уклон в сторону реки в северном направлении. На планах 1707 г. (ПГКЗ КНДФ4-2452), 1778 гг. (ПИАЗ КВФ1-1315) здесь обозначен католический деревянный храм, который принадлежал униатам. Позднее, на планах, составленных между 1793 (ПКМ ИНВ № 237 2/3 КН № 1) и 1839 г. он обозначен как принадлежащий иезуитам и назван костёлом Воздвижения Креста Господня [**3**, с. 126]. На планах 1910 [**8**, с. 23] и 1947 гг. (ПКМ ИНВ № 237 2/3 КН № 1) [7, с. 41] здесь была только рядовая застройка.

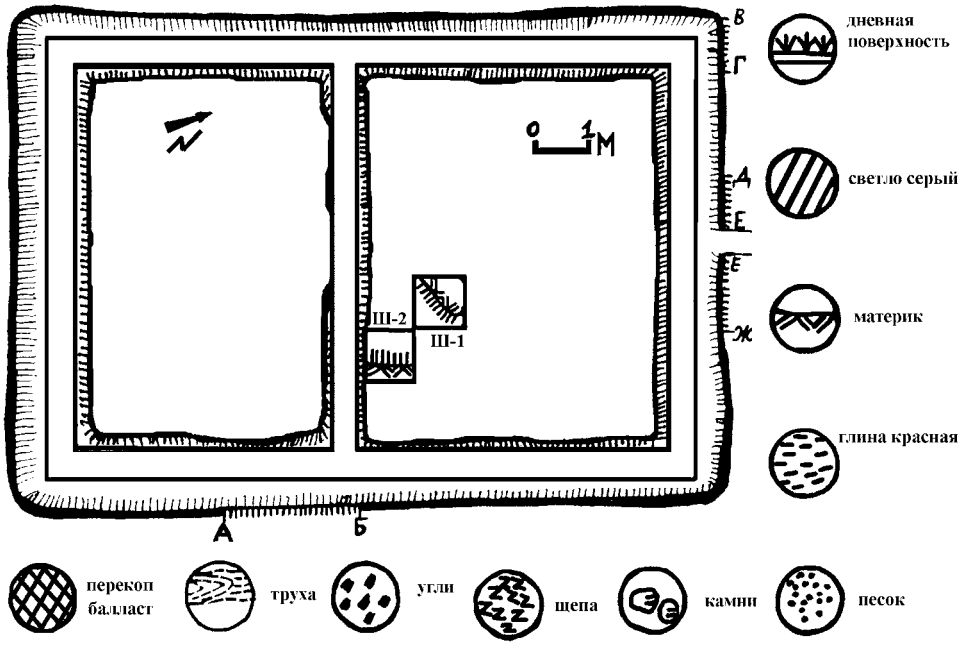


Рис. 1. Ситуационный план котлована с местами исследований. Условные знаки.

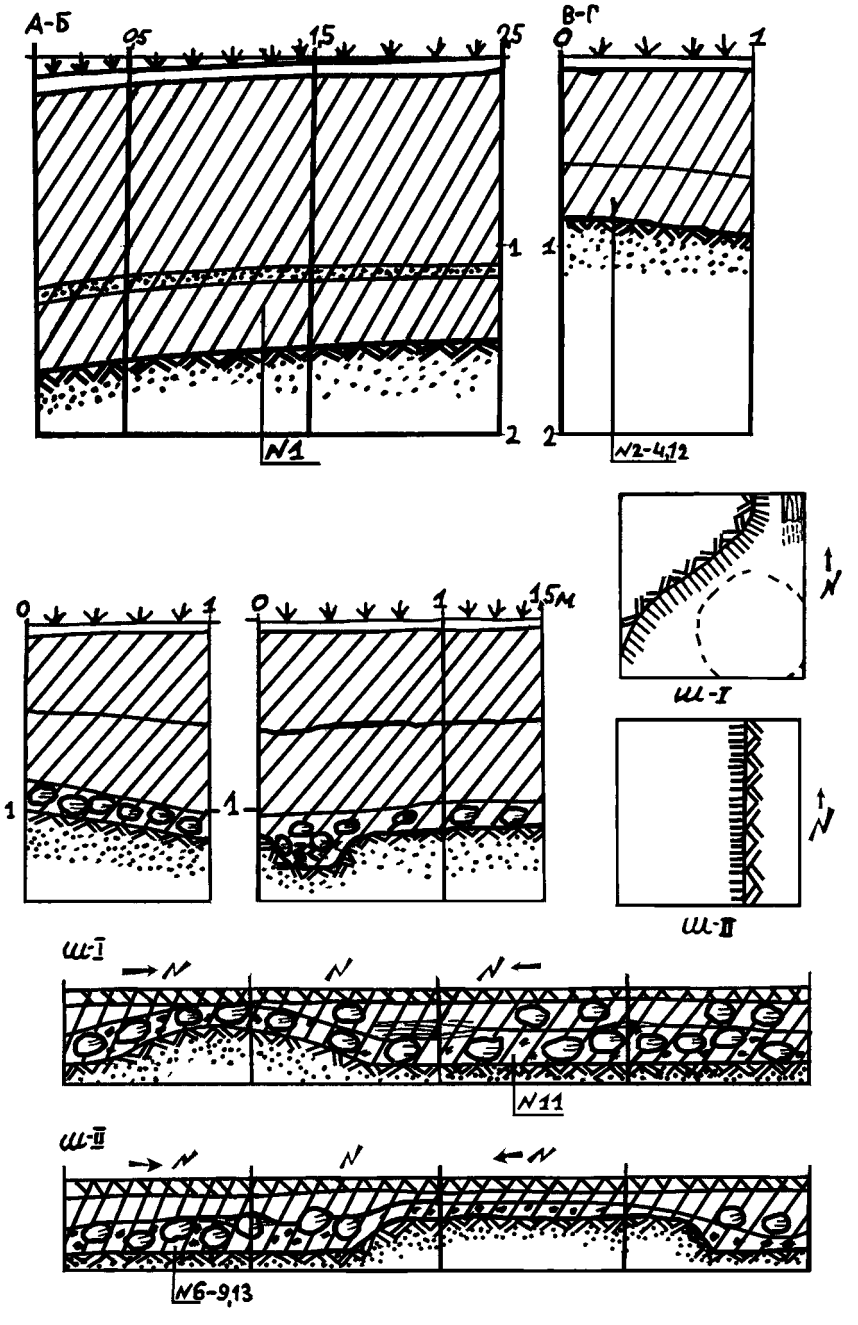


Рис. 2. Стратиграфия культурного слоя шурфов I и II (развёртки и планы внизу) и исследованных участков на стенках котлована.

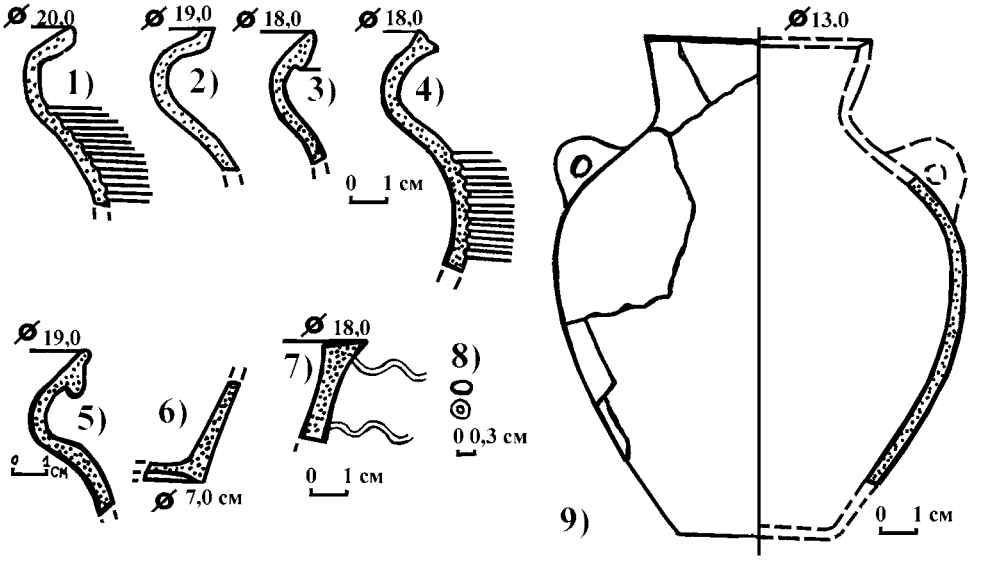


Рис. 3. Находки с мест исследований. 1–7 — фрагменты гошков, 8 — бусина, 9 — белоглиняная амфара (корчага?).

В ходе исследования котлована зачищены небольшие участки стенок и заложены шурфы на его дне. Их привязка велась к заложенному фундаменту. Участки стенок отмечены буквами русского алфавита, шурфы — римскими цифрами. Привязка котлована проведена к генплану города 1993 г. в масштабе 1:2000.

Общая характеристика культурного слоя

Мощность культурного слоя от 1,0 до 2,0 м. Он представлен комковатой серой землёй с прослойками и вкраплениями песка. В южном направлении толщина слоя уменьшается до 1,5 м (Рис. 2: А-Б; В-Г) (без учёта материковых ям). Органические материалы в культурном слое практически не сохраняются — песчаный материк и рыхлая земля не удерживают в достаточном количестве влагу, благодаря которой в земле консервируются кожа, дерево, береста и ткани. В ходе наблюдения были зафиксированы прослойки камней, глины, угля, скопления камней; щепа прослежена только в одной из материковых ям. Подъёмный материал представлен керамикой и стеклом XI–XIX вв. Материк — жёлтый рыхлый песок, имеет уклон в северном направлении (на каждый отрезок длиной 5,0 м перепад высоты между его крайними точками доходит до 0,2 м). Большую часть (70–80 %) культурного слоя занимает балласт XIX–XX вв. — серая земля с обломками керамики и кирпича. В южной стенке котлована — перекоп середины XX в.

Описание стратиграфии культурного слоя

Отрезок «А-Б» длиной 2,5 м (Рис. 2) зачищен при изучении восточной стенки котлована. Общая толщина культурного слоя в этом месте котлована составляла 1,5 м.

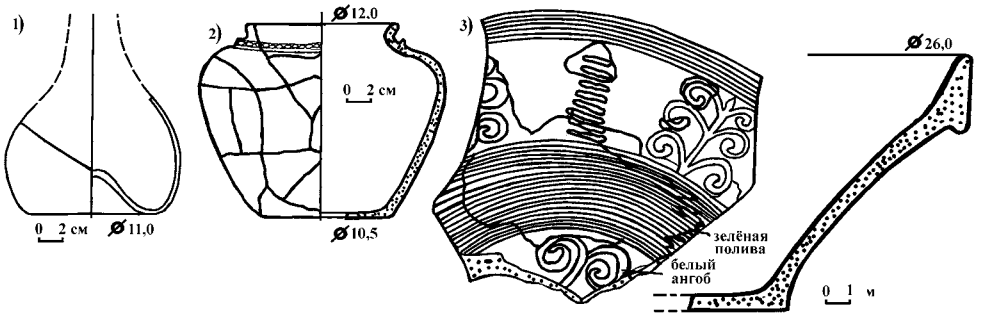


Рис. 4. Находки с мест исследований. 1 — гасиор; 2 — горшок; 3 — тарелка.

Под дёрном выявлен слой серой комковатой земли толщиной 1,0–1,2 м, в котором были найдены редкие обломки керамики XIX–XX вв.

На глубине 1,2 м прослеживается прослойка песка толщиной 0,1 м. Ниже — слой серой крупнокомковатой земли с обломками кухонной керамики XVIII–XIX вв. Толщина слоя 0,3–0,4 м. В ходе его разработки собран фрагмент горшка (полный профиль) с карнизом на плечике и насечками (ПИАЗ КВФ5-7280). Аналогичный горшок выявлен при наблюдении на ул. Толстого, д. 15 (Рис. 4: 2) [**10**, с. 67]. Материк находится на глубине 1,4–1,5 м.

Отрезок «В-Г» длиной 1,0 м (Рис. 3) исследован на северной стенке котлована. Общая толщина культурного слоя от 0,8 до 0,9 м, возрастает в восточном направлении. Земля однородная, серая, комковатая.

До глубины 0,5–0,6 м прослежен перекоп.

На глубине 0,8 м. у материка найдена керамика XI–XII вв. — венчики (Рис.3: 1–4) (ПИАЗ КВФ5-7282; ПИАЗ КВФ5-7283; ПИАЗ КВФ5-7284). Аналогичные сосуды найдены на полоцком Верхнем замке [**8**, с. 84: Рис. 42: 2] и в Заславле [**4**, с. 108, Рис. 33; 113]. Так же там был найден обломок «матричного» донца горшка (Рис. 3: 6) (ПИАЗ КВФ5-7288) [**9**, с. 170–171]. Индивидуальная находка — бусина из бирюзового стекла (Рис. 3: 8). Материк залегает на глубине 0,9 м.

Отрезок «Д-Е» (Рис. 2) — следующий участок северной стенки котлована. Длина отрезка 1,0 м. Общая толщина культурного слоя от 1,0 до 1,25 м, возрастает в восточном направлении. Земля однородная, серая, комковатая.

Под перекопом, на глубине до 0,5 м, находится слой толщиной 0,3–0,5 м с керамикой XVI–XIX вв. Граница между ними размыта.

На глубине 1,0–1,2 м выявлены камни и керамика XI–XII вв. Материк на глубине 1,0–1,2 м от д/п.

Отрезок «Ё-Ж» (Рис. 1, 2) находится восточнее предыдущего, с другой стороны траншеи. Его длина 1,5 м. Общая толщина культурного слоя около 1,5 м (без учёта материковой ямы). Земля его серая, комковатая.

Под перекопом, на глубине до 0,5 м, начинается слой толщиной 0,3–0,5 м с керамикой XVI–XIX вв.

Граница между слоями размыта. На глубине 0,9–1,0 м выявлена прослойка песка 0,08 м, на глубине 1,0–1,2 м найдены камни и керамика XI–XII вв. Материк — на глубине 1,0–1,2 м. В нём выявлена яма с наклонными стенками и плоским дном. Её глубина от поверхности материка 0,3 м, ширина — 0,5 м. Яма заполнена камнями, щепой, костями домашних животных и керамикой XI–XII вв. — стенками горшков.

Шурф I 1x1 м (Рис. 1, 2) заложен на дне котлована. Верхний слой на глубину до 0,1 м перемешан ковшом экскаватора.

Далее начинается слой серой комковатой земли толщиной 0,1–0,3 м, на глубине 0,15 м выявлены немногочисленные обгорелые камни. На глубине 0,2 м в северо-западном углу шурфа — прослойка красной глины толщиной 0,04 м; она прослежена на длину 0,2 м. Материк находится на глубине 0,2–0,4 м от дна котлована, в ходе его зачистки в юго-восточной части шурфа выявлена часть материковой ямы. В её заполнении много обгорелых камней и угля. В северо-восточном углу на глубине 0,15 м найден обломок трухлявой доски сечением около 7x20 см. Она была поставлена на торец.

Находки представлены обломками горшков XI–XII вв. и развалом белоглиняного привозного сосуда (собран полный профиль) с двумя ушками (Рис. 3: 9). По форме он близок к амфоркам «киевского типа» (корчажец?). Аналогичный по форме сосуд найден в Друцке в слоях XI в. (КП 21 29349/1–5) [**2**, с. 90; 6, с. 427–478].

Шурф II 1x1 м. (Рис. 1, 2) заложен на юго-восток от шурфа I для полной выборки развала белоглиняного сосуда (корчаги?) (КП 21 29349/1–5) [**2**, с. 90; **6**, с. 427–478]. С глубины 0,1–0,3 м начинался слой серой комковатой земли толщиной 0,2–0,3 м. У материка также найдено много обгорелых камней и угля. В ходе разработки слоя найдены фрагменты горшков XI–XII вв. с мягко изогнутой шейкой с манжетообразным краем венчика. Сосуды с аналогичным профилем верха найдены на полоцком Верхнем замке (ПИАЗ КВФ5-7281 ПИАЗ КВФ5-7285 ПИАЗ КВФ5-7286) [**11**, с. 84. Рис. 42: 2]. На фрагментах стенок некоторых сосудов прослежен линейный и волнистый многорядный орнамент (Рис. 3: 5, 7). В ходе полной выборки культурного слоя прослежена южная стенка материковой ямы продолговатой формы.

В отвале возле западной стенки котлована были найдены фрагменты тарелки с росписью ангобом [**5**: с. 38] (ПИАЗ КВФ5-7279) и обломки бутыли XVIII в. (ПИАЗ КВФ5-7289) [**1**, с. 475: Мал. 245:2;] (Рис. 4: 1, 3).

Выводы

Эта территория начала осваиваться с конца XI в. Здесь возводятся первые постройки. Они, судя по скоплениям обгорелых камней, угля, золы и керамики, могли иметь очаги или печи-каменки. Эта территория была непривлекательна для заселения даже после возведения посадской стены в 1501 г. Причиной тому был сложный рельеф местности, что затруднял доступ к воде (реке Полоте) и укреплениям замка. На планах XVIII — начала XIX вв. здесь зафиксирован ка-

толический деревянный храм, сначала униатский, позднее принадлежащий иезуитам. Данная территория была церковным двором и не имела застройки, поэтому слой беден находками.

Список литературы

1. Археалогія Беларусі: у 4 т., — Мінск 2001., — Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. — 214 с.

2. Друцк старажытны: да 1000-годдзя ўзнікнення горада. / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэдактар) і інш.; маст. У.М. Жук. — Мінск: БелЭн. 2000. — 128 с.

3. Егоров, Ю.А. Градостроительство Белорусии / Ю.А. Егоров. — М., 1954 — 284 с.

4. Заяц, Ю.А. Керамическая посуда Изяславля X–XVIII вв. / Ю.А. Заяц // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — С. 107–118.

5. Здановіч, Н.І. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н.І. Здановіч, А.А. Трусаў / пад рэд. Г.В. Штыхава. — Мн.: Навука і тэхніка, 1993. — 183 с.

6. Каргер, М.К. Древний Киев / М.К. Каргер. — М.; Л., 1954. — Т. 1. — 686 с.

7. Орлова Т.А. Изменение планировочной структуры г. Полоцка с к. XVIII по XX вв. / Т.А. Орлова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2004. — 164 с..

8. Путеводитель по городу Полоцку. — Полоцк, 1910 г. — 48 с.

9. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси / Б.А. Рыбаков. — М., 1948. —792 с.

10. Соловьёв А.А. Археологическое исследование дома № 15 по ул. Толстого в г. Полоцке при проведении ремонтных работ / А.А. Соловьёв // Матэрыялы навукова-практычна й канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2004. — 164 с.

11. Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г.В. Штыхов. — Минск, 1975. — 175 с.

МАТЭРЫЯЛЫ
IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі
«СІМЯОН ПОЛАЦКІ:
светапогляд, грамадска-палітычная
і літаратурная дзейнасць»

Баўтовіч М.М.

Ерархі Полацкай праваслаўнай епархіі часоў «Патопу» (спроба групавога партрэту)

Насамперш варта ўдакладніць, што на ўвазе маецца адносна невялікі адцінак часу ў межах вайны 1654–1667 гг., калі існавала ўтвораная з парушэннем царкоўных канонаў Полацка-Віцебская праваслаўная епархія. Да пачатку вайны праваслаўныя вернікі Полацкага і Віцебскага ваяводстваў з'яўляліся паствай Магілеўска-Мсціслаўскае епархіі Кіеўскай мітраполіі Канстантынопальскага патрыярхату. Полацка-Віцебская епархія была ўтвораная ў 1656 г. Маскоўскім патрыярхам Ніканам бяз згоды Кіеўскага мітрапаліта Сільвестра Косава з парушэннем 8-га пункту пастановы III-га сусьветнага сабору (Эфес, 431 г.), які патрабуе, каб *«ніхто з багалюбных япіскапаў не пашыраў сваёй ўлады на чужую епархію, якая раней і адпачатку не была пад началам ягоным, або ягоных папярэднікаў: але калі нехта ўжо пашырыў і гвалтоўна падпарадкаваў сабе якую-небудзь епархію, дык хай верне яе, каб не былі парушаныя законы айцоў, каб не пралезла пад выглядам духоўнага служэння пыхлівасць свецкае ўлады, і каб ня страцілі паступова і незаўважна тае свабоды, што падараваў нам праз Сваю кроў Госпад наш Ісус Хрыстос, вызваліцель усяго людзтва».* Скончыўся ж азначаны перыяд гэтаксама неканонічным высвячэннем 4 траўня 1661 г. на япіскапа Магілеўска-Мсціслаўскага Мятода Філімановіча з наданнем яму правоў адміністратара Кіеўскае мітраполіі.

Полацк быў заняты маскоўскім войскам 27 чэрвеня 1654 г. на самым пачатку вайны. Пасля цяжкой трохмесячнае аблогі 22 лістапада здаўся і Віцебск. Цар Аляксей Міхайлавіч сваю пазыцыю, што да рэлігійных стасункаў, выклаў у верасні 1654 г. віцебскай шляхце ў часе перамоваў аб здачы горада: *«Костелам не быть, а петь у себя в домех. ... Уніатом не быть»* **[1]**. Пазней цар удакладніў тэрыторыю, на якой дзейнічаў ягоны загад: дазвалялася існаванне касцёлаў за ракой Бярэзінай, да Бярэзіны ж толькі праваслаўныя цэрквы. У адносінах да ўніятаў усё заставалася бяз зменаў.

Каліст Рытарайскі

Ідэя ўтварэння Полацка-Віцебскай епархіі дзеля лепшага кантролю занятай тэрыторыі саспела ў Маскве, пэўна, у часе падрыхтоўкі паходу 1656 г. на Рыгу. 13 сакавіка 1656 г. маскоўскі патрыярх Нікан, які да таго прыняў тытул *«Вялікі ўладар і гаспадар, архіяпіскап Масквы і усёй Вялікай, і Малой, і Белай Расеі, і ўсіх паўночных краёў, і памор'я і мноства краінаў Патрыярх»*, прызна-

чае ў новаствораную епархію сваім намеснікам ігумена віцебскага Маркавага манастыра Каліста Рытарайскага. Пазней на маскоўскім саборы 1666 г. Нікан у якасці апраўдання казаў, што *«ў Полацк і раней, пры цары Фёдары Іванавічы ставілі япіскапаў Маскоўскія патрыярхі»* **[2]**. Аднак *«Вялікі Ўладар»* схлусіў, бо япіскапы ў Полацк прызначаліся на загад цара Івана Жахлівага ў часе акупацыі Полацка 1563–1579 гг., а маскоўскі патрыярхат закладзены ў 1589 г.

Мінулае новапрызначэнца цмянае. Падаецца, паходжаннем ён з Украіны, як і калі трапіў у Віцебск, невядома. Крыніцы падаюць, што на чале Маркавага манастыра стаў у 1655 г. Пасаду ігумена заняў з парушэннем царкоўных канонаў і запавету закладальніка манастыра цівуна Троцкага Лява Самуіла Агінскага. Пацверджання духоўных начальнікаў Кіеўскае мітраполіі ня меў, бо Магілеўска-Мсціслаўскі япіскап Язэп Кананові́ч-Гарбацкі спачыў яшчэ 25 лютага 1653 г. і ад таго часу катэдра была вакантнай, трапіць жа да Кіева ў часе вайсковых дзеянняў было немагчыма.

Сваім прывілеем 1656 г. Маскоўскі патрыярх надаў Калісту *«ўладу духоўную кіраваць у Полацку, і ў Віцебску, і на ўсіх абшарах, што раней пад уладай былых япіскапаў Полацкіх былі»* **[3]**.Накірункаў дзейнасці Полацкага япіскапа было некалькі:

– перацягванне праваслаўных прыходаў Кіеўскай мітраполіі да Маскоўскага патрыярхату;

– падпарадкаванне паствы зачыненных уніяцкіх цэркваў, што знаходзіліся ў зоне маскоўскае акупацыі;

– здабыванне інфармацыі аб знаходжанні войскаў, планах адміністрацыі Рэчы Паспалітай, а папросту — шпегаўства.

Служак для выканання плану не хапала, таму большасць святароў былі дасланыя з Расеі. Падаецца, дзейнасць Рытарайскага задавальняла і духоўнае, і палітычнае кіраўніцтва ў Маскве, бо патрыярх Нікан, скарыстаўшы часовае безуладдзе ў Кіеўскай праваслаўнай мітраполіі (скон 13 красавіка 1657 г. мітрапаліта Сільвестра Косава), амаль адразу надае яму годнасць япіскапа Полацкага і Віцебскага. 22 чэрвеня Каліст прыязджае ў Полацк. Яго ўрачыста сустракаюць манахі Багаяўленскага манастыру. Дзятва дэкламуе верш манаха Сімяона «Вітанне багалюбнага япіскапа Каліста Полацкага і Віцебскага». Важна адзначыць, што ўдзячнасць за прызначэнне выказваецца не духоўнай уладзе ў асобе патрыярха, а маскоўскаму цару, бо ўсім ясна, што Каліст *«Од цара православна на сей сан избраны»* **[4]**.

Наступнага дня, то бок 23 чэрвеня, Рытарайскі выдае загад, каб усе духоўныя асобы, ня толькі праваслаўныя, але і ўніяцкія, падпісвалі стаўленыя граматы ў яго. На ўзор маскоўскага начальства япіскап тытулуе сябе Вялікім Уладаром **[5]**. З дакументаў выглядае, што падпарадкаванне праваслаўных прыходаў япіскап усклаў на свайго намесніка ігумена полацкага Багаяўленскага манастыра, Ігната Яўлевіча. Уніятамі і лацінікамі, пэўна, заняўся асабіста. Да прыкладу, загадаў разбурыць у Полацку драўляны касцёл

езуітаў і з дрэва збудаваць сабе палац. Ня выключана, што пра арганізаваныя ім рэпрэсіі супраць іншаверцаў у Полацку згадвае графіці ў Спаскай царкве наступнага зместу: *«Року 1657 свщенноинок Калист соверших сде резню»* **[6]**. Япіскап паведамляў патрыярху, што *«...римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают...»* **[7]**. Аднак ён не апускае рук і, скарысотўваючы расейскі вайсковы кантынгент, выходзіць нават за межы вызначанае яму тэрыторыі. Гэтак у сакавіку 1658 г. у в. Вольберавічы, што знаходзілася па-за межамі былое Полацкае епархіі і за Бярэзінай, ім быў зачынены касцёл і захопленая касцельная маёмасць, а ксёндз арыштаваны і некуды зведзены. Япіскап быў жорсткім ня толькі да супраціўнікаў, але і да сваіх. У красавіку 1659 г. супраць манахаў, што прычыніліся да атрымання ад патрыярха Нікана прывілея на стаўрапігію (незалежнасць) Полацкага Багаяўленскага манастыра, былі прымененыя рэпрэсіі. Пяцёра законнікаў трапілі ў вязніцу для духоўных асобаў, якую заклаў япіскап ля сваёй рэзідэнцыі на Верхнім замку.

Рытарайскі меў уласную выведку, інструмантам якой былі вернікі і падпарадкаваныя яму духоўныя асобы. Збор звестак скіраваны быў ня толькі, і нават ня столькі на высвятленне канфэсійнай сітуацыі ў рэгіёнах ВКЛ, але найперш вайсковай. Гэтак 26 кастрычніка 1660 г. слуга япіскапа Афоня Іваноў у Дзісне збіраў звесткі аб перасоўванні войскаў Рэчы Паспалітай **[8]**. У красавіку 1661 г. япіскап разам з ваяводам Сцяпанам Вельямінавым з дапамогай полацкага бурмістра Кузьмы Навумовіча і намесніка Дзісненскага Ўваскрасенскага манастыра Іосіфа спланаваў выведку ў Дзісне **[9]**. У красавіку – траўні 1661 г. слуга япіскапа Іван Гур'еў здзейсніў рэйд у Вільню з мэтай высвятлення стану расейскага гарнізону ў абложаным віленскім замку **[10]**. Ягоныя падначаленыя займаліся допытам палонных, захопленых расейскімі вайскоўцамі. Гэтак рабіў у траўні 1661 г. ягоны падначалены Ян Радкевіч з палонным Янам Каменскім **[11]**.

У 1660 г. Каліст Рытарайскі прыймае ўдзел у маскоўскім саборы, дзе вырашаўся лёс патрыярха Нікана. У гэтай справе ён займаў узважанную пазыцыю, хаця лічыў, што патрыярх сам адмовіўся ад пасады. З цягам часу палітычныя акцэнты ссунуліся і наступнік патрыярха Нікана мітрапаліт Піцірым зрабіў стаўку на нежынскага папа Мятода Філімановіча, якога 5 траўня 1661 г. высвяціў на япіскапа Мсціслаўскага і прызначыў яго адміністратарам Кіеўскай мітраполіі. Падобна, з гэтага часу Каліст траціць рэальную ўладу, хаця намінальна і застаецца япіскапам Полацкім **[12]**. З пазнейшага часу вядомы ягоны ліст ад 29 жніўня 1661 г. да ваяводы Івана Хаванскага, дзе аўтар выказвае нязгоду з рабаваннямі, забойствамі, спусташэннямі, чынімымі расейскім войскам на занятых землях і спрабуе пераканаць адрасата, што «ня гэткім чынам перамогі здзяйсняюцца» **[13]**. Апрача таго, у красавіку 1662 г. на запыт цара Аляксея Міхайлавіча выказвае крытычнае стаўленне да трапіўшага ў няміласць патрыярха Нікана, дзе вінаваціць яго ў нелюбові і пе-

раконвае цара, што слухаць таго ня варта. Япіскап пачынае разумець, што да разбурэнняў і спусташэнняў прычыніўся сваёй дзейнасцю і ён, бо вайсковыя дзеянні вяліся пераважна на тэрыторыі, дзе жылі патэнцыйныя ягоныя духоўныя дзеці. Канца ж гэтаму не было відаць. У выпадку перамогі войскаў Рэчы Паспалітай япіскапа ў лепшым выпадку чакаў лёс Мятода Філімановіча, які Кіеўскім мітрапалітам Язэпам Нелюбовічам-Тукалькім за свае дзеянні быў увязнены ва ўманьскім манастыры. Агарнуўшая псэўдаўладыку дэпрэсія становіцца прычынай учынка для сапраўднага хрысціяніна непрыймальнага. 15 лютага 1663г. Каліст сканчае жыццё самагубствам, абвесіўшыся ў сваім палацы. Ягоная смерць не выклікае спачування ані ў супраціўнікаў, ані ў падначаленых. Сімяон Пятроўскі-Сітняновіч пакідае запіс, які можна лічыць некралогам Полацкаму япіскапу: *«Гэты нягоднік Каліст Дарапеевіч Жытарайскі быў п'яніцай, катам і ваўком, а не пастырам, за што пакараны Богам, сам ганебна абвесіўся 15 лютага 1663 г. у начы на шаснаццатае, то бок з нядзелі блуднага сыну на панядзелак. Многія леты»* **[14]**.

Ігнат Яўлевіч

Паходзіў Ігнат Яўлевіч з Магілеву, быў пляменнікам Фамы Яўлевіча, колішняга рэктара Кіеўскай брацкай школы, заснаванай Кіеўскім мітрапалітам Пятром Магілам. Падобна, што, як і ягоны духоўны кіраўнік Каліст Рытарайскі, быў высвячаны неканонічна, бо ягоны папярэднік ігумен Елісей спачыў ужо ў часе расейскае акупацыі недзе пры канцы 1655 г.

Стан з насельнікамі Багаяўленскага манастыра, як і ў віцебскім Маркавым манастыры, быў крытычным, бо ўжо на пачатку 1656 г. Яўлевіч піша ліст да царовага акольнічага Федара Рцішчава, каб той паспрыяў *«апусцеламу манастыру Полацкаму»* **[15]** і адпусціў у манастыр ераманаха Філарэта (пэўна, маецца на ўвазе Нікіцін). Таму ў полацкім манастыры ў згаданым перыядзе была пэўная колькасць выхадцаў з Расеі. Аўтарытэту ў вярхоўнай улады ігумен Яўлевіч набраў у часе экспедыцыі цара Аляксея пад Рыгу. Ягоныя прамовы да цара пры сустрэчы 5 ліпеня 1656 г. за Барысаглебскім манастыром перад паходам, 12 кастрычніка пры вяртанні з-пад Рыгі і 2 лістапада ў часе ўрачыстае службы ў Спаскай царкве зрабілі добрае ўражанне **[16]**. З гэтага часу, паколькі паходжаннем Ігнат быў з Магілеву, расейская адміністрацыя намагаецца скарыстаць яго ў канфлікце з кананічным кіраўніцтвам Кіеўскай мітраполіі. Ужо 12 жніўня 1656 г. Яўлевіч выязджае да Магілеву, але ягоная дзейнасць на гэтым этапе выглядае няўдалай, бо ў верасні таго ж 1656 г. Кіеўскі мітрапаліт Сільвэстар Косаў выказвае падзяку магілеўцам за іхную адданасць і вернасць.

Ігната Яўлевіча больш абыходзіў дабрабыт манастыра. У гэтай справе ігумен некалькі разоў звяртаўся да цара, каб аддадзеныя былі землі, што належалі езуітам; каб можна было скарыстаць зямельныя вучасткі збеглых полацкіх габрэяў дзеля пабудовы школкі і ўладкавання могілак; каб можна было ўзяць для ўласных патрэбаў цэглу, што назапашаная ў Друі дзеля пабу-

дову касцёлу **[17]**. У часе прыезду ў Полацк новавысвячанага япіскапа Каліста ў чэрвені 1657 г. Яўлевіч у атачэнні манахаў сустракае яго ўрачыстай прамовай. Каліст надае ігумену правы намесніка і 18 ліпеня высылае ў Магілеў, каб паставіць у Спаскім манастыры іншага паводле свайго меркаваньня намесьніка, каб *«усіх Архімандрытаў, Ігуменаў, Пратапапоў і папоў з іх стаўленымі граматамі выслаць да нас Вялікага Ўладара ў Полацк, і загадаць прыходзіць і падаваць стаўленыя граматы у Сафійскім доме ў казённым прыказе папу Елісею Нікіціну і Федару Дакучаеву»* **[18]**. А каторыя будуць нязгодныя і не паслухаюць, да тых, паводле таго самага загаду, трэба было скарыстоўваць служылых людзей, стральцоў і пушкароў, арыштоўваць і пад аховай высылаць у Полацк. Уніяцкіх жа папоў высылаць адразу без прамаруджання. У Магілеве Яўлевіч знаходзіўся месяц. Пра вынік ягонае працы па падпарадкаванні магілеўцаў звестак няма.

Паступова ў Багаяўленскім манастыры нарастае пратэст супраць кіравання Каліста. Законнікам, якія ад пачатку закладання манастыра самастойна абуладжвалі жыццё, не да спадобы было жорсткае кіраванне Каліста. Манахі на чале з ігуменам звярнуліся да патрыярха Нікана з просьбай, каб ім, як і раней, жыць самастойна. 27 сакавіка 1658 г. Нікан выдаў прывілей на стаўрапігію, у якім забараніў Калісту кіраванне жыццём манастыру. Манастырскае насельніцтва ўзрадвалася. Аднак здарылася тое, чаго ніхто з іх не прадбачыў — 10 ліпеня Нікан пакінуў патрыяршы пасад. Скарыстаўшы гэта, Каліст выпрасіў у цара, каб той адмяніў рашэнне патрыярха. 21 лютага 1659 г. цар выдаў Багаяўленскаму манастыру свой загад аб падпарадкаванні Полацкаму япіскапу. Рытарайскі пасля свайго маскоўскага візыту прыехаў у Полацк 31 сакавіка. Манахі сустракалі яго ля Віцебскай брамы. З гэтае нагоды вучні агучылі твор Філата Ўтчыцкага «Стихи краесогласныя иже во сретение чудотворныя иконы пресвятая богородицы Полоцкия», з якой прыехаў у горад япіскап. Аднак гэта не ўратавала насельнікаў манастыра ад рэпрэсіяў. Япіскап не адважыўся караць свайго намесніка ігумена Ігната, бо той меў высокіх заступнікаў у Маскве, аднак уладыкаву жорсткасць і помсту зведалі ініцыятары звароту да патрыярха. Сімяон Пятроўскі-Сітняновіч пазней занатаваў: *«14 красавіка 1659 году я быў арыштаваны япіскапам Полацкім і Віцебскім Калістам Жытарайскім за прывілей найяснейшага патрыярха Нікана і з ганьбаю праведзены вуліцамі з пяццю іншымі святымі айцамі, з вялебным айцом Гедэонам Дронічам, Фядосам Кукшыным, Калістам Лапінскім, Сільвестрам Сітняновічам, Германам Зямкевічам у атачэнні 50 узброеных ахоўнікаў ад Багаяўленскага манастыра да замку, да храму Св. Сафіі... дзе жалезныя ланцугі з нашых шыяў былі знятыя. 18-га дня таго ж месяца Фядос, Каліст і Герман былі адпраўленыя ў выгнанне, з 26-га дня таго ж месяца і я быў трыманы ў вязніцы»* **[19]**.

22 ліпеня Каліст зноў высылае Яўлевіча як свайго генэральнага намесніка ў Магілеў з лістом да ўсіх духоўных, але насамперш службовых асобаў, дзе на-

дае ігумену правы свяціць цэрквы, аглядаць манастыры, а каго трэба — судзіць царкоўным судом. Хто асмеліцца не падпарадкавацца, таго загадана арыштаваць і выслаць на суд самога япіскапа **[20]**. Пра абставіны побыту Яўлевіча ў Магілеве невядома, аднак пэўна з увагі на плён ягонай дзейнасці 10 снежня цар высылае да Каліста загад паставіць Багаяўленскага ігумена яшчэ і архімандрытам у Барысаглебскі манастыр. Аднак япіскап ня надта спяшаецца і выдае свой прывілей на архімандрыю толькі 15 студзеня 1660 году, ужо пасля таго, як з Масквы прыйшоў загад Яўлевічу ехаць на сабор.

10 траўня 1660 г. на маскоўскім саборы Яўлевіч выказаў думку, што судзіць патрыярха могуць толькі ўсходнія патрыярхі. Удзельнікі падтрымалі пазыцыю ігумена, што сталася прычынай новага сабору ў 1666 г., на якім прысутнічалі ўжо патрыярхі Александрыйскі Паісі і Антыахейскі Макар. Сабор жа 1660 г. скончыў працу пры канцы верасня. Цар загадаў забяспечыць ігумена з манахамі вазамі да Полацка і прывілеем пацвердзіў наданне Яўлевічу Барысаглебскага манастыра з усёй прыналежнай да яго маёмасцю. Памёр Ігнат Яўлевіч у Маскве, пэўна, пры канцы 1663 г. у часе сваёй чарговай паездкі, бо напярэдадні Вялікадня 1664 г. (10 красавіка) Сімяон Пятроўскі-Сітняновіч ужо быў у Маскве, каб забраць засталыя пасля ігумена рэчы **[21]**.

Афінаген Крыжаноўскі

Асоба найбольш неардынарная з духоўных кіраўнікоў Полацкае епархіі. Месца нараджэння яго невядомае, але паводле ягоных уласных словаў, пастрыгся ў манахі ў мазырскім Святадухавым манастыры. У пазнейшыя гады меў сталыя кантакты з ігуменам гэтага манастыра Тугарыным, што можа сведчыць пра нараджэнне яго недзе ў ваколіцах Мазыра. Упершыню ў гістарычных дакумантах Афінаген паўстае 24 чэрвеня 1630 г., калі з'явіўся на мяжы з Расеяй у Пуціўлі і пачаў апавядаць ваяводзе пра тое, што быў высвячаны ў 1628 г. ў Кіеве і пасля княгіня Вішнявецкая ўзяла яго аж архімандрытам у Сялецкі Спаскі манастыр, аднак праз год выгнала. Тады ён паехаў да ўніяцкага мітрапаліта Язэпа Руцкага, і той высвяціў яго на архіяпіскапа Харвацкай зямлі. Праз паўгады Крыжаноўскі вырашыў вярнуцца да праваслаўя, з гэтай мэтай падаўся ў Маскву **[22]**. Звесткі падаюцца сумнеўнымі, бо немагчыма праз год ад пастрыжэння прыдбаць статус архімандрыта, а потым аж архіяпіскапа. Няясна, што за Харвацкая епархія, калі тут маецца на ўвазе Перамышальская, дык уніяцкім япіскапам там ад 1610 г. без пярэрвы быў Апанас Крупецкі. Праваслаўная ж катэдра пуставала пасля ад'езду ў 1625 г. у Расею Ісаі Капынскага. Справамі яе з дазволу Кіеўскага мітрапаліта Ёва Барэцкага заапекаваўся Кіева-пячэрскі архімандрыт Пётра Магіла.

Пэўна, звесткі Афінагена пра сябе і пададзены прывілей на япіскапства выклікалі сумневы і ў Маскве, бо на загад патрыярха Філарэта Крыжаноўскі быў перахрышчаны і адасланы келарам у недалёкі ад Масквы Мікольскі манастыр на Ўгрэшы. Там прадпрыймальны келар частку манастырскіх сродкаў

скіраваў на набыццё падарункаў Канстантынопальскаму патрыярху Кірылу Лукарысу і турэцкаму пашы дзеля атрымання з іхняй дапамогай вышэйшага духоўнага сану. Апрача таго, адсылаў нейкія звесткі пра Маскоўскага патрыярха Філарэта. Калі справа выявілася, манаха-злодзея на загад патрыярха ў чэрвені 1632 г. выслалі ў Пячэрскі манастыр, што ў Ніжнім Ноўгарадзе. У дадатак патрыярх Кірыла Лукарыс даслаў ліст, у якім паведаміў, што прывілей, які бачылі ў Крыжаноўскага, падробны. У манастырскай вязніцы Афінаген знаходзіўся амаль тры гады.

Пазней вярнуўся ў Рэч Паспалітую і ў 1636 г. у Чарнігаве ўжо падае скаргу на чаляднікаў Кіеўскага мітрапаліта Пятра Магілы за ўвязненне, збіццё і выкраданне ў яго нейкага царкоўнага начыння, выдаючы сябе тут за япіскапа Амафузійскага, пасланца патрыярха Архідонскага. 30 сакавіка 1637 г. у Луцку ён гэтак жа лёгка паведамляе, што былая скарга ў Чарнігаве непраўдзівая, а тым япіскапам быў ён і дзейнічаў з намовы азначаных ім асобаў, і на гэты раз мянуе сябе ўжо япіскапам Карэльскім **[23]**.

У лістападзе наступнага 1638 г. Крыжаноўскі праз Полацк, Рыгу, Дэрпт і Нарву дабіраецца да Івангорада ў шведскай Інгерманландыі. Тамтэйшыя крыніцы падаюць ягонае імя ў скажонай форме Arfimager. Тут ён уступае ў кантакт з уладамі і паведамляе, што яго высвяцілі ў Кіеве з дазволу Канстантынопальскага патрыярха на просьбы праваслаўных падданых шведскае кароны, якія ня маюць свайго ерарха, але маюць на гэта дазвол караля. Рукапакладзены нібыта пазней у Спаскім манастыры нейкай сталіцы Баўгарскага патрыярхату пры ўдзеле архіяпіскапаў і мітрапалітаў ды высланы ў Інгерманландыю. Матарыялы допытаў прыбылога япіскапа былі адасланыя да Стакгольму. Шведскім уладам тлумачэнні Крыжаноўскага прыйшліся не да спадобы і генэрал-губарнатару Пэру Брагу з каралеўскай канцылярыі прыйшоў загад выслаць Крыжаноўскага *«у Данцыг або ў ягонае наваколле, з папярэджаннем, што калі зноў прыедзе, або будзе затрыманы ў нашых і дзяржаўных межах, дык, як шпег, без літасці будзе асуджаны на смерць»* **[24]**. Япіскапа Ігерманландскага адвозяць у Рыгу, каб адтуль морам выслаць у Гданьск. Аднак з прычыны адсутнасці карабля ўлады змушаныя перавезці яго ў Або (цяпер Турку, Фінляндыя), дзе з 23 траўня да 3 ліпеня 1639 г. трымаюць у замку. Перад пасадкай на карабель з увагі на эканамічны стан Афінагена шведы забяспечваюць яго харчамі і даюць 12 талераў на дарогу. Як склаўся лёс Крыжаноўскага ў Гданьску невядома. Толькі Сімяон Пятроўскі-Сітняновіч пазьней у сваім вершы з'едліва заўважыў пра пасаду *«пробашча гданьскага і каралявецкага»*.

Выныраe з цемры часу Крыжаноўскі 12 красавіка 1651 г. і зноў на мяжы з Расеяй, куды ён падаўся не па сваёй волі, але паслалі яго да цара нібыта ўсе беларусцы. Пасля прыезду ў Маскву цяпер ужо дзісненскі ігумен інфармуе дзяржаўных асобаў, што ён з полацкім ігуменам Гядройцам быў у полацкага ваяводы Януша Кішкі і той казаў жахлівыя рэчы, што *«кароль і ўся Рэч Паспалітая вынеслі такі прысуд: як толькі яны знішчуць Хмяльніцкага дык*

тады ўсіх беларусцаў да апошняга чалавека і нават з немаўлятамі пасякуць і Божыя цэрквы і манастыры ўсе спаляць, каб засталіся адны рымляны. ...а кароль палову войска свайго хоча пусціць на Хмяльніцкага, а другую — на Маскоўскую дзяржаву. ...папа пісаў да караля і да біскупаў, каб яны з касцёлаў усё срэбра і золата забралі ды перарабілі ў грошы, толькі па келіху пакінулі, каб канчаткова знішчыць русь, каб рускае веры нідзе не было» **[25]**. Выглядае гэта на правакацыю, але расейскія ўлады паставіліся да ягоных рэляцыяў з увагай. Яшчэ двойчы, 8 студзеня і 3 чэрвеня 1652 г., з'яўляюцца запісы паведамленняў Крыжаноўскага, аднак маскоўская выведка яму больш веры не дае. Прычынай таму, пэўна, падробны ліст гетмана Януша Радзівіла, дзе той звяртаўся да рыма-каталіцкай шляхты як чалавек адной з імі веры, хаця быў кальвіністам. Маскоўскія баяры не пусцілі яго да Масквы і паведамілі, каб вяртаўся і прыязджаў з праўдзівымі весткамі.

Пра дзейнасць Крыжаноўскага часоў вайны звестак няма, адно захаваўся з 1661 г. іранічны верш-віншаванне, напісаны Сімяонам Пятроўскім-Сітняновічам у дзень імянінаў ігумена, які прыпадае на 16 ліпеня. У паэтычным творы згаданыя такія рысы ігумена, як нястрыманасць у прамовах:

Всякому в лице что ти подобает,
Яко гром, гласно гортань ты рыкает.;

цяга да гучных тытулаў:

Тем же почтеся премногими саны:
В земле Корельской епископом званы,
Архимандрыта речен Назарейски
Ы протосынгел почтен Голилейски,
На Гданьску пробошч, такоже Кролевецки,
Опат на Рыме, апостал немецки,
В Десне игумен, а у нас — ничого,
Ничто имамы, тако имый много.
Вся всим на земли, но что будеш в небе,
Поне един лик з всих избери себе.

Паэт пагаджаецца, што з увагі на бурлівае жыццё адрасата, ня ў стане ахапіць усё:

Писал бых болей, да слов им не стает,
Чудный жывот твой ум мой превызшает.

Урэшце пры канцы становіцца зразумела, што духоўнага ў дзісненскім ігумене адшукаць цяжка:

Друг твой в пиве, в горелце, в тобаце.
Если ты выдал, налай як собаце! **[26]**.

З канцом актыўных вайсковых дзеянняў, пэўна, асцерагаючыся за ўласнае жыццё і свабоду, ігумен ад'язджае да Масквы, адкуль трапляе пад Казань. 26 лютага 1667 г. Казанскі мітрапаліт Лаўрэнці просіць прыняць *«былога полацкага архімандрыта Анфінагена»* ў валдайскі Іверскі манастыр, закладзе-

ны патрыярхам Ніканам, куды пераехалі манахі куцеінскага манастыра. З дакумента вынікае, што пад началам Казанскага мітрапаліта Крыжаноўскі быў 4,5 гады. Зважыўшы на заяву самога Афінагена, што быў ён там *«на просьбу ўсёй полацкай шляхты»*, выкажам здагадку, што знаходзіўся разам з полацкім палком Гаўрылы Гаслаўскага, які быў выведзены з Беларусі і які ў 1662–1664 гг. пад началам казанскага губарнатара Фёдара Валконскага спрабаваў здушыць паўстанне башкіраў. Але ўжо 8 траўня наступнага году Крыжаноўскі просіць цара адпусціць яго ў Полацк, а з ім трох манахаў і двух чаляднікаў. Цар дае дазвол і 10 рублёў на дарогу. 15 траўня 1668 г. манахі сядаюць на падрыхтаваныя для іх вазы і ад'язджаюць **[27]**. Далейшы лёс дзісненскага ігумена невядомы.

Заканчэнне

У ацэнцы дзейнасці кожнай з вышэйзгаданых асобаў трэба спрабаваць пазбегнуць суб'ектывізму, а дзеля гэтага варта ацэньваць не з пазыцыяў дня сённяшняга, але грунтуючыся на тагачасных норавах і законах. Спачатку пра царкоўныя нормы. Азначаныя вышэй асобы парушылі дзейнае царкоўнае права, бо самахоць выракліся сваіх ерархаў, якія іх высвячалі. Паколькі царкоўныя нормы ўгрунтаваныя на хрысціянскай любові, ступень суровасці пакарання залежыць ад міласці ерарха. Зважаючы на згаданы прэцыдэнт з Мятодам Філімановічам, дадзеным асобам па сканчэнні вайсковых дзеянняў не мінаваць было манастырскае вязніцы. Апрача таго, яны здрадзілі ідэі, якая была стрыжнем праваслаўнай апазыцыі, традыцыйнаму падпарадкаванню Канстантынопальскаму патрыярху. Дзеі згаданых ерархаў прынеслі праваслаўнай царкве ВКЛ значную шкоду, бо вялікая частка вернікаў ад царквы адхінулася. Але апрача таго, у гэтай справе маецца і юрыдычны аспэкт. Папершае, былі парушаныя ўмовы фундацыі. Ня можам казаць нешта пэўнае пра дзісненскі манастыр, але полацкі і віцебскі ўфундаваў Леў Самуіл Агінскі. У фундацыйным запісе 06.VIII.1642 г. Маркаваму манастыру Агінскі запісаў: *«...вышмененому игумену, теперешнему и по ним наступуючим з братьи их законником реліи старожитное греческое, под послушенством светейшого вселенского патриарха Константинопольского и од него нам звыклым порадком стародавным преосвященным митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси будучим, таким порадком даем и записуем».* То бок адна з умоваў фундацыі – падпарадкаванне Канстантынопальскаму патрыярху і Кіеўскаму мітрапаліту, якая без сумневу была парушана. Пакаранне ж фундатар вызначыў наступнае: *«...теды таковый одступца, не только од отца митрополиты, але од нас самых фундаторов, за згодою всее братіи законников тогож монастыра Марковского, одлучен и декградован быти мает, а на тое мейсце иншій, водлуг вышшого порадку альбо паракграфу, обран и подан быти мает...»* **[28]**. Фундацыйны запіс для полацкага манастыра, пэўна, меў такі самы тэкст. Гэткім чынам, за парушэнне волі фундатара гэтыя ігумены мусілі быць пазбаўленыя пасадаў. Аднак і гэта ня ўсё. Найважнейшай

дзейнай юрыдычнай нормай быў Статут Вялікага Княства Літоўскага, артыкул трэці якога пад назвай «Ображенье маестату нашого господарского в чом се розумети мает и яко за то карати» з разделу «О персоне нашой господарской» паведамляе, што *«хто бы теж з неприятельми нашими порозуменье мел, листы до них або послы, радечи против нам, господару и речи посполитой, або остерегаючи слал, тым неприятелем якую помоч давал... таковый за слушным доводом... честь, горло и именья тратит»* **[29]**. Каліст Рытарайскі і Афінаген Крыжаноўскі маглі быць прыцягнутыя да адказнасці ў адпаведнасці з гэтым артыкулам. Аднак правасуддзе ніводнага з іх не напаткала, адзін збег, другі сам вынес сабе прысуд.

Спіс літаратуры

1. Акты, относящиеся к истории южной и западной России. – Санкт-Петербург, 1889. – Т. 14. – С. 289–290.

2. Макарий, митрополит Московский и Коломенский // История Русской Церкви.. – Санкт-Петербург, 1883. – Т. XII. – Кн. III – С. 719–720.

3. Древняя Российская вивлиофика. / ред. Н. Новиков. – Москва, 1788 – Ч. III. – С. 303.

4. Симеон Полоцкий. Вирши / сост. В.К. Былинин, Л.У. Звонарева. – Минск, 1990. – С. 42–45.

5. Древняя Российская вивлиофика / ред. Н. Новиков. – Москва, 1788. – Ч. III. – С. 337.

6. Калечиц, И.Л. Исторические личности в граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви // История и археология Полоцка и Полоцкой земли. – Полоцк, 2012. – Ч. II. – С. 31–32.

7. Гиббенет, Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. – Санкт-Петербург, 1884. – Ч. 2. – С. 490.

8. Акты Московского Государства, изданные Императорской Академией Наук / ред. Д.Я. Самоквасова. – Санкт-Петербург, 1901. – Т. III. – С. 209–210.

9. Тамсама, с. 358–359.

10. Тамсама, с. 381–382.

11. Тамсама, с. 387.

12. Строев, П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. – Санкт-Петербург, 1877. – С. 498.

13. Древняя Российская вивлиофика. / ред. Н. Новиков. – Москва, 1788. – Ч. III. – С. 393–397.

14. Симеон Полоцкий. Вирши / сост. В.К. Былинин, Л.У. Звонарева. – Минск, 1990. – С. 393

15. Древняя Российская вивлиофика / ред. Н. Новиков. – Москва: 1788. – Ч. III. – С. 299–300.

16. Тамсама, с. 309–312, 316–318, 319–322.

17. Тамсама, с. 312–313, 314–315, 315–316, 323–324, 324–326, 334, 349–351.

18. Тамсама, с. 340–341, 341–342.

19. Голубев, С. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в.». — Санкт-Петербург, 1902. — С. 27–28.

20. Древняя Российская вивлиофика / ред. Н. Новиков. — Москва, 1788. — Ч. III. — С. 354–356.

21. Голубев, С. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в.». — Санкт-Петербург, 1902. — С. 29.

22. Макарий, митрополит Московский и Коломенский // История Русской Церкви. — Валаам, 1996. — Т. XI. — Кн. VI.— С. 290–291.

23. Архив Юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — Киев, 1883. — Т. VI. — С. 731–733.

24. Пересветов-Мурат, А.И. «Епископ Ингомерлянский и всего поморія полунощного оцеана»: великие комбинации Анфиногена Крыжановского // Scando-Slavica. Vol. 56(1). — Oslo, 2010. — С. 54–59.

25. Заборовский, Л.В. Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. — Москва, 1998. — Ч. 1: Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. — С. 97–98.

26. Симеон Полоцкий. Вирши / Сост. В.К. Былинин, Л.У. Звонарева. — Минск, 1990. — С. 65–66.

27. К.В. Харлампович. Афиноген Крыжановский. (Из истории культурного влияния западной Руси на восточную в XVII в.) // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. — Казань, 1913. — С. 173.

28. Акты издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. — Вильна, 1880. — Т. XI. — С. 130.

29. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / рэд. І.П. Шамякін. — Мінск, 1989. — С. 80–81.

Дадатак. Ігумены полацкага багаяўленскага манастыру XVII ст.

Час паўстання Багаяўленскага манастыра невядомы. Гіпотэзаў шмат, аднак зразумела адно, што паўстаў ён раней за 1633 г. Хаця ў 1668 г. манахі пісалі япіскапу Ваўчанскаму пра фундацыю манастыра Агінскімі і Мірскім (Белорусский архив древних грамот. Ч. I. 1824, с. 126–127), але гэта трэба разглядаць у кантэксце іншых падзеяў. Пасля раптоўнага нападу на горад маскоўскіх войскаў 03.06.1633 г. Вялікі пасад быў выпалены. Відаць, гэтыя фундушы былі скіраваныя на адбудову манастыра, які, магчыма нелегальна, існаваў і раней. Таму 06.06.1633 г. наданне зямлі афармляе асабіста Себасцян Мірскі (Акты из-

даваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Т. XI. 1880, с. 111–112), а на зацвярджэнне ў князя Уладыслава 12.07.1633 г. прыязджаюць манахі.

<***1626 – Ян Крэчмер***. Быў старэйшым манастыра да 1626 г., калі, паводле ягоных словаў, ужо знаходзіўся ў Вільні і займаў пасаду казальніка. 11.XI.1647 г. прыняў унію. З прычыны мноства паклёпаў з боку былых аднаверцаў выдаў кнігу «Consideracie podane Panom disunitom około niektorych ich nauk, przećiwnych wierze świętey Katholickiey» (Wilno, 1648), дзе, апрача тэалягічных абгрунтаванняў пазыцыі, змясціў звесткі пра сябе.

1642, 16.VII – Пятроні Табіяшэвіч, ігумен полацкага Багаяўленскага манастыру. Ад імя манахаў 16.VII.1642 г. чарговы раз падаў скаргу на ўніяцкага мітрапаліта Антона Сялявы за спробы парушыць міжканфесійны мір (Сапунов А.П. Витебская старина. Т. 5. Ч. 1. 1888, с. 195–199).

>***1643–>1651, 12.IV – Мялет Гедройц***, княскага роду. Магчыма паходзіў з кальвіністкай сям'і. Вядомы як праваслаўны актывіст у часы Полацкага ўніяцкага архібіскупа Язафата Кунцэвіча (1618–1623). Верагодна, у 1639 г. пастрыгся ў манахі, бо паводле К. Гаворскага 02.VI.1639 г. адпісаў манастыру вёскі Ропна і Аходна (Ахотніца). (Вестник западной России. Год 3. Т. 1. 1864. с. 200–201). Стаў ігуменам пасля 1643 г., бо 31.VIII.1643 г. полацкі ленвойт Ян Касароўскі скардзіўся на знявагу абразоў полацкімі месцічамі на чале з тады яшчэ папом Мялетам Гедройцам (Археографический сборник документов относящихся к истории Северозападной Руси. Т. 1. 1867, с. 353–354). Спачыў пасля 1651 г., бо 12.IV.1651 г. дзісненскі ігумен Афінаген Крыжаноўскі паведамляў пра яго як пра дзейнага ігумена (Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты: проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. Ч. 1. 1998, с. 97–98). Патрабуе высвятлення генеалагічная сувязь са стольнікам полацкім у 1613–1634 гг., а ад 1634 г. маршалкам Галоўнага Трыбуналу ВКЛ кальвіністам Марцыянам Гедройцам і езуітам з 1623 г. Юрыям Гедройцам, які ў той час тамсама жыў у Полацку.

>***1651, 12.IV – >1655, XI – Елісей***, ігумен Багаяўленскі. У дакумантах адзначаны як стары. (Древняя Российская вивлиофилика. Ч. III, 1788, с. 293-5). Верагодна, ён 12.IV.1651 г. ездзіў разам з Афінагенам Крыжаноўскім ў Маскву (К.В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. 1914, с. 93).

<***1656, III – <1664 – Ігнат Яўлевіч***, ігумен Багаяўленскі, архімандрыт Барысаглебскі з 1660 г. (Древняя Российская вивлиофилика. Ч. III. 1788, с. 299–392). Намеснік Полацкага япіскапа Каліста. Удзельнік маскоўскага сабору 1660 г.

<***1664, 10.IV – >1670 – Філат Утчыцкі***, ігумен Багаяўленскі. Аўтар паэтычнага твору «Стихи краесогласныя иже во сретение чудотворныя иконы пресвятая богородицы Полоцкия» (Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской. Т. 28. 1900. с. 278–280, 299–302, 321–315; Акты издаваемые Виленскою Археографическою

комиссиею. Т. 15. 1888, с. 247–248).

>***1670–<1682 – Гедэон Дроніч***, ігумен Багаяўленскі. 14.IV.1659 г. на загад япіскапа Каліста ўвязьнены за падтрымку незалежнасці манастыра (Голубев С. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в.». 1902. с. 27–28.) >1662 – намеснік манастыру (Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской. Т. 22. 1891, с. 389–394 і Т. 28. 1900, с. 299–302, 312–313).

>***1681–>1686 – Ігнат Жыгмантовіч*** (Цыглер-Жыгмантовіч). 18.II.1682 г. уніяцкі мітрапаліт Кіпрыян Жахоўскі скардзіўся на ігумена Ігната Жыгмантовіча і Багаяўленскіх манахаў за спробу пабудовы новае царквы. 28.III.1686 г. Маскоўскі патрыярх Якім даў дазвол ігумену асвячаць цэрквы ў Беларусі. (Сапунов А.П. Витебская старина. Т. 5. Ч. 1. 1888, с. 251–266).

1697, 02.II – Каліст Лапіцкі, ігумен Багаяўленскі. 14.IV.1659 г. на загад япіскапа Каліста Рытарайскага ўвязьнены за падтрымку незалежнасці манастыра (Голубев С. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в.». 1902. с. 27–28.) 02.II.1697 г. патрыярхам Маскоўскім Адрыянам ігумену і манахам дадзены дазвол абслугоўваць праваслаўных вернікаў Рыгі (Белорусский архив древних грамот. Ч. I. 1824, с. 128–130).

1699 – Стэфан Івановіч, ігумен Багаяўленскі. Япіскап Магілеўскі і Мсціслаўскі Сэрапіён Палхоўскі пацвердзіў дазвол ігумену і манахам абслугоўваць праваслаўных вернікаў Рыгі (Белорусский архив древних грамот. Ч. I. 1824, с. 130–131).

Борисенко К.Г.

Богословсько-полемічний трактат Симеона Полоцького «Жезл правления...» і традиції релігійної полеміки «Київської школи»

Українська полемічна література завжди була об'єктом пильного зацікавлення науки. Досить згадати розвідки Віталія Шевченка, Вікторії Колосової, Пархома Яременка, Володимира Крекотня, Леоніда Ушкалова. Проте об'єктом цих студій ставала здебільшого православно-католицька полеміка, корпус якої є найбільшим. Та все ж українська полемічна література не вичерпується дискусіями між християнами східного та західного обрядів чи православними й уніатами — маємо низку цікавих текстів, спрямованих проти протестантів, іудеїв, магометан, російських старообрядців. Власне полеміка вихованців Київської академії з російськими розкольниками дотепер не була об'єктом літературознавчих студій або згадувалася лише принагідно.

Як відомо, церковна реформа патріарха Никона спричинилася до з'яви на російських теренах прихильників старої віри, котрі не визнавали нововведень. Відтак офіційна церква оголосила їх розкольниками, а їхнє вчення — єретичним. Попри заборону й переслідування, вчення старовірів доволі швидко розповсюджувалося, набуваючи все більше прихильників. Саме під ту пору втрапляють до Росії церковні ієрархи — вихованці Київської академії, котрі починають протистояти розкольникам силою слова. З огляду на цю ситуацію змінюється тон полеміки й риторика тексту, причому зміни відбуваються не лише в царині стилістичних прикрас — вони виразно помітні на рівні самої організації тексту.

До спільних рис цих трактатів можна віднести посилену увагу до розуміння авдиторією слова як такого — проблема перекладу й інтерпретації теологічних термінів та Святого Письма стає для них провідною. Відтак синтез біблійної герменевтики й риторики становить потужне підложжя антирозкольницьких трактатів представників «київської школи».

Варто окреслити коло провідних питань, які дискутувалися представниками офіційної церкви та розкольниками:

1) правлення книжок;

2) триперстне хресне знамення;

3) восьмиконечний хрест;

4) поливальне й занурювальне хрещення;

5) причастя;

6) поклоніння старим та новим іконам;

7) поклоніння святим мощам;

8) питання приходу антихриста й швидкого кінця світу.

Першим з'являється богословсько-полемічний трактат Симеона Полоцького «Жезл правления» (1667).

Стосовно полемічних трактатів антирозкольницького спрямування можемо зазначити, що на їхній структурі виразно позначився жанр проповіді, адже найчастіше богословсько-полемічний трактат поставав у висліді проповідницької діяльності. Як зазначає професор Л. Ушкалов, «полемічні інтенції доволі часто проймають церковну проповідь, що може бути присвячена, скажімо, першенству Римської Церкви стосовно Константинопольської («Гомілія на п'яту неділю посту» Іпатія Потія), а чи суперечці з мусульманами щодо Пресвятої Трійці» [**8**, с. 121].

До тексту «Жезл правленія» Симеон Полоцький пише чотири передмови — одну віршовану й три прозові. Перша є виявом поезії, що виконувала функцію прикнижного реквізиту, адже складається із графічного зображення і короткої епіграми, яка стисло відображає думки, що знайдуть розвиток у подальшому прозовому викладі.

Передмова «Благочестивѣйшому тишайшему Самодержавнѣйшему Великому Государю Царю… Алексію Міхайловичу» власне репрезентує погляди Симеона Полоцького на роль держави та особисто монарха в складній ситуації церковної незгоди. Загалом передмова вирізняється поетичністю викладу; наш автор цитує 34 псалом «Очи Господни на праведныя и уши его в молитву их», а відтак закликає до щирої молитви, «еже утолити жестокія брани, острыя мечи во своя возвратити мѣста, и кровь нещадно проливаемую удержати» [**3**, арк. 5 (Друга передмова) (б.п.)], та формулює завдання разом із духовенством викорінювати розкол, «во еже бы всѣм единаго Бога единамы усты, и единым сердцем воспѣвати и славословленми возносити» [**3**, арк. 6 (Друга передмова) (б.п.)]. Він провадить думку про те, що світська влада усіляко має сприяти церкві й протистояти розколові, адже міцна Церква є запорукою міцної держави. При цьому цар Олексій Михайлович порівнюється із біблійним Давидом, а Росія визначається як Новий Ізраїль. Вочевидь, таку міфологему Полоцький намагається запропонувати на противагу поширеній в старообрядницьких колах тезі «Москва — третій Рим». Створюючи приємний для царя алюзійний образ, Симеон поглиблює його, проводячи паралель також між Олексієм Михайловичем та імператором Костянтином Великим.

У цій передмові оприявнюється також традиційний для тогочасної риторики топос «скарги на непосильний труд». Так, Симеон Полоцький зазначає, що в старечому віці має братися до такої тяжкої праці, яку «не піитическаго Атланта рамена, но и великих столпов Церкве не могли бы не утружденны быти» [**3**, арк. 7 (Друга передмова) (б.п.)]. Зазначмо, що, згадуючи про Атланта й церковних достойників, автор, вочевидь, натякає, що він водночас є і поетом, і

церковним ієрархом. Разом із тим автор сподівається, що Бог воздасть йому за його тяжку працю, та дякує Всевишньому за те, що той послав підтримку його «мисленному жезлу» від святійшого собору, а також зазначає, що книжка побачила світ із благословення патріархів Паїсія Александрійського та Макарія Антіохійського.

Отож, автор простягає цареві жезл «правленія, утвержденія, наказанія і казненія», сподіваючись, що він допоможе йому боронити православний люд від розкольників, яких уподібнює лютим псам – «обычно бо Жезлу от Псов ненавидиму быти, и жезлоносцем лаянія стужаные терпѣти» [**3**, арк. 8 (Друга передмова) (б.п.)]. Тут маємо натяки на випади старообрядців проти монарха та його родини. Автор закликає православного царя вберегти свій люд від «руки Песіи… від уст Львов и рог єдинорож» [**3**, арк. 8 (Друга передмова) (б.п.)]. Як бачимо, два останні образи є виразною алюзією на 21 псалом. Урешті, автор просить усіх прийняти захист від руки монарха й сподівається, що і його жезл допоможе цареві у цій благородній місії.

Прикметно, що Симеон Полоцький закликає шукати прихисток саме під монаршим крилом, – натомість уже Стефан Яворський і Дмитро Туптало будуть закликати усіх знайти прихисток під крилом Церкви-матері. Таке зміщення акцентів, вочевидь, можна пояснити розвитком політичної ситуації в Росії. За часів Олексія Михайловича Церква ще самостійна інституція, в скруті вона може попросити захисту світської влади, не ризикуючи втратити свій суверенітет. У часи Петра І, коли Церкву буде підпорядковано державі, наші автори усіляко будуть наголошувати на її первинності й на тому, що Церква здатна захистити і себе, і монарший двір.

Звернення мудрого пастиря до «овець стада Христового» власне і є одним із найяскравіших компонентів, що вказують на спорідненість жанрів полемічного трактату й проповіді. З такого звернення й починає передмову до «Жезлу правленія» Симеон Полоцький. Зацитувавши пророка Ізекіїля («Сє аз взыщу овец моих и присѣщу их…») та Захарію («Приіму себѣ два жезла…»), він зазначає: «Вина сею двою жезлу не ина єсть, точію, яко Блажайшій пастырь, имѣя сугубыя овцы, добрыя же и злыя: покоривыя, и непокоривыя: слушающыя гласа єго пастырскаго и неслушающыя: сугубоє дѣйствуєт правленіє или пасеніє» [**3**, 1]. Отже, автор прямо апелює до своєї церковної громади. З огляду на це варто вказати ще на одну особливість антирозкольницьких розправ: паства є активним учасником полемічного процесу; автори «київської школи» постійно звертаються до неї, то закликаючи в свідки, то просячи підтримки. На відміну від тогочасної православно-католицької суперечки, коли богослови здебільшого дискутують між собою і більшість трактатів має конкретного адресата, у випадку зі старовірами автор протистоїть радше самій «єресі», аніж конкретному проповіднику старообрядництва.

Такий підхід вочевидь варто пояснити тим, що вітчизняні богослови сприймали старий обряд як вислід неуцтва, вважаючи, що його можна побо-

роти засобами освіти. Тож активно організовували школи для юнацтва й наполегливо виховували паству з церковних катедр, вважаючи, що у такий спосіб громада все менше виявлятиме інтерес до ідей старовірів. Однак при цьому вони не врахували, що, маючи російське коріння, розкол отримає колосальну підтримку місцевого населення, — адже на тлі грандіозних державних реформ, які доволі часто нівелювали людську гідність і руйнували усталений спосіб життя, саме старообрядництво буде уособлювати «давнє московське благочестя».

Разом із тим Симеон Полоцький вибудовує вервечку засобів використання жезлу в пастирській практиці, причому від безпосереднього значення (пастуха овець) він переходить до значення символічного (наставника дітей духовних). Відтак автор ніби від біблійних пророків приймає жезл «един вещію, но, сугуб дѣйством» [**3**, арк. 1]: перший — доброти, другий — схінизми (покари). Однак навіть ці дві категоріє не є вичерпними, тому автор поглиблює метафорику, визначаючи «жезл правленія», «жезл утвержденія» як складники першого, та «жезл наказанія», «жезл казненія» — другого.

Богослов чітко групує докази, протиставляючи гріх і праведність, тимчасове й вічне. Цікаво, що Симеон відходить від традиційного уявлення про те, що всі, хто страждає в цьому житті, будуть винагородженні у вічному. Навпаки, автор вважає, що «овцы добрыя» ще за життя винагороджуються здоров'ям, довголіттям, честю, славою, достатком, а після смерті їх чекає найвище благо — «видѣніе лица Божія, вѣчность безконечная во сладостех и лѣпотах небесных». Натомість «овцы злыя» Бог карає ще «во временной жизни болѣзнми, скорбми, мором, гладом, мечем и прочими язвами тѣлесными» заради того, щоб вони замислилися про свої вчинки й доки не пізно змінилися. Інакше на них чекає «казня во будущем вѣцѣ, огнем не угасаемым, червми не усыпаемыми, скрежетом зубным, вѣчным гладом, нестерпимым хладом, и неосвѣтимою слѣпотою» [**3**, арк. 1 (зв.)]. До такого прийому вдається автор, коли заперечує міркування старовірів про страждання й переслідування як неодмінну ознаку праведності. Ця теза про «жезл бдящ» и «горнец кипящ» («жезлом бдящим временная образовахуся грѣшником наказанія: горнцем же кипящим геенскаго коноба вѣчное клокотаніє» [**3**, арк. 1 (зв.)]) є прямим протиставлення старообрядницьким міркуванням про вогняне очищення, що незабаром перейде в масовий рух, отримавши назву «гарей».

Як бачимо, в описі покарання грішників виразно відстежується антиестетика (вихід «поза межі краси»), притаманна бароковому мистецтву, — автор зумисне створює відразливий образ гріха. Варто зазначити, що подібні антиестетичні описи, як правило, застосовувалися до зображення тілесного тліну — в такий спосіб барокові автори наголошували на марнотності земного існування (досить згадати бодай хрестоматійний приклад «Лѣкарства розкошником того свѣту» Кирила Транквіліона Ставровецького); натомість Симеон Полоцький, вдаючись до таких натуралістичних засобів, зображує страждання душі. І, знов-таки, пояснення цьому варто шукати в специфіці

вчення розкольників, адже вони якраз і проповідували сувору аскезу, одним із складників якої була акцентована зневага до плоті, що часто набувала спотворених форм (морення голодом, самоспалення), — інакше кажучи, правити про марнотність тілесного не було потреби, адже послідовники Аввакума і так демонстрували зневагу до нього. Навпаки — тіло треба було рятувати, доки заразом не загинула і закута в ньому душа. Тому наш автор і наголошує на стражданні душі, яка мусить вічно спокутувати гріхи, а для більшої виразності він «офізичнює» цю муку. Відтак «жезл схінизмы» і надається пастирю, щоб він уживав своєї влади до покарання непокірних членів громади — заради того, щоб вони не лише самі не провадили гріховне життя, а й не спокушали інших.

Натомість «жезл правленія» надається пастирю, щоб скеровувати свою громаду «пасти еже отиводити от пути злаго наставляти на пути благія» [**3**, арк. *2*]. Прикметно, що ілюстрацією до своїх слів автор наводить приклад із поганської міфології — про Бога Дія, якому мешканці давнього міста дали до рук жезл, щоб указувати безпечний шлях; а ті, хто не дослуховувався до цієї поради, втрапляли до рук розбійників. Відтак автор резюмує: «тому граду лѣт есть церкові уподобитися у ея же врат мнози путіє обрѣтаются, но един есть истинный… егоже аще хочет улучити, се имать образ не дія лестнаго, но истиннаго Бога Христа Спаса нашего Архіереі, имущыя в десныцѣ своей жезл, сказующій правый путь жизни вѣчныя…» [**3**, арк. *2* (зв.)]. Таке поєднання поганської й християнської символіки цілком суголосне бароковій естетиці, однак варто вказати й на те, що подібна стилістика під ту пору була абсолютно незрозумілою їхнім опонентам.

У цьому річищі цікавою видається й символіка, через яку автор розкриває призначення архиєрея: «истерзати плевлы еретическая сѣяти же пшеницу слова Божія на нивах сердечных» [**3**, арк. *2* (зв.)], або: «яко Солнце освѣщает селенную лучами своими, тако и Єпископи освѣщают разумы словеснаго стада учением своим» [**3**, арк. *3* — *3*(зв.)]. Отже, засівати істинне в серце й просвітлювати розум, — така квінтесенція послання. Відтак виразно оприявнюється бароковий світогляд нашого автора, для якого світ пізнається і серцем, тому його світосприйняття різниться від середньовічного світогляду опонентів. Як зазначає Л. Чорна, «якщо середньовічна людина бачила серцем, чула серцем, думала серцем… то нова людина повинна навчитися бачити й чути «розумом» («зорова сила розуму»)» [**9**, с. 41]. Далі наш автор поглиблює свою думку, розмірковуючи про те, чим є слово пастиря. У «Жезлі» автор уподібнює єпископа сонцю, що просвітлює розум своєї пастви тлумаченням Святого Письма, наче променями; а громаду він закликає бути дітьми, що слухають настанов учителя, адже діти є по праву достойними Царства небесного. Як бачимо, в такий спосіб Симеон розширює контекст Ісусових слів. Далі, знов-таки, поглиблюється метафоричний сенс поняття «слова архієрея», які, згідно з нашим богословом, є сіллю духовної їжі; а паству він уподібнює «мисленним рибам», що родилися у «водах хрещення». Відтак громада, «присмачена» словами

архієрея, уникає «душепагубныя тли» й готова до вічного життя. Така вервечка аргументів, які розкривають головну тезу, фактично виказує в авторові вправного майстра барокової риторики, зокрема ампліфікації.

«Жезл утвержденія» постає на противагу «неправдивим» архієреям, які, подібно до Корея, Датана й Авірона, «в россійской Церкви… молву и смятеніе ковнотворящи на Архіереи божія клевещуще безмѣстно и нелѣпыми лжуще лаянми» [**3**, арк. 4], квітучим деревом, яке приносить добрий плід. А ще, подібно до Мойсеєвого жезлу, поїть людей, що заблукали в пустелі цього світу, водою божої благодаті. Знов-таки, цікаво, що до характерного для барокової доби осмислення світу через метафору наш автор додає уявлення про світ як пустелю, а людське життя осмислює як мандрівку через неї, у такий спосіб по-новому тлумачачи біблійну історію про Мойсея. Однак Симеон Полоцький, продовжуючи розробляти тему «жезла утвержденія», звертається до книги Царів та історії Іонатана про мед на кінчику жезла, що повернув йому сили, — тож наш автор говорить про «мед духовний». У тексті йдеться й про «мисленні очі», тож вкотре закцентовано увагу на тому, що людина — це найперше створіння, наділене здатністю сприймати світ розумом. Він навіть говорить про «вуста розуму», якими людина поглинає мудрість, живить себе і живить свою душу — так само, як вустами поглинає їжу, живлячи тіло.

Відтак автор переходить до «жезлу схинизми» — пояснивши семантику слова (вервь), він окреслює «жезл наказанія». Тут метафора вибудовується довкола поняття «караючий жезл» — то «змія». Ув основі, знов-таки, історія Мойсея, жезл якого перетворювався на змію. Тож Симеон схильний тлумачити архієрейський посох як змію, що карає за гріхи. Однак цим не вичерпується метафорика образу, адже змії він уподібнює й гріхи, що оповивають людину, немов біблійна «єхидна» в райському саду. Прикметно, що і «вервь», і «змія» мають спільне значення «оповивати, зв'язувати» — саме це й править за джерело метафоризації: як гріховні спокуси огортають людину, зв'язуючи її по руках і ногах, повергають її «во тму кромѣшную», так і «вервь» покарання зв'язує злочинцеві руки й ноги, а пастирський жезл може карати людей за гріхи. При цьому автор укотре наголошує, що духовний наставник карає з любові, прагнучи, щоб людина замислилася про свої лихі вчинки в цьому житті, а отже, змогла уникнути вічної муки. Змія теж може карати ворогів роду людського (як приклад ужито згадку про єгипетських волхвів, мідну змію, що захищає від змій огненних). Тут яскраво увиразнюється бароковий концептизм, ув основі якого — дотепність. Варто сказати й про те, що таким чином автор обстоює й нову форму посоху у вигляді двох змій, що набула поширення в XVI–XVII століттях, замінивши традиційний жезл у формі перекинутого якоря. Відтак розкривається символіка жезлу, де чотири грані можуть означати і «Трезвѣніе, Премудрость, Правду, Мужество» — необхідні якості єпископа, і згадку про чотири «послѣднія рѣі», як то «Смерть, Суд, Геенну и Царствіє небесное»; а ще чотирикратне ім'я Бога, написане на жезлі Мойсея, автор тлумачить як про-

образ хреста Господнього — недарма ж бо хрест вінчає архієрейський жезл. І, знов-таки, Симеон акцентує на «мисленних очах» та на людському розумі, якими єдино можна сприймати речі, про які він говорить, а метафора «світ — це пустеля» трансформуться в більш традиційну для бароко «світ — це море»: його треба переплисти, щоб досягнути землі обітованої, «Царства небесного» [**3**, арк. 6 (зв.)].

Відтак автор переходить до тлумачення поняття «жезл казненія». Зазначмо, що саме поняття «страти» є доволі дражливим у контексті християнської доктрини. Симеон свої міркування стосовно цієї теми розпочинає зі згадки про те, що жезл Мойсея був «жезлом казненія» для фараона. Поглиблюючи свою аргументацію, автор наводить історію про Давида й Голіафа, тим самим підводячи до думки, що навіть фізична страта в ім'я Бога буває виправданою. Біблійному Голіафові він уподібнює проводирів розколу, «единство православныя вѣры терзающая», а отже, вважає їх достойними духовного «убіенія». Відтак автор резюмує: «воздвигаем жезл сей наш, вѣрным на пасеніе, и правленіе: колеблющымся на утвержденіе: непокоривым, в наказаніе: жестокосердным же и необращающымся на духовное убыеніе и волков хищных на пораженіе» [**3**, арк. 7 (зв.)].

Після цього різко змінюється тон передмови. Він стає значно емоційнішим, так само змінюються й основні текстотворчі прийоми — від метафори автор переходить до антитез і риторичних питань, фактично протиставляючи два світи — праведності й гріха. Стилістика почасти нагадує передмову до «Треносу», а домінуючими стають образи пастви та лжевчителів.

Урешті автор просить «церковних чад» прийняти в нього з рук простягнутий їм жезл: «Вы же о боголюбимая чада церкве. Иже не поколебастеся в твердости вѣры православныя, єдиною утвердившеся на неподвижном камени, иже есть Христос: пріимете же сей жезл, отгоняйте им псы лающыя на вы, и на церковь утверждайтеся им и прочыя колеблющееся утверждайте» [**3**, арк. 11 (зв.) — 12]. Відтак жезл переживає останню «трансформацію», означаючи, подібно до стовпів Соломонової Церкви, «исправление и крѣпость» («исправленіе… занеже погрѣшившыя исправляет… и крѣпость ибо селен есть противныя сокрушити…») [**3**, арк. 12].

Загалом передмову чітко структурує біблійна герменевтика. Автор тлумачить старозаповітню історію як префігурацію євангельських подій, а далі образ «проектується» на реальне життя та накреслюється перспектива життя вічного. Отже, маємо класичну схему тлумачення Біблії в сенсі буквальному, символічному, тропологічному й анагогічному.

У передмові «К благочестивому читателю» автор розмірковує про божественну гармонію усього сотворенного, де є місце протилежностям, проте немає місця злу (вогонь зникає від води, а денне світло від нічної темряви — але це не є злом). Відтак дивним видається переродження ангела на демона, який став не просто злобним, а втіленням самого зла (що благочестивих лю-

дей і саму церкву переслідує, як вода вогонь, а темрява світло — це зло). Тут знову відчитується барокова дотепність. У річищі полювання темних сил на людину тлумачить автор виникнення різноманітних церковних «єресей» (Арій, Несторій, Македоній та ін.) як у давнину, так і в його час (проводирі розколу Авакум, Нікіта, Лазар та інші). Відтак найбільшим розколовчителем наш автор називає не Авакума, а Нікіту (Пустосвята), а біблійного Голіафа. Проти нього та проти інших розкольників і виступає церква-Давид Собором, — а, маючи в руках мисленний жезл, відсікатиме ним Нікіті-Голіафу голову (себто учення) та інші частини тіла (себто послідовників, які ширять «єресь»). У такий спосіб пояснює Симеон Полоцький читачеві причини, що спонукали його до написання трактату. Зазначмо, що в передмові, зверненій до царя, наш автор уподібнює його біблійному Давидові, а в передмові до читача Давидові уподібнюється церква — так автор наголошує, що світська й духовна влада мають діяти разом, щоб уберегти своїх підданих-паству від спокуси єретичного вчення.

Як відомо, однією із провідних ознак полеміки із старообрядцями є її «філологічність». Адже бо і виправлення книжок, і специфіка написання імені Спасителя, й дискусія про «Ісусову молитву» — речі з царини словесності.

Зазначмо, що в ситуації з «обороною» книжок богослови «київської школи» часто вдавалися до досить несподіваних рішень. Так, Симеон Полоцький, заперечуючи міркуванням Нікіти Пустосвята про свідоме спотворення православних книжок у друкарнях католицького світу (Рим, Париж, Венеція), зазначає, що подібні закиди є безпідставними, адже «типографіи... печатают их прибытка ради своего, егоже всячески бы лишилися аще бы растлѣннѣ печатати дерзнули ибо ни един бы грек православный хотѣл купити, узрѣв растленіе и неправду. Злато цѣну си имѣет, аще и от блата возмется. Бисер от прокаженніх рук изшедый не губит цѣны своея» [**3**, арк. 42 (зв.)]. Як бачимо, суто «економічна» аргументація підсилюється яскравою метафорикою, отією блискучою дотепністю, якої вимагала від автора барокова теорія.

Принагідно зазначмо, що й російські старовіри своє небажання визнавати виправлені книжки загалом обґрунтовували тим, що нові перекладачі та «исправщики» свідомо спотворюють зміст, щоб православні позбулися свого давнього благочестя, яке сприяло спасінню. Цю полеміку подибуємо на сторінках «Жезлу...», коли Симеон, відкидаючи звинувачення Нікіти у нібито спотворенні змісту давніх книжок внесеними правками, зазначає: «Греческая святая писанія, суть нам словяном прототипон, еже есть первообразное, от их же вся книги наши переводим, ничесоже прилагающе и отємлюще, да совершенне им уподобимся. Тѣм же аще что в древних преводѣх или непризрѣніем, или недомысліем, или нерадѣніем остався добре ныіне исправляется преложеніем» [**3**, арк. 46].

У контексті полеміки з російськими старообрядцями однією з провідних стає ідея «єдності в різноманітності». Відтак Симеон Полоцький зазначає: «Царскій вертоград многов многовиидными украшается цвѣты: тако Невѣста

Христова Церковь различными чтенми и пѣнми благолѣпотствуется. И якоже не един род во цвѣтницѣ бывает: тако не един род и язык в Церкви Божіей обрѣтается… Различным паки родом, различный есть обычай: тако чтенія якоже пѣнія: но едина и тажде есть вѣра» [**3**, арк. 74]. Ба більше: він наголошує на тому, що «столпостворенія совѣти хотя разорити Господь различными даде им глаголити языки: ово бо Еврейски, иніи Сирійски, иніи Еллінски, иніи Латински и прочіи прочіими начаша глаголити…» [**3**, арк. 119 (зв.)], і тому розмаїття мов дано людям Всевишнім.

Зазначмо, що Святитель Димитрій Ростовський, ніби продовжуючи цю думку, говорить про право кожного народу на власну мову як дане Богом, апелюючи до старозавітної історії про стовпотворіння. «Кождо бо язык не сам собою бысть, но от Бога всякому народу и странѣ дан. Аще турскій, аще нѣмецкій, аще жидовскій, аще греческій, аще римскій, аще кій либо, вси суть от Бога данные и раздѣленни. Убо и польский язык от Бога поляком дан, якоже і нам россіаном россійскій» [**6**, арк. 381 – 381 (зв.)]. Відтак автор заперечує міркування опонентів про чотириконечний хрест як «римскій крыж» (себто притаманний католицькій вірі й супротивний православ'ю), зазначаючи, що йдеться всього лише про іншомовне слово (пол. krѣуѣ), а не про догмат віри. До речі, на те само вказував і Симеон Полоцький у «Жезлі…»: «Нѣсть в самом дѣлѣ укоризна Кресту Господню именоватися крыжем, тожде бо єсть и єдино полски, єжи славенски Крест» [**3**, арк. 51].

Для підкріплення своїх думок щодо правильності написання імені Спасителя Симеон Полоцький і Теофілакт Лопатинський апелюють до Святого письма та Отців Церкви. Однак чи не найориґінальнішим видається покликання до віщувань Сивіл. Автор вдається до популярного в середньовічній Європі джерела, зокрема до пророцтв Еритрейської Сивіли, знаної із перекладу латиною Цицероном та в поетичній обробці Верґілія. Суть полягає в тому, що ім'я Іисус тут уміщено в акростих, а це, на думку Теофілакта, є незаперечним аргументом на користь саме такого написання, адже інакше буде спотворено зміст поезії. Натомість у пророцтві Кумської Сивіли автор вказує на числове значення 888, яке при інакшому написанні також не відповідатиме давньому віщуванню, показуючи у висліді 88. До пророцтва Сивіли звертався і Симеон Полоцький, також указуючи на числове значення [**3**, арк. 79]. Разом із тим Полоцький прагне потрактувати необхідність написання імені Месії з ітою й у містичному ключі: звертаючись до слів «нѣкоего мужа премудра», він тлумачить два перші склади І та И як символ тіла і душі Христової, а третій склад – як уособлення святої Трійці [**3**, арк. 79]. Тут автор використовує поетичний прийом, дотримуючись принципів «carmino curiositi», коли кожній літері надавалося символічного значення. Утім, граматика все ж залишається основним аргументом на користь правоти офіційної Церкви. «Грамматика учит опасно блюдомо быти эже в Греческих реченіих, орфографіи Греческой, в Латінских латинстѣй хранѣмый быти, кольми паче слоги нужныя хранити

годствует, паче же в тѣх именах яже таинство нѣкое знаменуют», — зазначає Симеон [**3**, арк. 78 (зв.)].

Апелювання до античної спадщини тут фактично виконує подвійну функцію. Як зазначав Дж. Сантаяна, «лише за допомогою язичницької спадщини або, принаймні, тих інтуїцій і вірувань, на яких ґрунтувалося язичництво, християнство могло наближатися до людської універсальності та спонукати до дії уяву» [**5**, с. 120]. Відтак поганська література й філософія тлумачилися християнством у річищі передбачення євангельських подій, вводячи минуле в контекст монотеїстичної релігії. Симеон Полоцький та Теофілакт Лопатинський, наводячи «Віщування Сивіл», хотіли підкріпити свої доводи авторитетом старовини, до того ж вкраплення художнього тексту в тексті трактату Лопатинського не лише посилюють авторську аргументацію, а й додають оповіді певної динаміки. Однак можемо припустити, що звернення до античної спадщини радше могло ще більше обурити старовірів, ба навіть укріпити їх у власній правоті, адже вони вороже ставилися до здобутків античності, жодним чином не вважаючи її гідною уваги істинного християнина. До того ж згадки про Цицерона, Верґілія та латину, котра сприймалася старообрядцями ледь не як утілення мови самого Антихриста, навряд чи могли сприяти вирішенню ситуації.

Підсилюючи свою аргументацію, автори богословсько-полемічних трактатів вдаються й до теорії літератури. Так і Симеон Полоцький, і Теофан Прокопович тлумачать поняття «синекдоха».

У Симеона Полоцького маємо також «пунктуаційну» проблематику. Він докоряє опонентові у невмінні розставляти розділові знаки, що так само призводить до хибного розуміння сакральних текстів. Чи не найяскравішою є тут дискусія з Нікітою стосовно природи Святої Трійці. Так, на закиди першого про те, що в нових книжках написано: «Ниже соединися и смѣсися Бог Слово с плотію і ипостасію, яже бяше прежде сотворенна, но в лице свое, яко есть едино лице святыя Троицы» [**3**, арк. 22 зв.], а отже, містить три «ересі», Симеон відповідає: «зрите о благочестивіи, како он растерза православное разуѣніе сих словес предложенных на три ереси, не на своих местех положив словес препинаніе, или запятыя, и точки» [**3**, арк. 23]. На таких суто «філологічних» речах ґрунтується чимало аргументів Симеона Полоцького — і про узгодження відмінків [**3**, арк. 44], і про правило подвійного заперечення («Иди Лазаре с пособниками твоими к дѣтем Грамматічествующым, и наставят тя, яко сугубое отриченіе творит увѣщаніе» [**3**, арк. 80]), і про морфологію (зокрема про специфіку вживання дієслів у активному й пасивному стані [**3**, арк. 93 (зв.)]), і про відмінкові закінчення [**3**, арк. 95 (зв.)], і про кличний відмінок [3, арк. 107 (зв.)] — причому подекуди автор безпосередньо апелює до «Граматики» Мелетія Смотрицького [**3**, арк. 118 — 118 (зв.); 122; 153].

У Теофілакта Лопатинського подибуємо навіть елементи стилістичного аналізу. Зокрема, заперечуючи міркування старовірів про підтвердження дво-

перстного хрещення писаннями Теодорита Кирського, наш автор зазначає: «сія ли книга Теодоритова. Един листок, и тот не полный, в чужую книгу вложенный; И так ли Теодорит пишет и глаголет; Посмотри в его книги, прочти хотя едино слово, увидиши каково у него сочиненіе, каково вѣтійство, какова Богословія ...» [**2**, с. 12 — перша пагінація]. Такі аргументи вказують на те, що авторові «Обліченія...» треба було вишукувати деталі, щоб виглядати переконливо й не повторювати тези, висловлені попередниками.

Завважмо, що автори «київської школи» фактично одностайні в своїх міркуваннях про те, що знання можна використати як на користь, так і на шкоду, — і тут знов-таки дуже багато залежить від «учителя», який мусить усвідомлювати свою відповідальність перед громадою. Уже в трактаті Симеона Полоцького подибуємо таке: «Єже смрадный козлищ в садѣ и свинія в вертѣ, то безумный Нікита в писанія божественнаго чтеніи и разумѣніи: Яко бо козлищ благая и плодоносная древеса обядает и губит, свинія же скверным носом вертоград рыет и невочтожествует. Тако и скотоумный сей Нікита сотвори в садѣ благоплодовитом и в вертоградѣ благоцвѣтном святых писаній» [**3**, *23*]. Отже, автор вдається до художнього порівняння, зображуючи діяння розколовчителів, при цьому воно має виразно експресивно-негативне забарвлення — автор послуговується образами, які в такій конотації були репрезентовані ще в античній літератури, символізуючи неуцтво й нахабність. Суголосний із Симеоном Полоцьким і Стефан Яворський, який завважує в «Знаменіях...»: «почто нѣцыи мужики, єдино у мудрых игралище и посмѣяніе суще, высокомудрствуют, паче же безумствуют. Имя антіхристово хотяще исслѣдовати, и тамо хотят долетѣти желвы, идѣже высокопарные орлы достигнути невозможна. Виждь коликим безумством свинія бисеры писаній божественных попирают» [**10**, арк. 86 (зв.)].

А ось Дмитро Туптало, правлячи про вчителів-старовірів, навіть стилістично наближається до «езопівської» байки: «Подобно их лжеучителское дѣло сему: Цвѣт єгда росою утреннею орошен бывает, пчела прилѣтѣвши собирает от него росу: такождє и паук приползши, туюждє от тогожє цвѣта росу собирает, но собранная ими роса, не во єдинакоє существо претворяется: в пчелѣ бо претворяется в мед, в паукѣ же в яд смертоносный» [**6**, арк. 142 (зв.) — 144]. Як бачимо, проблему наш автор осмислює в метафоричному плані, що є виявом символічно-емблематичного способу сприйняття світу як однієї з домінант творчості святого Димитрія.

Тут можемо вести мову й про традицію, адже у подібний спосіб характеризує позицію розкольників і Симеон Полоцький: «Орел свѣтлая очеса своя в солнце зрінієм исправляет: нощная же птица сова и нетопырев конец свѣтлыми лучами помрачаются. Подобнѣ благоискусніи мудрости богословскія людіє прилѣжно встремляющеся исправляют умная своя очеса: слѣпіи ж невѣжды внегда дерзати им возвести очеса своя мрачная в солнце Богословскія премудрости, паче помрачаются и ослѣпляются» [**3**, арк. 20].

Подібні образи є й у Теофана Прокоповича, який, окреслюючи найбільш поширені риторичні прийоми супротивників, зазначає, що вони вдаються до них, «дабы слышащія помышляли, что он все тоє до дна знаєт: а он, и что єсть писаніє, и что богословія, так нє вѣдаєт, как подзємный крєт о днєвном свѣтѣ» [**4**, с. 3]. Подібну зарозумілість архиєпископ засуджує, апелюючи до авторитету апостольських послань Павла.

А перегодом Арсеній Мацієвич у своєму «Увѣщаніи...» знов-таки будуватиме на антитезі свої аргументи супроти розкольницького учення: «Аще убо превысокопарныи орлы богословы, Церковь утверждающи в глубину писанія Божія выкше ум свій сопретуют; ты же един крот слѣпый, едину землю роющій... Сколько же слѣпый крот от земли добраго может вырыти, столько ты от писанія богомудрого можеш выріти, си утвердити» [**7**, с. 306]. Отже, можемо стверджувати, що в характеристиках розкольницьких учителів наші богослови фактично суголосні.

Як зазначає К. Кузоро: «Фундаментом культури літературного бароко є риторика. Літературним твори цієї доби був вирізняються «морально-учительним патосом» і риторичною організацією тексту. Отже, значна частина літературного доробку письменників східнослов'янського бароко — це поезія, ораторська та епістолярна проза, жанри найбільше насичені риторичними прийомами. Твори, присвячені церковному розколу, за своєю формою були подібними до окреслених літературних жанрів» [**1**, с. 39]. Відтак чи не найяскравіше поєднання художнього й нехудожнього письма оприявнюється в трактатах «Жезл...» Симеона Полоцького та «Розыск...» Дмитра Туптала. Нехудожній компонент постає тут у формі строгих богословських догматів, цитувань релігійних документів, апелювань до Святого Письма чи рясного вживання наукової термінології, а художній знаходить найрізноманітніші вияви — від влучних метафор до вкраплень агіографічної літератури та навіть ритмізованої прози.

У «Жезлі...» Симеон Полоцький починає кожен розділ із влучного прислів'я («благо есть ревновати по Бозѣ, но с разумом: инако бо жезлом платима ревность» [**3**, арк. 15], «Выше силы стремленые погубляет силу» [**3**, арк. 17], «Писмена чтущым разума же не проникающим глубоко и самое Божественное Еваггеліе не будет согласно» [**3**, арк. 76] тощо), яке фактично є тезою, що отримує свій розвиток і обґрунтування в тексті розділу. У «Розыску о Расколнической брынской вѣрѣ» метафоричність письма оприявнюється вже в самій назві, де слово «брынская» є метафорою самого старообрядництва, скити якого розташовувалися в брянських (бринських) лісах; відтак у тексті поняття «розкольники» та «бриняни» вживаються як абсолютні синоніми. До того ж, цей прийом влучно відображає ставлення митрополита до старообрядництва як до віросповідання мешканців лісу, себто людей диких і неосвічених. Тож метафора як основний прийом барокової літератури постає тут засобом вираження авторської експресії й елементом формування в реципієнта відповідного ставлення до об'єкту розмови.

Одним із образів, що є характерним для низки полемічних трактатів, спрямованих проти представників старого обряду, є «поганий плід». Ним послуговується Симеон Полоцький — дискутуючи з Нікітою Пустосвятом, він зазначає: «злое древоплоды злы творит, не может бо злое древо плод добры творити. Убо от злого плода злое дерево познавается» [**3**, арк. 38]. Злий плід — то вчення старовірів, зле дерево — то вчителі розколу; тож, подібно до того, як «злое дерво посѣкается и в огнь вмѣтается: тако и Нікита со єдиномысленными своими, яко с вѣтми жезлом нашим Архіерейским аки сѣкирою отсѣкается от корене церковнаго и аще не исправится, в вѣчный огнь вмѣтается» [**3**, арк. 38 (зв.)]. Наведений уривок знов-таки оприявнює одну із характерних стилістичних рис, притаманних трактату Полоцького, — афористичну загостреність початку й фіналу кожної відповіді на закиди опонентів.

Метафорою послуговуються наші письменники і для розкриття засадничих питань православного віровчення. Зокрема Симеон Полоцький, спростовуючи звинувачення Нікіти Пустосвята в аполінарієвій єресі, свідченням якої начебто був рядок із новопечатних книжок «но отверзеся утроба и заключися», зазначає: «Обясняется сіе отверзеніе заключенное подобіем сицевым: Сткло дебелости плоти есть заключенно, ибо дебелая плоть проникнути єго не может не розтлив є, тонкости же лучей солнечных и остротѣ зрѣнія человѣческаго єсть отверзенно. Ибо и лучи и зрѣніе проходита сткло кромѣ поврежденія его цѣлости. Тако убо Христу Богу, затворенная утроба дѣвича естественнѣ бысть отворена преестественнѣ, без растлѣнія дѣвства» [**3**, арк. 26 — 26 (зв.)]. Образ сонячного проміння, до якого звертається наш автор, є сталим і одним із найпоширеніших стосовно тлумачення божественної сутності. Зір, вочевидь, є співвідносним із вірою, адже людина твердо знає те, що вона бачать завдяки очам, але сам фізіологічний механізм функціонування ока їй невідомий.

Прикметно, що, завершуючи свій трактат, Симеон наголошує: треба уважно ставитися до граматики, щоб уникати помилок, які можуть спотворити зміст, що неминуче призведе до ширення гріховної єресі; а також треба бути обачним, щоб не спокуситися на неправдиві вчення, які, мов хижі звірі, полюють на вірних православної Церкви, прагнучи поглинути їх.

Отже, проаналізувавши богословсько-полемічний трактат Симеона Полоцького «Жезл правленія…», можемо констатувати, що автор насичує його яскравою метафорикою, і це виказує в ньому вправного майстра барокової риторики. Низка сюжетів та образів, якими послуговується богослов, цілком кореспондується зі спрямованими проти старої віри текстами Дмитра Туптала, Теофілакта Лопатинського, Стефана Яворського. Тож можемо стверджувати, що Симеон Полоцький був одним із найяскравіших полемістів «київської школи».

Спіс літературы

1. Кузоро, К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.) / К.А. Кузоро / под. ред. Е.Е. Дуктчак. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 182 с.

2. Лопатинський, Ф. Обличение неправды расколническая / Ф. Лопатинський. – М., 1745.

3. Симеон Полоцкий. Жезл правления. – М., 1667. – 154 арк.

4. Прокопович, Ф. Истинное оправдание православных христиан / Ф. Прокопович. – М., 1724. – 56 с.

5. Сантаяна, Дж. Витлумачення поезії та релігії / Дж. Сантаяна. – Л.: Ініціатива. – 288 с.

6. Туптало, Д. (св. Димитрій Ростовський). Розыск о Расколнической брынской вѣрѣ / Д. Туптало. – К., 1748. – 560 арк.

7. Увѣщаніє к раскольнику, Арсенія Мацѣєвича, бывшаго митрополита Ростовскаго // Православный собеседник. Издаваемый при Казанской духовной академии. – Казань: Типография губернского правления, 1861. – Ч. 3.

8. Ушкалов, Л. Феномен української полемічної літератури / Леонід Ушкалов / Ушкалов Л. Есеї про українське бароко. – К.: Факт – Наш час, 2006. – С. 121–132.

9. Чёрная, Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л.А. Чёрная. – М: ЯРК, 1999. – 288 с.

10. Яворский, С. Знамєнія пришєствія антіхрістова и кончины вѣка / С. Яворский. – М., 1703. – 151 с.

Бортнік І.А.

Праблема ўзаемаадносін дзяржавы і рэлігійных інстытутаў у сацыяльна-палітычнай думцы Рэчы Паспалітай ва ўмовах рокашу 1606–1609 гг.

Рокаш 1606–1609 гг. прывёў да значнага абуджэння сацыяльна-палітычнай думкі ў Рэчы Паспалітай. За кароткі перыяд часу з'яўляецца вялікая колькасць твораў палітычнага зместу, пераважна ананімных, якія былі накіраваны ў абарону рокашу. У гэтых творах выявіліся розныя тэарэтычныя і практычныя падыходы ў асяроддзі грамадскасці Рэчы Паспалітай у асэнсаванні актуальных праблем сацыяльнага жыцця. Сярод іх важнае месца займала праблема ўзамаадносін паміж дзяржавай і рэлігійнымі інстытутамі. Выяўленне і аналіз асноўных падыходаў да дадзенай праблемы ў сацыяльна-палітычнай думцы прыхільнікаў рокашу 1606–1609 гг. з'яўляецца асноўнай мэтай дакладу.

Гісторыя рокашу дастаткова падрабязна даследавана ў гістарычнай літаратуры, пераважна ў польскай [**1–5**]. Праблема ўзаемаадносін дзяржавы і царквы ў яе межах не станавілася прадметам спецыяльнага даследавання; разам з тым яна закраналася ў шэрагу гістарычных прац. У манаграфіі Я. Мацішэўскага погляды ракашан паводле талеранцыі і месца рэлігійных інстытутаў у дзяржаве прадстаўлены ў кантэксце агульнага аналізу сацыяльна-палітычнай праграмы рокашу ў 1606 г. [**2**, s. 302–316]. У даследаванні расійскага дарэвалюцыйнага гісторыка П. Жуковіча выяўлена сувязь паміж рокашам і барацьбой праваслаўнай шляхты ў Рэчы Паспалітай за пашырэнне правоў сваёй канфесіі [**6**, с. 471–584]. У працах В. Сабескага падрабязна разгледжана дыскусія вакол «працэсу канфедэрацыі» на сойме 1606 г. і падчас рокашу [**7**, s.108–137; 8]. Артыкул польскага гісторыка А. Стшэлецкага адлюстроўвае ролю шляхты пострэфармацыйных вызнанняў у ажыццяўленні рокашу [**9**]. У сучаснай гістарычнай літаратуры неабходна ўзгадаць манаграфію Т. Кэмпы, у якой прааналізаваны рашэнні парламенцкіх органаў улады падчас рокашу ў святле барацьбы пратэстанцкай і праваслаўнай шляхты ў абарону рэлігійных свабод [**10**]. У той жа час існуе неабходнасць самастойнага і комплекснага даследавання праблемы суадносін дзяржаўнай і царкоўнай улады ў грамадстве ў сацыяльна-палітычнай думцы прыхільнікаў рокашу.

Адразу неабходна адзначыць, што рэлігійнае пытанне не з'яўлялася асноўным сярод патрабаванняў ракашан. Недапушчальна разглядаць рокаш як выступленне «дысідэнтаў», як тое імкнулася паказаць контррэфармацыйная прапаганда. Дадзеная акалічнасць была грунтоўна даведзена ў працах

А. Стшэлецкага і Г. Віснэра [**5**, s. *279–280*; **9**, s. 101–184]. У лагеры прыхільнікаў рокашу знаходзіліся прадстаўнікі розных веравызнанняў; у той жа час частка пратэстанцкай і праваслаўнай шляхты падтрымлівала рэгалістаў.

Аднак вастрыня міжканфесійных адносін у Рэчы Паспалітай напярэдадні рокашу абумовіла тое, што праблематыка ўзаемаадносін дзяржавы і царквы заняла значнае месца ў дакументах, прамовах і публіцыстыцы часоў рокашу, як з боку прыхільнікаў, так і з боку праціўнікаў рокашу.

Апошнія дзесяцігоддзі напярэдадні рокашу характарызаваліся ўзмацненнем контррэфармацыйнага руху, што адлюстроўвалася ў намінацыйнай палітыцы Жыгімонта Вазы, умацаванні палітычных і эканамічных пазіцый езуітаў, частых «тумультах», удзельнікі якіх нярэдка заставаліся беспакаранымі з-за адсутнасці выразных прававых норм, абмежаваннях у правах мяшчанства паводле рэлігіі. У гэтай сувязі пратэстанцкая шляхта на соймах 1590-х гг. і пачатку XVII ст. настойліва патрабавала ўвядзення «працэсу канфедэрацыі», г.зн. канкрэтных юрыдычных санкцый у дачыненні асоб, якія парушалі ў сваёй дзейнасці прынцыпы Варшаўскай канфедэрацыі 1573 г. Характэрна, што ў той час дадзеныя патрабаванні карысталіся падтрымкай значнай часткі каталіцкай шляхты. Аднак з-за паслядоўнага супраціўлення каталіцкай іерархіі яны амаль не былі ажыццёўлены. Вынікам сталі толькі канстытуцыя аб тумультах 1593 г. і яе пралангацыя ў 1598 г. Рэлігійная сітуацыя ўскладняецца з увядзеннем Брэсцкай уніі 1596 г., у выніку якой праваслаўная царква была фактычна пазбаўлена вызначанага прававога статусу; усе яе ранейшыя правы і прывілеі былі перададзены ўніяцкай царкве, і тым самым распачаўся востры канфлікт паміж праваслаўнай супольнасцю, якая пайшла на палітычны саюз з пратэстантамі, і ўніяцкай царквой, што мела падтрымку з боку каралеўскай улады і рымска-каталіцкай царквы.

Адначасова актывізуецца пратэстанцкая публіцыстыка, галоўным матывам якой становіцца «абарона канфедэрацыі». На працягу другой паловы XVI ст. у пратэстанцкай думцы Рэчы Паспалітай адбыліся істотныя змены. Калі ў творах 1550–1560-х гг. і нават у Сандамірскай канфесіі 1570 г. сцвярджалася права дзяржаўнай улады на ўстанаўленне афіцыйнай канфесіі і выкарыстанне інструментаў прымусу для ліквідацыі вучэнняў і культаў, якія ёй супярэчаць, то ў працах напрыканцы XVI — пачатку XVII стст. галоўнай функцыяй дзяржаўнай улады абвяшчаецца захаванне міжканфесійнага міру на аснове Варшаўскай канфедэрацыі. У гэтым кантэксце ствараецца вобраз Рэчы Паспалітай як апірышча міру і свабоды ў Еўропе, гарантам чаго выступае ў першую чаргу акт Варшаўскай канфедэрацыі [**11**, s. *227*, *236*]. Пры гэтым часам нават дадзены вобраз супрацьпастаўляецца нецярпімасці ў некаторых пратэстанцкіх дзяржавах: «<…> Абарані нас, Божа, ад такой няволі, бо мы не ў Жэневе ці ў Англіі, а ў вольнай Польшчы» [**12**, s. *323*].

Абвастрэнне супрацьстаяння паміж каралеўскім двaром і шляхецкай апазіцыяй на соймах 1605 і 1606 гг. прывяло ў значнай ступені да таго, што

патрабаванні прадстаўнікоў некаталіцкіх веравызнанняў становяцца складовай часткай патрабаванняў апазіцыі і ў далейшым уваходзяць у праграму пераўтварэнняў падчас рокашу. Асаблівую вастрыню рэлігійнае пытанне набыло на сойме 1606 г., дзе выпрацаваны кампрамісны праект «працэсу канфедэрацыі» не быў ухвалены з-за жорсткай пазіцыі каталіцкага духавенства, падтрыманага каралём. Польскі гісторык В. Крыгсайзэн разглядае сойм 1606 г. як паваротную падзею ў гісторыі міжканфесійных адносін у Рэчы Паспалітай, з якой звязваецца пераход ад рэлігійнага раўнапраўя да абмежаванай талеранцыі ў адносінах да некаталіцкіх меншасцяў [**13**, s. 574].

Падчас рокашу большая частка яго дзеячаў выступала ў абарону прынцыпу рэлігійнай талеранцыі, замацаванага ў акце Варшаўскай канфедэрацыі. Аргументы ракашовай сацыяльна-палітычнай думкі не былі асабліва наватарскімі і змяшчалі ў сабе ідэі, выпрацаваныя падчас парламенцкай барацьбы ў канцы XVI – пачатку XVII стст., што былі сфармуляваны ў пратэстанцкай, а пасля Брэсцкай уніі 1596 г. і праваслаўнай літаратуры. У параўнанні з тэалагічнымі творамі ў ананімных працах ракашан значна меншая ўвага надаецца маральна-рэлігійнаму аспекту талеранцыі; асноўныя аргументы на яе карысць вынікаюць з сацыяльна-палітычнага аспекту.

Рокаш у свядомасці яго ўдзельнікаў выступаў як з'езд усёй шляхты Рэчы Паспалітай, на якім павінна адбыцца абмеркаванне найважнейшых дзяржаўна-палітычнах пытанняў, а таксама суд над тымі (у першую чаргу сенатарамі), хто парушае права і шляхецкія вольнасці. Супольнасць шляхты выразна атаясамліваецца з дзяржавай, а кароль і сенатары разглядаюцца як слугі Рэчы Паспалітай (у гэтым паняцці аб'ядноўваюцца шляхецкае грамадства, дзяржава і найвышэйшая ўлада), якія могуць быць адхілены ў выпадку парушэння правоў або дрэннага выканання сваіх абавязкаў. Тым самым у ракашовай сацыяльна-палітычнай думцы найбольш паслядоўна адлюстравалася характэрнае для шляхецкай палітычнай культуры таго часу разуменне Рэчы Паспалітай адначасова і як дзяржавы, і як супольнасці шляхты, што прыводзіла да іх фактычнага атаясамлівання, на што звяртаў увагу польскі гісторык Э. Апаліньскі [**14**, s. 30–31]. Адпаведным чынам паняцце дзяржаўнага інтарэсу ў такім плане выступала як указанне на неабходнасць рэалізацыі інтарэсаў шляхецкага стану.

Сярод важнейшых шляхецкіх сацыяльна-палітычных каштоўнасцяў на той час вылучаліся «вольнасць», «роўнасць», «згода», шанаванне традыцыі. Менавіта ў суаднясенні з дадзенымі каштоўнасцямі пераважна і разгортвалася абгрунтаванне прынцыпу верацярпімасці, абвешчанага ў акце Варшаўскай канфедэрацыі. Сацыяльна-палітычная аргументацыя змяшчалася і ў ананімных творах канца XVI – пачатку XVII стст., аднак у ракашовай публіцыстыцы яна заняла цэнтральнае месца.

У ананімнай працы «Размова аб рокашу» сцвярджаецца адсутнасць у асяроддзі шляхты Рэчы Паспалітай рэлігійнай варожасці: «Owszem pokój

pospolity, miłość braterską wzajemną tak zawżdy między sobą zachowali, ani o różność w religijej jedni przeciw drugiemu nie ostrzyli się nigdy»[1] [**15**, s. 127]. З мэтай замацавання шляхецкай роўнасці і братэрства паўстала Варшаўская канфедэрацыя. У гэтай сувязі свабода веравызнання разглядалася як асаблівы шляхецкі прывілей, які падкрэсліваў вольнасць шляхецкага стану; як акт, што пацвярджаў роўнасць у межах шляхты незалежна ад канфесійнай прыналежнасці; як адлюстраванне згоды ў значэнні знаходжання кампрамісу паміж роўнымі паводле правоў «абывацелямі» для забеспячэння грамадскага міру. Аўтар твору «Размова сыноў з маткай», нягледзячы на тое, што быў католікам (што выразна відаць са зместу тэксту), рашуча выступае ў падтрымку Варшаўскай канфедэрацыі: «<…> gdyż każdemu trzeba pokoju, a mamy też niektórzy takie ojce, matki, bracią, siostry, wuje, stryje, którzy choć różni w wierze, ale tym sie prawem i tą sie wolnością cieszą; bo nas jedna mac porodziła <…>»[2] [**15**, s. 144]. Такім чынам, шляхецкая салідарнасць ставілася адназначна вышэй за канфесійныя падзелы. Гэта ракашане імкнуліся пацвердзіць і на практыцы. На Сандамірскім з'ездзе яго ўдзельнікі свядома не акцэнтавалі сваіх рэлігійных адрозненняў; пры складанні розных камісій утрымлівалася раўнавага паміж прадстаўнікамі розных веравызнанняў, каб не ўзнікла нараканняў з нагоды канфесійнай дыскрымінацыі [**2**, s. 269].

Прынцып рэлігійнай талеранцыі абгрунтоўваўся таксама і іншымі рацыянальнымі довадамі. Так, указваецца традыцыйны аргумент аб тым, што рэлігійная нецярпімасць – гэта крыніца сацыяльных канфліктаў, у тым ліку войнаў. У якасці прыкладу прыводзяцца пры гэтым рэлігійныя войны ў іншых еўрапейскіх краінах, асабліва ў Францыі і Нідэрландах.

Таксама на карысць талеранцыі акцэнтуецца ўвага на спецыфіцы сумлення як духоўным феномене. Даводзіцца, што рэлігійны прымус можа прывесці толькі да знешняга канфармізму, але не здольны змяніць сутнасць рэлігійных перакананняў. У гэтай сувязі можна адзначыць некаторае выкарыстанне маральна-рэлігійнай аргументацыі ў ракашовай публіцыстыцы. Так, у творы «Езуітам і іншым духоўным рэспонс» узгадваецца шырока распаўсюджаная ў рэлігійных палеміках таго часу прыпавесць пра пшаніцу і кукаль, якая інтэрпрэтавалася такім чынам, што «справа знішчэння кукаля» пакідалася на Боскае вырашэнне да Страшнага Суда: «Pan Zbawiciel nasz kąkolu z przenice wyrywać nie kazał, pokory, cichości, cierpliwości uczył» [3] [**16**, s. 191]. У «Размове

[1] «Захоўваем паміж сабой заўсёды грамадскі мір, узаемную братэрскую любоў, ніколі не ўваходзячы ў спрэчкі з прычыны адрозненняў у рэлігіі» (Пер. аўт.). Pisma polityczne, t. II, s. 127.

[2] «<…> паколькі ўсім нам патрэбны мір, а многія з нас маюць бацькоў, матак, братоў, сясцёр, дзядзькоў, сваякоў, якія хоць і адрозніваюцца па веры, але карыстаюцца тым жа самым правам і вольнасцямі, бо мы ўсе дзеці адной маткі <…>» (Пер аўт.). Pisma polityczne, II, s. 144.

[3] «Пан наш Збавіцель казаў не вырываць разам з пшаніцай куколю, вучыў пакорлівасці, сціпласці і цярплівасці» (пер. аўт.). Pisma polityczne, III, s. 91.

сыноў з маткай» гаворыцца пра тое, што кожнаму чалавеку Бог паводле свайго перадвызначэння дапусціў магчымасць рознай веры, а таму пераследаванне паводле веравызнання фактычна супярэчыць Богу [**15**, s. 144].

Крытыка Варшаўскай канфедэрацыі ў ракашовай сацыяльна-палітычнай думцы разглядалася як замах на асновы дзяржаўна-прававога ладу і шляхецкія свабоды, пагроза ўстанаўлення абсалютызму. Каталіцкае духавенства і асабліва езуіты, што выступалі супраць Варшаўскай канфедэрацыі і пры гэтым выказвалі сімпатыі да каталіцкіх абсалютысцкіх дзяржаў, выглядалі ў такім святле як ворагі Рэчы Паспалітай. Антыезуіцкая рыторыка была надзвычай папулярнай у ракашовай публіцыстыцы незалежна ад веравызнання аўтараў тых ці іншых твораў. У іх езуіты, а таксама легаты рымскага папы разглядаюцца, з аднаго боку, як агентура Габсбургаў і папскага прастолу, якая імкнецца шляхам раздзьмувхання рэлігійнага фанатызму падарваць унутраны мір у Рэчы Паспалітай і тым самым аслабіць дзяржаву, з другога боку, як палітычная сіла, варожая шляхецкай дэмакратыі і арыентаваная на ўстанаўленне «абсалютум дамініум». Пры гэтым дэманструюцца прыклады дэструктыўнай дзейнасці езуітаў у іншых еўрапейскіх краінах. Асабліва вострая крытыка езуітаў змяшчаецца ў працы «Труба на паспалітае рушэнне супраць езуітаў». На езуітаў ускладаецца галоўная віна за распальванне рэлігійнай нянавісці, за пагромы на гэтай глебе, а таксама за падбухторванне караля да палітыкі, якая дыскрымінавала некатолікаў [**16**, s. 258–260].

Актыўнасць каталіцкага духавенства ў палітыцы Рэчы Паспалітай разглядалася многімі дзеячамі рокашу як пагроза для шляхецкай дэмакратыі. У «Размове аб рокашы» недвухсэнсоўна сцвярджаецца ідэя аб перавазе шляхецкага стану над духоўным у палітычнай сістэме Рэчы Паспалітай: «My prawa stanowimy i naprawiamy, nie księża» [4] [**15**, s. 136]. Таксама характэрнай выступае наступная цытата з гэтага твору: «Szlachcicami i pierwej, niż katolikami, porodzili się» [5] [**15**, s. 125]. Паколькі спробы «працэсу канфедэрацыі» заўсёды сутыкаліся з супрацьдзеяннем духавенства, у ракашовай літаратуры з'яўляюцца патрабаванні абмежаваць уплыў духоўных асоб на прыняцце палітычных рашэнняў, што тлумачылася выключнасцю менавіта шляхецкага стану ў Рэчы Паспалітай. Аўтар твору «Езуітам і іншым духоўным рэспонс» патрабуе адхіліць духавенства ад права ўдзелу ў вырашэнні пытанняў, звязаных з рэлігійнымі адносінамі, на соймах [**16**, s. 192]. У працы «Перасцярога і спосаб на будучыя часы» выказвалася ідэя аб выбарнасці біскупаў, асабліва гнезненскага арцыбіскупа, сенатам Рэчы Паспалітай, уключаючы яго духоўную і свецкую часткі [**15**, s. 462]. Падчас рокашу сталі ўзнаўляцца папулярныя ў трэцяй чвэрці XVI ст. ідэі аб рэформе каталіцкай царквы і стварэнні аўтаномнай нацыянальнай царквы.

[4] «Мы ўстанаўліваем і напраўляем правы, а не ксяндзы» (Пер. аўт.). Pisma polityczne, II, s. 136.

[5] «Перш за ўсё нарадзіліся шляхціцамі, а не каталікамі» (Пер. аўт.). Pisma polityczne, II, s. 125.

Элімінацыя духавенства з грамадска-палітычнага жыцця лагічна актуалізавала ідэю аддзялення незалежнасці дзяржавы ад царквы. Аўтар «Размовы аб рокашы» выразна акцэнтуе гэтую ідэю ва ўказанні адрознення *regnum sacerdotale* і *regnum politicum*. Рэч Паспалітая асацыіруецца пры гэтым з апошнім тэрмінам. *Regnum politicum* прадугледжвае неабходнасць аддзялення сферы рэлігійнага жыцця ад палітыкі [**15**, s. 125]. У творы «Езуітам і іншым духоўным рэспонс» змяшчаецца пахвала ў адрас сярэднявечных французкіх каралёў і германскіх імператараў, якія ўступалі ў канфлікты з рымскімі папамі, калі тыя спрабавалі актыўна ўмешвацца ў палітыку [**16**, s. 90].

Абарона верацярпімасці суправаджалася таксама акцэнтаваннем такой істотнай сацыяльна-палітычнай каштоўнасці, укаранёнай у культуры сярэднявечча і ранняга Новага часу, як шанаванне традыцыі. У шэрагу ракашовых твораў мае месца супрацьпастаўленне «старых католікаў» і «новых католікаў». У «Размове аб рокашы» ў ідэалізаваным духу распавядаецца пра талерантнасць каталіцкіх эліт, у тым ліку біскупаў, да з'яўлення ў Рэчы Паспалітай езуітаў. Падкрэслівалася пры гэтым тое, што некаторыя біскупы ў 1573 г. падтрымалі акт Варшаўскай канфедэрацыі. У найбольшай ступені «старыя добрыя часы» асацыіраваліся з часам каралявання Жыгімонта Аўгуста, калі не было «тумультаў», пры намінацыі на сенатарскія пасады не ўлічвалася веравызнанне кандыдатаў і г.д. [**15**, s. 127–128]. У такім святле актуальная рэчаіснасць выглядала даволі змрочна: дыскрымінацыя некатолікаў, пастаяннае ўмяшанне духавенства ў палітыку, рэлігійныя пагромы. Віна за гэтыя з'явы ўскладалася на езуітаў, якіх называлі «новымі католікамі», новай сектай. Тым самым сцвярджалася, што рэлігійная свабода не супярэчыць старадаўняй каталіцкай традыцыі, а нецярпімасць, якую распальвалі езуіты, з'яўляецца адыходжаннем ад гэтай традыцыі.

Такім чынам, можна сцвярджаць тое, што сярод удзельнікаў рокашу рэлігійная талеранцыя разумелася перадусім як сацыяльна-палітычная норма. Якія захады прапаноўваліся для яе рэалізацыі?

Неабходна мець на ўвазе, што сярод удзельнікаў рокашу не было адзінства адносна ступені дапушчальнай талеранцыі. Так, афіцыйны кіраўнік рокашу кракаўскі ваявода Мікалай Зэбжыбоўскі лічыўся праціўнікам Варшаўскай канфедэрацыі; напярэдадні сойму 1605 г. ён, у адрозненне ад іншых апазіцыянераў з ліку прыхільнікаў канцлера Яна Замойскага выступаў супраць змяшчэння ў Бельскіх артыкулах патрабавання «працэсу канфедэрацыі», а таксама ў інструкцыі прашавіцкага сойміку — правоў для праваслаўных [**2**, s. 144–145]. Частка шляхты, найперш плоцкай і лэнчыцкай, выступала супраць падпісання тых артыкулаў Сандамірскага рокашу, якія патрабавалі гарантый для акту Варшаўскай канфедэрацыі [**2**, s. 274]. З гэтых колаў, відаць, паўстаў твор «Размова сыноў з маткай». Яе аўтар, хаця і падтрымліваў Варшаўскую канфедэрацыю, а таксама выступаў за абмежаванне ўплыву духавенства на палітычныя справы і падкрэсліваў неабходнасць шляхецкай салідарнасці

незалежна ад веравызнання, у той жа час не бачыў неабходнасці ў яе спецыяльным «працэсе». Вышэйшыя сенатарскія пасады павінны, на яго думку, належыць толькі католікам [**15**, s. 146–147]. Такі падыход азначаў прызнанне абмежаванай талеранцыі, паводле якой пануючая каталіцкая супольнасць дае дазвол на легальную дзейнасць іншых хрысціянскіх канфесій, аднак не дапускае для іх роўных правоў з каталіцкай царквой. Аднак большая частка ракашан схілялася да ўраўнавання правоў прадстаўнікоў розных хрысціянскіх канфесій. Гэта адлюстравалася ў публіцыстыцы і ў Сандамірскіх артыкулах у выглядзе патрабаванняў «працэсу канфедэрацыі».

Іншая праблема ўзнікала ў кантэксце рэлігійнага пытання з сацыяльнага пункту гледжання. Сярод часткі ракашан панавала ўяўленне аб тым, што ўраўнаванне ў сферы рэлігіі прыслугоўвае выключна шляхце. Яно знайшло адлюстраванне ў выказванні Станіслава Стадніцкага: «<…> nich każdy pan w swojej majętności absolutus dominius będzie. Kupi u katolika ewangielik, nich ustępuje papieżnik, nich ustępuje ksiądz, kupi papieżnik u ewangielika, nich idzie minister precz» [6] [**3**, s. 88]. Аднак у той жа час значная частка шляхты выступала за пашырэнне свабоды веравызнання на непрывілеяваныя станы. Такія погляды змяшчаюцца ўжо ў некаторых соймавых праектах напярэдадні рокашу.

Падчас рокашу яго актыўныя дзеячы рабілі намаганні, накіраваныя на тое, каб зменшыць у Рэчы Паспалітай уплыў каталіцкай царквы на дзяржаўна-палітычнае жыццё. Адлюстраванне гэтых намаганняў можна знайсці ў прамовах на шляхецкіх з'ездах, у публіцыстычнай літаратуры, а ў найбольш канцэнтраваным і абагуленым выглядзе — у Сандамірскіх артыкулах. Апошнія змяшчалі патрабаванні скасавання ўсіх нарматыўных актаў, якія б абмяжоўвалі свабоду веравызнання, фактычнага ўраўнавання правоў шляхты ў магчымасцях быць намінаванымі на сенатарскія пасады незалежна ад веравызнання, выдалення папскіх легатаў з каралеўскага двара і сойму, абмежавання ўплыву духавенства ў судовай сферы, умацавання прававых санкцый супраць удзельнікаў рэлігійных тумультаў. Важным пунктам стала патрабаванне рэальнай свабоды веравызнання для мяшчан і сялян. Істотныя абмежаванні прадугледжваліся для езуітаў: выгнанне замежнікаў-езуітаў ордэна за межы Рэчы Паспалітай, а таксама ўсіх членаў ордэна з каралеўскага двара і большасці гарадоў, акрамя васьмі (з іх 2 у ВКЛ: Вільня і Нясвіж) [**2**, s. 301–316; **3**, s. 284–285; **10**, s. 228–229]. У публіцыстыцы выказваліся і больш радыкальныя патрабаванні поўнага выгнаня езуітаў з краіны і канфіскацыі іх маёмасці. Пры гэтым падкрэслівалася тое, што санкцыі супраць езуітаў павінны быць уведзены не з-за іх рэлігійных перакананняў, а з-за дэструктыўнай грамадскай і палітычнай дзейнасці. Сандамірскія артыкулы адлюстравалі падтрымку ракашанамі праваслаўнай грамадскасці ў яе канфлікце з уніяцкай царквой.

[6] «<…> няхай кожны пан у сваім маёнтку будзе абсалютным уладаром. Калі евангелік купіць яго ў каталіка, няхай сыходзіць з яго папіст, сыходзіць ксёндз, калі папіст купіць у евангеліка, няхай ідзе прэч міністр» (пер. аўт.). па Rembowski, s. 88.

Падтрымка талеранцыі з боку ракашан вымусіла ўлічыць некаторыя іх патрабаванні з боку каралеўскага лагеру. У Вісліцкіх артыкулах, а пазней у соймавай канстытуцыі 1607 г., абвяшчалася свабода праваслаўнага культу. Т. Кэмпа дэталёва даследаваў гэтую палітыку каралеўскага двара, накіраваную на раскол палітычнага саюзу пратэстанцкай і праваслаўнай шляхты шляхам саступак праваслаўным [**10**, s. 230–246].

Такім чынам, сацыяльна-палітычная думка прыхільнікаў рокашу 1606–1609 гг. адлюстроўвае тэндэнцыю да прызнання падзелу функцый дзяржавы і рэлігійных інстытутаў. Верацярпімасць разглядаецца як сацыяльна-палітычная каштоўнасць, як адзін з атрыбутаў шляхецкай дэмакратыі. Агульнае разуменне свабоды веравызнання як аднаго з элементаў шляхецкіх свабод аб'яднала падчас рокашу прадстаўнікоў шляхты розных канфесій.

Спіс літаратуры

1. Schmitt, H. Rokosz Zebrzydowskiego: według źródeł głównie rękopisemnych / H. Schmitt. — Lwów: nakł. aut., 1858. — XXVII, [1], 594, 104 s.

2. Maciszewski, J. Wojna domowa w Polsce (1606–1609): studium z dziejów walki przeciw kontrreformacji. — Cz. 1: Od Stężycy do Janowca / Jarema Maciszewski. — Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1960. — VI, 368, [1] s.

3. Rokosz Zebrzydowskiego: materyały historyczne poprzedzone przedmową i rozprawą pod tytułem Konfederacya i rokosz w dawnem prawie polskiem / wyd. A. Rembowski. — Warszawa: Świdzińscy, 1893. — [4], XXX, [2], 314, [1], 535 s.

4. Wisner, H. Rokosz Zebrzydowskiego / H. Wisner. — Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1989. — 80 s.

5. Wisner, H. Litwa wobec rokoszu (1606–1607) / H. Wiśner // Kwartalnik Historyczny. — R. 79. — 1972. — Z. 2. — S. 278–299.

6. Жукович, П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 года) / П. Жукович. — СПб.: Типогр. Главнаго Управления Уделов, 1901. — XXI, 594 с.

7. Sobieski, W. Nienawiść wyznaniowa tłumów za rządów Zygmunta III-go / W. Sobieski. — Warszawa: Nakł. S. Dembego, 1902. — 199 s.

8. Sobieski, W. Pamiętny sejm / W. Sobieski. — Warszawa etc.: Gebethner i Wolff, 1913. — 253 s.

9. Strzelecki, A. Udział i rola różnowierców w rokoszu Zebrzydowskiego (1606–1607) / A. Strzelecki // Reformacja w Polsce. — R. 7–8. — 1935/36. — S. 101–184.

10. Kempa, T. Wobec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. — Toruń: Adam Marszałek, 2007. — 624 s.

11. Respons w porywczą dany na Upominanie do ewangelików o zburzeniu zboru Krakowskiego i na Przestrogę do katolików od kogoś uczynioną w roku 1592.

[Toruń]. [Andrzej Cotenius] // Korolko, M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji Warszawskiej w latach 1573–1658 / M. Korolko. – Warszawa: PAX, 1974. – S. 216–259.

12. Przestroga i obrona do wszytkich obywatelów Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego uczyniona imieniem wszytkich ewanjelików w tej szyrokiej Koronie zamykających się, ku oczyścieniu ich niewinności i potwarzy zniesieniu służąca, naprzeciwko tym wszytkim, którzy Proces z konfederacyją, pokój pospolity warującą, dla prywaty swej nierychło się ozwawszy umorzyć i zniszczyć usiłują. – Kraków: [Aleksy Rodecki], 1597 // Korolko, M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji Warszawskiej w latach 1573–1658 / M. Korolko. – Warszawa: PAX, 1974. – S. 304–333.

13. Kriegseisen, W. Stosunki wyznaniowe w relacjach państwo-kościół między reformacją a oświeceniem: (Rzesza Niemiecka, Niderlandy Północne, Rzeczpospolita polsko-litewska) / W. Kriegseisen. – Warszawa: Semper, 2010. – 710 s.

14. Opaliński, E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652 / E. Opaliński. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. – 347 s.

15. Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego: 1606–1608: 3 t. / wyd. J. Czubek. – Kraków: Akademja Umiejętności, 1918. – T. 2: Proza. – XV, [3], 480 s.

16. Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego: 1606–1608: 3 t. / wyd. J. Czubek. – Kraków: Akademja Umiejętności, 1918. – T. 3: Proza. – [4], 463 s.

Галубовіч В.У.

Зладзейства ў Полацку ў сярэдзіне XVII стагоддзя (па матэрыялах полацкіх магістрацкіх кніг)

Для вызначэння такога віду злачынства, як зладзейства, у полацкім магістраце ў XVII ст. выкарыстоўвалі стандартную для старабеларускай традыцыі юрыдычную тэрміналогію. Сам крадзеж найчасцей называўся *«учынок злои»*, які здзяйсняўся ў спецыфічным стане *«наполнившысе злое воли»* адмысловым *«злодеиским способом»* альбо *«злодеиско»* і *«през злых людеи»* альбо *«злодеев»*[1]. Склад такога злачынства быў дастаткова канкрэтны і прадугледжваў заваладанне чужой маёмасцю патаемным шляхам[2], але часам цяжка па змесце дакументаў адрозніць зладзейства ад прысвойвання ці грабяжу, хаця для характарыстыкі апошняга існавала асобнае вызначэнне «*грабежны способ»*, як, дарэчы, і для такога віду злачынства, як наезд, які здзяйсняўся так званым *«шышовским способом»*[3].

У полацкім грамадстве само слова злодзей мела абразлівае значэнне, а яго бяздоказнае ўжыванне магло стаць падставай для судовага разбіральніцтва, як мела месца ў канфлікце полацкіх мяшчанаў Кандрата Карпача і Якава Гушчы. Апошні *«без данья собе жадное прычыны вчора в слободе помовил его, Карпача, злодеиством, якобы он казне государевои шкодником мел быть, также якобы у Моисея кожемяки скуры покрасть мел»*[4].

Асобы, якія сталі ахвярамі крадзяжу, складалі адпаведныя *«протестацыи»* перад месцкімі ўраднікамі *«на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми»*. Заява была спосабам інфармавання грамадства пра здарэнне і падставай для пазнейшых судовых разбіральніцтваў. Але звароту ў суд магла папярэднічаць яшчэ адна працэдура. Невядома, ці заўсёды, але для паведамлення грамадству практыкавалася абвяшчэнне ў публічным месцы пра здзейсненае злачынства. Так, абкрадзены полацкі зямянін Пётр Петрашкевіч *«вперед тую шкоду свою през цеклера публеце в рынку обволать дал, а тепер просил, абы тая жалоба и оповедане его было до книг меских полоцких*

---

[1] Полоцк. Минск: Беларус. навука, 2012 (Далей — Полоцк). С. 586, 621, 652, 642, 556; Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: зб. дак. Мінск: Беларус. навука, 2006 (Далей — АКПМ). С. 91.

[2] Доўнар Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях. Мінск: Пропилеи, 2000. С. 166.

[3] Полоцк. С. 590, 607.

[4] Полоцк. С. 586.

записано»[5]. Падобнае зрабіла пацярпелая ад злодзея Кацярына Дуброўская, якая абвясціла *«обволыване в рынку през цекляра о том шкоднику своем»*[6].

Зладзеі

Мяшчане. Асноўную частку насельніцтва места складалі мяшчане, таму натуральна, што большасць судовых разбіральніцтваў па фактах крадзяжу ў Полацку так ці іначай не абыходзілася без іх удзелу. Абвінавачанняў мяшчан у крадзяжы, перахоўванні ці выкарыстанні скрадзенага ў магістрацкіх кнігах дастаткова, але вердыктаў пра асаджэнне ў турму не шмат. У пэўнай ступені гэта было выклікана зноў жа недасканаласцю магістрацкай судовай практыкі. Дастаткова было прынесці прысягу, знайсці сведкаў – і суд, як правіла, скасоўваў прэтэнзіі. Увогуле, складваецца ўражанне, што для мяшчанаў гэта была своеасаблівая гульня, дзе ўсе добра ўяўлялі сваю адносную беспакаранасць. Але, тым не менш, часам удавалася лавіць мяшчанаў *«на злодеистве з лицом»*. У 1657 г. у магістрацкім судзе разглядалася справа полацкага зямяніна Гераніма Корсака, які прадставіў бясспрэчныя доказы арганізацыі полацкімі мяшчанамі крадзяжу жыта з клеці ў яго доме на Вялікай вуліцы. Высветлілася, што мяшчане Вярцюшкі ўсёй сям'ёй прымалі ўдзел у раскраданні жыта, пакуль не схапілі на крадзяжы дачку Ісака Вярцюшкі і не былі выяўлены рэчавыя доказы дзейнасці злачыннага «прадпрыемства». У выніку: *«Исака Вертюшку до везеня врад осадил»*[7].

Рускі чалавек. Прысутнасць з 1654 г. маскоўскіх салдат значна пагоршыла крымінагенную сітуацыю ў Полацку. Знаходжанне вялікай колькасці выпадковых людзей, якія надоўга ў месце не затрымліваліся, стварала спрыяльныя ўмовы для зладзейства. Маскоўскія салдаты кралі адзін у другога, а ў суд выклікалі палачанаў: так зрабіў *«чоловек руски, стрелец»* Амелян Варганаў, які абвінаваціў палачанку Марушу Іванову ў падбухторванні да крадзяжу грошай, хаця сапраўдным арганізатарам крадзяжу быў нейкі *«раитар»*[8].

У 1657 г. Полацак скалануўся ад серыі нахабных акцый зладзеяў, ад якіх пацярпелі многія полацкія мяшчане. Праведзенае грамадскасцю і магістратам следства выявіла, што за гэтымі злачынствамі стаяць *«салдаты, стоялцы»*, якія жылі ў доме мешчаніна Ходара Плешкі. З паказанняў апошняга вынікае, што дзявяцера салдат-пастаяльцаў сапраўды невядома скуль мелі шмат грошай, якія прапівалі, а ў адказ на пытанне Ходара, дзе яны тыя грошы ўзялі, пачалі пагражаць: *«зараз, деи, тебе убъем, ножом спортим»*. Нарэшце, акурат пасля здзейсненых крадзяжоў менавіта ў *«светлицы, где тые стояльцы жыли»*, былі выўлены скрадзеныя рэчы[9].

[5] Полоцк. С. 586.
[6] АКПМ. С. 142.
[7] Полоцк. С. 642.
[8] Полоцк. С. 583.
[9] Полоцк. С. 647–648.

Лёзны чалавек. Так называлі неаселых асоб, якія не мелі сталага занятку. Менавіта *«лёзным чалавекам»* з'яўляўся, бадай, самы знакаміты полацкі злодзей Аляксей Грышковіч, які паходзіў, па словах яго адваката, з Селішчаў, маёмасці пана Францковіча, дзе меў маці і брата. Апынуўся ж ён у Полацку толькі для таго, каб *«зарабіць сабе на хлеб»*, але, як высветлілася, на хлеб ён зарабляў крадзяжом. Складальніца позвы на А. Грышковіча ахарактарызавала яго як чалавека, які *«не валодаў ніводным рамяством»*, але крыху памылілася, паколькі пры адсутнасці іншага зладзейства ператвараецца ў прафесію[10].

Слугі, чэлядзь, найманцы. Вельмі часта ў крадзяжы абвінавачвалі людзей, якія займалі ніжэйшыя пазіцыі ў іерархіі тагачаснага горада. У крадзяжы рэчаў у шляхціца ў 1650 г. быў абвінавачаны Войцех, чаляднік віленскага кушнера Казіміра Юрэвіча[11].

Тагачасныя звычаі грунтаваліся не столькі на даверы, колькі на практыцы, таму найманне на працу прадугледжвала працэдуру рэкамендацыі, што пагражала *«паручнику»* фінансавай адказнасцю: вядомы зварот у магістрацкі суд краўца Даніэля Лапцэвіча, адносна збеглых хлопцаў-шкоднікаў, якіх параіў яму Захары Калковіч[12]. У пазнейшай пратэстацыі Даніэль Лапцэвіч дакладней акрэсліў, што ўзятыя ім на працу краўцы, адзін лепельчанін Цімафей, а другі немец Ганус, не адпрацавалі неабходны тэрмін, чаму іх і назваў *«здрайцы»*, патаемна ўначы выбралі *«немало речей»* з дому Лапцэвіча ды ўцяклі[13].

У некаторых выпадках злачынствы здзяйсняліся адмыслова праз слуг. Такая справа *«о подмовенье хлопца»* да крадзяжу грошай слухалася ў магістраце 17 снежня 1656 г.[14].

Жанчына. У якасці абвінавачаных у выкананні і арганізацыі крадзяжоў досыць часта выступаюць прадстаўніцы «прыгожай» паловы чалавецтва.

Некаторыя выпадкі можна аднесці да ўнутрысямейных канфліктаў, але з відавочным складам злачынства. Прынамсі, так справа выкладалася пацярпелымі. Напрыклад, 13 сакавіка 1650 г. полацкі мешчанін Аўгустын Левандоўскі паскардзіўся на сваю жонку Кацярыну, якая, пакуль муж на Востраве на вяселлі *«на цымбалах граў»*, уцякла з хаты невядома куды і прыхапіла не толькі сваю маёмасць, але *«і яго розныя рэчы, мужа свайго, а таксама грошы, што было»*[15].

Месца злачынства

Пры фіксацыі розных заяў і пастаноў адносна крадзяжу нярэдка сустракаюцца апісанні месцаў, дзе адбывалася злачынства. Цікава было б, канеш-

[10] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 1. Вильна: Печатня Губернского Правления, 1867 (Далей — АСД). С. 363–364.

[11] АКПМ. С. 157.

[12] АКПМ. С. 83.

[13] АКПМ. С. 91.

[14] Полоцк. С. 583.

[15] АКПМ. С. 168.

не, знайсці сведчанні пакушэння на *дзяржаўную маёмасць* (у наш час такіх злачынстваў хіба больш, чым раней), пра што ёсць толькі згадкі[16], але, мяркуючы па актавых матэрыялах, ахвярамі крадзяжу ў Полацку былі пераважна прыватныя асобы, а таксама, калі выкарыстоўваць сучасную мову, грамадскія арганізацыі ў выглядзе рэлігійных устаноў.

Ратуша. Небяспека быць абкрадзеным чакала палачанаў нават у такой паважанай установе, як ратуша. Напрыклад, полацкая мяшчанка Маруша Філонавая ў жніўні 1657 г. сцвярджала, што ў яе *«з ратуша с коморки пропал»* плашч[17].

Праваслаўны манастыр. Калі абвінавачанаму ў крадзяжах у Полацку Аляксею Грышковічу былі паказаны знойдзеныя ў перакупшчыкаў скрадзенага рэчы (штоф з волава), той прызнаўся, што скраў яго ў *«праваслаўных чарняцоў у манастыры»*, а пасля гэтага манахі, айцец Феадосі Кукшын і Герасім Шашаловіч, пацвердзілі, што сярод скрадзеных у іх рэчаў быў і той штоф[18].

Касцёл. Ужо падчас катавання той жа злодзей Грышковіч прызнаўся, што скраў у касцёле ў Полацку, напэўна, у езуіцкім, *«медзь і кашолкі»*[19].

Крамы. Пункты продажу натуральным чынам цікавілі зламыснікаў, паколькі ўдалы крадзеж гарантаваў адразу значную здабычу, якую не трэба было нават шукаць. Пранікненне ў тагачасныя крамы, відаць, не складала вялікай праблемы: увайсці было можна проста *«отбивши замок»*[20]. Да гэтага варта дадаць, што крамнікі маглі пакідаць пэўную частку выручкі на месцы, бо ніякай інкасацыі не існавала. Падобная гісторыя здарылася ў ноч з 24 на 25 траўня 1657 г., калі была *«способом злодеиским»* абкрадзена крама полацкага мешчаніна Піліпа Азаровіча[21]. Дзёрзкасці тагачасных зладзеяў можна было пазайздросціць, бо здзяйснялі яны свае планы ў самым сэрцы горада і, што самае адметнае, пад носам у месцкіх улад. Полацкі мешчанін Рыгор Бухал сведчыў, што ў сакавіку 1657 г. *«з шостого дня на семыи, то ест с пятницы на суботу в ночы вылуплено крам его, под ратушои будучыи и немало разного товару покрадено так его власного, яко теж и его милости пана Данилы Семеновича, стольника царского величества»*[22]. Часам злачынцы выкарыстоўвалі земляныя працы, каб дабрацца да мэты. Краму мяшчанкі Аксінні Смалягавай, размешчаную *«в темном раде подле крамы пана Шнитки»*, зладзеі абчысцілі, зрабіўшы падкоп *«подкапавшысе»*[23].

Дом. Канешне, дом — наша крэпасць, але далёка не такая надзейная, як здаецца. Прыватнае жытло не было абаронена ад зладзеяў, якія ведалі,

[16] Уяўнае абвінавачанне ў шкодзе *«казне государевои»*: Полоцк. С. 586.
[17] Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1823. В. 1. Спр. 1. Арк. 527.
[18] АСД. С. 362–363.
[19] АСД. С. 363.
[20] АКПМ. С. 188.
[21] Полоцк. С. 661–662.
[22] Полоцк. С. 658–659.
[23] Полоцк. С. 555.

дзе трэба шукаць і знаходзіць. Прыгоды рэчаў пачыналіся менавіта з таго, што яны знікалі *«з дому»*, пасля чаго вакол гэтага вырасталі цэлыя справы[24]. Каштоўнасці ў тагачасных палачанаў захоўваліся ў адмысловых шкатулах, змесціва якіх было галоўнай мэтай зладзеяў. Уласна ў шкатуле зберагаў каштоўнасці ў сваім доме на Крыўцовым пасадзе полацкі гаспадарскі зямянін Міхал Каменскі[25]. Заявы аб выкраданні рэчаў з хатніх пакояў былі, відаць, справай звычайнай: 29 красавіка 1657 г. пратэставаў полацкі мешчанін Марцін Шчасны разам з жонкай, *«они, жалобливые, беспечне уклалисе спат, там же нет ведома хто, тое ночы прышодшы до того дому их и влезшы на клеть з улицы Батечковои, верх у тои клети продрал, а продравшы, вси жывоты их и маетност убогую, што одноколвек было в тои клети, з оное выбрал и выкрал»*[26]; 1 траўня 1657 г. Хадора Палюжная скардзілася, што *«нет ведома хто з незбожных людей тепер свежо в ночы выкрал онои клеть домовую, и немало маетности рухомое покрадено»*[27].

Гаспода. Прыватны падворак быў таксама прадметам увагі зладзеяў, асабліва калі гаспадары не парупіліся пра надзейную ахову. Зладзеі часам выкарыстоўвалі нахабную тактыку. Так, на стайню полацкага зямяніна Петрашковіча яны праніклі ноччу, *«проломавшы тын»*[28]. Абкрадалі і іншыя гаспадарчыя памяшканні, як, напрыклад, свіран у гасподзе полацкага будаўнічага Аляксандра Рыпінскага[29].

Схованкі. Заявы пра абкрадзеныя дамы і крамы ўласцівы для ўсіх перыядаў жыцця людзей, але вайсковы час змяняў лінію іх паводзін. Прыход расейскага войска ў Полацк у 1654 г. спарадзіў хвалю ўцёкаў у глыб ВКЛ. Тое, што палачане не маглі вывезці ці пакінуць надзейным асобам, адмыслова хавалі. Але прыхаваць не азначае зберагчы. Напярэдадні прыходу маскоўскай арміі *«по збеженью од рати праведного государя, царя»* абачлівы зямянін полацкага Багаяўленскага манастыра Васіль Гіра ўцёк да Межджыч, але і там баяўся, каб *«яко в часы военные, през рать шкоды якое не понесл»*, таму і закапаў у лесе за паўвярсты ад тых Межджыч *«пры инших многих речах шкатулу свою з розными поважными справами, собе належачыми»*. Аднак у ліпені 1657 г. *«люди незбожные»* знайшлі і ўсе схаванае *«злодеиским способом взяли и украли»*[30]. Камізм гэтага і іншых падобных сведчанняў заключаецца ў самой логіцы паведамлення: палачане хаваліся ад рабаўніцтва з боку арміі *«праведного»* цара, а потым з нейкай прастадушнасцю запісвалі тое, што думалі.

На шляху з шынка. Да нешматлікіх радасцяў жыцця палачанаў у XVII ст. адносілася наведванне шынкоў, дзе можна было не толкі выпіць, пад'есці ды

[24] Полоцк. С. 619.
[25] АКПМ. С. 99–100.
[26] Полоцк. С. 645.
[27] Полоцк. С. 651.
[28] Полоцк. С. 586.
[29] Полоцк. С. 621.
[30] Полоцк. С. 689–690.

пагаманіць, але яшчэ і размяняць грошы, паспаць і згубіць грошы. Падобная гісторыя здарылася з полацкім мешчанінам Кандратам Скрыпкам, што зафіксавана ў лютаўскім 1657 г. дэкрэце полацкага магістрата. Галоўным віноўнікам прыкрага здарэння быў сам неабачлівы Кандрат, які сведчыў, што ў шынку *«седечы час немалыи и потпившы добре, заснулом»*, пасля чаго ён быў выпраўлены дахаты ў непрытомным стане, чым не абмінуў скарыстацца нейкі «добразычлівец»[31].

Што кралі ў Полацку ў XVII стагоддзі?

Скрасці, здаецца, можна ўсё. Некаторыя сцвярджаюць нават пра здольнасць красці душу, бо калі можна яе адабраць, то чаму нельга скрасці? Дарэчы, вядомы полацкі епіскап Ясафат Кунцэвіч меў вельмі спецыфічную мянушку *«душахват»*. Натуральна злодзеем ён не быў, але людзі, якія каго-небудзь не разумеюць, схільныя да надання сваім ворагам незвычайных здольнасцей.

Полацкія зладзеі былі «спецыялістамі» вельмі шырокага профілю і кралі сапраўды ўсё, што падварочвалася пад руку.

Грошы. Грошы былі прадметам як асобнага крадзяжу, так і траплялі ў рукі зладзеяў разам з іншымі рэчамі. Напэўна, мэтава была скрадзена з дому праз акно скрынка з 1000 злотых і аблігамі ў Андрэя Грыгорыевіча, пра што той заявіў у магістраце 3 верасня 1650 г.[32]. А вось грошы *«копеиками коп шестдесят, особливе талеров печатных двадцат; до того копеиками было золотых дванадцат»* з крамы пані Смалягавай захапілі разам з розным таварам[33].

Каштоўнасці. Пасля грошай ці не найбольшую прывабнасць для зламыснікаў мелі прадметы ўпрыгожання з каштоўных металаў і камянёў. У Полацку зафіксаваны крадзеж караляў перлавых і чырвоных з перламі, срэбных пярсцёнкаў, срэбных зліткаў[34]. Знаходжанне ў Полацку магло прывесці да страты нават значнага багацця: у чэрвені 1652 г. у жонкі Аляксандра Федаровіча, слугі полацкага ваяводы, прыслужніца скрала «*з шкатулкі два залатыя ланцужкі, якія каштавалі сорак чырвоных злотых, тры залатыя пярсцёнкі, адзін з дыямантам, другі з рубінам, і трэці з шмальцам (эмаллю) чорным за восемдзесят злотых набыты*»[35].

Дакументы. Вартасць дакумента ў тагачасным грамадстве была вельмі высокай і яго страта была раўназначна пазбаўленню ўласнасці. Не выпадкова і тое, што ў заяве пра знікненне ў 1654 г. дакументаў на ўласнасць, *«кгдым тое воины уходила»,* полацкая мяшчанка Хоня адзначыла, каб *«през таковое згубене права, собе служачого, дармо не утратила»*[36]. Больш таго, у Полацку

[31] Полоцк. С. 609.
[32] АКПМ. С. 42.
[33] Полоцк. С. 556.
[34] АСД. С. 360; Полоцк. С. 645, 662.
[35] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów. Dział X. Sygn. № 636. S. 1–3. Справа гэтая была актыкавана ў полацкім гродскім судзе.
[36] Полоцк. С. 550–551.

практыкаваўся прамы шантаж: рознымі шляхамі здабываліся распіскі — *«обликги»*, а потым на іх падставе выбіваліся грошы[37]. Самі зладзеі не бачылі розніцы ў тым, каго абкрадаць, для іх галоўным быў вынік. Цікава, што ў некаторых выпадках зладзейства выглядае як своеасаблівы рэванш за раней зробленае. Жыццё бывае наказвае: у верасні 1656 г. полацкі зямянін Базыль Лабуць, які здрадзіў Рэчы Паспалітай і нават аддаў сваіх дзяцей на службу *«асудара праведного»*, заявіў у полацкім магістраце, што ў чэрвені ў маёнтку Обалі *«асударские руские, с тое рати люди, в ночы, нет ведома з чыего полку, шкатулу окованую, которая была у клети з розными справами и обликгами, розумеючы, иж у тои шкатуле грошы были, зо всим, не отбияючы, з собою тые розные люди взяли»*[38]. У Васіля Лаўрынавіча Гіры разам са шкатулай у 1657 г. знікла некалькі квітоў, у тым ліку: квіты на 2070 бітых талераў, узятых у яго ў Рызе на патрэбу *«короля швецкого»*, і квіт на 725 талераў, за якія рыжскі купец Мархель Яст даставіў яму дзесяць лаштаў солі[39].

Посуд. Сталовы і іншы посуд з'яўляўся каштоўнай часткай маёмасці, тым больш, калі ён вырабляўся з металу. Напрыклад, зафіксавана некалькі выпадкаў крадзяжу кубкаў: *«срэбны кубак»*[40], *«кубки два цыновые»* [41]; фляг і штофаў: *«фляш цыновых две»*[42], *«штоф з волава»*[43]; лыжак: *«сталевые рызкие»* [44], *«ложку сребную»*[45], у полацкага злотніка Сцяпана Мандрыкі зладзеі скралі ажно 11 лыжак [46].

Вопратка. У залежнасці ад пільнасці скрадзеную вопратку зладзеі маглі хутка і танна прадаваць[47]. Апранаць такое адзенне, асабліва верхняе, было дастаткова небяспечна, паколькі можна было трапіць на былога гаспадара і апынуцца пад падазрэннем у здзяйсненні крадзяжу[48].

Шапкі. Дастаткова часта сустракаюцца згадкі пра крадзеж галаўных убораў. Прысвойваць такія рэчы не было складана, ды і каштаваць яны маглі шмат, калі сыходзіць з наяўных апісанняў: шапка чырвоная, падшытая *«соболцова»*[49], *«фалендышовая лисия лазыровая»*[50], *«шапка аксамітная з*

[37] Полоцк. С. 554.
[38] Полоцк. С. 555.
[39] Полоцк. С. 690.
[40] АСД. С. 360.
[41] Полоцк. С. 645.
[42] Полоцк. С. 645.
[43] АСД. С. 362.
[44] Полоцк. С. 645.
[45] АКПМ. С. 100.
[46] АСД. С. 363.
[47] Полоцк. С. 648.
[48] Падобны іск высунула 17 жніўня 1657 г. Маруша Філонавая супраць Якава Шалухі, жонка якога нібы фарсіла ў Марушыным плашчы (саяне): Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1823. В. 1. Спр. 1. Арк. 527.
[49] Полоцк. С. 556.
[50] АКПМ. С. 91.

паскамі залатымі, абкладзеная хвастамі куніцы»[51].

Панчохі. Дзякуючы некаторым заявам аб зладзействе даведваемся, што ў Полацку можна было набыць панчохі для ўсіх узроставых катэгорый: *«панчошок новых суконных выростковых... панчошок бялокгловских, а великих панчох муских суконных»*[52].

Верхняя вопратка. Калі сыходзіць з апісанняў скрадзеных рэчаў, то асаблівай папулярнасцю карысталіся рэчы, выробленыя з замежных, галандскіх ці ангельскіх, матэрыялаў: *«уберы новые фалендышовые»*[53], *«кунтуш зеленый фалендышовый»*[54], плашчы-саяны *«червоныи, фалендышовыи», «зеленые, люндышовые»*[55]. Не магло не зацікавіць зладзеяў, напэўна, не таннае *«футро гарнастаевоее»*[56].

Абутак. Шавецкія вырабы, як вядома, маюць сваю спецыфіку і заўжды каштавалі дорага. Таму і зладзеі не абміналі магчымасці прыхапіць, напрыклад, *«боты новые чорные козловые»*[57].

Тканіна і галантарэйныя вырабы. Асартымент такіх тавараў быў дастаткова вялікі. Тканіна магла быць прадстаўлена рознакаляровым мухаярам (гатунак ваўнянай тканіны), але кралі і *«полотно беленое, кужелное, тонкое», «швабскае палатно»*[58]. Не абміналі зладзеі гузікаў (белыя *«крутофаловыи»*); паясоў *(«сетковых вишневых»* альбо *«ременных»*); паскаў (*«ременных шабельных»*)[59]; басону ці асобна шнура *«кренцоного едвабного»*[60]. У адным са спісаў адзначана *«люстэрка»*[61].

Транспартныя сродкі. Заявы пра скрадзеныя і нават паграбленыя водныя сродкі транспарту сустракаюцца рэгулярна. У полацкага алейніка Дзямешкі, паводле яго заявы, скралі ў лістападзе 1649 г. човен, а ў сакавіку наступнага года ён апазнаў яго ў нейкіх людзей[62].

Легуміна. Асартымент прадуктаў, якія патраплялі да зладзеяў, быў дастаткова шырокі. Часам пералік харчоў меў агульны характар: *«розное збоже и горелку»*[63], а ў некаторых выпадках, як у заяве ад 17 красавіка 1657 г. мешчаніна Цімафея Лаўрыновіча, дадзеныя больш дакладныя: *«нет ведома хто з злых людеи, влезшы в дом его, выбрал и выкрал з бочки соли немало, так з бочки*

[51] АСД. С. 360.
[52] Полоцк. С. 556.
[53] АКПМ. С. 91.
[54] АКПМ. С. 157.
[55] Полоцк. С. 556.
[56] Полоцк. С. 648.
[57] АКПМ. С. 91.
[58] Полоцк. С. 556, 645, 662.
[59] Полоцк. С. 556.
[60] Полоцк. С. 662; АКПМ. С. 91.
[61] Полоцк. С. 662.
[62] АКПМ. С. 195.
[63] Полоцк. С. 621.

олею, и инных много речеи покрал и ушол»[64]. Падобнае апісанне даецца і ў заяве Марціна Шчаснага аб крадзяжы з клеці *«хлеба, круп много»*[65].

Зброя. Прадметам крадзяжу нярэдка была зброя. Так полацкі зямянін Аляксандр Шалуха 9 сакавіка 1650 г. заявіў у судзе пра тое, што апазнаў *«карабин и лядовницу»*, якія зніклі ў яго[66]. У ліку скрадзеных рэчаў у краме Піліпа Азаровіча ў траўні 1657 г. было некалькі *«шабель»*[67].

Жывёлы. З матэрыялаў магістрацкіх кніг вядома пра краздзеж казы, пагрaбленне вепрука[68], але ці не найбольшую папулярнасць меў крадзеж коней. На другі дзень 1657 г. у магістрат трапіла заява зямяніна Пятра Петрашковіча пра тое, што з яго полацкай гасподы нехта ноччу *«вывел и украл коня его власного, шерстю тисавого, на челе лысина белая и з коцом, которыи на том кони был, коштовал золотых пять, уздечку ценою золотыи, рынкгорт ценою также золотыи; прытом снял з другого коня полколимок, стоял золотых тры, гуньку, купленую за золотыи»*[69]. Знікалі коні і ў прыезджых: 17 снежня 1656 г. у Нікіпара Мікіціна знік *«конь его рыжыи белогрывыи»*, пра што гэты *«рускои чоловек»* паскардзіўся ў магістрат і абвінаваціў палачаніна Агапона Вярхоўскага[70].

Тытунь. Факты выкрадання тытуню мелі месца ў 1656 і 1657 гг.[71].

Знойдзеныя ў патэнцыйных зладзеяў рэчы перадавалі на захаванне ў полацкую ратушу, дзе іх маглі апазнаць пацярпелыя, як гэта зрабіла Хадора Палюжная, якая *«некоторые речы опознала в ратушу межы речми крадеными, з дому Ходора Плешка прынесеными»*[72].

Рынак скрадзенага

Крадзеж — справа несумленная і рызыкоўная, але прыбытковая: за кошт яго можна было, відаць, нейкі час жыць. Але куды больш роўным было жыццё тых, хто не сам краў, а гандляваў скрадзеным.

Здабытыя зладзеямі рэчы, акрамя харчоў і наяўных грошай, рана ці позна трэба было збываць. Некаторыя пацярпелыя ад крадзяжу наўпрост паказвалі на тых асоб, якія набывалі скрадзенае. Так, полацкі мешчанін Рыгор Бухал заявіў у магістраце, што *«Хома Грыгоревич, шкляр, некоторые речы злодеиские скуповал мимо заклик, в рынку през слугу меского чыненыи»*[73]. Так гэта было ці не, але падобны механізм мусіў працаваць, бо рэчы не кралі толькі дзеля атрымання асалоды ад самой працэдуры.

[64] Полоцк. С. 640.
[65] Полоцк. С. 645.
[66] АКПМ. С. 157.
[67] Полоцк. С. 662.
[68] АСД. С. 361, АКПМ. С. 125.
[69] Полоцк. С. 586.
[70] Полоцк. С. 582.
[71] Полоцк. С. 556, 648.
[72] Полоцк. С. 652.
[73] Полоцк. С. 659.

Мяшчане на рынку скрадзенага мелі вельмі сур'ёзных і хцівых канкурэнтаў. Так, у першай палове 1640-х гадоў актыўным гандлем скрадзеным, як высветліла магістрацкае следства, займаліся полацкія жыды Вульф Міхалавіч і Якуб Леўкавіч. Пры вобыску іх жытла былі выяўлены бясспрэчныя доказы таго, што яны набывалі скрадзеныя рэчы, а частка пацярпелых апазнала ўласную маёмасць, хаця жонкі тых жыдоў выкручваліся і хлусілі да апошняга, што знойдзеныя рэчы належаць ім. Чым матывавалі жыды свой саўдзел у зладзействе? Зразумела, карысцю: Вульф Міхалавіч, напрыклад, набываў скрадзенае, каб сабраць грошы на будоўлю[74]. Адметна, што нават сам злодзей, які пастаўляў скрадзеныя рэчы, ідучы на смерць, адмовіўся выгароджваць скупшчыкаў, у адрозненне ад свайго падзельніка-злотніка Рамана Руту, і пацвердзіў, што ўсё скрадзенае знаходзіцца ў тых двух жыдоў[75].

Нарэшце, калі былі зладзеі і асобы, якія ім спрыялі, то, несумненна, існавала і пэўнае крымінальнае асяроддзе, нейкае «дно», дзе крымінальнікі знаходзілі агульную мову і абмяркоўвалі свае гэшэфты.

Пакаранне злодзея

Досыць архаічная працэдура судовага разбіральніцтва дазваляла ўхіляцца ад адказнасці, але не заўсёды. Выпадкі рэалізацыі вядомага выразу *«злачынца павінен сядзець у турме»* ў адносінах зладзеяў сапраўды зафіксаваныя. У студзені 1657 г. быў злоўлены не названы па імені *«мужык»*, які здзейсніў крадзеж каня ў Нестара Паўловіча, а потым прадаў яго полацкаму мешчаніну Лявону Міцюлічу. Суд, *«згажаючысе во всем з наукою права матдебурского»*, прыняў рашэнне выпусціць *«з везенья»* шкодніка і перадаць яго Нестару, *«с которым волно ему яко похотя поступоват и тое шкоды на нем доходит»*[76].

Напэўна, поўны цыкл пакаральных мерапрыемстваў, на якія хапіла фантазіі нашым продкам, каб застрашыць людзей займацца зладзействам, ілюструе гісторыя злачынцы-рэцыдывіста Аляксея Грышковіча. За пачатковыя адносна дробныя выяўленыя крадзяжы (казы, караляў у дзяўчыны, падушкі) яго за кожны выпадак асобна публічна лупілі на камені на месцкім рынку, далей, за больш істотнае злачынства, крадзеж срэбнага кубка ў пана Васіля Крывушы, ужо на падставе месцкага дэкрэта Грышковіча пакаралі збіццём ля ганебнага слупа, пасля адрэзалі вуха і выгналі з места з папярэджаннем, каб пад страхам павешання ён болей не з'яўляўся ў Полацку. Нарэшце, пасля абвінавачання Аляксея Грышковіча з боку Ганны Філкавічовай у крадзяжы ў яе некаторых рэчаў 17 снежня 1644 г. злодзея арыштавалі, пасля правядзення следства і катаванняў высветлілі дадатковыя падрабязнасці і факты крадзяжу і прысудзілі да шыбеніцы *«у полі»*[77].

[74] АСД. С. 362.
[75] АСД. С. 364.
[76] Полоцк. С. 589.
[77] АСД. С. 364.

***

Чаму людзі выяўлялі схільнасці да крадзяжу? Відаць, гэта не заўсёды было вынікам толькі неспрыяльных сацыяльных ці эканамічных умоў жыцця. Кралі, бо так было лягчэй здабыць тое, што іншыя зараблялі цяжкай штодзённай працай. Крадзеж толькі на першы погляд уласцівы для маргінальнай часткі грамадства, бо багатыя таксама крадуць, толькі памеры іншыя. Зладзейства трэба разумець як своеасаблівы выклік грамадству, але не ў абстрактным сэнсе, а цалкам канкрэтны выклік зла, якое, на жаль, іманентна ўласціва прыродзе чалавека. Паводзіны злачынцаў старабеларуская традыцыя трапна вызначала як комплексную загану: пагарду да закона — *«караня правного»*, праяву свавольства ў адносінах да вышэйшай сілы і парушэнне маралі — *«не дбаючы ничого на боязнь Божю, встыд людский»* і псіхічную неўраўнаважанасць — *«з лакомства и хтивости своее»*, да чаго сапраўды цяжка нешта дадаць.

Звонарева Л.У., Марков Д.Л.

Симеон Полоцкий – педагог и традиции Киево-Могилянской коллегии

Многочисленные вирши основоположника восточнославянской поэзии, учителя детей царя Алексея Михайловича, Симеона Полоцкого (1629, Полоцк – 1680, Москва), внесённого ЮНЕСКО в список выдающихся деятелей мировой культуры, знакомят нас с развитием европейской педагогической мысли XVI–XVII вв. и открывают путь к пониманию педагогических воззрений самого поэта-силлабика.

«Симеон окончил… Киево-Могилянскую коллегию, где он учился (видимо, с 1637 по 1651 годы)…» – считал авторитетный московский медиевист А.Н. Робинсон [**8**, с. 9].

Будучи молодым дидаскалом (выпускником Киево-Могилянской коллегии, младшим преподавателем в учёном сообществе), Симеон нередко писал о конкретных художниках – например, о Ленксисе, изучавшем лица пяти благородных девиц, чтобы из лучших их черт составить на картине портрет Юноны. Так, в виршах *«Живописание»,* написанных в Москве, Симеон Полоцкий знакомит читателей с произведениями великих художников – древнегреческого живописца Протогена и его покровителя Апеллеса (356–308 до н.э.), самого знаменитого живописца античного мира, отличающегося реалистической техникой письма.

В концепции художественного воспитания Симеона Полоцкого своеобразно синтезировались пифагорейские и аристотелевские идеи о *«врачевании»* посредством искусства и средневековo-теологические представления о нём как орудии против грехов **и** дьявольских искушений.

Гигантская поэтическая антология просветителя *«Вертоград многоцветный»,* долгие годы хранившаяся в отделе рукописей Государственного исторического музея и опубликованная в Германии Л.И. Сазоновой, по мнению украинского академика А.И. Белецкого, стоит в прямой связи с педагогической и проповеднической деятельностью Симеона [**1**, с. 157]. Указанные автором подобия, образы, повести, летописания – не что иное, как облечённые в виршевую форму *«приклады»* (так называемые риторические вступления или предисловия, развивающие основной текст повествования и держащие его в неких логических рамках), в западноевропейской литературе средних веков получившие распространение уже XIII–XVI вв.

После окончания Киево-Могилянской коллегии, до переезда в Москву в 1664 г., восемь лет преподавал Симеон Полоцкий в братском училище при

Полоцком Богоявленском монастыре (1656–1664). С приходом нового дидаскала здесь образовалась сплочённая группа талантливых литераторов, в которую входили иеромонах Филофей Утчицкий, Игнатий Иевлевич, воспитанники Василий Янович, Савва Капустин. Пристрастием к стихотворству Симеон, по убеждению А.И. Белецкого, был обязан той среде, которая окружала его во время учёбы в Киеве и учительства в Полоцке, влияя на его литературные вкусы и предлагая ему образцы для подражания.

Курс поэтики, как известно, занимал центральное место в программах Киевской коллегии, где один из восьми классов (пятый) был посвящён ей целиком. Поэтому на протяжении многих десятилетий академия оставалась центром развития стихосложения на Украине. С нею связаны имена таких известных теоретиков и практиков стихосложения, как Лазарь Баранович, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Митрофан Довгалевский, Георгий Конисский. Как справедливо указывает Д.А. Зайцев, «киевские ученые предложили московитам культуру барокко, достижения иезуитской схоластики, образовательную систему иезуитских коллегиумов, силлогистический метод познавательной практики… схоластика давала русской мысли то, недостаток чего она все более отчетливо ощущала: рациональное знание, строгую школу мысли, навыки правильного и стройного философского дискурса, умение чётко излагать свои взгляды, вести дискуссию с оппонентами» [**19** , с. 8].

Просветитель, придерживаясь униатских взглядов (униатами, напомним, были многие профессора и ректоры Киево-Могилянской коллегии), требующих мирного согласования догматических и религиозных разногласий между восточной и западной христианскими церквями, никогда не выступал с открытой критикой католицизма. Со времени основания в 1632 г. Киево-Могилянская коллегия создавалась по образцу польской иезуитской школы. Учебная программа коллегии ориентировалась на современное состояние науки. В её основе лежал устав Краковского (Ягеллонского) университета, философские учения докторов Ордена иезуитов (Суарес, Толедо, Овьедо, Мендоса, Арриага), учения францисканцев, доминиканцев и кармелитов [**20**, с. 134].

Причастность просветителя к ордену *базилиан* – Василия Великого – являлась, судя по всему, предметом особой гордости Симеона. Он не боялся подчёркивать это в своих владельческих надписях на книгах даже после переезда из Полоцка в Москву, что, по многим причинам, было небезопасно и, в конечном счёте, привело в 1690 году к осуждению (сколь же велико было их влияние!) спустя десять лет после смерти автора церковным Собором его трудов. Московский патриарх Иоаким публично заклеймил книги Симеона *«как атручаные латинским духом»,* ибо их автор хотел *«чужемудренные новости в народ православный великороссийский вводити».*

Но в определённых украинских читательских кругах книги проповедей Симеона Полоцкого долго сохраняли популярность. Спустя восемь лет после официального осуждения на Соборе, 19 сентября 1698 г. патриарху Адриану

было послано просительное письмо из Запорожской Сечи от кошевого атамана Григория Яковлева с товарищами.

Немногочисленные в XVI в. донские казаки к середине XVII столетия выросли в значительную военную силу. По словам современника, это были люди *«породою москвичи и иных городов, и новокрещеные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, крестьяне, которые, пограбя бояр своих, уходят на Дон»*. В XVII в. донские казаки образовали своё *«Войско»* во главе с избираемыми на кругу атаманами; время от времени они получали из Москвы денежное и хлебное жалованье, оружие и боеприпасы [**7**, с. 112].

Извещая о победе над басурманами и о распространении веры православной на месте басурманских жилищ, казаки просили патриарха Адриана прислать в их церковь Покрова Пресвятой Богородицы учительные книги *«Обед душевный», «Вечерю душевную»* Симеона Полоцкого, 12 книг Миней и иерейское облачение. Просьбу казаков легко объяснить и тем, что на 94 листе *«Вечери душевной»* помещено *«Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству по случаю принесения иконы Св. Алексия, митрополита Киевского»*.

Симеон Полоцкий часто обращался к запорожскому воинству, очевидно, потому, что именно оно нуждалось более других в просветительском слове духовного пастыря. С другой стороны, украинские казацкие старшины ещё в 1651 г. планировали присоединить Беларусь к своему государству и поднимали вопрос о наступлении на белорусские земли во время переговоров с Москвой. В политической программе Хмельницкого было создание своего государства в границах Киевской Руси, а подчинение белорусских земель усилило б казацкую державу экономически и политически, открывало бы ей выход на Запад. Обходясь с белорусскими жителями особенно жестоко, запорожские казаки, подчинявшиеся Ивану Золотаренко и Гришке Чорному, инспирировали восстание белорусов против интервентов. Запорожцы, судя по документам [**11**, с. 96, 111], безжалостно грабили и мучили белорусских горожан и крестьян.

Симеон Полоцкий не мог не знать об особой жестокости по отношению к безоружным людям *«черкасов»*, как называли белорусы украинских казаков. Поэтому просветитель обращается к ним с несколькими речами, пытаясь пробудить в их ожесточившихся, заблудших душах доброе, христианское начало, помочь раскаяться в совершённых злодеяниях (в Туровской и Смедынской губерниях только в сентябре 1654 г. были сожжены десятки деревень, около 6 тысяч коров отогнаны на Украину). Симеона Полоцкого привлекали трудные задачи: запорожские воины в церковных кругах имели репутацию откровенных атеистов – ещё киевский митрополит Пётр Могила всенародно назвал их *«неверующими»*.

Как известно, письма за подписью патриарха Адриана готовил его секретарь Карион Истомин. Он, очевидно, счёл возможным, игнорировав решение Собора о запрещении книг Симеона Полоцкого, дать присланным с прошением казакам

его сборники проповедей, о чём, присовокупив патриаршее благословление, 13 ноября 1698 г. было сообщено в письме кошевому атаману [**2**, с. 178, 193].

Симеон Полоцкий был достойным выпускником Киево-Могилянской коллегии — любимого детища Петра Могилы, по поводу которого историки русской церкви замечают: «Могила и его сподвижники были откровенными и решительными западниками. Они стремились объединить русских и не русских за единой культурной работой, в единой психологии и культуре… И та глухая, но очень напряженная борьба, которую мы все время наблюдаем вокруг во всех начинаний и предприятий Могилы, означает именно эти встречи и столкновение двух религиозно-психологических и религиозно культурных установок или ориентаций, — западнической и эллинославянской… Могила не был одинок в своих замыслах и затеях. У него было много друзей, — это было новое поколение, прошедшее западную школу, для которой именно Запад, а не Восток был своим. И были поводы подозревать, что это западничество есть своеобразное униатство, скрытый романизм. Во всяком случае, представители этой западнической ориентации все снова и снова сговаривались и совещались с униатами, в расчете создать такой компромисс, на который могли бы согласиться обе спорющие стороны» [**14**, с. 45].

Пётр Могила так обосновал свои соображения в пользу выбора латинопольского образования: «Ведая несомненно, что противники наши… называют неучами… что Русь правомовная уклонилась в ересь, не знает ни числа, ни формы, ни материи, ни интенции, ни обрядов… не умеет дать о них отчета… я потрудившись по силам моим предпринял отнять такое тяжкое положение противников от правомовного притча св. российской церкви» [**21**, с. 10]. Сподвижники Петра Могилы Сильвестр Коссов и Исайя Козловский также были убеждены в необходимости выбора данного пути: «Русские люди нуждаются в латинских училищах для того, чтобы бедную нашу Русь не звали глупою Русью, чтобы русский человек мог пользоваться латинским языком для диспутов и для судебных нужд» [**22**, с. 61]. «Русские не в состоянии дать отчет в том, чему они верят» [**23**, с. 216].

За пятнадцать лет до приезда Симеона Полоцкого в Москву, в 1649 г. группа киевских монахов, сплотившись с москвичами из Чудовского братства и Справной палаты, образовала учёный кружок, ставший центром интеллектуальной жизни тогдашней столицы. Кружок возглавил сторонник греческого учения Епифаний Славинецкий. В отличие от Епифания, Симеон Полоцкий стремился зажечь в Москве *«искру учения латинского»*. Будучи выпускником той же Киево-Могилянской коллегии, что и Епифаний, он заканчивал её уже после того, как благодаря реформам Петра Могилы, она приобрела дух католических иезуитских коллегиумов.

В русской и советской науке долгое время главенствовала негативно-однозначная оценка унии, которую в последние годы пытаются опровергнуть белорусские и украинские учёные. Белорусское и украинское униатство, с точки

зрения В. Грицкевича, – отнюдь не бездумный переход на латинские позиции, а попытка синтеза восточного обряда с западной догматикой. Этот синтез достижений культуры Запада и Востока, осуществлённый в Белоруссии и на Украине в конце XVI в., в значительной мере реализовал давнюю мечту европейцев возродить древнее духовное единство греко-римского античного мира, но на новой христианской основе [**4**, с. 5].

Разногласия между киевскими и московскими монахами были столь значительны, что А.Л. Ордин-Нащокин, находясь в Мигновичах на съезде с польскими послами, отправил 4 мая 1669 г. в Москву свои соображения по поводу подчинения киевской митрополии российскому патриарху.

Высшее духовенство Украины стояло за подчинение украинской церкви константинопольскому патриарху. И в то время, как среднее духовенство было весьма предрасположено к московскому патриархату, киевский митрополит И. Тукальский и архимандрит Киево-Печерской лавры И. Гизель не спешили оформлять это подчинение. Руководители украинской и белорусской церкви хотели быть последовательными выразителями украинских и белорусских интересов, которым угрожала, с одной стороны, Речь Посполитая, а с другой стороны – Россия. Епископы хотели избавиться от патроната короля и великого князя и русских вельмож, подчинившись непосредственно, минуя польскую католическую церковь, апостольскому престолу в Риме. Приняв униатство, белорусская и украинская церковь, подчеркнув внешнюю зависимость от апостольского престола, оберегала внутреннюю свободу. Иерархи хотели сохранить за Церковью то, чем она была при первокрестителе Руси – органичность во Вселенской церкви. Они приняли часть догматов Западной церкви – о главенстве папы во всём христианском мире, о чистилище, а немного поздней – о сошествии Святого Духа и от Бога-Сына [**4**, с. 7].

Украинские иерархи слишком хорошо помнили сколь негативную оценку в белорусских и украинских церковных кругах получил поступок Иеремии II, который руководил Восточной Церковью до Берестейской унии, когда он за *«щедрую милостыню»* (золото и связки соболей) собственноручно посвятил независимого московского патриарха, добавив ему титул *«патриарха Московского и ВСЕЯ РУСИ»*. Именно последнее привело в отчаяние украинских и белорусских епископов, ибо до этого такой титул могли носить только киевские митрополиты.

Живя в Москве, Симеон не забывал киевских друзей и в трудных ситуациях стремился поддержать их. С этой целью он написал *«На книгу, именуемую «Меч духовны» «епиграмму»*, защищавшую сборник проповедей, опубликованных в 1666 г. Лазарем Барановичем, архиепископом черниговским, наставником и покровителем Симеона Полоцкого во время его учёбы в Киево-Могилянской коллегии.

В первое время жизни Симеона в Москве Лазарь Баранович старался поддержать его своим влиянием: он благоприятно отзывался об учёности

Симеона в письме к Паисию Лигариду, снискавшему в то время доверие царя. Появление же виршей Симеона, посвящённых книге проповедей, связано, очевидно, с тем, что сборник Л. Барановича нуждался в защите, так как оставивший престол патриарх Никон представил царю Алексею Михайловичу свиток обличений на книгу *«Меч духовный»,* отмечая её латинствующий характер.

Спустя же двадцать лет, уже после смерти Симеона, украинские иерархи будут поддерживать его ученика – Сильвестра Медведева. И весной 1689 г. в ответ на новое требование патриарха Иоакима *«обличить»* Медведева, они откажутся повиноваться и пришлют в Москву грамоту в защиту Сильвестра, последовательно аргументируя его позиции.

Напряжённая просветительская деятельность высокоучёного иеромонаха способствовала возникновению в столице новых для Московского царства просветительских учреждений: светской *«Верхней»* типографии, свободной от цензуры патриарха (реально созданной Симеоном Полоцким), одного из самых больших в то время в Москве частных книжных собраний, академии (в форме проекта, реализованного лишь после смерти писателя).

Книгопечатный опыт, на который опирался просветитель во время книгоиздательской деятельности, также был приобретён, очевидно, во время его учёбы в Киево-Могилянской коллегии, которая, хотя и не имела собственной типографии, но поддерживала постоянный контакт с Виленской друкарней и книгопечатней Киево-Печерской лавры, переживавшей во время учёбы Симеона Полоцкого в коллегии *«золотой век».* Так, человека высокой культуры, воспитанного на образцах ближневосточного христианского искусства, сирийского путешественника Павла Алеппского, проезжавшего Украину в 1653–1654 гг., поразило отличное качество изданий типографии Киево-Печерской лавры, быстрота набора и печатания: за краткое время пребывания сирийцев киевские печатники успели изготовить в двух красках пропускные грамоты для дальнейшего путешествия патриарха Макария на Восток [**13**, с. 168].

В типографии Киево-Печерской лавры дважды (в 1659 и в 1665 гг.) переиздавалась тщательно проштудированная в своё время Симеоном Полоцким книга ректора Киево-Могилевской коллегии Иоаникия Галятовского *«Ключ разумения».* Главные идеи трактата можно прокомментировать словами историка философии Д.А. Зайцева: «Латино-польская образованность предлагала рациональное знание, что, в свою очередь, приводило к усилению познавательной роли разума. В качестве метода осуществления познавательной практики в иезуитской традиции выступает силлогистическая логика. Она выполняет критическую функцию по отношению к объекту, придает значению универсальность. Силлогистический тип размышления предполагает доверие как предпосылку к логической операции в самом ее носителе» [**19**, с. 9].

Отметим, что книги, изданные в Киеве, далеко не всегда свободно доходили до московских *«любомудров».* Контролю подвергались книги киевской

печати при ввозе их в Москву, откуда они поступали в другие города России. Церковная власть неоднократно запрещала продажу этих книг, замечая в них *«несходство с московскими»*. Часто это запрещение касалось книг на польском языке, хотя их содержание не вызывало замечаний. Например, из посланной в Москву в 1673 г. архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем партии книг приблизительно в 800 экземпляров было запрещено продавать 14 названий (377 экземпляров). С середины 1670-х гг. отмечается заметный спад в русско-украинских книжных связях, обусловленный цензурными ограничениями при патриархе Иоакиме.

Хотя, несмотря на запреты, торговля киевскими изданиями продолжалась и в Москве. В 1675 г., по прошению Малороссийского Приказа, казна купила у него 340 экземпляров книги черниговского архиепископа Лазаря Барановича *«Трубы словес праведных»,* которые были переданы для реализации торговым людям из Новомещанской слободы.

Архимандрит Киево-Печерской лавры Елисей Плетенецкий привлекал к деятельности в своей книгопечатне видных белорусских и украинских учёных того времени (З. Копыстенского, П. Берынду, Т. Земку, О. Митуру, Л. Зизания). Всё это, безусловно, не ускользнуло от внимания молодого белоруса [**15**, с. 57]. Более других могла заинтересовать Симеона Полоцкого колоритная личность Памвы Берынды, выступавшего в одном лице как учёный-лексикограф, текстолог, переводчик, корректор, редактор, художник-гравёр, руководитель типографии, а также — поэт, литератор, которого Иов Борецкий характеризует как *«усердного пособника и благоподвижного в делании и исправлении книг печатных искусного потрудителя»,* который *«пользу всея церкви роския принесет…»* [**9**, с. 83].

Академия, о которой мечтал Симеон — её программу он успел наметить — также должна была строиться во многом по образцу Киево-Могилянской духовной школы. В своё время именно белорусский педагог и литератор Мелетий Смотрицкий, земляк Симеона, благодаря выдающейся учёности, стал, по мнению С. Голубева, её первым ректором-епископом [**3**, с. 217].

Идеи Симеона Полоцкого будет развивать другой выпускник Киево-Могилянской коллегии — Феофан Прокопович, предлагавший программу школьного образования в особом разделе *«Регламента» — «Домы училищные, и в них учители и ученики, також и церковные проповедники»*. Образцом для Феофана Прокоповича, как и для Симеона, оставалась Киево-Могилянская академия — общеобразовательная школа с философским и богословским классами, как завершением.

При академии должна быть открыта семинария *«образом монастыря»*. Задача её — взрастить и образовать новую породу людей. В 1721 г. Феофан Прокопович открыл школу при своём доме на Карповке — в этой начальной школе преподавали иностранцы (академик Байер, Селлий), после смерти Феофана Прокоповича она закрылась.

Главным училищем России стала Спасская академия в Москве в Заиконоспасском монастыре (где преподавал в свое время Симеон Полоцкий), уже в 1700–1701 гг. она была перестроена по киевскому образцу в латинскую школу под протекторатом Стефана Яворского. Преподаватели академии все были из Киева (Феофилакт Лопатинский и др.).

«В истории духовной школы Петровская реформа означала именно *«украинизацию»* в прямом и буквальном смысле. Ученикам в Великороссии эта новая школа представлялась вдвойне чужой — как школа *«латинских учений»* и как школа *«черкасских»* учителей. Могло ли быть иначе, если почти все, без исключения, деятели московского просвещения учились в Киево-Могилянской академии» [**14**, с. 98].

Лазарь Баранович (ректор Киево-Могилянской коллегии в 1650–1658 гг., позже — Черниговский архиепископ) считал, что в ближайшем будущем русский народ овладеет свободными науками и забудет о той помощи, которую в своё время оказали ему киевские старцы. *«Мое мнение о русских такое, что настанет время, когда они не будут нуждаться в сторонней помощи и даже будут пренебрегать ею»*, — замечает Л. Баранович в письме к Иннокентию Гизелю от 14 октября 1668 г.

Многие представления сближают Симеона Полоцкого с преподавателями Киево-Могилянской коллегии, которую писатель окончил в середине XVII в. Так, большое влияние оказал на Симеона профессор, ректор коллегии Иннокентий Гизель, читавший на старших курсах (в 1645–1647 гг.) двухгодичный курс *«Сочинение всей философии»,* в состав которого входил специальный психологический *«Трактат о душе»*. Для Иннокентия Гизеля разум — это важнейшая творческая самостоятельность: «Во время диспута нужно не столько обращаться к авторитетам, сколько к доказательствам разума… Авторитет ничего не доказывает… Не следует никого любить так, чтобы из-за любви к нему пренебрегать истиной» [**24**, с. 10].

Симеон Полоцкий мог хорошо знать и книгу другого писателя той же эпохи — *«О душе»* Кассиана Саковича, преподававшего в Киево-Могилянской коллегии и принявшего впоследствии унию.

Умение и стремление Симеона Полоцкого учитывать психологию своего читателя и ученика, знание им основ психологии становится особенно заметным при анализе его произведений, где, как отмечал А.С. Дёмин, обычно *«менялось изложение в зависимости от типа читателя»* [**5**, с. 75].

В трактате Симеона *«Жезл правления»* авторские концепции и выводы разъяснялись доходчиво, с учётом опыта украинских книг, предназначенных для массового читателя. В нем появлялись подробнейшие предметные сопоставления и истолкования, например, рассуждения о разной проницаемости стекла или удобоварении желудка. В этом полемическом сочинении Симеон Полоцкий **утверждал** целесообразность обработки не только светских, но и религиозных книг при их переиздании или переводе.

Действенным инструментом для оценки и изложения текста Симеон Полоцкий называл грамматику, риторику и логику. По мнению В.И. Свинцова, он «не только одним из первых в истории отечественной культуры поставил смысловую функцию выше культовой, но и… показал практическое значение логики для работы над сообщением в целях достижения оптимального коммуникативного эффекта» [**12**, с. 15].

Умение учитывать аудиторию, её настроение, вкусы, образованность учила и обязательная часть всех курсов риторики – гомилетика. В трактате *«Ключ разумения албо способ зложения казанья»* Иоаникий Голятовский писал о необходимости дифференциации аудитории по сословному принципу, ибо царю необходимо одно *«почитание»,* князьям – другое, а *«простым и холопам»* – третье. Проповедник должен точно знать, насколько высок социальный статус слушателя и, в зависимости от этого, регулировать степень возвышенности речи.

Явная ориентация на конкретного читателя заметна уже в первых стихах Симеона. Например, раннее стихотворение *«Виншоване именин пресвещченному его милости господину отцу Амфиногену Крыжановскому…»* создано, видимо, в расчёте на студенческую братию, для которой *«блуждающий эпископ»* Афиноген Крыжановский, автор многочисленных доносов на основателя коллегии Петра Могилу, давно уже стал посмешищем [**16**, с. 19–20].

Из сохранившихся в рукописях курсов философии видно, что преподаватели Киево-Могилянской коллегии обращали особое внимание студентов на необходимость самопознания. Так, ученик Иннокентия Гизеля, профессор Иосаф Кроковский начинал одну из своих лекций со слов: *«Познай самого себя».* Эти слова были начертаны на фронтоне Дельфийского храма, они стали главным девизом Сократа, а потом и Марка Аврелия. Напомним также, что эти слова начертал Я. Коменский в начале *«Великой дидактики».*

Симеон Полоцкий стремился объяснить читателям необходимость и значение самопознания, вслед за платониками и отечественными гуманистами утверждая: «Не знаяй собе, ничесо же знает, аще и звезды небесны считает», «Благо есть человеку самого ся знати». Давая определение самому большому искусству на свете, Симеон Полоцкий замечает: *«художество художеств есть себе познати».* Эта убеждённость помогла писателю критически относиться к самому себе, ибо человек познаёт себя, чтобы *«рассуждати, какие в нем немощи».* [**10**, с. 162].

Преподаватели Киево-Могилянской коллегии постоянно отмечали особое значение человеческой воли в земной жизни. Вопрос о свободе воли человека – коренной вопрос схоластической философии, не выходивший из схоластических программ по философии в Европе. Высоко ценил способность человека самостоятельно ставить себе задачу и находить способы её решения учитель Симеона по Киево-Могилянской коллегии И. Кононович-Горбацкий.

Вот почему в стихах Симеона Полоцкого подчёркивается зависимость жизни человеческой от индивидуальных качеств личности, в первую очередь,

от воли *(«...самоволен человек, Богом сотворенный»),* по его мнению, даже *«звезды в человецех воли не вреждают».*

Значительная часть ранних польско-латинских стихотворений Симеона Полоцкого относится к схоластической *«ученой поэзии».* Успешно осваивая роль *«толкователя всей школьной учености»,* каким, по утверждению Лаврентия Корвина и других авторитетных теоретиков литературы XV–XVII вв., должен быть настоящий поэт, молодой белорус, кажется, не обошёл вниманием ни одного предмета, изучавшегося им в Киево-Могилянской коллегии.

Особо примечательно польскоязычное стихотворение Симеона Полоцкого *«Семь свободных наук»,* где кратко характеризуется каждая школьная дисциплина: как входящая в гуманитарный *«тривиум»* (грамматика, диалектика, риторика), так и в естественнонаучный *«квадривиум»* (арифметика, геометрия, астрология, музыка).

Конкретные знания по всем этим предметам дали тематическую основу богатой учёной поэзии просветителя. Свои мысли о пользе изучения грамматики, о последовательности этого изучения он изложил в стихотворном предисловии к *«Букварю языка славянскаго»* и *«Рифмологиону».*

Отметим, что в стихотворении Симеона, посвящённом семи свободным наукам, матерью всех наук именуется диалектика (равно — логика). Действительно, умение построить произведение по всем правилам риторики во времена Симеона Полоцкого считалось одним из полезнейших и ценнейших искусств. Первым на это указал ещё Иоанн Дамаскин в трактате *«Источник знания»,* писали об этом и многие западные последователи схоластически освоенного Аристотеля.

Блестяще выверенные, иногда кажущиеся слишком оголёнными композиционные схемы поэтических произведений раннего Симеона Полоцкого — наглядное свидетельство того, что не раз выраженная им высокая оценка диалектики не была пустой фразой: она давала тот инструментарий, которым он умело пользовался во всех своих филологических занятиях. Поэт прекрасно освоил основные приёмы формальной логики, нередко в стихах он выстраивал сложные силлогизмы, концепты, смысловые фигуры.

Вершиной школьной науки XVII в. считались курсы по философии и теологии. Неудивительно поэтому, что данным предметам посвящено много стихотворных произведений Симеона Полоцкого. Это польскоязычные вирши *«Загадка», «Сократ», «Три права», «Чистоты стражей шесть», «Триумф терпения», «Да последую слову твоему»* и ряд других. В них превалирует нравственно-богословская тематика.

Однако в центре внимания учёного поэта неизменно стоял человек, вопросы его природы, его воспитания и обучения. В польскоязычной эпиграмме *«Образ жития человеческого»* излагается схема деления жизни человека на пять шестнадцатилетних периодов — по каждому из них даётся практическое наставление: чем следует заниматься, о чём думать, к чему стремиться.

Желавший воспользоваться этими рекомендациями получал универсальную программу действия – от первых шагов до смертного часа.

Развёрнутая эпиграмма *«Упреждай с малолетства»* содержит подкреплённое многими примерами и сравнениями рассуждение о необходимости серьёзного отношения к изначальному обучению и воспитанию детей. Естественно, важнейшими тут оказываются проблемы нравственности, этики поведения. Они же становятся ведущей темой стихотворений типа *«Благородство редкостно», «Родителям равной любовью плати, негодник», «На лентяя», «На пьяницу», «На грешника»,* написанных на польском языке. Их особенностью является некоторая абстрагированность, которая проявляется в трактовке поэтом этического идеала.

Со временем, когда основным объектом дидактики Симеона сделаются царственные ученики, этот идеал конкретизируется по принципу сословной иерархии и для самой высокой её ступени будет выражен в духе идеологии просвещённой монархии.

Легко себе представить, насколько сильным было влияние Симеона Полоцкого на детей Алексея Михайловича, круг общения которых сознательно ограничивался, ибо, по свидетельству современника, *«царевичам и царевнам, всякому свои хоромы и люди, кому их оберегати особые. А до пятнадцати лет и больше царевича, окромя тех людей, которые к нему установлены, и окромя ближних людей, видети никто не может, таковые бо есть обычай».* [**6**, с. 266–267].

Итак, даже краткий анализ огромного наследия просветителя убедительно доказывает, что в своих стихах (не говоря уже о проповедях), также, как и в своей просветительской, общественно-государственной деятельности, иеромонах Симеон Полоцкий последовательно популяризировал прогрессивные педагогические теории, а также конкретный книгоиздательский и образовательный опыт, с которыми он познакомился во время учёбы в Киево-Могилянской коллегии. При этом нельзя не согласиться с утверждением Д.А.Зайцева, что влияние, которое оказывала киево-могилянская традиция (а значит, и выразитель многих её идей Симеон Полоцкий) на русскую религиозно-философскую мысль XVII в. не было однозначным: «С одной стороны, новые идеи вступали в конфликт с существующей московской интеллектуальной традицией. Новшества приводили к смене онтологических категорий русской средневековой мысли, культурные заимствования вызывали «интеллектуальное» сопротивление. С другой стороны, России предлагался альтернативный эпистемологический метод и культурные достижения Запада. В духовной жизни московитов стала возрастать значимость рационального познания, предложенного в иезуитской интерпретации Аристотеля. Переплетение и наложение двух духовных традиций во многом предопределило уникальную судьбу идей Петербургского века русского Просвещения» [**19**, с. 16].

Список литературы

1. Белецкий, А.И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории / А.И. Белецкий. – Харьков, 1914.

2. Брайловский, С.Н. Один из пестрых XVII столетия / С.Н. Брайловский // Записки Академии Наук. – СПб, 1902. – Т. 5.

3. Голубев, С.Т. История Киевской духовной академии / С.Т. Голубев // Университетские известия. – Киев, 1886. – С. 217–223.

4. Грыцкевіч, В.Н. Унія: Прауда і манна / В.Н. Грыцкевіч. // Культура. – 1993. – № 50. – С. 5.

5. Дёмин, А.С. Афористика Симеона Полоцкого / А.С. Дёмин // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982. – С. 73–78.

6. Котошихин, Г.И. О Московском государстве в середине XVII столетия / Г.И. Котошихин // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. – М., 1989. – Кн. 2.

7. Котошихин, Г.И. О России в царствование Алексея Михайловича / Г.И. Котошихин. – 2-е изд. – СПб, 1859.

8. Робинсон, А.Н. Симеон Полоцкий и русский литературный процесс / А.Н. Робинсон // Русская старопечатная литература XVII – первая четверть XVIII в. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982.

9. Росовецкая, Т.Н. Памва Берында как синтетический тип друкаря-универсала на Украине первой трети XVII века / Т.Н. Росовецкая // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. – Киев, 1987. – С. 78–86.

10. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. –Л., 1970.

11. Сагановіч, Г.Н. Невядомая вайна (1654–1667) / Г.Н. Сагановіч // Спадчына. – 1993. – № 4. – С. 96–111.

12. Свинцов, В.И. Логика / В.И. Свинцов. – М., 1987.

13. Степовик, Д.В. Киев XVII–XVIII веков – всеславянский центр развития изобразительного искусства / Д.В. Степовик // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. – Киев, 1987. – С. 165–173.

14. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Париж, 1937.

15. Хижняк, З.І. Киево-Могиляньска академия. – 2-е изд. – Київ, 1981.

16. Rolland, P.A. Three Early Satires by Simeon Polotsky / P.A. Rolland // The Slavonic and East European Review, 1995. – V. 63, № 1. – P. 18–20.

17. РО ГИМ. Синодальное собрание. – № 287. – Л. 495 об.

18. РО ГИМ. Синодальное собрание. – № 731. – Л. 97–98 об.

19. Зайцев, Д.А. Киево-Могилянская традиция в ее влиянии на русскую религиозно-философскую мысль второй половины XVII века / Д.А. Зайцев // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы научной конференции. – М., 2010. – С. 8–18.

20. Нічик В.М. Киево-Могилянська академія і німецька культура / В.М. Нічик. – Київ, 2001.

21. Терновский, Ф. Киевский митрополит Петр Могила / Ф. Терновский // Киевская старина. – 1882. – Т. 2. – № 4–6.

22. Лаппо-Данилевский, А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. / А.С. Лаппо-Данилевский – М., 1990.

23. Отечественные записки. 1862. – № 3.

24. Ничик, В.М. Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII в. / В.М. Ничик – Киев, 1978.

Калечиц И.Л.

Граффити второй половины XVI–XVIII вв. в Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка

Хронологические рамки граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви довольно широки: середина XII — 30-е гг. XIX в. Нижняя граница датировки связана со временем постройки церкви. Хотя, как свидетельствуют исследователи граффити древнерусских храмов, появление самых ранних надписей может быть связано не только с окончанием постройки, росписи храма и его освящением, но и со строительными и внутренними работами: автографы строителей и художников появляются ещё во время постройки и украшения храма. Верхняя датировка связана с поновлением храма — нанесением масляной живописи поверх фресок. Самые поздние граффити (их не более десятка) датируются 1832 г. Надписи XII–XV вв. составляют значительную часть комплекса надписей храма. И всё-таки саму большую группу составляют граффити XVI–XVIII вв., что обусловлено историческими процессами, происходившими на территории Беларуси в данный отрезок времени.

Безусловно, весь комплекс граффити, нанесённых на стены храма, требует подробного изучения. Ведь их количество составляет около двух тысяч в нижнем ярусе и более двух тысяч в верхнем. При изучении надписей приходится сталкиваться с определёнными проблемами. Во-первых, это датирование граффити. Большую часть надписей можно датировать только по палеографическим данным, но эта датировка приблизительна.

Во-вторых, текстовое пространство во многих местах можно назвать гипернасыщенным. Так, на каждой стене проёма между алтарём и жертвенником, алтарём и диаконником около ста надписей. На каждой стене келий от 30 до 120 граффити. Надписи накладываются друг на друга, граффити на латыни не только безнадёжно портят более ранние кириллические, но и нередко накладываются друг на друга, делая прочтение невозможным.

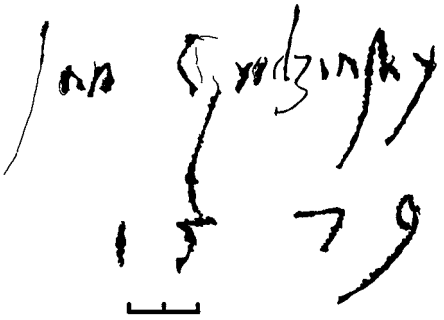


Рис. 1. Граффити алтаря на латинице, датируемые 1579 г.

Однако и такие «скопления» могут нести ценную информацию. Они могут указывать на некоторые особенности устройства храма. Так,

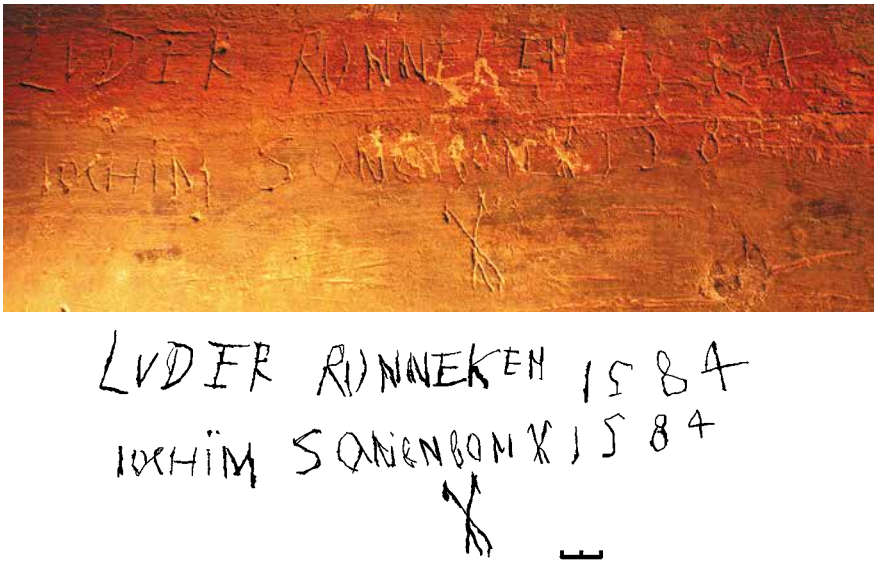


Рис. 2. Автографы Иохима Соненбома и Лудера Роннекена, 1584 г.

например, в диаконнике надписи на латинице располагаются на южной, восточной и части северной стены, в то время как кириллических надписей там практически нет. Можно предположить, что в то время, когда в храм был действующим, в диаконнике располагалась ризница, и стены в этих местах были полностью закрыты. Хоры в XVII в. после перестройки храма иезуитами были значительно выдвинуты внутрь храма. Датированные надписи, сохранившиеся на внешних стенах келий, укладываются в промежуток от 1604 г. до 70-х гг. XVII в. Входы в кельи не были арочными, а позднее они были ещё и расширены. Так, например, справа от входа в келью преподобной было записано на латинице имя Ioanes. Две первые буквы были утеряны из-за расширения проёма двери. Учитывая то, что средняя ширина букв составляет 5 см, дверь была расширена справа как минимум на 10 см. Отсутствие начала граффити внутри кельи указывает на то, что дверь была расширена и слева.

До 1579 г. граффити представлены кириллическими надписями. Именно с этой даты – года вступления в Полоцк войск Стефана Батория – граффити представлены надписями и на кириллице, и на латинице со значительным преобладанием последней. Если ранее граффити были представлены в основном молитвенными и поминальными надписями, фрагментами богослужебных текстов, то после 1579 г. это преимущественно надписи типа «тут был», в состав которых входят имя, фамилия, дата нанесения (год либо число, месяц, год). Иногда надпись начинается словами «тут был» на кириллице или латинице.

Такие граффити есть в алтаре. Они выполнены на латинице и содержат весь «набор», характерный для таких надписей. Это, например, граффито Адама Оглезского, коморника короля польского [**1**, с. 34], или многочисленные

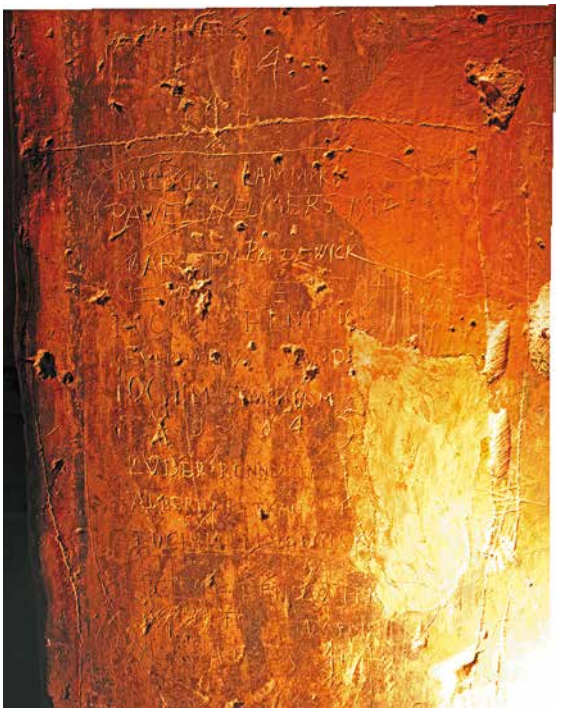


Рис. 3. Автографы наёмников войска Стефана Батория, 1584 г.

надписи на южной стене алтаря: *Ian Grodzinsky 1579* (рис. 1), *Glowczinsky 1579, 1579 Byl tu Voycziech Twarosky, Ano Domini 1579* и т.д. Эти граффити могут принадлежать, в том числе, и солдатам, которые не только вступили на территорию монастыря во время военных действий, но и были размещены там на постой после их окончания.

Интересны надписи, которые датируются более поздним временем, но гипотетически также могут принадлежать военным. Это граффити 1584 г., найденные в алтаре, на стене слева от алтарных врат, северо-восточном и юго-восточном столбах. Автографы были оставлены парой друзей, которых звали Иохим Соненбом и Лудер Роннекен. В алтаре они записали свои имена рядом (рис. 2), на столбах – порознь. У алтарных врат в столбик записан ряд имён и фамилий, среди них есть вышеупомянутые имена. Весь список состоит предположительно из одиннадцати имён (в конце списка штукатурка испорчена) и читается приблизительно так: *«Meleger Lammers // Pawel Helmers 1584 // Kars(t)en Bardewick // Gerd(t) Faget Ao 84 // Iogan(?) Henninck // Everharsus Ano… // Iochim Sonenbom // «знак» 1584 // Luder Ronneken // Albert Betken 1584 // Iohim Hennink // (A) do 84 Den 20(?) Feb // Jerony …Damen»* (рис. 3). Около имени Иохима каждый раз встречается знак, напоминающий букву *X*, верхние концы которой опущены вниз. Два геральдических знака есть внизу и вверху надписи. Фрагмент барочного щита есть справа от списка, однако штукатурка в этом месте испорчена. Имена обведены, по крайней мере, тремя «рамками»; заметно, что список дополнялся. Некоторые имена встречаются и в других местах. Например, имя *Karsten* – на северо-восточном столбе, *Gerdt Faget* – дважды в келье преподобной (рис. 4),

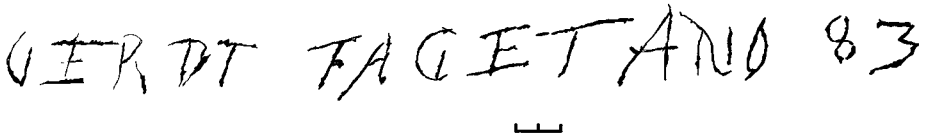


Рис. 4. Автограф Гердта Фагета

Iochim Henninck 1583. Почерк автографов отличается, заметно, что каждый из писавших наносил своё имя сам. Ориентировочно надпись можно датировать 20 февраля 1584 г., судя по двенадцатой строке. Таким образом, можно предположить, что, во всяком случае до 1584 г., на территории Спасского монастыря размещались войска, и солдаты, а в данном случае, судя по именам, наёмники, имели свободный доступ в разграбленный храм.

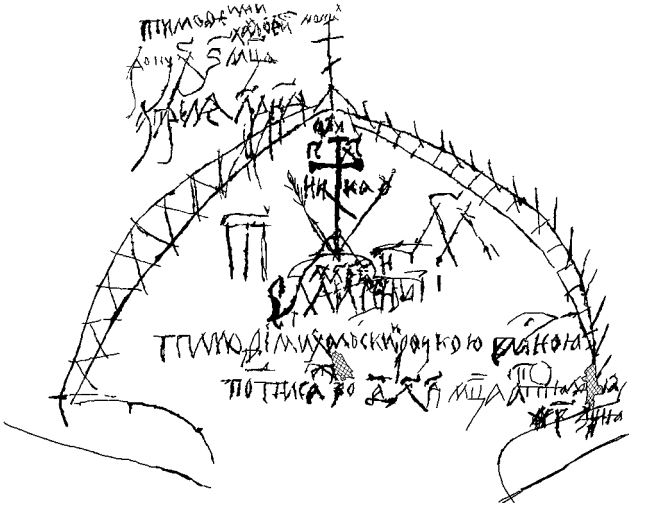


Рис. 5. Автографы Тимофея Михайловского, начало XVII в.

С 80-х гг. XVI в. территория Спасского монастыря принадлежит иезуитскому коллегиуму. Именно с этого времени начинается массовое нанесение надписей на стены учениками коллегиума. Особенно большое количество такого рода надписей зафиксировано в диаконнике, кельях и на хорах. Далее мы будем основываться на датированных надписях. Их хронология выглядит следующим образом: концом XVI в. датируется небольшое количество граффити, наибольшее количество надписей нанесено в XVII в., немного меньше – в XVIII в. По предварительным подсчётам, в келье преподобной надписей XVIII в. гораздо меньше, чем в келье её сестры. Возможно, это связано с установкой в келье Евфросинии решёток и двери и ограничением доступа в связи с хранением там каких-то ценностей.

Датированные надписи конца XVI–XVII в. представлены автографами. Чаще всего это надписи, датируемые 1589 либо 1591 г. Следующие датировки – начала XVII в. – с 1604 по 1607 г. Эти даты связаны с кириллическими граффити Тимофея Михайловского и автографами на латинице. Тимофей Михайловский (он же Тимофей Михайлович – автографы имеют два варианта написания) оставил несколько надписей, в том числе трижды на южной стене хор и дважды – в келье (рис. 5). Судя по оставленным им граффити, он «наведывался» в храм не один раз. Во всяком случае, три из оставленных им надписей датированы. Самые ранние надписи датируются 11 октября и январём 1604 г. Первое граффито находится на изображении св. Мокия, второе – в келье преп. Евфросинии. В первом случае Тимофей записывает свое имя по отцу как «Михайловский» (*«Тимофей Михайловский рукою власною подписал ро(ку) 1604 месяца октября 11 дня»*). Во втором – как «Михайлович». Этим же годом

Рис. 6а. Автограф Иоаннеса Сергеевича.

Рис. 6б. Автограф Михаэля Воловича.

датируется «роскошное» изображение Голгофы, под которой Тимофей подписывается как «смиренный», что не мешает ему, впрочем, разместить свои инициалы «ТМ» под титлами по обе стороны креста. Позже, 30 апреля 1606 г., появляется ещё одна надпись: *«Тимофей Михайлович року 1606 месяца апреля 30 дня»*, а над крестом маленькими буквами записано: *«монах»*. Надписи на латинице датируются 1606 и 1607 гг. Это граффити Иоаннеса Сергеевича и Михаэля Воловича на северной стене хор (рис. 6а, б). Далее датированные надписи представляют практически каждое десятилетие. Особенно много таких надписей на хорах, в кельях, в диаконнике.

Способы оформления надписей разнообразны. Во-первых, они различаются размерами: от скромных надписей, где высота букв составляет 0,3 см, до гигантских букв, достигающих в высоту 15 см. Граффити часто выделялись рамками. Например, автограф *«Zaharias Harbus // Roku 1647 May 11»* обведён прямоугольной рамкой, украшенной косыми чёрточками (рис. 7а). В граффито *«Mariasz*

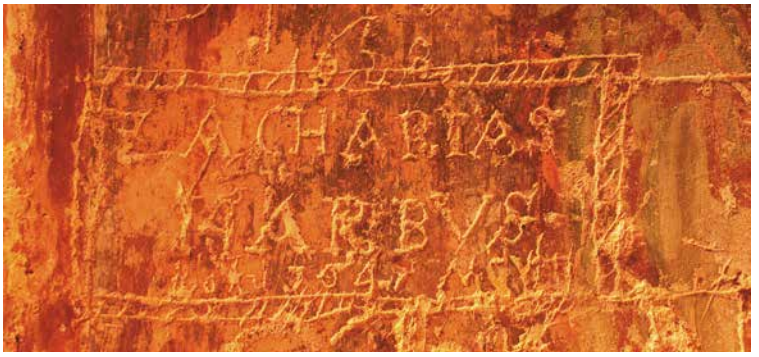


Рис. 7а. Автограф Захариаса Гарбуза, 11 мая 1647 г.

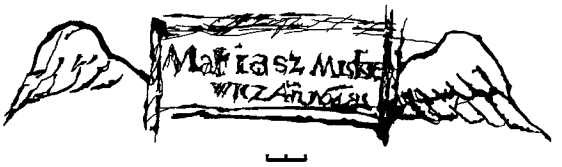


Рис. 7б. Автограф Марьяша Мискевича, 1648 г.

Рис. 8. Автограф Станислауса Сарновского, 1672 г.

Miskie // wicz An 1648» рамка не только украшена косыми чёрточками, но и сопровождается довольно «пухлыми» крылышками (рис. 7б).

Иногда около автографа помещается герб владельца либо его личный знак. Таких граффити пока найдено пять. Примером может служить герб Лелива, найденный на восточной стене проёма между алтарём и диаконником: в поле барочного щита полумесяц рогами вверх, над ним — шестиконечная звезда. В поле герба вписано имя владельца — *Stanislaus Sarnow//ski 1672* (рис. 8), а над гербом — крест и теонимограмма *IHS* (Iesus Hominum Salvator — «Иисус — спаситель человечества»).

Рис. 9. Изображение воина.

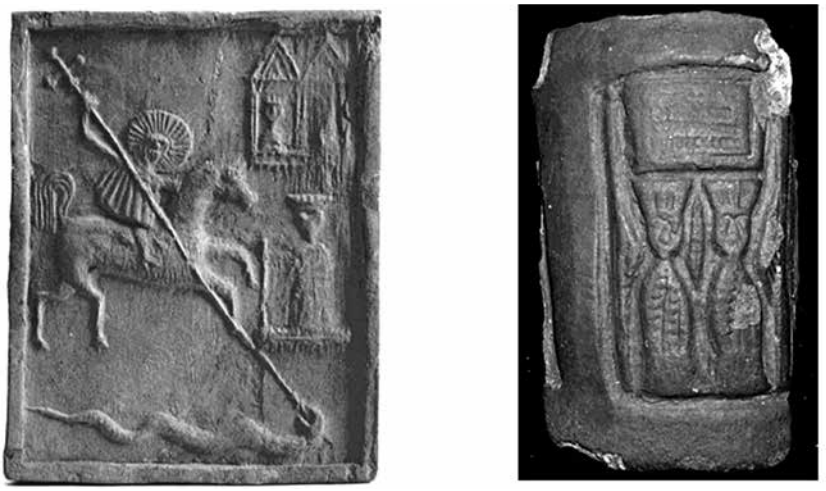


Рис. 10. Изображение князей Бориса и Глеба на чернильнице [4, с. 139].

Впрочем, гербы — не единственные рисунки, выполненные в это время. Установить время нанесения рисунка довольно сложно, если рисунки не содержат подписи, однако одежда либо другие детали могут помочь в датировке. К промежутку XVI–XVII вв. мы можем отнести, по крайней мере, ещё два рисунка. Один из них публиковался ранее. Это изображение воина в алтаре, которое можно датировать XVII в. [**2**, с. 268]. Более подробную и тщательную прорисовку удалось сделать при отсутствии лесов (рис. 9). Второе граффито находится около входа в келью преподобной. Ранее это изображение трактовалось нами как изображение князя [**3**, с. 28]. Изображение трапецевидной шапки, круглых глаз, изогнутых бровей, расходящейся книзу одежды практически аналогично фигурам князей Бориса и Глеба на чернильнице, найденной Д.В. Дуком при раскопках Борисоглебского монастыря (рис. 10) [**4**, с. 139]. Однако расчищенное Ю.И. Малиновским в сентябре 2014 г. ещё одно изображение человека с

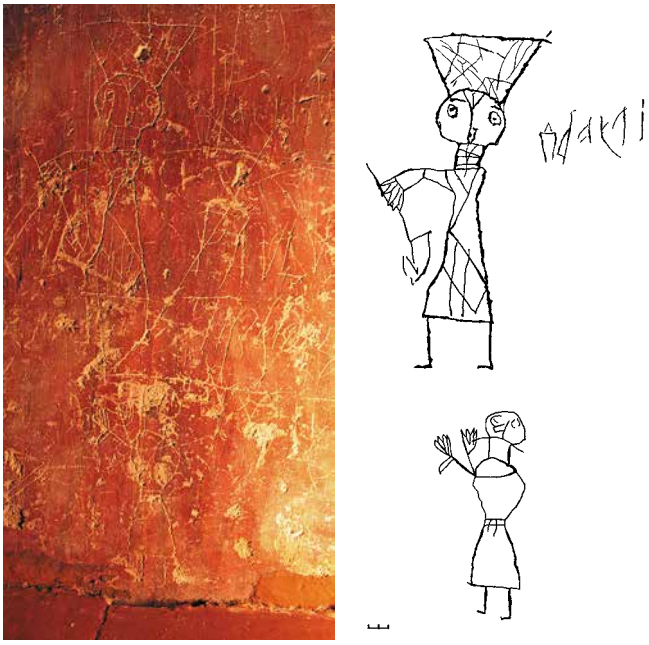


Рис. 11. Изображение князя и просителя, воздевшего к нему руки.

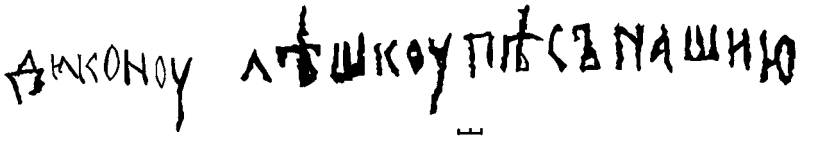


Рис. 12. Граффито о диаконе.

воздетыми в просьбе или молитве руками, а также надпись справа и слева от композиции позволяют изменить прежнюю трактовку изображения (рис. 11). Вполне вероятно, что верхний человечек – это протодьякон, который держит в руке кадило. На голове у него камилавка, право на ношение которой было у протодиаконов, а на стихаре – двойной орарь, который спускается вниз. Граффито справа от фигуры можно прочитать как недописанное слово *«дьако...»* – «диакон». Возможно, это изображение является карикатурным, а в дополнение к нему записано граффито, расположенное слева в строку и тщательно зачёркнутое: *«Дякону (О)лешку песъ на шию»* (рис. 12).

Иногда авторы надписей стремились выделить свои автографы на фоне остальных. Граффити могли помещаться во фрагменты живописи (нимбы, линии, отделяющие иконографические сюжеты), располагаться полукругом, по вертикали и т.д. (рис. 13). Что касается каллиграфии надписей, то среди них встречаются бегло и неаккуратно написанные тонкими линиями. Прочтение таких граффити очень затруднительно. И всё-таки основная масса граффити нанесена старательно. Примером тому может служить граффито Альберта Касперского, который расписался на северной стене западного рукава кельи. Каллиграфическим изящным почерком процарапаны имя и фамилия. Особенно выделяется вычурное написание буквы *«е»*. Однако, это не всё. Слева от граффито находится аналогичная надпись-дипинто, выполненная тем же человеком при помощи туши либо чернил (сейчас надпись имеет светло-коричневый цвет). Им же тонкими процарапанными линиями подправлены стёршиеся черты лица святых: он подрисовал им не только глаза и носы, но и волосы.

Рис. 13. Граффито Павла Госявского, расположенное на нимбе святого.

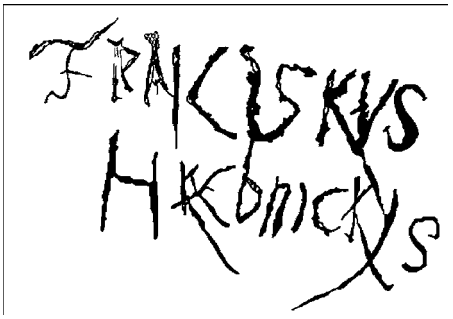


Рис. 14. Автограф Франциска Гребницкого.

Что касается графики письма и некоторых сокращений, употреблявшихся на письме, то среди них можно назвать следующие. Это лигатуры *ae, an, cz, nu, la, ky* в конце слова, буква *w* иногда помещалась в середину *o*. Сокращения обозначались двоеточием, перенос – тремя точками, расположенными одна над другой; использовались надстрочные знаки. Передача звуков на письме требует отдельного исследования. На данный момент мы можем отметить передачу «фрикативного г» буквой *h* (*Cyhanowicz, Hrebnicky*). В начале слова *u* могло передаваться с помощью *i* и *j* (*Ioanes, Joanes*). Одно и то же имя могло быть написано в разных вариантах: *Matias, Matihaus, Matthias*. Встречается также несколько вариантов написания слова «год»: *Aє, Ano, Anno, A.D., A Dm* и т.д.

Некоторые надписи в определённой степени передают сведения о том, что изучалось в коллегиуме. Безусловно, в написании автографов отражено изучение латыни, что проявилось в написании окончаний имён и даже фамилий: *Gregorius, Franciscus, Ioannes* (*Joannes*), *Stefanus* и *Hrebnickus* вместо *Hrebnick(y/i)* (рис. 14). Также некоторые надписи строятся по формуле «Hic fuit имя фамилия», т.е. «Тут был…», но в латинском варианте. В келиях таких надписей немного, они в основном расположены на столбах, особенно на юго-западном. Примером может служить также один из авторгафов Венцеслава Губицкого, расположенный на юго-западной грани северо-восточного столба: *«Hic fuit Wenceslaus // Hubicky A.D. 1587»* (рис. 15). Изучение греческого отражено в имени, которое школяр с большим упорством записал на стенах несколько раз – *Simon Simonides* (иногда с фамилией – *Хмелевский*) (рис. 16). Интересно, что в одном месте другим почерком к этому имени были добавлены слова *puzanista, sociganista, bembenista*, которые, возможно, были прозвищами Семёна. Математическое упражнение – пример вычитания в стол-

Рис. 15. Автограф Венцеслава Губицкого, 1587 г.

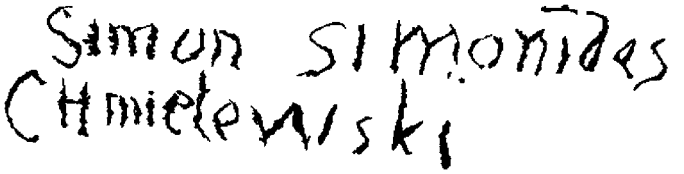


Рис. 16. Граффито «Simon Simonides».

бик – было найдено на западной стене проёма между алтарём и диаконником. Интересно, что в отличие от современных примеров, когда вместо отсутствующих цифр под чертой мы оставляем пустое место, ученики коллегиума записывали X-образные знаки.

В диаконнике и алтаре найдены также граффити, связанные с методикой обучения. Так мы знаем, что лучшие ученики получали звания, которые давали им определённые привилегии. Такие «звания» зафиксированы в надписях на южной стене диаконника и северной стене алтаря. В диаконнике расписался Лаврентиус Ковальский – аудитор красноречия (риторики) (рис. 17), а в алтаре – Филиппус Азарович – аудитор поэтики (рис. 18). Получив звание аудиторов за хорошую успеваемость, они могли проверять домашнее задание у одноклассников.

Часть надписей свидетельствует непосредственно об alma mater школяров – иезуитском коллегиуме. В некоторых граффити рядом с фамилией, годом либо произвольно встречается сочетание «S. I.» – «societas Iesu»

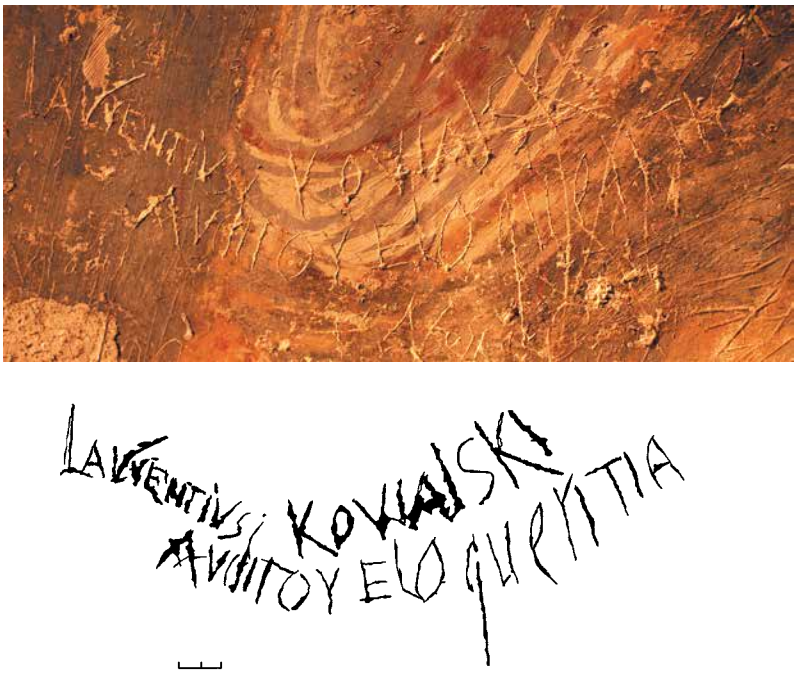


Рис. 17. Автограф Лаврентиуса Ковальского – аудитора риторики.

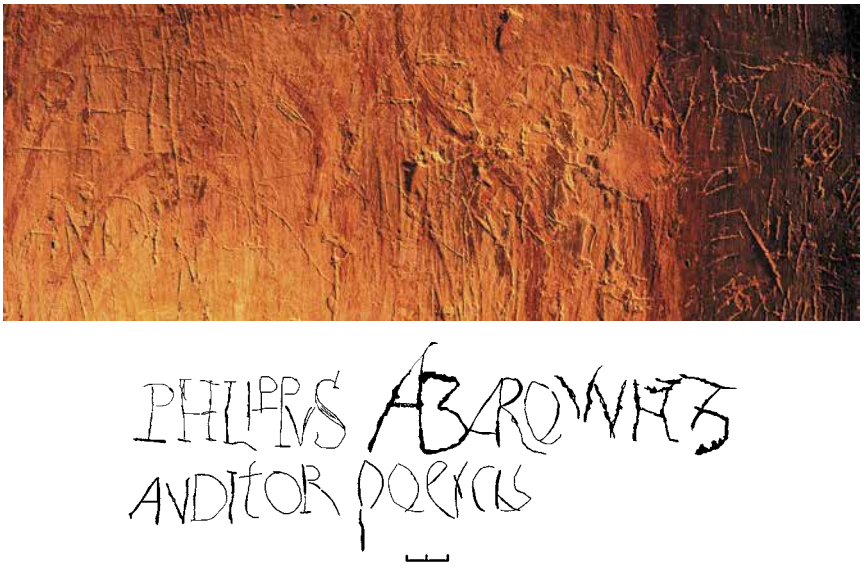


Рис. 18. Автограф Филиппуса Азаровича — аудитора поэтики.

— «Общество Иисуса». Такие надписи есть в проёме между жертвенником и алтарём, на столбах. Примером такой надписи может служить граффито в южной стене ниши восточной стены северного рукава: *«Antonius // Kotlinski S.I.esu 1731»* (рис. 19). В данной надписи, несмотря на то, что после буквы *I* поставлена точка, слово дописано целиком.

Некоторые граффити являются автографами исторических личностей, известных по другим письменным источникам, например, по актовым книгам Полоцкого магистрата. На данный момент обнаружено более десяти таких граффити. Эти автографы располагаются по всему пространству храма: на столбах, хорах, в кельях, диаконнике. Например, граффито *«Petrus Rosz// czewsky 1635»* — на северной стене западного рукава кельи преподобной Евфросинии (рис. 20). Пётр Рощевский — брат бурмистра Василия (Базыля) Рощевского, тесть местского писаря Теодора Павла Ельяшевича. После смерти бурмистра занял место своего брата.

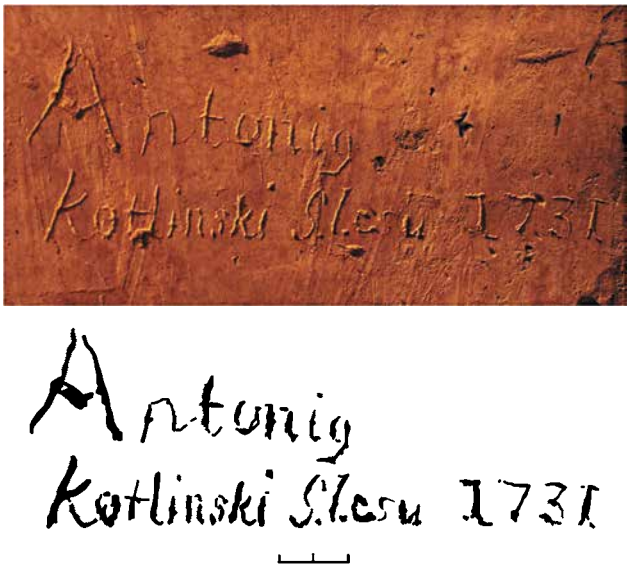


Рис. 19. Автограф Антониуса Котлинского.

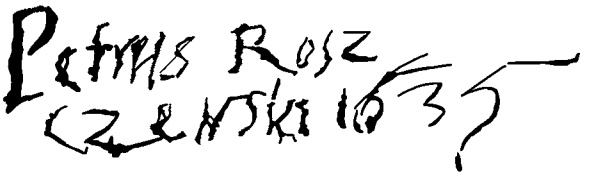


Рис. 20. Автограф Петра Рощевского, 1635 г.

В 1650 г. стал годовым бурмистром «римского боку». В 1676 г. упоминается как покойник. При жизни владел одним из первых каменных гражданских построек Полоцка — домом на улице Великой[1]. Среди исторических лиц, оставивших свои автографы, можно назвать также Яна Александровича, Петра Водейшу, Максима Козловского, Миколая Ленчицкого, Стефана Рощевского, Базыля Свентицкого, Петра Сторымовича, Станислава и Мартина Цыгановичей.

Не все надписи на латинице этого времени однообразны, т.е. представляют собой автографы. Так, в нижнем ярусе церкви есть молитвенные обращения к Богу, записанные только на латинице либо продублированные кириллицей. Например, *«Pomin Hospody Помяни Господи»* (рис. 21). Встречаются также в алтаре и на столбах списки имён для поминания. Так, например, на северо-восточном столбе есть граффито, где автор просит Бога избавить перечисленных им людей от «кар небесных». Граффито, которое значительно отличается от остальных, находится на восточной стене южного рукава келии преподобной Евфросинии. Оно читается как *«Czasu obliężenia // Polocka // Eustafius»* — «во время осады Полоцка, Евстафиус» (рис. 22). Надпись не имеет даты, по палеографическим данным её можно отнести к XVII в. Скорее всего, граффито было нанесено в 1654 г. во время осады Полоцка войсками Алексея Михайловича. Почерк свидетельствует о большой степени волнения писавшего: буквы наклонены в разные стороны.

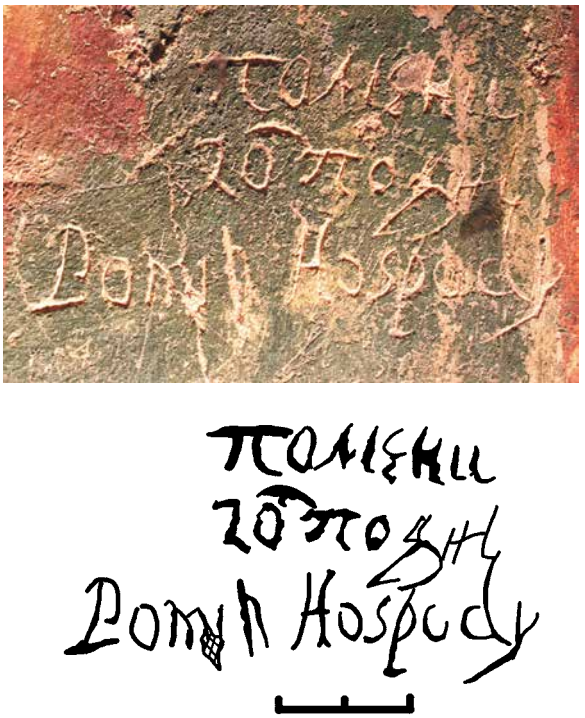


Рис. 21. Молитвенное прошение на латинице и кириллице.

[1] Автор сердечно благодарит М. Макарова за предоставленную информацию.

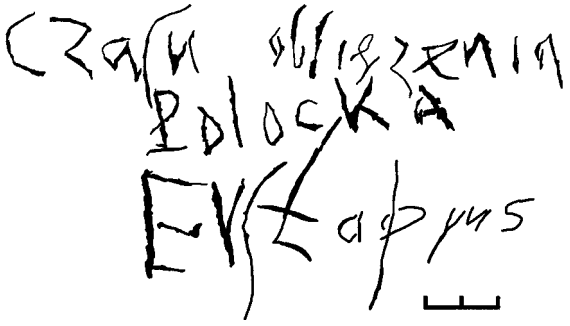


Рис. 22. Граффито про осаду Полоцка.

На стенах храма есть определённое количество женских имён. Их значительно меньше по сравнению с мужскими. Так, женские имена *Beatrix* і *Kristina* записаны в проёме между алтарём и диаконником, на хорах – несколько женских имен: *Zofia Judycka Tyszkiewiczowa, Kristina, Zofia*. Два самых интересных варианта написания встречаются в келье преподобной. В первом граффити женское имя есть в списке: *«Mattias // Sabina // 1604»* (рис. *23*). Можно предположить, что имя записано Матиасом, имевшим сердечную склонность к некой Сабине. Вторая надпись содержит самое длинное многосоставное женское имя: *«Apolonia Cechanowecka Woiewodzanka Ms...auska // ...svi...aska»*. Это граффито записано на восточной стене северного рукава кельи. Конец надписи повреждён, и поэтому граффито ещё не прочитано полностью.

Некоторый перерыв в нанесении граффити на латинице наблюдается с 1654 по 1667 г., что связано с пребыванием здесь войск Алексея Михайловича (в 1656 г. храм был переосвящён). А затем нанесение школярских граффити-

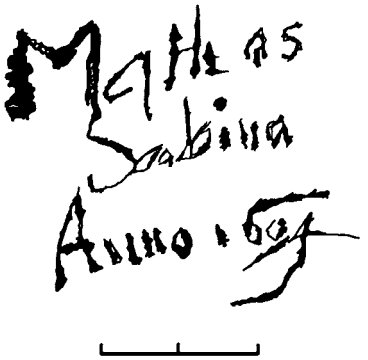


Рис. 23. Граффито «*Mattias // Sabina // 1604*».

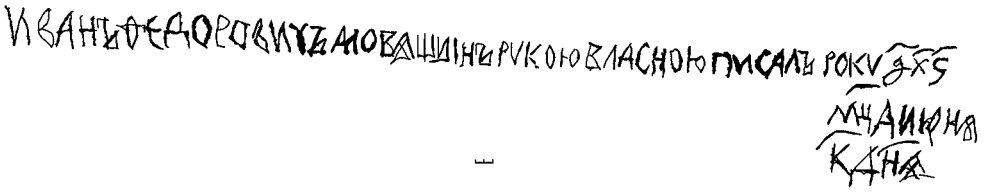
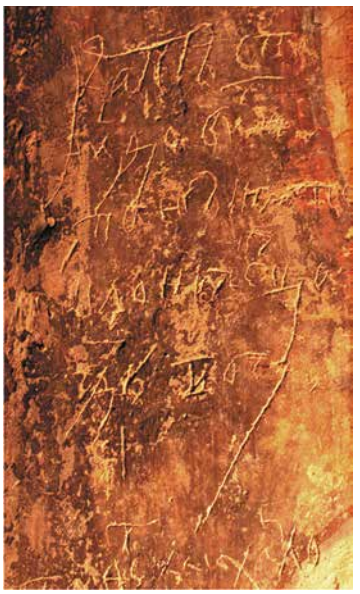


Рис. 24. Автограф Ивана Фёдоровича Аловящына, 1606 г.

автографов продолжалось вплоть до изгнания иезуитов.

Надписи на кириллице также представлены в этом временном промежутке XVI–XVIII вв. Их количество невелико, всего 2–3 % от общего количества надписей этого времени. Кириллические надписи представлены датированными и недатированными автографами, например: *Хвилимонъ*, *Мартин*, *Иосиф*, *Петъръ Шумило 1670*, *Сидоръ 1628*. Эти граффити – констатация факта посещения церкви определённым человеком. Некоторые граффити содержат слова, аналогичные латинскому «manum propria» – «власной рукою» («собственноручно»). Такие надписи есть на хорах и в келье преп. Евфросинии. Это записи Тимофея Михайловского и Ивана Федоровича Аловящина: *«Иванъ Фёдоровичъ Аловящынъ рукою власною писалъ року 1606 месяца июня 20 дня»* (рис. 24). Иногда посещение церкви передаётся фактом молитвы в ней. Например: *«Петр, раб Божий, молится Господу 1767»* или *«Карпъ Спи//ридович Ис//панъко по//клоняетца // Господу Богу»* (рис. 25). Некоторые граффити – молитвенное обращение к Богу: *«Спаси Господи раба своего попа Иоанна // Боярусовича*



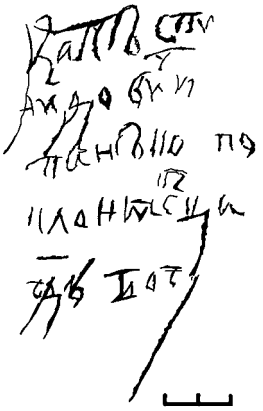


Рис. 25. Автограф Карпа Спиридовича Испанки.

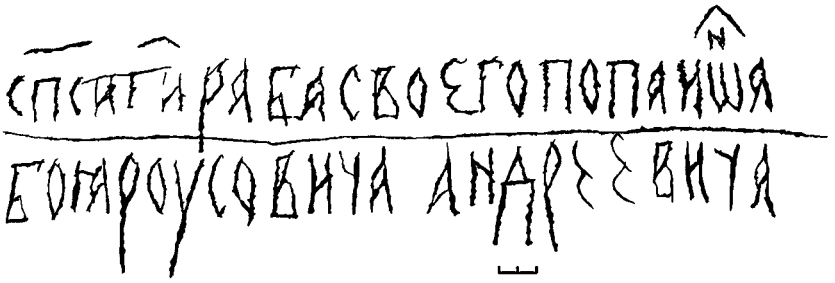


Рис. 26. Молитвенное прошение попа Иоанна Боярусовича Андреевича.

Андреевича» (и ниже ещё раз *«Боярусовича Андреевича»*) (рис. 26). Ко времени пребывания в Полоцке войск Алексея Михайловича, когда церковь была переосвящена и действовала, относится граффито о священноиноке Каллисте, опубликованное ранее [**2**, с. 255]. Возможно, что к этому же времени относится граффито с юмористической окраской о «Пимене иноке» (рис. 27), выполненное, как нам представляется, двумя людьми. Первый из них написал свой автограф ровными, вытянутыми в высоту буквами: *«Пимин инок»;* второй приписал окончание надписи — *«нес ереси»*. Эта часть надписи сначала подражает предыдущей, но потом её автор переходит на скоропись. Возможно, ему кто-то помешал, либо сам он не захотел выдержать надпись до конца в одном стиле.

Таким образом, граффити XVI–XVIII вв. в Спасо-Преображенской церкви Полоцка представлены в основном надписями на латинице, что связано с передачей территории Спасского монастыря ордену иезуитов. Школяры коллегиума, которых вывозили в фольварк Спас на вакации, имели свободный доступ в храм и наносили свои автографы на стены церкви. С одной стороны, эти действия, безусловно, являлись вандализмом, т.к., в отличие от древнерусских

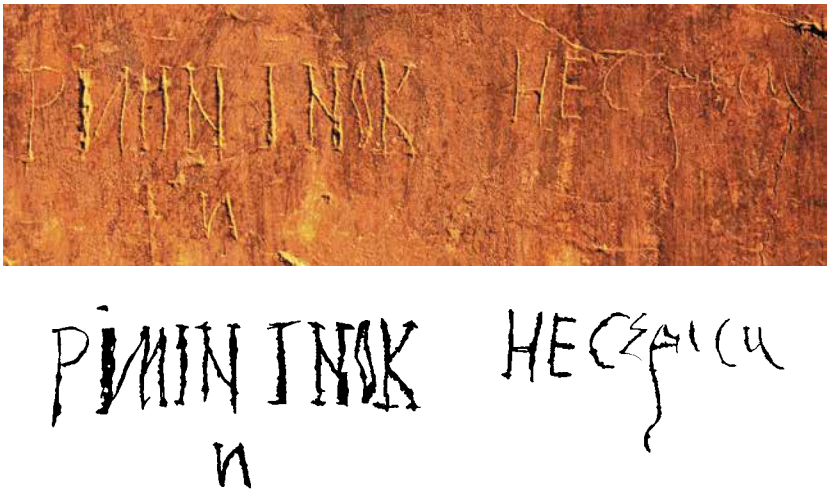


Рис. 27. Шутливая надпись «Пимен инок нес ереси».

кириллических надписей, которые никогда не процарапывались по фигурам и ликам святых, надписи на латинице часто наносились на наиболее видных местах: ликах, фигурах и нимбах святых. Однако информация, которую несут эти граффити, также важна. Её ценность не только в отдельных надписях, но и в их количественном составе, месте и времени нанесения, что может предоставить данные не только для исторических исследований, но и для реставрационных работ, восстановления облика храма в различные периоды его существования.

Список литературы

1. Калечиц, И.Л. Исторические личности в граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви / И.Л. Калечиц // История и археология Полоцка и Полоцкой земли. – Полоцк, 2013. – Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке. – С. 30–35.

2. Калечыц, І.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. / І.Л. Калечыц. – Мінск, 2011. – 271 с.

3. Калечыц І. Людзі і пачвары, кошкі і птушкі: рысункі-графіці ў Полацкай Спаса-Праабражэнскай царкве / І. Калечыц // Беларускі гістарычны часопіс – 2013. – № 5. – С. 25–31.

4. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк, 2007. – 268 с.

Маленко С.А.

Психоанализ Симеона Полоцкого: иноческая Самость в Тени власти[1]

Симеон Полоцкий является подлинным символом своего противоречивого времени. В его жизни, как в капле воды, отразились ключевые социокультурные конфликты XVII в. Иноческий пафос молодости, связанный с надеждами на искреннее служение Богу и людям, позволил проявиться неординарным способностям мыслителя, который уже на студенческой скамье пытается разобраться в смыслах человеческой жизни. Монашеский постриг, принятый Симеоном в Полоцке, стал своеобразным этапом его личностного роста, выступил идеалом, которому он остался верен на протяжении всей жизни. Однако, как повествуют биографы, проведённые в школе при полоцком Богоявленском монастыре годы учительства не только были временем духовного роста инока-просветителя, но также явились периодом разочарований и нереализованных замыслов, выработки сценариев бессознательной компенсации и сублимации юношеских надежд, мечтаний и мотивации. Несмотря на то, что Полоцк к середине XVII в. ещё продолжает быть значимым центром культуры и духовности, тем не менее, древние православные традиции всё больше и больше подвергаются эрозии, что, безусловно, провоцировало пессимизм и безнадёжность в духовной жизни Симеона Полоцкого, оборачивающихся масштабными бессознательными вытеснениями и внутренними конфликтами. Доверяя свои мысли только бумаге, просветитель рассуждает:

Видете мне, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден?
[…] Ума излишком, аж негде девати, —
Купи, кто хочет, а я рад продати.
[…] Свое палаты за печью имею,
А про богатства хвалиться не смею [**5**, с. 26].

Конечно, творческий человек получает вдохновение, только когда осознаёт свою нужность и востребованность, поэтому печаль Симеона вполне объяснима. Имея необыкновенный для своего времени талант, он хотел поставить его на службу людям. Как писал Д. Лихачёв, Полоцкий мечтал «создать в России новую словесную культуру» [**1**, с. 437]. «С его точки зрения, поэт — «второй бог»:

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Иночество: архетипические и социальные аспекты символизации Самости в духовных традициях Новгородской земли»), проект № 14-13-53001.

подобно тому, как бог Словом строит мир, поэт словом своим извлекает из небытия людей, события, мысли. Симеон представляет себе мир в виде книги или алфавита, а элементы мира – как части книги, ее листы, строки, слова, литеры» [**1**, с. 439]. Вполне возможно, что именно так инок Богоявленского монастыря понял своё Божественное предназначение. Поэтому духовная жизнь вполсилы для него была немыслима, поскольку подобная ситуация ставила под угрозу реализацию его земной миссии. Находясь в рамках традиционных патриархальных представлений, Симеон совершенно искренне воспринимал царскую власть как богоподобную. Скорее всего, близость ко двору воспринималась иноком не как возможность материального обогащения, либо неограниченный доступ к «кормушке», как сказали бы сегодня.

Наоборот, подобная ситуация открывает для Симеона уникальные возможности просвещения как самого монарха и его свиты, так и всей державы. В этой идее полоцкий инок продолжает традиции новгородского монашества, а также основную утопическую идею европейского гуманизма, прошедшую через века и страны. Власть, приближая к себе лучших представителей общества, сама становится благороднее, справедливее, возвышеннее. Так на российской почве вновь обретают актуальность платоновские размышления об идеальном государстве и макиавеллевские идеи о достойном правителе. С другой стороны, можно утверждать, что Симеон Полоцкий не только был достойным культурным наследником возрожденческого пафоса Макиавелли и Лоренцо Валла, но и предтечей идеалов европейского Просвещения, влияние которого на российскую культуру было неоспоримым.

В Москве Полоцкий сначала оказывается полезным в качестве «толмача» латыни для знаменитого Паисия Лигарида, что фактически сразу сделало его правой рукой митрополита Газского. А позднее он становится игуменом Заиконоспасского монастыря, при котором была создана школа. Лингвистические способности полоцкого инока наконец-то оказываются востребованными и направляются на службу поборникам идейной чистоты православия. Демонстрируя своё знания языков, великолепные риторические способности и навыки полемиста, Симеон заново обращает на себя внимание самого царя, только уже в другом качестве, не как учителя и богомольца. Скорее всего, роль, которую выполнял Полоцкий во время работы Большого Московского собора, предопределила его карьерные перспективы и сформировала бессознательный сценарий его иноческой драмы. Но ещё до того, как она оформилась, Симеон пытается воспитать ростки будущей российской аристократии, способной оценить потенциал новой словесности. Именно поэтому и при дворе Алексея Михайловича он занимается педагогической работой, воспитывая детей «Тишайшего». По выражению Д. Лихачёва, «Симеон Полоцкий стремился «насытить» быт царского двора и столичной аристократии силлабическими виршами» [**1**, с. 437], которые звучали повсеместно на царских обедах, в боярских хоромах, в церквях. Многие исследователи его творчества

(А.Н. Пыпин, И.Я. Порфирьев) утверждают, что Симеон Полоцкий был «прирожденным конформистом», а его произведения должны были «внешне и внутренне скрыть свое униатство и базилианство» [**4**, с. 296–316].

Вполне возможно, что такое мнение имеет под собой основания. В то же время, мы не должны забывать, что драматические события XVI–XVII вв. позволили начать формирование идейной платформы экуменизма как попытки преодоления богословских конфликтов внутри христианства и формирования веротерпимого, мультикультуруального общества. Эти идеи, по-видимому, были весьма актуальными для мировоззрения Симеона Полоцкого, который в этой связи был отмечен прижизненным прозвищем «униат суща римского костела», которое, по преданию, дал ему иеромонах Чудова монастыря Евфимий. Вполне возможно, что именно эти факты и определили двойственность позиции Симеона Полоцкого по поводу взаимоотношений веры и государства. Эти представления сформировались у него ещё в Киево-Могилянской академии, после окончания которой Симеон надеялся продолжить европейское образование, но возможность личностного совершенствования оказалась под угрозой в связи с православным прошлым мыслителя. Именно поэтому, по мнению Б. Костина, Симеон тайно посвящается в монахи ордена Василия Великого: «Однако без такого шага, предосудительного в прошлом и в глазах грядущих поколений, двери Виленской иезуитской академии были бы для него наглухо закрыты» [**2**, с. 34]. А Полоцк, будучи приграничным городом, всегда был яблоком раздора между Россией и Польшей, что наложило существенный отпечаток на ментальность местного населения, вынужденного постоянно выбирать между униатами, доминканцами, базилианами и православными. Поэтому без экуменической веротерпимости, которая удачно сублимировала в себе разрушительную энергию конфессиональных, этнических, языковых и территориальных конфликтов, здесь не только не могло быть никакой духовной жизни, но и вообще элементарного мирного сосуществования людей.

Приобретённый в Полоцке духовный опыт позволяет Симеону постепенно приблизится к царю Алексею Михайловичу, в окружении которого он из скромного монастырского учителя превращается в придворного идеолога и апологета антираскольнического движения. Этот процесс формирует в его творчестве элитаристские тенденции, которые наиболее ярко проявились как раз в полемике с протопопом Аввакумом. Как известно, мятежный протопоп не допускал возможности элитаризации церкви и культуры, выступая против разделения общества на священников и мирян, а также против церковной иерархии в целом. Симеон же от иноческого отрицания мира во имя Бога постепенно приходит к властному отрицанию мира и самого себя, тем самым усугубляя и без того существующий бессознательный конфликт. Его «Рифмологион» доносит до нас специфику уровня его тогдашней самооценки. Многие свои произведения и письма царю он подписывал так: «нижайший раб и присный богомолец Симеон Полоцкий, иеромонах недостойный» [**6**, с. 112].

Подобная формулировка позволяет однозначно констатировать глубину душевного раскола мыслителя, а также отсутствие на тот момент у Симеона конструктивных способов его преодоления.

Кстати, тот же Аввакум в пылу полемики называет Симеона Полоцкого «римлянином», акцентируя внимание на его принадлежность к лагерю «латинян». Здесь, безусловно, прослеживается аналогия с новгородской историей, в которой навсегда запечатлен образ преподобного Антония Римлянина, основателя Новгородского Антониева монастыря. Прозвище «римлянин» на огромных территориях Руси, как правило, давали выходцам с Запада, которые персонифицировали своими мыслями и поступками средневековое европейское образование. Тем не менее, существовавшая вначале настороженность новгородцев к Антонию не помешала его последующей канонизации как на местном, так и на общецерковном уровне. Параллельно с деятельностью Симеона Полоцкого в Москве в Новгород из Италии прибывают греки Иоанникий и Софроний Лихуды, которых называли «мудрейшие самобратия». Показательно, что в случае с Симеоном такой высокой оценки, как у Антония Римлянина, его жизнь и творчество получить и не могли. Ситуация вокруг биографии Симеона Полоцкого напоминает драматический накал, разворачивающийся в конце XV — начале XVI в. в связи с ересью жидовствующих.

Вспомним хотя бы исторические перипетии XVII в., когда необходимость модернизации российского общества привела в движение столь разнородные духовные течения, драматическое столкновение которых обернулось крупнейшей трагедией российской духовной истории — Расколом. В то же время, мы не должны забывать, что эта ситуация сложилась именно в Московском царстве, но никак не на территории Новгородской республики. В этом смысле Полоцк, а с ним громадная территория Белой Руси и Великого Княжества Литовского, были намного духовно ближе друг к другу, нежели нередко конфликтовавшие между собой Москва и Новгород или, тем более, отдельные земли, входившие в Московское государство. Новгород и Полоцк, активно контактировавшие с представителями различных культур и религий, всегда намного спокойнее относились к подобным отличиям. Тогда как в Московском государстве инакомыслие очень часто становилось поводом как к политическому и экономическому, так и к идеологическому и религиозному преследованию. В подтверждение этих рассуждений можно вспомнить выдвинутую немецкими историками Байером, Шлёцером и Миллером «норманнскую теорию» происхождения Руси и её государственности, или факт призвания легендарного Рюрика на княжение в Новгород в 862 г. Сюда же можно отнести историю борьбы с еретическими движениями «стригольников» и «жидовствующих». Вероятнее всего, если бы Новгороду удалось удержать свою независимость, вопрос о ересях не стоял бы на повестке дня русской истории вовсе.

Точно такая же ситуация складывается и вокруг отдельных моментов биографии Симеона Полоцкого. Получив религиозное образование, он, тем

не менее, не превратился в мыслителя-схоласта, но сформировался в традициях свободного художника и философа, для которого главным мировоззренческим приоритетом всегда были идеалы свободного развития разума, а не раболепствование перед догматизмом Буквы. Наверное, поэтому Б. Костин считает, что «Симеон Полоцкий не скован веригами схоластики, напротив, «моральная свобода» предоставляет уникальную возможность выбирать то, что ему подсказывает разум, то, к чему влечет душа» [**2**, с. 167]. Подобная мировоззренческая позиция накладывает отпечаток и на специфику симеоновского прочтения православия. Ведь он даже церковную словесность воспринимал с позиций ораторского искусства. В то же время, в своих текстах Полоцкий придаёт Святому Писанию статус прежде всего символического, а не канонического текста, выступающего культурным памятником и выражающего от имени Церкви суть веры и учения.

Так, в творчестве Симеона закономерно появляются древнегреческие аналогии в описании величия российского государства. Истолковывая символ российского самодержавия, Симеон приходит к образу орла, который объясняет, опираясь на традиции античной мифологии. Греческие музы своим божественным светом позволяют атрибутировать нравственные качества русичей. В его произведениях встречаются Урания, Клио, Евтерпа, Калиопа, Эрато, Мельпомена, Талия, Терпсихора, Полигимния, которые воспевают Россию как преемницу духовной культуры Византии. Западные симпатии полоцкого инока очевидны, однако парадоксально, что, будучи выходцем из славянской культуры, он, по сути, нигде в своих текстах не прибегает к параллелям из народного фольклора. Более того, он хотел освободить российскую литературу от «славянщины», которая, по его мнению, затрудняла восприятие. Кстати говоря, отрицательно он относился и к древнерусским летописям.

В то же время, та же греческая мифология, прежде чем стать литературой, тоже длительное время бытовала в форме устного народного творчества. Эта ситуация свидетельствует о нарастании бессознательных противоречий в личностной эволюции Симеона, ещё находившегося в тот период под неосознанным влиянием содержаний архетипа Анимы, которые начали едва дифференцироваться в воспеваниях музами небесной сущности России. Но Анима в творчестве Полоцкого всегда появляется в сакральном ореоле архетипа Матери, символом которого является Держава. В то же время, не следует забывать, что бессознательные образы Родины содержательно не тождественны их семиотическим эквивалентам, сконцентрированным в государственной символике и геральдике.

Именно этот факт на протяжении всей жизни полоцкого просветителя усугублял бессознательный раскол в его жизни и творчестве. Поэтому юношеский иноческий выбор Симеона в дальнейшем так и не смог реализоваться в полноценную самостную стратегию. И только, пожалуй, учительство и просветительская деятельность стали наиболее адекватными воплощениями

иноческих порывов молодости, которым, несмотря ни на что, он остался верен до последних дней. С другой стороны, актуализация мифологической речи свидетельствует о вызревших в его творчестве символических контекстах, которые в середине XVII в. становятся наиболее актуальными. С третьей — образ «венчанной с небом Россией» в новых реальностях культуры барокко реанимирует, хотя и в форме поэтического произведения, идею Святой Руси, столь характерную для Новгородских земель, в которых бытовало стойкое убеждение, что Новгород и Святая София находятся под небесным покровительством.

Античный и возрожденческий дух, которым было исполнено сознание Симеона, вызывал массу нападок со стороны церковных служителей, несмотря на то, что и сам он также принадлежал к церковной иерархии. Этот факт переводил бессознательные конфликты на новый уровень отчуждения, что побуждало Симеона к поискам изощрённых, церемониально-протокольных, дипломатических схем, которые могли бы способствовать осуществлению давних юношеских целей. Он одновременно был на служении у царя и его свиты, а также выполнял поручения высших церковных иерархов России того времени, что создавало широкие возможности для налаживания дипломатических и меж- и внутрисословных контактов. Хотя демонстративная близость ко двору, тем не менее, говорила об определённых мировоззренческих трансформациях, которые произошли в душе полоцкого инока. Симеон мог высмеивать и осуждать дворян, церковных иерархов, обычных граждан, но только не царя и его семью. Эта тема всегда была священной и табуированной и никогда не подвергалась ни малейшим сомнениям.

В этом смысле заиконоспасский игумен-просветитель в полной мере отыгрывал византийский сценарий толкования власти как богоподобия, не считая её результатом номенклатурной эволюции и карьерного стяжательства грешных людей. Подобная оценка, безусловно, характеризует Симеона как апологета элитаризма, который, в свою очередь, имеет не земное, но божественное происхождение. Это также указывает на архетипический символизм в социальном и литературном творчестве мыслителя. Поэтому обвинения многих исследователей творчества Симеона Полоцкого в том, что это всё делалось осознанно, не всегда подкреплены достаточными аргументами и имеют смысл. Наоборот, некритическое, священное отношение к царю как раз и характеризует Симеона как искреннего поборника иноческой праведности и благочестия, которое, к сожалению, свидетельствовало уже не в пользу его деформированной внутренними бессознательными конфликтами личности. В условиях быстрого роста самодержавных тенденций оказалось, что как сам Симеон, так и все выдающиеся люди этого периода, втянутые в дискуссии по поводу символа веры, далеко отстали от политики, которая в это время начинает уже открыто и явно доминировать над культурой и ментальностью.

В рамках психоаналитической традиции подобная личностная эволюция однозначно квалифицируется как явное бессознательное отождествление

с содержаниями «Персоны». По-другому эта ситуация ещё описывается специалистами как синдром «профессиональной деформации» или «выгорания личности». Благо для этого у Симеона Полоцкого были все основания. Он попадает в круг царской элиты, становится придворным сочинителем, что укореняет его бессознательную уверенность в правильности своего жизненного выбора. И те способности, которыми от природы обладал Симеон, в основном направлялись на удовлетворение потребностей двора, а не на служение Богу в классических иноческих традициях, которые когда-то так горячо разделял юный Симеон.

Анализируя церковные тексты периода Большого Московского собора, можно увидеть, что тональность организованной в его рамках полемики практически полностью соответствует схоластической экзегетике западноевропейского средневековья. В то же время, благодаря таланту Симеона Полоцкого идеологические доктрины в России начали оформляться в литературном стиле, а искусство постепенно превращалось в одно из действенных средств политической идеологии нарождающейся империи. Это очень ярко видно при анализе специфики содержания и стилистики «Орла российского» (1667), который был посвящён спуску на воду первого российского фрегата с одноименным названием. Следует подчеркнуть, что актуализация католических стратегий на русской почве была не случайна, поскольку, как оказалось, в этой полемике проигравшими остались абсолютно все её участники, кроме главного «заказчика» — российского самодержавия, по инициативе которого и проходил собор. Показательно, что подлинные идеологи как от никонианской, так и от старообрядческой «партии», втянутые в этот пустой диспут, оказались в дальнейшем одинаково устранены от непосредственного духовного (но не номинального!) патроната процессов развития политической системы российского общества.

В то же время, российская власть, сублимировав выдающиеся способности и потенциал искренней веры как одних, так и других, перенаправила его на собственное институциональное строительство. В эту же «копилку» поступил и громадный ресурс растерянности и страха народа, искусственно погружённого в интеллектуально-схоластические распри, что, безусловно, на многие века отшатнуло его как от самой церкви и государства, так и от представителей духовной и творческой элиты. Поэтому начавшиеся тогда процессы отчуждения от Власти и от Веры со временем приобретают всё более трагические формы. Когда шок антираскольного террора прошёл, народ, конечно же, опять потянулся к церкви, но, скорее, движимый уже чувством страха потерять последнее, нежели подвигаемый примерами высокого иноческого служения.

Что же касается личной драмы Симеона Полоцкого, то он, фактически, стал одним из выдающихся культурных символов своего времени, когда старое уже было разрушено, а новое ещё не построено. Иными словами, Симеон попал в «теневую» западню, устроенную российской властью для наиболее талантливых и чувствительных людей того времени. Сервильная эксплуатация

духовности и иноческого подвижничества в Российской империи, к сожалению, на многие века стала «естественным» фоном развития культуры, которая была вынуждена из века в век топтаться на одном месте, периодически отвечая власти на один банальный вопрос «Яко крестишься?».

На эту же специфику схоластической трансформации русской иноческой традиции и духовности обращает внимание и знаменитый российский историк Н. Костомаров: «Благочестие русского человека состояло в возможно точном исполнении внешних приемов, которым приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; и у Никона благочестие не шло далеко за пределы обрядности. Буква богослужения приводит к спасению; следовательно, необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильнее» [**3**, с. 368–369]. Таким образом, абсолютизация обрядово-ритуальной стороны в русском православии, которая произошла не без участия Симеона Полоцкого, обернулась в дальнейшем повсеместной семиотизацией духовного пространства русского человека, которое теперь тоже стало властным. А идеалы иноческой Самости, веками служившие устоями Святой Руси, теперь проявлялись в номиналах должностей, банковских счетов и потребительских притязаний.

И даже после смерти Симеона его осуществлённые и так и не реализованные жизненные планы стали предметом осуждения и дрязг, о чём свидетельствует приписанное патриархом Иоакимом клеймо ереси, относящееся к книгам полоцкого просветителя. Симеона постигла судьба многих из тех, с кем при жизни он так активно боролся. Это лишний раз свидетельствует, что его, как и многих других, власть просто использовала, чтобы «руками» людей знающих и талантливых расправиться с неугодными. Поэтому власти всегда нужна жертва, хотя бы символическая, которая позволит дискредитировать всех участников социальной коммуникации, кроме себя самой — единственного сакрального авторитета.

Список литературы

1. История русской литературы X–XVII век / под ред. Д.С. Лихачева. — М.: Просвещение, 1980. — 465 с.

2. Костин, Б. Верный слуга Алексея Михайловича. Две жизни Симеона Полоцкого / Б. Костин. — М.: Вече, 2013. — 288 с.: ил.

3. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. — М.: Мысль, 1993. — 608 с.

4. Полевой, П.Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / П.Н. Полевой — СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1903. — Т. 1. — 652 с.

5. Симеон Полоцкий. Вирши. — Минск: Маст. літ. 1990. — 447 с.

6. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. — М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. — 282 с.

Мыслівец Г.М.

Гісторыя і спецыфіка шанавання Прападобнай Еўфрасінні Полацкай (канец XVI – пачатак XVIII стст.)

Еўфрасіння Полацкая была кананізавана ў чыне прападобных як асоба, прылічаная да святых па выніках аскетычнага жыцця і здзяйснення малітоўнага і манаскага подзвігу. Прападобная належыць да той катэгорыі асоб княжацкага роду, якія сталі інакамі і ігуменамі, і якіх можна аднесці да чыноў святых дабраверных князёў (княжон) і прападобных. Мясцовае шанаванне Еўфрасінні Полацкай было распачата ў Полацку напрыканцы XII ст., адразу пасля вяртання яе спадарожнікаў (Давіда і Еўпраксіі) на радзіму з паломніцтва да Святой Зямлі. Культ функцыянаваў лакальна (у тэрытарыяльных межах Полацкай епархіі) і быў сканцэнтраваны ў межах Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра. Кананізацыя прападобнай насіла мясцовы характар і была, верагодна, здзейснена полацкім епіскапам Дыянісіем, улада якога распаўсюджвалася на адну епархію.

Культ Еўфрасінні Полацкай ніколі не быў статычным. З моманту свайго зараджэння і паступовага станаўлення ў гісторыі шанавання прападобнай здараліся як станоўчыя, так і адмоўныя падзеі, якія прыводзілі да негатыўных наступстваў і, як вынік, працяглых перапынкаў у развіцці культу. Са свайго боку, мы паспрабуем разгледзець і вызначыць спецыфіку шанавання прападобнай ігуменні на тэрыторыі Полацка ў перыяд з канца XVI да пачатку XVIIIст., калі становішча культу апынулася пад татальнай пагрозай далейшага функцыянавання.

У 1582 г. Стэфан Баторый (1576–1586) перадаў у валоданне каталіцкага Ордэна езуітаў амаль усе полацкія манастыры разам з маёмасцю, у тым ліку і Спаскі. Тагачаснае становішча Спаскага манастыра з'яўлялася своеасаблівым маркерам ушанавання прападобнай Еўфрасінні ў Полацку. Згодна з матэрыяламі рэвізій за 1552 і 1580 гг., Спаскі манастыр быў самым уплывовым і заможным: на землях жаночай абіцелі жыло каля 300 «дымоў» сялян [**4**, с. 172]. Пасля выгнання з манастыра яго былыя насельніцы перанеслі Еўфрасіннеўскі крыж у Сафійскі сабор, дзе той знаходзіўся да 1841 г. З 1596 г. Сафійскі сабор стаў уніяцкім, і крыж перайшоў у валоданне ўніятаў, якія шанавалі святыню і захоўвалі яе ад езуітаў [**5**, с. 26–27].

Безумоўна, што заняпад манастыра Св. Спаса не спрыяў пашырэнню межаў культу Еўфрасінні Полацкай. Акрамя таго, у канцы XVI ст. пад уплывам

ранейшага шанавання Еўфрасінні Полацкай, як і ў роўнай ступені ў процівагу яму, сярод полацкіх каталікоў была распаўсюджана легенда аб двайніку Еўфрасінні – Параскеве-Пракседзе, якая здзейсніла паломніцтва ў Рым, пабудавала там храм і была пры ім пахавана [**9**, с. 97–98]. В.Я. Данілевіч у даследаванні «К вопросу о Параскеве-Пракседис, княжне Полоцкой» [**9**], каб размежаваць дзве асобы, падае шэраг істотных адрозненняў у Жыціи Еўфрасінні Полацкай і Параскевы Полацкай (Еўфрасіння з'яўляецца дачкой Святаслава-Георгія, пад канец жыцця накіравалася ў паломніцтва ў Іерусалім, дзе была пахавана пры манастыры Прасвятой Багародзіцы; а Параскева была дачкой князя Рагвалода-Васіля, пад канец жыцця «зобралася до Рима», дзе і была пахавана ў касцёле Параскевы-Пракседзіс). Так, В.Я. Данілевіч сцвярджае аб грунтоўнай перапрацоўцы Жыція Еўфрасінні Полацкай з пэўнымі запазычаннямі з Жыція прападобнай Пракседзіс Рымскай [**9**, с. 97]. Абодва аўтары адмаўлялі рэальнае існаванне гістарычнай асобы Параскевы. На думку А.П. Сапунова, спалучэнне двух жыційных твораў садзейнічала стварэнню Жыція Параскевы Полацкай з «уніяцкімі рысамі» [**17**, с. 45]. Згодна з А.А. Мельнікавым, у аснову легенды пра Еўпраксію Полацкую ляглі рэальныя факты з жыцця Звеніславы Барысаўны (у манастве – Еўпраксіі), якая шанавалася ў межах Полацкага княства [**13**, с. 110].

На працягу больш за 200 гадоў (з кароткім перапынкам на вайну Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг.) Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр знаходзіўся пад уладай каталіцкага Ордэна езуітаў. За час панавання езуітаў на землях былога праваслаўнага манастыра паўстаў фальварак Спас, цэнтр якога знаходзіўся праз ручай, на поўнач ад сучасных манастырскіх будынкаў. Тэрыторыя жаночага манастыра была ператворана ў рэзідэнцыю езуіцкіх віцэ-генералаў, генералаў і кіраўнікоў заснаванага калегіума [**18**, с. 3]. Вядома, што ў 1582 г. езуіты атрымалі царкву Спаса ў значна пашкоджаным стане. Верагодна, падчас ваенных дзеянняў храм быў спустошаны, а верхняя частка яго аб'ёму, спачатку перакрытая закамарамі, часткова разбурана. Над храмам Спаса Праабражэння быў узведзены жалезны крыж, на якім змяшчалася манаграма імя Ісуса Хрыста. Да стварэння ў 1786 г. т.зв. Ксавер'еўскіх могілак целы памерлых полацкіх езуітаў хавалі ў сутарэннях Спаскай царквы і абок яе. Верагодна, што ў XVII ст. пашкоджаная Спаская царква, за якой езуіты захавалі яе назву – Праабражэння, або Панскага Перамянення, не выкарыстоўвалася па назначэнні. Аб гэтым сведчаць, у прыватнасці, хуліганскія графіці, пакінутыя на сценах храма тагачаснымі полацкімі шкалярамі [**7**, с. 64–73].

Час, калі мошчы святой былі перанесены ў Дальнія пячоры Кіеўскай лаўры, дакладна невядомы і да сённяшняга дня застаецца на ўзроўні гіпотэз. Яўген (Балхавіцінаў) не дае адназначнага адказу на гэта пытанне. На яго думку, мошчы былі пакладзены ў пячорах «в последствии времени» [**2**, с. 66]. Вядома, што з моманту пакладання ў лаўры яны знаходзіліся ў нішы падземнай царквы Дабравешчання Прасвятой Багародзіцы, на правым баку, побач з мошчамі Касіяна Затворніка і Арсенія Працалюбівага [**2**, с. 66].

Месца лакалізацыі ракі ў храмавай прасторы, асаблівасці яе архітэктурна-мастацкага вырашэння з'яўляюцца немалаважнымі маркерамі ступені ўшанавання святога падзвіжніка. Верагодна, што першапачаткова мошчы Еўфрасінні знаходзіліся ў адной са шматлікіх пячорскіх локул (гарызантальная прастакутная ніша ў сцяне падземных катакомбаў, куды клалі цела нябожчыка), якая была замуравана ці зачынена спачатку дошкай, а пазней іконай прападобнай. Такая форма захоўвання мошчаў прападобнай ігуменні змянілася пры мітрапаліце кіеўскім і галіцкім Пятры Магіле (1632–1647): святыя астанкі былі перакладзены з нішы-локулы ў раку, якая была ўладкавана для большай зручнасці ў арачнай нішы сцяны (аркасоліі) у Дальніх пячорах. На думку ігуменні Серафімы (Шэўчык), пасля таго, як мошчы Еўфрасінні былі перавезены ў Кіеў (час аўтарам таксама не ўдакладняецца), яны спачывалі «пад спудам» да XVII ст., калі былі цудоўна вынайдзены [**20**, с. 307]. Як сцвярджаў Я.Я. Галубінскі, сярод святых, якія спачываюць ў пячорах Кіеўскай лаўры, няма такіх мошчаў, якія знаходзіліся б пад спудам, за выключэннем святых астанкаў прападобных Антонія і Феадосія Пячорскіх [**8**, с. 206].

Згодна з нарысам В. Пціцына, які быў змешчаны ў «Полацкіх епархіяльных ведамасцях» [**14**] напярэдадні перанясення мошчаў Еўфрасінні Полацкай з Дальніх пячор лаўры ў Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр, труна прападобнай ігуменні была выраблена з кіпарысу і пакрыта лакам. Згодна са зместам артыкула, аздабленне надтруннага комплексу не было цалкам сярэбраным. Па ўсёй даўжыні ракі была прыбіта сярэбраная дошка (107×22 см) з двума надпісамі па краях і трыма чаканнымі барэльефамі з выявамі перанясення мошчаў Еўфрасінні з Іерусаліма ў Кіеў [**14**, с. 817]. На левым баку дошкі быў змешчаны чаканены надпіс: «Приложил сию дщицу многоцелебныя святыя угодницы Божией, Евфросиньи, княжны Полоцкой, мощам, почивающим в Киево-Печерском монастыре. Михайла Ушаков. 1782 года» [**14**, с. 818]. Такім чынам, першы вядомы нам надтрунны комплекс, створаны над мошчамі Еўфрасінні Полацкай пасля іх пакладання ў Дальніх пячорах Кіеўскай лаўры, быў канчаткова сфарміраваны напрыканцы XVIII ст. стараннямі нейкага Міхаіла Ушакова і ў такім выглядзе праіснаваў да мая 1910 г. У выданні «Киевские пещеры и Киево-Печерская лавра» (1864) можна знайсці інфармацыю, што мошчы прападобнай спачывалі ў сярэбранай труне, якая была выраблена «ревностными поклонниками» ў падзяку за шматлікія цудоўныя выратаванні [**10**, с. 22].

Час, калі мошчы Еўфрасінні Полацкай былі прынесены ў Кіеў, застаецца невядомым. Аднак той факт, што мошчы былі адкрытымі на працягу іх знаходжання ў Свята-Успенскай лаўры, не выклікае сумнення. Аб гэтым сведчыць дасканалае адлюстраванне аздаблення асобных фрагментаў ракі (унутраная частка труны была абабіта чырвонай шаўковай тканінай з вышытымі кветкамі; месца ракі, да якога вернікі непасрэдна прыкладваліся да мошчаў прападобнай, было абабіта гладкім цынкавым лістом; адкрытая крышка дамавіны мацавалася да сцяны і зачынялася толькі на ноч) і элементаў адзення мошчаў

святой (мошчы Еўфрасінні былі пакрыты чырвоным шаўковым матэрыялам, цела апранута ў манаскую схіму і чырвоныя аксамітныя туфлі, аздобленыя золатам; твар і галава былі пакрыты вызалачанай парчой — шаўковай тканінай для пашыву царкоўных убораў).

Дзякуючы намаганням кіеўскага мітрапаліта Пятра (Магілы) (1632–1647), які звярнуўся да канстанцінопальскага патрыярха з настойлівай просьбай аб кананізацыі пячорскіх святых, у 1643 г. Еўфрасіння была далучана да ліку мясцовашанаваных святых г. Кіева [**12**, с. 171–172]. Да гэтай падзеі было прымеркавана напісанне іераманахам Мялеціем Сірыгам «Канона пячорскім святым». У «Каноне…» згадваюцца 74 святыя (41 — лаўрскі і 26 — агульнарускіх і абласных) [**3**, с. 43]. Імя полацкай ігуменні ўзгадваецца ў 8-й песні сярод іншых падзвіжнікаў, якія спачывалі ў Бліжніх і Дальніх пячорах Кіева-Пячорскай лаўры: «Евфросинію, радованіе Полацкае і дзевам сіяніе, Хрысце мае, Табе привожду молитвенницу, еяже дзеля выратуй мяне!» [**1**, с. 511; **11**, с. 258]. Такім чынам, мясцовая дакументальна засведчаная кананізацыя Еўфрасінні Полацкай была здзейснена ў сінадальны перыяд; акрамя таго — пісьмовы акт кананізацыі быў не адзінкавым, а саборным. Так, Еўфрасіння, ігумення Полацкая, была прызнана святой сярод іншых 118 падзвіжнікаў, чые мошчы спачывалі ў Дальніх і Бліжніх пячорах Кіеўскай лаўры, і атрымала статус кіеўскай святой.

У 1685 г. у склад Маскоўскага патрыярхата ўвайшла Кіеўская мітраполія. Разам з тым у рускую царкоўную практыку паступова ўваходзіла святкаванне дня памяці ўкраінскіх святых, якія раней былі невядомы ў Маскве. Згодна з указам, святыя, якія ўваходзілі ў Сабор кіева-пячорскіх прападобных, атрымалі афіцыйнае ўшанаванне толькі ў 1762 г. (указ быў пацверджаны ў 1775 і 1784 гг.). Імя прападобнай полацкай князёўны разам з іншымі прападобнымі кіева-пячорскімі айцамі было ўнесена ў рускія святцы для агульнага шанавання. Штогод, 28 жніўня (10 верасня па н.ст.), памяць Еўфрасінні адзначаецца ў Саборы кіева-пячорскіх святых, якія спачываюць у Дальніх пячорах.

Летам 1654 г., калі войска маскоўскага князя Аляксея Міхайлавіча заняло тэрыторыі Полацкага і Віцебскага ваяводстваў, была адноўлена Полацкая праваслаўная кафедра. 9 ліпеня 1656 г. у прысутнасці цара Спаса-Праабражэнскі храм быў пераасвячоны ў праваслаўную царкву Спаса Праабражэння. Паводле Андрусаўскага пагаднення 1667 г. Полацк быў вернуты Рэчы Паспалітай. Праваслаўная кафедра прыпыніла сваё існаванне, а храм Св. Спаса, звернуты ў рымска-каталіцкі касцёл, зноў перайшоў да езуіцкага ордэна. Магчыма, пераасвячэнне храма пры ўдзеле маскоўскага цара паўплывала на пашырэнне межаў шанавання полацкай святой, бо ў 1685 г. для прыдзельнага іканастаса Смаленскага сабора Новадзявочага манастыра (Масква) пад кіраўніцтвам Ф. Зубава была напісана невялікая (86×33 см) дэісусная ікона Еўфрасінні з абранымі святымі. Святая прадстаўлена ў рост у мантыі і кукалі побач з прападобнамучаніцай Еўдакіяй. На думку І. Шалінай, вобраз прападобнай у

дэісусных чынах сустракаецца па той прычыне, што многія пастрыжаніцы княскага роду атрымлівалі яе імя [**19**, с. 111].

Знаходжанне мошчаў прападобнай Еўфрасінні ў Кіева-Пячорскай лаўры да 1910 г. паўплывала на стварэнне іканаграфічнага вобраза полацкай святой у кампазіцыі «Сабор кіева-пячорскіх святых». Згодна з іканаграфіяй сабора, якая канчаткова склалася да XVIII ст., прападобныя былі падзелены на дзве групы: тыя, хто правёў сваё жыццё у Бліжніх (Антоніевых) пячорах і чые мошчы там спачываюць, і астатнія (у лік якіх уваходзіць Еўфрасіння Полацкая), якія жылі ці знайшлі месца спачыну ў Дальніх (Феадосіевых) пячорах. Фігура прападобнай Еўфрасінні звычайна прадстаўлена крайняй справа ў першым радзе, у групе прападобных, чые мошчы спачываюць у Дальніх пячорах лаўры. Рукі полацкай святой з нанізанымі пацеркамі складзены на грудзях (15 гравюр з гэтым сюжэтам пазначаны Д.А. Равінскім) [**15**, с. 621–633; **16**, с. 761–763].

Еўфрасіння Полацкая была адлюстравана на аплеччы фелоні (верхняе богаслужбовае адзенне праваслаўнага святара без рукавоў) з чырвонага аксаміту з выявамі кіева-пячорскіх прападобных, пашытай сухазліткай і шоўкам у 1750 г. [**6**, с. 32]. Аплечча, аздобленае смарагдамі і гранатамі, з'яўляецца ўкладаннем купца В. Кушкіна ў рызніцу Успенскага сабора Кіеўскай лаўры. У цэнтры твора (42×88 см) была вышыта кампазіцыя «Успення Багародзіцы» над Успенскім саборам Кіева-Пячорскай лаўры [**6**, с. 32]. Па баках выявы ў два рады было размешчана па сем святых. Еўфрасіння прадстаўлена крайняй справа ў першым радзе, побач з прападобным Піменам Шматпакутным. Святая адлюстравана франтальна ў рост, у апушчанай левай руцэ яна трымае пацеркі, правая рука прыціснута да грудзей. Надпіс над фігурай прападобнай быў вышыты дробнымі пярлінамі, а само шыццё ўпрыгожана каштоўнымі камянямі.

Такім чынам, шанаванне прападобнай ігуменні Еўфрасінні ў Полацку з канца XVI да пачатку XVIII ст. знаходзілася на крытычным узроўні: манастыр Св. Спаса знаходзіўся пад уладай каталіцкага ордэна езуітаў, перыферыйных цэнтраў культу не назіралася аж да 1804 г. На другім паверсе манастырскага корпуса Богаяўленскага мужчынскага манастыра ў Полацку, у зале насупраць Кацярынінскай царквы, у красавіку 1804 г. на ўласныя сродкі мясцовых жыхароў брацкая трапезная была перароблена ў дамовую царкву з прастолам у імя Еўфрасінні Полацкай [**20**, с. 22]. У 1805 г., у дзень памяці Еўфрасінні Полацкай, протаіерэй Стэфан Дамброўскі асвяціў храм. З'яўленне царквы было абумоўлена адсутнасцю праваслаўнага богаслужэння ў былым Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыры, які быў заняты полацкімі езуітамі пад маёнтак Спас. Такім чынам, шанаванне святой было перанесена з манастыра і працягвала захоўвацца ў межах Полацка. Культ Еўфрасінні быў пакінуты пад пытаннем да адкрыцця Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра пад юрысдыкцыяй праваслаўнага ведамства ў 1841 г.

Еўфрасіння Полацкая была кананізавана ў 1643 г. фармальным чынам, разам з іншымі святымі Кіева-Пячорскай лаўры, падчас дзейнасці кіеўскага

мітрапаліта Пятра Магілы. Прападобная ігумення была праслаўлена як кіеўская святая, ці святая Кіева-Пячорскай лаўры, аднак на тэрыторыі Украіны яна была амаль невядома. Феномен культу прападобнай Еўфрасінні таксама заключаецца ў тым, што яе шанаванне развівалася асобна ад месца захоўвання мошчаў. Нягледзячы на тое, што астанкі князёўны знаходзіліся ў Кіева-Пячорскай лаўры на працягу амаль васьмі стагоддзяў, культ святой ігуменні здолеў «пратрымацца» да сучаснага перыяду. Такім чынам, да мая 1910 г. культ прападобнай існаваў незалежна ад месца знаходжання яе мошчаў. У гісторыі ўшанавання хрысціянскіх святых такога прэцэдэнту не назіралася.

Спіс літаратуры

1. Басова, М.В. Евфросиния Полоцкая, прп. / М.В. Басова, Б.М. Клосс, А.А. Турилов, Г.Н. Шейкин // Православ. энцикл.; под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М.: Православ. энцикл., 2008. — Т. 17: Евангелическая церковь чешских братьев — Египет. — С. 507–517.

2. Болховитинов, Е.А. Описание Киевопечерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер / Е.А. Болохвитинов. — Киев: Тип. Киевопечерской лавры, 1847. — 345 с.

3. Болховитинов, Е.А. Указатель святыни и священных достопамятностей Киева, как в самом городе, так и в его окрестностях / Е.А. Болховитинов. — Киев: Тип. Киевопечерской лавры, 1853. — 238 с.

4. Варонін, В.А. Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 г.) / В.А. Варонін // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. — Минск: РИВШ, 2009. — Вып. 2. — С. 152–174.

5. Сергий (Василевский). Святая преподобная Евфросиния, княжна Полотская, с историческим описанием основанного ею Полотского девичьего Спасо-Преображенского монастыря и устроенного для монастырской церкви Креста / Сергий (Василевский) // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год; под ред. А.М. Сементовского. — СПб., 1864. — С. 3–42.

6. Вклади і вкладники Успенського собору Києво-Печерської лаври XVI — поч. XX століття / Нац. Києво-Печерський заповіднік. — Київ: КВІЦ, 2005. — 103 с.

7. Глініік, В.В. Да гісторыі будаўнічай актыўнасці полацкіх езуітаў у фальварку Спас / В.В. Глініік // Гіст. і археал. Полацка і Полацкай зямлі. — Полацк, 2002. — С. 64–73.

8. Голубинский, Е. История канонизации святых в Русской церкви / Е. Голубинский. — 2-е изд. — М.: Императ. общ-во ист. и древн. российских при Мос. ун-те, 1903. — 600 с.

9. Данилевич, В.Е. К вопросу о Параскеве-Пракседис, княжне Полоцкой / В.Е. Данилевич. — Харьков: Электр. типо-литогр. С.А. Шмерковича, 1905. — С. 97–99.

10. Киевские пещеры и Киево-Печерская лавра. — Киев: Типография Сементовского, 1864. — 85 с.

11. Левшун, Л.В. К вопросу о почитании православных святых на землях Беларуси в XV–XVII вв. / Л.В. Левшун // Православие в духовной жизни Беларуси: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апреля 2007 г. — С. 256–266.

12. Новинский, В. Очерк истории Православия в Литве / В. Новинский. — Вильнюс: Православное братство Литвы, 2005. — 562 с.

13. Преподобная Евфросиния Полоцкая = Прападобная Еўфрасіння Полацкая / А.А. Мельников; пер. Е. Щербак, С. Леднев. — Минск: Четыре четверти, 1997. — 118 с. — (Наши духовные ценности: в 12 вып. — Вып. 3).

14. Птицын, В. Гробница преподобной княжны Полоцкой Евфросинии в Киево-Печерской лавре / В. Птицын // Полоц. епарх. ведом. — 1909. — № 42. — С. 817–818.

15. Ровинский, Д.А. Русские народные картинки: в 5 кн. / Д.А. Ровинский. — СПб.: тип. Акад. наук, 1881. — Кн. 3: Притчи и листы духовные. — 751 с.

16. Ровинский, Д.А. Русские народные картинки: в 5 кн. / Д.А. Ровинский. — СПб.: тип. Акад. наук, 1881. — Кн. 4: Примечания и дополнения. — 788 с.

17. Сапунов, А. Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой / А. Сапунов. — Витебск: Типолит. Г.А. Малкина, 1888. — 47 с.

18. Сапунов, А. Полоцкий Спасо-Ефросиньевский девичий монастырь / А. Сапунов. — Витебск: Типолит. Г.А. Малкина, 1888. — 11 с.

19. Шалина, И.А. Евфросиния Полоцкая, преподобная / И.А. Шалина // Святые земли Русской. — М.: Русский музей, 2010. — С. 110–113.

20. Серафима (Шевчик). История Киево-Печерской Лавры: Историко-богословское исследование / Серафима (Шевчик). — Киев: Мистецтво, 2001. Кн. 1: XI — первая половина XIII в.— 362 с.

Некита А.Г.

Симеон Полоцкий как иноческий символ русского Раскола[1]

Священная история Полоцкой земли является архетипическим фундаментом личностного и иноческого становления Симеона Полоцкого. Именно этот факт дал Б. Костину повод утверждать, что «книги и окружающий мир, пронизанный духом нетленной Истории, круто замешанной не только на крови, но и на созидании, сотворили личность, в которой возобладало творческое начало» [**6**]. И действительно, как раз «преданья глубокой старины» становятся основным материалом для формирования его самосознания, а житийная канва Евфросиньи Полоцкой выражает глубинную, бессознательную тягу мыслителя к родителям, и особенно к матери.

В Этике своей учит философ тому,
Что ничем равным не могут родителям
Воздать сыновья за то, что порождены
От крови их на сей плачевной земле.
Но я одного сына вижу,
Который обильней вознаграждает:
Так дорого платит он матери за ее труды,
Что большей и сам Бог не умыслит платы.
Христос и Мария [**4**, с. 7–8].

Кроме этого, не следует забывать, что, будучи студентом, Симеон вновь возвращается к теме матери, но она теперь оказывается окрашенной уже в религиозные тона. Это, безусловно, позволяет говорить о наличии несомненной самостной трансформации образа Матери, детерминированной обстоятельствами жизни с родителями. Уже в 1648 г., находясь на студенческой скамье, он слагает «Акафист Пресвятой Деве», в котором в поэтической форме образ земной матери постепенно восходит к Богоматери.

Радуйся, Дева, чистоты сокровищница,
Благодаря которой мы восстали от наших беззаконий.
Радуйся, сладкая лилия благоухающая,
Верных жилище благоуханием радующая [Цит по: с. 27].

С другой стороны, по воспоминаниям самого Симеона Полоцкого, поиски смысла жизни и священных авторитетов с целью формирования личности

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Иночество: архетипические и социальные аспекты символизации Самости в духовных традициях Новгородской земли»), проект № 14-13-53001.

становятся значимыми для него уже в очень раннем возрасте («А зде житие наше чему подобится?» [**4**, с. 12]). Несмотря на то, что Полоцк уже в то время был известным просветительским центром, выбор Симеона и его родителей относительно необходимости обучения в Киеве свидетельствовал о стремлении к сохранению традиционных для этой семьи православных представлений, что было невозможно в иезуитском коллегиуме в Полоцке. Как известно, Киево-Могилянская академия была знаменита своей традицией сохранения православия и в выгодную сторону отличалась от других учебных заведений индивидуальным подходом и всесословностью обучающихся.

Глубокие знания греческой культуры, литературы, философии, мифологии, о чём свидетельствуют сами произведения Симеона Полоцкого, создали благоприятную среду для формирования гибкости представлений о бытии и о месте человека в истории Божественного творения. Немалую роль в этом, безусловно, играла и метода обучения в академии. Постоянная полемичность обучения, диспуты и дискуссии не только подтверждают наличие новаторского духа, царившего в то время в Киеве, но и позволили закрепиться и укоренится на славянских землях лучшим педагогическим традициям платоновской академии.

Симеон известен нашим современникам как выдающийся мыслитель, теолог, философ, просветитель, критик, драматург, писатель и поэт. Сочетание столь разнообразных интересов и способностей не могло не отразиться на становлении его символической модели самопознания. Здесь примечательными будут дошедшие до нас сведения об увлечениях юного Симеона. Ещё в Киево-Могилянской академии он начинает увлекаться театром и стихосложением. Эти интересы, безусловно, явились значимым фактором в развитии фантазии юноши и повлияли на формирование у него имагогенной модели освоения архетипических содержаний коллективного бессознательного. Тема совершенствования внутреннего мира и роли просвещения является чрезвычайно актуальной для творчества Симеона Полоцкого. Общий смысл его рассуждений можно было бы выразить словами «Комедии о блудном сыне»: «Познах бо ныне юность дурность бытии, аще кто хощет без науки жити» [7, с. 250].

То есть, в случае с Симеоном, сочетание аналитической, формально-логической подготовки с эмоционально-непосредственным, чувственным опытом, который он получает, участвуя в подобных лицедействах, создаёт условия для появления критического мышления, свободного от теоретических, религиозных и научных стереотипов. А с другой стороны, делает чувственную сторону его натуры важнейшим фундаментом личностной модели осознания мира. Позднее, уже в Полоцке, Симеон, как повествуют биографы, возвращается к своим юношеским театральным экспериментам, самым известным из которых является постановка, организованная в честь приезда царя и великого князя Алексея Михайловича. Высокая чувственность Симеона проявилась, в том числе, и в написанном им в 1665 г. стихотворении в форме восьмиконеч-

ной звезды «Благоприветствие царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона».

Несомненно, форма звезды, избранная Симеоном Полоцким для подарка царю, была преисполнена глубоким символическим содержанием. Как высокообразованный человек своего времени, он впитал многочисленные идеи, присущие Европе XVII в.: от сугубо христианской, православной символики, до элементов масонского мировоззрения, характерного для европейской традиции. По свидетельству Ю. Лукина, автора книги «В мире символов (к познанию масонства)», октаграмма, то есть восьмиконечная звезда, является единственной звездой, которой открыт путь в христианскую символику. Примечательно, что «само число восемь в нашей Церкви имеет значение будущего века, т.к. после шестидневного творения Богом мира и до Страшного суда длится Седьмой день Господень. После Страшного суда будет день восьмой — Жизнь Вечная. Изображение восьмиконечной звезды используется в иконах Божией Матери (напр. Неопалимая Купина) и запрестольных иконах, самою своею формою символизируя ту звезду, которая вела волхвов на поклонение Христу Младенцу» [**5**].

Бессознательно отождествляя себя с библейским волхвом как образцом мудрости и жертвенного служения, Симеон фактически приравнивал своего тёзку, царевича Симеона, сына Марии Милославской и Алексея Михайловича, к рождённому Марией младенцу Христу, связывая с его появлением надежду на начало новой эпохи. Этот же мотив мы наблюдаем в «книжице» Симеона, изданной в 1667 г. В одной из композиций встречается панорама звёздного неба с солнцем посредине: «солнце испускает сорок восемь лучей; в каждый луч вписана одна из добродетелей царя Алексея: «добролюбие», «правосудство», «щедродаяние», «словопостоянство», «добронравие», «уветливость» и пр.» [**3**, с. 244–245].

Таким оригинальным образом тема Матери опять появляется в жизни и творчестве Симеона, однако теперь она непосредственно указывает на сакральную реальность, что свидетельствует о глубинном разворачивании феноменологии архетипа Самости. «В плане символического значения звезда — один из древнейших общечеловеческих символов, астральный знак, символ вечности, в европейской традиции с XVIII столетия — символ высоких стремлений, позже — эмблема счастья (выражение «родиться под счастливой звездой»)» [**8**].

Следует сказать, что подобные символы были хорошо известны в мистических и эзотерических традициях как Запада, так и Востока. Несмотря на нюансы интерпретаций, количество лучей звезды характеризует степень внутреннего совершенства, независимости и цельности человека. Кроме того, звезда указывает на символику четвертичности, а значит, символику креста, что в нашем случае подтверждает активность самостных поисков Симеона в условиях активно формирующихся в России имперских традиций.

Можно даже предположить, что как прекрасно образованный и не понаслышке знакомый как с восточноправославной, так и с западноевропейской христианскими традициями, Симеон, видимо, имел представления и об идеях еретического толка, которые, несмотря на их маргинальность для христианского мира, тем не менее далеко не единожды составляли предмет его размышлений. Эти аналогии находят своё выражение и в последующих «книжицах» Симеона, адресованных уже царю Фёдору. Его масштабный задум выразился в изображении величия России с помощью демонстрации грандиозности мироздания, в рамках которого установлены следующие символические соответствия: Россия – небо, царь – солнце, царица – луна.

Однако непосредственные духовные поиски Симеона Полоцкого были связаны с принятием монашества в1656 г. в полоцком Богоявленском монастыре. Он искренне надеялся, что именно затворничество и молитва укажут ему, как стать «трудником слова Божьего». Иноческий идеал он так изображает в «Вертограде многоцветном»:

«Монаху подобает в келии сѣдѣти,
    во постѣ молиться, нищету терпѣти,
Искушения врагов силно побѣждати
    и похоти плотския трудами умерщвляти, –
Аще хочет в небеси мзду вѣчную взяти,
    неоскудным богатством преобиловати…» [7, с. 8].

В этом же произведении Полоцкий обращает внимание и на имеющиеся в обществе многочисленные пороки, а также формулирует целый ряд правил, которые должны соблюдаться всеми людьми. Причём монахи в этом смысле не могут быть исключением. Особая требовательность мыслителя связывается с его непосредственной принадлежностью к иноческой среде, которая, по его мнению, должна быть подлинным образцом личной добродетели и духовного совершенства. Однако на практике он с горечью был вынужден констатировать, что в монастыре «в одеждах овчих волци хищнии бывают, чреву работающее, духом погибают» [7, с. 9]. Эти убеждения Симеона были глубинно связаны с представлением о монастыре и иночестве как единственной духовной отдушине в мире, переполненном земных мерзостей и страстей. Только здесь человек может найти высший смысл и посвятить себя служению ему, что, безусловно, указывает на экзистенциальную направленность рассуждений мыслителя, а также архетипический вектор развития его сознания. Да и к самому процессу обучения инок-просветитель подходит далеко не схоластически, но пытается наполнить его разнообразными предметами, явно противоречащими средневековой догматической модели обучения. Так, в школе Богоявленского монастыря им был организован кружок, где «царили музы, где властвовали разум и слово» [**4**, с. 71]. То есть, для него образование не было абсолютно детерминировано местом его получения, но, в первую очередь, определялось его содержанием, что в полной мере соответствовало самым прогрессивным тен-

денциям в европейской культуре. С другой стороны, только в такой модели образования формируется всесторонне развитое сознание, способное органично освоить диалектику Земного и Божественного, Личного и Коллективного, Сознательного и Бессознательного.

Но вскоре Симеон становится учителем в братской монастырской школе, укрепляя свою веру и оттачивая педагогическое мастерство. Вообще братские школы возникли в Украине и Беларуси как раз во второй половине XVI в. как закономерный результат духовно-просветительской деятельности православных братств, пытавшихся противостоять католической религиозной экспансии, особенно явственно проявлявшейся в работе иезуитских коллегий. Защищая западные территории от инославия, братчики отвечали на духовные запросы православной шляхты, которая охотно отдавала своих детей в их школы. По данным, содержащимся в «Архиве Юго-Западной России», киевские братчики так докладывали царю Михаилу Фёдоровичу о создании ними братской школы: «Училище отрочатом православним… языка славяноросскаго, еллиногреческаго и прочих… устроихом, да не от чуждого источника пиюще, смертаносна яда западныя схизмы упившиеся и к мрачно-темным римляном уклонятся» [**1**, с. 573].

Учительство явилось закономерным результатом длительного духовного восхождения Симеона Полоцкого, что принципиально отличало его от многих других иноков. Безусловно, обладая педагогическим даром, Симеон выводит свои нравственные иноческие принципы на уровень дидактических и воспитательных правил. Их сущность выражалась в организации внутреннего диалога, который становится основным способом установления диалектических взаимосвязей в сотворяемой им мировоззренческой картине. При этом показательно, что именно продуктивный и непрерывной диалог с самим собой для Симеона Полоцкого является непременным условием для осуществления диалога с Другим. Именно так формируется почва для приращения знаний и мудрости, указывающих на возможные пути к Самости.

Для своих подопечных Симеон формулировал подобные требования в духе правила «научился сам — научи других». Непосредственным следствием реализации этих принципов является твёрдое убеждение Симеона в том, что формирование сознания ученика должно проходить только с опорой на личный пример учителя и жизненный путь выдающихся людей, которые стали известны благодаря своим высоким духовным достижениям. Это Павел Фивейский, Антоний Печерский, Иоанн Кущник, Алексей-Божий человек. Разностороннее образование, которое получил Симеон, стало, в духе античной культуры, основанием его убеждённости в необходимости синтеза знания и добродетелей как непременного условия созидания истинной веры.

Выбирая для своих произведений достаточно простую для восприятия стихотворную форму, Симеон Полоцкий демонстрирует не столько свои литературные таланты и познания, сколько хочет быть услышанным своими совре-

менниками и донести свет знания до каждого человека. Поэтому его небольшие стихотворения напоминают, с одной стороны, краткий конспект, с другой стороны, своеобразный слоган-речёвку, который можно декламировать с детьми и взрослыми при удобном случае. Эта дидактическая задача, обёрнутая во фразеологические обороты и метафоры, является своего рода суггестивной, медитативной практикой по формированию позитивного, глубинного отношения к знанию, книге и учителю, а также всему процессу обучения, на основании которого появляется самостоятельность мысли и навыки критической оценки. Таким образом, сам Симеон интуитивно приходит к необходимости превращения индивидуального обучения в социально-значимую культурную практику, которая отталкивается от идеи непрестанного увеличения уровня самосознания в обществе.

Подобные установки, сформированные в горниле религиозных, научных и философских дискуссий, позволяют констатировать, что Симеон прекрасно понимал потребность в модернизации духовной традиции России, которая, оставаясь в рамках патриархальной коллективности, всячески игнорировала важность индивидуального компонента в изменении профиля культурной жизни. Педагогические новации мыслителя наглядно демонстрируют, что он сам для России того времени становится символом духовного, иноческого наставничества, напрямую указывая на уникальность исторически сложившейся на этих территориях модели феноменологизации архетипа Самости. В «Вертограде…» мыслитель собирает стихотворения, которые «производят впечатления своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке… самые разнообразные вещи, часто редкие и очень древние» [**2**, с. 125]. Тут же Симеон указывает нам тот символический результат, вокруг которого должна вращаться культура:

«Еже корень есть в древѣ, то мысль в человѣцѣ,
обое же есть тайна в настоящем вѣцѣ.
Корень есть под землю, не видим бывает;
мысль в глубинѣ есть сердце, никто ея знает.
Но яко что в корени от силы таится,
то послѣжде во вѣтвѣх и в плодѣх явится;
Тако что сокровенно во мысли пребудет,
то по малѣ во дѣлѣх проявленно будет» [**7**, с. 73].

И.П. Еремин утверждает, что литературная деятельность Симеона Полоцкого имела большое общественное значение, в том числе и для него самого, поскольку она «направлялась одним отчетливо выраженным стремлением: внести и свой вклад в дело русского просвещения» [**3**, с. 227]. Как известно, он принадлежал к школе «латинников», которые стремились к повсеместному обмирщению образования и скорейшему выведению его из-под церковного контроля. Надо сказать, что поскольку Русь традиционно объявляла себя наследницей и восприемницей Византии, а лозунг «Москва — Третий Рим» был

сформулирован практически сто лет назад, в 1523–1524 гг. старцем псковского Елизарова монастыря Филофеем, такой подход Симеона в корне противоречил позиции «грекофилов», настаивающих на непосредственной взаимосвязи образования и богословия. Таким образом, можно заключить, что именно «латинники» выступили идеологами строящейся светской дворянской культуры, которая опиралась на лучшие достижения культуры европейской.

Список литературы

1. Архив Юго-Западной России. – Ч. 1. – Т. 6.

2. Еремин, И.П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого / И.П. Еремин // ТОДРЛ. – М.; Л., 1948. – Т. 6.

3. Еремин, И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург / И.П. Еремин // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – с. 223–262.

4. Костин, Б. Верный слуга Алексея Михайловича. Две жизни Симеона Полоцкого / Б. Костин. – М.: Вече, 2013. – 288 с.: ил.

5. Лукин, Ю. В мире символов (к познанию масонства) / Ю. Лукин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/lukin_yuriy/v_mire_simvolov_k_poznaniyu_ma-sonstva.html.

6. Симеон Полоцкий. Вирши. – Минск: Маст. літ., 1990. – 448 с.

7. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 282 с.

8. Слуцкая, К.А. Конкретная (визуальная) поэзия как символ / К.А. Слуцкая // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3.

Преображенская А.А.

Симеон Полоцкий: придворный поэт в церемониале царя Алексея Михайловича

Знаете ли вы, милостивые государи, что поэт,
гость вельможи, уже есть слуга его...?

А.А. Бестужев-Марлинский. «Он был убит»

Во второй половине XVII в. московский царский двор претерпевает значительные изменения, связанные с переориентацией на западную культуру. Коренные сдвиги в Московском государстве стали заметны после Рижского похода 1656 г., который, как отмечали многие историки, стал своего рода переломным моментом, разделяющим два совершенно разных периода царствования Алексея Михайловича: «война со Швецией, поход в Ригу, а также пребывание, за время польских войн, в Литве и на Украине, — внесли в жизнь Московского государства много новшеств»[1]. Активная деятельность учёных монахов из южных и западных областей государства также внесла свой вклад в знакомство двора Алексея Михайловича с традициям европейского барокко, и прежде всего — с придворной барочной словесностью.

Уникальное место в этом процессе принадлежит первому придворному поэту Московского государства — монаху-белорусу Симеону Полоцкому. Жизнь и деятельность Симеона, его неоднозначное, и порой противоречивое, положение при дворе, его значительное литературное наследие не раз становились предметом научных дискуссий. Однако за всё время существования «симеоноведения» исследователи чаще и охотней останавливались на виршах Симеона, на его ораторской прозе[2], на его мировоззрении и жизни[3]. Тем не менее, дошедшие до нас произведения поэта включают не только вирши и проповеди: известен и значительный по объёму корпус эпистолярных произведений Симеона. Послания собраны в трёх основных рукописях: рукопись РНБ XVII.83, сборник № 130 Синод. собр. ГИМ (так называемый «письмовник» Симеона) и рукопись № 390 Ф. 381 РГАДА.

---

[1] Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Великокняжеский и царский периоды. СПб., 1898. С. 54.

[2] См.: Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.

[3] На сегодняшний день единственной полной работой-биографией Симеона остаётся монография И.А. Татарского: Татарский И.А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность): опыт исслед. из истории просвещения и внутр. церк. жизни во вторую половину XVII в. М., 1886.

Многие послания были введены в научный оборот ещё в XIX в.[4], а за последнее время была написана диссертационная работа[5] и вышло несколько статей[6], посвящённых эпистолам первого придворного поэта. На данном этапе представляется необходимым обратится к посланиям Симеона не только в контексте общего развития эпистолярного жанра во второй половине XVII в., но и в контексте становления придворного эпистолярного этикета. В этой статье предлагаются краткие историко-филологические заметки к семи посланиям Симеона из письмовника № 130 Синод. собр. ГИМ, адресованным вельможам первого круга — членам Боярской думы.

Прежде всего представляется необходимым вкратце обозначить круг общения Симеона и его возможные связи с царским двором. Здесь важно отметить тот факт, что до сих пор не существует однозначного мнения о положении Симеона в Заиконоспасской обители. А. Ковалёв[7], ссылаясь на П.М. Строева[8], полагает, что в период с 1653 по 1675 г. Симеон был не только строителем, но и настоятелем обители. На самом деле, при жизни Симеона на территории монастыря велось строительство — в частности, были построены два здания для школы, в которых помещался поэт со своими родными и учениками. В.Ф. Певницкий и С.К. Смирнов также высказывались за то, что настоятелем Заиконоспасской обители (по крайней мере, в конце своей жизни) был Симеон. Как и наставник школы при обители, Симеон общался с настоятелями других училищных московских монастырей и с боярами, известными своей просветительской деятельностью. Ближний боярин Богдан Матвеевич Хитрово поддерживал многие начиная поэта, в частности, основание им Верхней типо-

---

[4] Особая заслуга принадлежит И.А. Татарскому (см. указ. Соч.) и С.Т. Голубеву, который прокомментировал некоторые польские и латинские послания Симеона. См.: Голубев С.Т. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна: Очерки из истории Малороссии в XVII в. — I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1902. С. 23–33.

[5] См.: Подтергера И.А. Письмо и послания Симеона Полоцкого: автореферат дисс. …канд. филол. наук. СПб., 2000.

[6] См.: Peter A. Rolland. «Dulce est et fumos videre Patriae» — Four Letters by Simiaon Polacki. Harvard Ukrainian Studies, 1985. Vol. 9, No. ½. PP. 166–181; Peter A. Rolland. «Renovatus amor»: Simiaon Polatski's Correspondence with Lazar Baranovych, Metodii Fylymonovych, Antonii Radyvylovs'kyi, and Meletii Dzykю *Harvard Ukrainian Studies.* Vol. *23*, No. 1/2 (June 1999), pp. 109–127; Peter A. Rolland. «…ad Patrios Jednak Lares: Four Letters of Simjaon Połacki to Philotheos Utchytski and Gedeon Dronich. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes.* Vol. 37, No. 3/4 (September — December 1995), pp. 393–414; Peter A. Rolland. Correspondence between Two Capitals: Simjaon Polacki's Letters to Varlaam Jasyns'kyj (1664–1670). *Harvard Ukrainian Studies.* Vol. 17, No. 3/4 (December 1993), pp. 341–364.

[7] Ковалев А. Историческое описание Заиконоспасского монастыря в Москве. М., 1887. С. 10–12.

[8] Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 158. Из П. Строева в списке настоятелей монастыря отсутствуют имена для указанного периода, на основании чего А. Ковалев, видимо, и делает заключение о том, что настоятелем и строителем был Симеон. В 1675 г. строителем значится некий Иосиф, а с 1683 г. настоятелем указан уже Сильвестр Медведев.

графии в 1678 году[9]. Окольничий Фёдор Михайлович Ртищев, в свою очередь, также долгое время был покровителем Симеона. Фёдор Михайлович активно занимался благотворительностью, был сторонником ориентированного на западные традиции просвещения. В одном своём письме от 20 июля 1665 г. Симеон писал: «The only Maecenas who is in the habit of lending an open ear to the laudatory voices of men of letters is Fiodor Mychaylovicz»[10]. Наряду с боярами Богданом Хитрово и Артемоном Матвеевым, окольничий Фёдор Ртищев был одним из самых известных покровителей науки и просвещения. В 1656 г. в Москве на его средства «была сооружена одна из первых небольших гражданских больниц, состоявшая из двух палат»[11]. Также им был основан Андреевский монастырь, в который «были приглашены ученые иноки из украинских монастырей — Киево-Печерского и Нижегорского»[12].

Семь посланий, адресованных членам Боярской думы (в том числе упомянутым выше боярину Богдану Матвеевичу Хитрово и окольничему Фёдору Михайловичу Ртищеву), входят в состав письмовника № 130 — рукописи из Синодального собрания ГИМ, содержащей около 200 разнообразных посланий и грамот, разобранных по разделам (многие разделы остались неозаглавленными, что говорит о незавершённости работы над сборником). Практически во всех посланиях заметна редакторская правка, например, опущены имена адресатов/адресантов и заменены на «имярек», в некоторых письмах, очевидно, выпущена информативная часть. В жанровом отношении рассмотренные послания довольно разнообразны: два утешительных письма, предположительно разной степени формальности, послание-благословение войску, два реальных просительных письма, образцовое письмо-просьба и «этикетная рамка» для послания.

Наибольший интерес представляют четыре послания Симеона, адресованных ближнему боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, думному дьяку Дементию Миничу Башмакову и боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукому. Первое послание обращено к одному из самых могущественных покровителей Симеона — ближнему боярину Богдану Матвеевичу Хитрово (1615–1680 г.). Послание интересно тем, что представляет собой яркий образец совмещения реальных, «биографических» сведений о Симеоне и этикетных формул. В самом начале послания читаем: «Разсꙋ́диши оу҆сердное моѐ радѣнїе и҆ бл҃гохо҆тнꙋю слꙋ́жбꙋ, ко̀ пресвѣ́тломꙋ цр҃ко́мꙋ величествꙋ. Разсмо́триши ꙗ҆́кѡ невосхотѣ́хъ возврати́тисѧ ко̀ ѻ҆ч҃инꙋ и҆новѣ́рными владо́мꙋю, а҆́ще и҆ премно́гимъ стꙋжа́нїемъ оу҆вѣ́щанъ бѣ́хъ». Здесь Симеон говорит

[9] См. об этом: Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 124–125.

[10] Цитируется по: A. Hippisley. A Poetic style of Simeon Polotsky, P. 11. РГАДА, Ф. 381 № 390, Л. 105.

[11] Симонов Р.А., Кузаков В.К., Кузьмин М.К. Естественно-научные знания / Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 68.

[12] Рогов А.И. Школа и просвещение / Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 149.

о том, что он остался на службе православного царя и не захотел вернуться на родину, несмотря на тяготы своего пребывания в Москве. А.Н. Робинсон[13] отмечал, что первые несколько лет своей жизни в Москве Симеон находился в крайней бедности. Далее следует отрывок, заслуживающий пристального внимания: «но̀ и҆зво́лихъ къ правосла́вной держа́вѣ пресвѣ́тлагѡ ц҃рскагѡ вели́чества до̀ кончи́ны / живота̀ моегѡ̀ с҆ подрꙋ́жїемъ мои́мъ и҆ ча́ды пребыва́ти». Очевидно, что монашеский сан не позволял Симеону жениться и иметь детей. Формула «с҆ подрꙋ́жїемъ мои́мъ и҆ ча́ды» представляется нам этикетом, неким каноном, образцом того, как следовало «правильно» излагать на письме просьбу к вышестоящему лицу. Тем не менее, биография Симеона позволяет предположить, что «подрꙋ́жїе и҆ ча́ды» имели свой реальный прототип: в Москве на попечении Симеона находились его родственники: мать, племянник и жена брата (невестка)[14]. Эти люди упоминаются в ряде челобитных и писем Симеона, а также в его духовной[15].

В этом послании встречается и ряд других клишированных этикетных формулировок, которые в изобилии находим как в других посланиях Симеона из письмовника № 130, так и в посланиях церковных иерархов из «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России»[16]. Это титулы, самоименования адресанта и формулы прощания: 1) *всегдашний богомолец, смиренный; всегдашний молитвенник и слуга, присный богомолец* (ср. с при́сный и҆́мамъ бы́ти ко̀ гдⷭ҇ꙋ мл҃твенникъ, послание Б.М. Хитрово, л. 125 об.); 2) *господин, благодатель мой* (ср. с бл҃годѣ́телю мо́й превелі́й, послание Б.М. Хитрово, л. 125 об.; бл҃годѣ́телю мо́й прем҃ли́вый, послание Ю.П. Трубецкому, л. 127 об.; бл҃годѣ́телю мо́й мл҃ти́вый, послание Д.М. Башмакову, л. 137 об.); 3) *его царское пресветлое величество* (ко̀ пресвѣ́тломꙋ ц҃рко́мꙋ величествꙋ, послание Б.М. Хитрово, л. 125; пресвѣ́тлагѡ ца҃рскагѡ вели́чества, послание Ф.М. Ртищеву, л. 211).

Составленный по результатам исследования небольшой частотный указатель включает 57 повторяющихся устойчивых формул этикетного характера, которые Симеон использовал в своих посланиях. Формулировки отчётливо распадаются на три группы: этикетные формулы (обращения, самоназвания: «во правосла́вїи свѣ́тлѡ сїѧ́ющїй», «а҆ менѐ в҆ коне́цъ ѡ҆бнищав҆ша бе҆заст꙾пна хла҃на и҆ гла́д҆на»), общие места (непрямые цитаты, метафоры, восходящие к текстам Священного Писания и церковных книг: «во҆зве́рзи на гдⷭ҇а печа́ль твоѝ», «са́мъ всѧ́ки҃ бл҃гъ дарови́тель», «тве́рдый

[13] Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 9.

[14] Об этом см.: Робинсон А.Н., Сазонова Л.И. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого. Л., 1988. С. 134–141; Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 285; Письма Симеона Полоцкого. Вестник Европы, 1828. № 162, Ч. 17. С. 43; Татарский И.А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность): Опыт исслед. из истории просвещения и внутр. церк. жизни во вторую половину XVII в. М., 1886. С. 204; Орлов О.В. Литература / Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 125.

[15] Племяннику Михаилу, к примеру, должна была отойти «лошадь со всем». См.: Список с духовной Симеона Полоцкого. Увар. собр. ГИМ № 247. Л. 9–17.

[16] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863.

Ѧдама́нтъ», «Де́нтїй весе́лїѧ дꙋ́внагѡ») и клишированные устойчивые словосочетания: «здра́вѡ цѣ́лѡ че́стнѡ», «многолѣ́тное здра́вїе и҆ дꙋше́вное спасе́нїе»). Многие этикетные формулировки встречаются в нескольких вариациях. Так, например, фраза «многолѣ́тное здра́вїе и҆ дꙋше́вное спасе́нїе» имеет целых 17 вариантов: «*Себе самаго вручаю всеприлежно вручаю*», «*мене самаго с готовностью на услуги всеприлежно вручаю*», «*мене самаго вашему благоутробию поручаю*», «*самаго мя благопокорно вручаю*», «*себе самаго неизменной твоей милости вручаю*», «*всего мене всеприлежно вручаю*», «*мене самаго вашим святым молитвам вручаю*» (ср. с польским *Najjaśniejszej Wysokości Waszej całkowicie oddany* и с латинским *Illustrissimae Celsit. Vestrae addictissimus* из письма Яна Кохановского принцу Альберту, перевод на польский Станислава Кота[17]).

Из прозаических текстов клишированные и этикетные формулы проникают и в стихотворные послания Симеона. Сборник стихотворных поздравлений поэта «Рифмологион, или Стихослов» (1678–1680)[18] демонстрирует множество примеров. Прежде всего, это заключительные формулы: «*сам ся твоей милости поручаю*»[19] (ср. с «*самаго себе милости твои вручаю*» из письмовника № 130), «*Чесого аз вам истинно желаю*», «*до стоп ти честных главу преклоняю*», «*Ей же аз мене смиренно вручаю, /при сем приветстве стопы ти лобзаю*», «*Их же благ верно аз тебе желаю, /о дни сем светлом приветство вещаю*», «*Купно и аз с ним тожде восклицаю, /всех благ желаю*» (ср. с «*Главу мою до стоп ногу твоею прекланяю*» из письмовника № 130), а также клишированные словосочетания: «*даст здраво, честно, много лета жити*» (ср. с «*Здраво, цело, честно*» из письмовника № 130), и даже обращения: «*Благодетелю, мне премилостивый*».

Следующие три послания, думному дьяку Дементию Миничу Башмакову и боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, объединяет их «проповедническая» направленность и связанная с ней возможная устная форма бытования этих текстов. Л.А. Черная[20] отмечала, что именно под влиянием Симеона придворный церемониал Алексея Михайловича перестал быть безмолвным: теперь на нём произносились «типовые» вирши, составленные Симеоном и посвящённые различным событиям. Вполне возможно предположить, что могли произноситься речи не только стихотворные, но и прозаические, которые в жанровом отношении приближались к проповеди.

---

17 Kot S., Jana Kochanowskiego podróże i studja zagraniczne. Kraków, 1928. S. 4.

18 Первая часть «Рифмологиона» была опубликовано Э. Хипписли в 2013 г.: Rifmologion: собрание придворно-церемониальных стихов / Симеон Полоцкий; подгот. текста, ст. и коммент. Антони Хипписли, Ханса Роте и Лидии И. Сазоновой. Böhlau, 2013.

19 Здесь и далее стихи из «Рифмологиона» цитируются по изданию Rifmologion: собрание придворно-церемониальных стихов / Симеон Полоцкий; подгот. текста, ст. и коммент. Антони Хипписли, Ханса Роте и Лидии И. Сазоновой. Böhlau, 2013. См.: С. 67, 155, 263–264, 274, и т.д.

20 См. об этом: Черная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея / Исторический вестник. Романов: династия и эпоха. М., 2013. Т. 3. С. 24–48.

Два послания «дядюшке» Дементию Миничу Башмакову, написанные на один сюжет, составляют отдельный раздел письмовника, озаглавленный «От мирских к мирским». Практически идентичные в сюжетном отношении тексты посланий демонстрируют лишь небольшие стилистические расхождения, а именно в инициальном обращении к адресату и в именовании супруги думного дьяка Башмакова. Наличие пар «государь мой дядюшко Дементий Минич — супружница», и «государь мой Дементий Минич — супруга» позволяет предположить, что обращение «дядюшко» призвано продемонстрировать меньшую степень формальности послания и близкие, дружественные отношениях между адресантом и адресатом.

В посланиях Симеон утешает думного дьяка в смерти жены и наставляет его в том, как следует вести себя христианину в этой ситуации. В связи с этим обе эпистолы изобилуют библейскими цитатами, которые Симеон используют в «проповедническом» ключе: стоящий за цитатой библейский сюжет соотносится с сюжетом послания и подчёркивает духовный смысл сказанного. Симеон цитирует несколько книг Священного Писания (библейский текст в круглых скобках приводится по Московской Библии 1663 года и/или по Острожской Библии):

1. книгу Иов: гдⷭ҇рь дадѐ г҃ь и҆ взѧ҆́ть. ꙗ҆́кѡже и҆зво́лисѧ гдⷭ҇ви та́кѡ и҆ бы́сть бꙋ́ди и҆́мѧ гдⷭ҇не бл҃гослове́нно во̀ве́ки — Иов 1:21 (Гь҃ да́ст и҆ г҃ь взѧ, ꙗ҆́коже и҆зволи́сѧ гв҃и, та́ко и҆бысть, бꙋ́ди и҆мѧ гн҃е бл҃ве́но въвѣки). Это один из немногих примеров точной цитации Симеоном библейского текста.

2. Псалтирь: И҆́мъ же о҆́бразомъ жела́етъ е҆ле́нь ко̀ ᲂу҆трꙋжде́нїи свое́мъ на̀ и҆сто́чники водныѧ си́це (И҆́мъжеоб҆́разомъжела́етъе҆ле́ньна̀и҆сто́чникыводныѧ) — Пс 41:1. По-видимому, этот псалом пользовался некоторой популярностью, так как этот же отрывок цитируется и в послании некой духовной особы друзьям от 1668 года, только в значительно сокращённом виде — имеется только начальная часть фразы — «*Им же образом желает елень*»).

3. Второе послание к Фессалоникийцам: ᲂу҆пова́нїе бл҃го́е ко̀ бл҃года́ти, да̀ ᲂу҆тѣ́шитъ срⷣце твоѐ, и҆ ᲂу҆тверди́тъ тѧ̀ во̀ всѧ́комъ сло́вѣ и҆ дѣ́ле бл҃зе (ᲂу҆пова́нїе бл҃го въбл҃гти да̀ᲂу҆тѣ́шитъ срⷣца ваша. и҆даᲂу҆тверди́тъ васъвъвсѧ́комъ сло́вѣ и҆ дѣ́лѣ блазѣ) — 2Фес 2:16–17. Это заимствование было стилистически видоизменено Симеоном: местоимение «ваша» было заменено на «твое». Вольное отношение Симеона к библейскому тексту и его культура цитирования представляют собой отдельный крайне интересный сюжет.

Помимо текстов Священного Писания Симеон активно использует и текст собственного «Первого слова в 24-ую неделю по сошествии Святого Духа» из «Обеда душевного»[21]: 1) *ибо естественно есть человеку мертвых своих плакатися и рыдати; естество бо убо слезы возбуждает* (л. 420 об.) — ꙗ҆́кѡ немощнѡ чл҃вкꙋ сꙋпрꙋж҆ницы лиши́вшꙋсѧ неприско́рбнꙋ бы́ти, и҆́бо к҆ томꙋ̀ самое е҆стество̀ понꙋжда́етъ (первое послание Д.М. Башмакову); 2) *да не будим подобни скотом и зверем, незнающим вины смерти* (л. 424 об. — 425) — но̀ на́мъ свѣ́томъ ра́зꙋма ѻ҆т бг҃а просвещѣ́ннымъ, нѐ подоба́етъ

[21] РГБ, Музей книги, Ф. VII, Л. 420–426, 1681 г.

пти́цамъ безсловéснымъ подража́ти (первое послание Д.М. Башмакову); 3) *всякого веселия виновник Христос господь* (л. 425 об. — 426) — Бг҃ъ же всѧ́кїѧ ра́дости и҆ весе́лїѧ вино́вникъ (второе послание Д.М. Башмакову). Эти заимствования представляют собой не точные цитаты, а перифразы неких общих мест и расхожих сюжетов.

Послание Симеона воеводе и князю Юрию Алексеевичу Долгорукому[22] (послание возможно датировать 1674 г. — годом выступления боярина князя Долгорукого и его полка в военный поход под Севск для действий против набегов крымских татар) представляет собой скорее ораторское, нежели эпистолярное произведение — торжественную речь и благословение на отправление войска к месту сражения.

Некоторые формулировки тематически восходят к военному чинопоследованию («Воследование молебного пения к господу Богу нашему, за Царя и за люди. Певаемаго в время брани, против супостатов находящих на ны» из Требника Петра Могилы (1646), что поддерживает предположение об устном бытовании и не собственно эпистолярном жанре текста. Это, как и в случае со «Словом» из «Обеда душевного», не прямые цитаты, а скорее реминисценции и перифразы: 1) праправосла́вныѧже хр҃тїа́ны ѿ меча̀ и҆́хъ лю́тагѡ, и҆ ѿ стрѣ́лъ смертоно́сныⷯ защити́ти — «*на сокрушение луков сильных врагов наших*» (л. 17); 2) Натꙋ̀ слꙋ́жбꙋ твою̀ десни́ца гд҃а — «*рукою своею всесилною*» (л. 140); 3) да̀ содѣ́етъ тѧ̀ крѣ́пка, ꙗ҆́кѡ И҆сꙋ́са На́вина на мно́ги ꙗ҆зы́ки — «*яко де предал древле еси Бозе иноплеменников верному ти рабу Иисусу Навину*» (Л. 145); 4) всѣⷯ хр҃тїа́нъ застꙋ́пницы пречⷭ҇тыѧ бцⷣы — «*по бозе христианском заступница*» (Л. 141). Есть в тексте послания и библейская цитата, восходящая к 1-му псалму: ꙗ҆́кѡ пра́хꙋ ѿ лица̀ землѧ̀ бꙋ́рею восхища́емомꙋ и҆зчеза́ти (текст Острожской Библии — ноꙗ҆́кѡпра́хегожевъзъмѣтаетъвѣтрѣ, ѿлица̀землѝ)[23]. Цитата интересна тем, что Симеон не только изменяет порядок слов, но и использует эмоционально окрашенные синонимы *ветер — буря, взметать — восхищать*.

Три последних послания, окольничему Фёдору Михайловичу Ртищеву и князю Юрию Петровичу Трубецкому, не представляют особого интереса с точки зрения стилистики и эпистолярного этикета. Послание князю Трубецкому практически не содержит информативной части, являсь своего рода этикетной «рамкой», состоящей из формул приветствия и прощания. Схожие по структуре послание из письмовника № 130 — это послание некоему митрополиту (л. 81), которое также состоит из обращения, формул начала и заключения и не содержит информативной части. Адресованные покровителю поэта окольничему Фёдору Михайловичу Ртищеву два послания могут быть, за редким исключением, причислены к собственно эпистолярному жанру. В текстах практически отсутствует барочный «гипертрофированный орнамент»[24] и библейские цитаты, оба послания высоко информативны — они содержат

[22] Синод. Собр. ГИМ № 130, Л. 202 об. — 203 об.

[23] Острожская библия. Книжица Самарского староверия. [URL: http://samstar-biblio.ucoz.ru]. Дата обращения 23.03.2014 г.

[24] Пуришев Б.И. Барокко / Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 1. Стб. 347.

просьбы о помощи и ходатайства: Симеон просит о помощи некоему монаху Филарету, а также о денежном «пособстве» полоцкой Богоявленской обители. Оба послания были введены в научный оборот И.А. Татарским[25].

Рассматриваемая вне письмовника частная переписка Симеона не представляет собой обособленного, исключительного явления. Послания церковных иерархов из «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» демонстрируют в целом тот же эпистолярный этикет, охватывающий устойчивые формулы приветствия и прощания, обращения и титулования адресата, loci communes и клише. Однако есть и значительные отличия, например, в культуре цитирования. Особый интерес представляет свободное отношение Симеона к библейскому тексту, а также его выбор литературы для цитирования, включающей даже работы блаженного Августина. В этом контексте особого внимания заслуживает сам факт задумки и создания Симеоном письмовника — собрания образцовых эпистол, посланий, грамот на все случаи жизни. Появление сборника подобного рода говорит о наметившейся кодификации эпистолярного этикета в среде монашествующих лиц и вельмож ближнего круга — членов Боярской думы. Роль Симеона в этом процессе ещё только предстоит определить, включив изучение его переписки в общий контекст эпистолярия XVII в.

Список опубликованных источников

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — СПб., 1863.
2. Острожская Библия. Книжица Самарского староверия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samstar-biblio.ucoz.ru. — Дата доступа: 23.03.2014.
3. Kot, S., Jana Kochanowskiego podróże i studja zagraniczne / S. Kot. — Kraków, 1928. — S. 4.
4. Rifmologion: собрание придворно-церемониальных стихов / Симеон Полоцкий; подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте и Л.И. Сазоновой. — Böhlau, 2013. — С. 67, 155, 263, 264, 274.

Список неопубликованных источников

1. Духовная Симеона Полоцкого. — Уваровское собр. ГИМ. — № 247. — Л. 9–17.
2. Послания Симеона Полоцкого. — Синод. Собр. ГИМ. — № 130:
послание к Богдану Матвеевичу (Хитрово). — Л. 125–125 об.;
послание Юрию Петровичу (Трубецкому). — Л. 127 об. — 128;

[25] См. Татарский И.А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность): Опыт исслед. из истории просвещения и внутр. церк. жизни во вторую половину XVII в. М., 1886. С. 145–147.

послание Федору Михайловичу (Ртищеву). – Л. 129 об. – 130;
послание Дементию Миничу (Башмакову). – Л. 136 об. – 137;
послание Дементию Миничу (Башмакову). – Л. 137 об. – 138 об.;
послание Юрию Алексеевичу (Долгорукому). – Л. 202 об. – 203 об.;
послание Федору Михайловичу (Ртищеву). – Л. 211 – 211 об.

Список литературы

1. Ковалев, А. Историческое описание Заиконоспасского монастыря в Москве / А. Ковалев. – М., 1887. – С. 10–12.

2. Николаев, Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Великокняжеский и царский периоды / Н.Г. Николаев. – СПб., 1898. – С. 54.

3. Пуришев, Б.И. Барокко / Б.И. Пуришев // Литературная энциклопедия: в 11 т. – М., 1930. – Т. 1. – Стб. 347.

4. Рогов, А.И. Школа и просвещение / А.И. Рогов // Очерки русской культуры XVII века. – М., 1979. – Ч. 2. – С. 149.

5. Симонов, Р.А. Естественно-научные знания / Р.А. Симонов, В.К. Кузаков, М.К. Кузьмин // Очерки русской культуры XVII века. – М., 1979. Ч. 2. С. 68.

6. Строев, П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / П.М. Строев. – СПб., 1877. – С. 158.

7. Hippisley, A. The Poetic Style of Simeon Polotsky. – Birmingham, 1985 (Birmingham Slavonic monogr. № 16).

Сидорович Л.Н.

Женская тема в поэзии Симеона Полоцкого: гендерный аспект

Гендерная проблематика становится всё более актуальной в мире. Общество стремительно развивается, и столь же динамично меняются в нём взаимодействия людей. Трансформируются, хотя и не столь быстро, как нам хотелось бы, и взаимоотношения между мужчиной и женщиной, и отношения к полам. При этом сохраняется тенденция опоры на традиции, а иногда и консерватизм в мышлении поколений.

Однако всегда ли плох традиционализм в гендерном вопросе? Попробуем дать ответ на этот отнюдь не простой вопрос. Для этого обратимся к поэтическому творчеству нашего выдающегося просветителя Симеона Полоцкого, который не обошёл своим вниманием данную тему.

Проблематика поэтического творчества Симеона Полоцкого поистине универсальна. В творчестве поэта отражаются все волнующие его современников темы и вопросы.

Женской теме Симеон Полоцкий посвятил несколько своих стихотворений. Среди них: «4 самые сильные вещи (Женщина)», «Дева», «Жен близость», «Жена», «Женитва», «Вдовство» и другие.

Обратимся к поэтическому слову Симеона Полоцкого. Как ему, воспитателю, учителю, творческому человеку и проповеднику, представлялась женщина-современница? Какими нравственными принципами она должна была руководствоваться в своей жизни, в том числе и в семейной? И, наконец, каково было её место в обществе в далеком от нас XVII веке?

Чёткий ответ на вопрос о роли и силе женского влияния даёт поэт в четверостишии «Женщина». Сила воздействия женского очарования приравнена поэтом к трём другим, «самым сильным», по мнению поэта, вещам: к правде, силе власти и вина. Он утверждает:

Диона, мать дерзкой Венеры,
Как стрелой, поражает своей красотой.
Знаешь, Алкмена царя по лицу била, –
Чего не может сотворить женская сила?

Отметим при этом, что женская сила настолько велика, что автор ставит её на второе место, следующее за правдой, которая, как считал поэт, настолько велика, что «вовеки не исчезнет» [**1**, с. 116].

Симеон Полоцкий был современником своей эпохи. В его время в России царил домострой, и отношение к женщине было весьма строгое.

Но с особой строгостью воспитывали молодых девушек. В своём стихотворении «Дева» и Симеон Полоцкий не преминул дать советы юным девам:

Срам честный лице девы украшает,
Егда та ничесоже не лицо дерзает.
Знамя же срама того знается оттуду,
Аще очес не мещет сюду и онуду [**2**, с. 72].

Главной же добродетелью юной девушки и показателем её девичьей чистоты поэт считает молчаливость. Он высказывает такую точку зрения и в данном стихотворении, и в других. Так, в том же стихотворении «Дева» он рекомендует молодым особам больше слушать, особенно правильные речи, и поменьше говорить:

Паки, аще язык си держит за зубами,
А не разширяет ся тщетными словами;
Мало бо уподобает девам глаголати,
Много же к чистым словам уши приклоняти [**2**, с. 72].

Очевидно, это убеждение (справедливости ради отметим его актуальность и в настоящее время) он настойчиво высказывает и в другом своём стихотворении — «Шесть стражей чистоты». В нём поэт сравнивает пятый из шести лепестков прекрасной лилии с «вечным стражем девичьей чистоты»:

Пятый вечный страж девичьей чистоты —
Старательно избегать болтливости,
Ибо дурные беседы наилучшие обычаи
Портят, превращая благой обычай в злой.
Поэтому уста ограждения просил
У двери губ Давид, дабы речь замкнуть… [**1**, с. 120].

Обратим внимание на то, что Симеон Полоцкий, говоря о женской болтливости, имел в виду прежде всего «дурные беседы», то есть сплетни, пустую болтовню. Как мы помним, в стихотворении «Дева» рекомендуется прислушиваться «к чистым словам». И ещё одна ремарка: Симеон Полоцкий в качестве сравнения приводит мужской образ — образ царя Давида — который для него, как религиозного человека и проповедника, автора, переложившего стихами «Псалтирь царя Давида» (а длительное время именно царю Давиду приписывалось создание всех псалмов библейской Псалтири), был святым лицом, во многом образцом для подражания.

Большой интерес вызывают стихотворения Симеона Полоцкого, выражающие его отношение к женщинам-жёнам и самой женитьбе.

Так, в стихотворении «Жен близость» автор, принявший в монашестве имя Симеона и получивший второе имя Полоцкий по месту своего рождения, предупреждает мужчин, живописуя превратности его жизни в браке:

1. Соль из воды родится, а егда сближится
К воде, абие в воду сама растопится.
Так муж сый от жены, к жене приближенный,

Зело скоро бывает ею растопленный.
От крепости во мягкость, мужества забудет,
Яко едина от жен во слабости будет.
2. Железо каменевы егда приразится,
Огнь с того, а не вода действия родится.
Тако аще муж жене будет приближенны,
Не вода слезе, а похоти огнь будет рождены… [**2**, с. 78].

А в заключении стиха поэт рекомендует мужчинам быть осмотрительными с противоположным полом. Он пишет:

Хотяй чистоту свою сохранити,
Должен есть с полом противным не жити,
Сожитие бо похоть возбуждает,
Девства лишает [**2**, с. 78].

Весьма интересными представляются поэтические строки Симеона Полоцкого о злоключениях мужчин в браке. Некоторые из них звучат строго и даже пугающе. Поэт предусмотрительно предупреждает мужчин о превратностях семейной жизни, особенно тех из них, кто стремится в своей жизни к учению, общению с книгой. При этом он ссылается на мудрость Эпикура:

Епикур, аще лютый сластолюбец бяше,
Обаче женитися мудрым возбраняше… [**2**, с. 78].

Однако почему мудрый мужчина не может совмещать стремление к постижению мудрости с семейной жизнью? Ответ у автора следующий:

…не удобно книги доволно читати
И хотение жены в доме исполняти! [**2**, с. 78].

А далее Симеон Полоцкий подробно перечисляет все возможные трудности семейной жизни для учёного мужа (а возможно, и для всех остальных мужчин):

…из торжища грядуща гневно вопрошает:
«Что принесл еси?» — Аще ни, то лютее лает…
А далее автор увещевает:
В гости аще пустиши, то обыкнет питии;
Аще же не пустиши, не хощет и жити… [**2**, с. 78].
…Аще дом ей вручиши, за нос возьмет тебе,
Аще же не вручиши, мнит презренну себе… [**2**, с. 80].
…И тако к ненависти тебе обратится,
Весь ***твой дом*** (выделено нами) возмутити свары устремится;
Аще не потщишися скоро примирити,
Дерзнет о смерти твоей промысл сотворити… [**2**, с. 80].

В представлении Симеона Полоцкого большой проблемой для мужчины является физическая красота женщины (о духовной красоте дам тогда и не помышляли). Поэт пишет:

…Красна ли: то многими любима бывает,
Не лепа ли: то сама лепых лиц желает… [**2**, с. 80].

Сравним с современным подходом мужчин к выбору спутницы жизни женщины: сегодня внешняя красота является зачастую решающим фактором, причём особым интересом пользуются именно красотки топ-модели, победительницы и участницы многочисленных конкурсов красоты.

По мнению поэта, женщину выбрать в жены сложно в принципе. Автор так говорит об этой проблеме:

...Аще поймется нища, – в питании скудность;
Аще богата, – нравы претерпети трудность... [**2**, с. 80].

Вот какой сложной виделась семейная жизнь мудрого мужчины Симеону Полоцкому, а потому своё стихотворение он завершал такими строками со словами рекомендации:

Суть и ина многая в супружестве злая,
Яко же, человече мудрый, добре зная.
На покойное место к книгам склонися,
Кроме бед супружества век твой житии тщися... [**2**, с. 81].

Однако, судя по поэтическому творчеству Симеона Полоцкого, наиболее непростой была судьба вдов в XVII веке. Их чувства и переживания с трудом поддаются анализу и в настоящее время. В далёкие же кризисные времена, когда мировоззрение ещё тесно переплеталось со средневековыми представлениями и глубокой религиозностью людей, участь вдов была крайне печальна. Об этом красноречиво рассказывает нам поэт в стихотворении «Вдовство»:

Закон естества (природы. – Л.С.) вдову поучает,
Да ся от сластей всяких удаляет.
А в благодати мертва та зовется
Вдовица, еже сластно питается:
Сласть грех родит, иже умерщвляет
Душу, тако смерть душевна бывает... [**2**, с. 62].

После общего определения линии поведения вдовы у автора следуют точные указания на особенности её дальнейшей жизни. А они, будучи печальными по сути, безрадостны и по полному отсутствию у неё каких-либо перспектив:

Вредно ест вдове много раб имети,
Часто на тыя весело смотрети... [**2**, с. 62].

А далее определяются ещё более чёткие правила жизнедеятельности для вдовы:

Не имей раба красна пред тобою,
Ни в красну ризу одежди (облекай. – Л.С.) плоть твою;
В дом ти пирогов да не сотвориши
И на чуждыя да не участиши;
Гусли ушию да не услаждают,
Очи на землю твоя да не смотряют;
Ягодиц (щек. – Л.С.) твоих да не румяниши,
Бровей не черни, лица не белиши, –

Вся бо сия суть страсти буждение,
Наводящая всех осуждение… [**2**, с. 63] и т.д.

Строгое наставление вдовам Симеон Полоцкий заключает такими мудрыми словами:

И у человек добре прослывеши,
Правая вдова реченна будеши [**2**, с. 64].

Как видим, участь вдовы была незавидной. Она была обречена на одинокое существование, а часто, и выживание. О женской же своей сущности ей вспоминать не приходилось.

Отметим, что сегодня положение вдовы в обществе не проще в силу тяжести потери близкого и, полагаем, любимого человека, однако намного лучше: она, как и все дамы в современном обществе, имеет возможность новых знакомств, общений и, что особенно важно – устройства личной жизни. Пусть через годы, когда горе вдовы уляжется, она сможет вести активную общественную жизнь, находя в этом для себя новые радости.

Интересно отметить, что нам не удалось отыскать ни одного стихотворения Симеона Полоцкого о мужчинах-вдовцах. Очевидно, эта проблема не имела в то время такой актуальности, какую имела тема женской вдовьей жизни. Да и примеры из истории и литературы указывают на то, что мужчин-вдовцов всегда старались поскорее женить вновь, так как мужу, детям и дому нужна была женская рука, ласка и внимание, а также бесконечный бескорыстный труд на благо семьи.

Стоит провести параллели с днём сегодняшним. Многое ли изменилось с тех давних пор, со времён Симеона Полоцкого, в отношении к женщине? Однозначный ответ найти сложно. Согласимся с точкой зрения преподавателя белорусского вуза Т.А. Мелешко, которая считает, что и «сегодня положение женщины носит двойственный характер. С одной стороны, социум создает условия для самореализации женщин (возможность получения образования и выбора места трудоустройства, юридически закрепленное равенство прав с мужчинами, право на карьерный и личностный рост), с другой стороны, всячески препятствует этому процессу, прочно сохраняя дееспособность полоролевых стереотипов в отношении женщины» [**3**, с. 42].

Как видим, сила гендерных стереотипов по-прежнему сильна в социуме. Однако определённый прогресс в данной сфере социальных отношений уже наметился. Он становится всё ощутимее.

Но только ***это*** ли надо современной женщине? Оставим этот вопрос пока без ответа.

Список литературы

1. Симеон Полоцкий. Вирши / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В.К. Былинина, Л.У. Звонарева; науч. ред. В.Г. Короткий; худ. А.В. Александрович. – Минск: Маст. літ., 1990. – 447 с.

2. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – М.: Художественная литература, 1994. – Кн. 3. – 654 с.

3. Мелешко, Т.А. Свобода выбора: мы выбираем? Или – за нас выбирают (гендерный аспект самореализации) / Т.А. Мелешко // Сб. материалов Второй международной конференции, 20–21 сентября 2005 г. – Полоцк: ПГУ, 2005. – 168 с.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Андрэева Наталля Аляксандраўна,
загадчык Дзіцячага музея – філіяла НПГКМЗ.

Аніськовіч Марына Маратаўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея – філіяла НПГКМЗ.

Бакунова Таццяна Валер'еўна,
старшы навуковы супрацоўнік Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я – філіяла НПГКМЗ.

Барысенка Кацярына Рыгораўна,
кандыдат філалагічных навук, г. Кіеў.

Баўтовіч Міхась Мікалаевіч,
краязнаўца, г. Полацк.

Бортнік Ігар Аляксандравіч,
кандыдат філасофскіх навук, г. Полацк.

Воднева Ірына Пятроўна,
загадчык Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ.

Галубовіч Віталь Уладзіміравіч,
кандыдат гістарычных навук, г. Гродна.

Гаўрылава Славіна Вячаславаўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ.

Званарова Лола Уткіраўна,
доктар гістарычных навук, кандыдат філалагічных навук, г. Масква.

Калечыц Іна Аляксандраўна,
кандыдат гістарычных навук, г. Мінск.

Капыл Сяргей Пятровіч,
загадчык Музея баявой славы — філіяла НПГКМЗ.

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч,
старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Маленка Сяргей Анатольевіч,
доктар філасофскіх навук, г. Ноўгарад.

Маркаў Данііл Леанідавіч,
аспірант Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Мароз Анастасія Пятроўна,
старшы навуковы супрацоўнік Мастацкай галерэі — філіяла НПГКМЗ.

Мыслівец Галіна Міхайлаўна,
выкладчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Нарэйка Канстанцін Аляксандравіч,
вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы — філіяла НПГКМЗ.

Некіта Андрэй Рыгоравіч,
доктар філасофскіх навук, г. Ноўгарад.

Пархімчык Таццяна Уладзіміраўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Мастацкай галерэі — філіяла НПГКМЗ.

Праабражэнская Анастасія Аляксандраўна,
магістр Нацыянальнага даследчага ўніверсітэта «Вышэйшая школа эканомікі», г. Масква.

Рудакоў Павел Сяргеевіч,
вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы — філіяла НПГКМЗ.

Салаўёў Аляксандр Аляксандравіч,
вядучы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Сідаровіч Людміла Мікалаеўна,
доктар мастацтвазнаўства, г. Віцебск.

Смірнова Таццяна Рафаілаўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НПГКМЗ.

Запрашаем наведаць філіялы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

www.polotsk.museum.by

Музей гісторыі архітэктуры Сафійскага сабора
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, вул. Замкавая, 1, тэл. 42-53-40
e-mail: sophia.polotsk@museum.by

Музей беларускага кнігадрукавання
Музей працуе з 10.00 да 17.00. У летні час – з 10.00 да 18.00.
г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22, тэл. 42-57-25

Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
Чытальная зала працуе ў сераду, чацвер і суботу з 10.00 да 16.00
г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22, тэл. 42-63-39
e-mail: book.polotsk@museum.by

Мастацкая галерэя
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, вул. Стралецкая, 4А-4, тэл. 42-36-32
e-mail: gallery.polotsk@museum.by

Краязнаўчы музей
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 11, тэл. 42-27-15
e-mail: local.polotsk@museum.by

Стацыянарная выстаўка «Прагулка па Ніжне-Пакроўскай»
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 33, тэл. 45-81-16
e-mail: walk.polotsk@museum.by

Дзіцячы музей
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 46, тэл. 42-45-58
e-mail: children.polotsk@museum.by

Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, вул. Войкава, 1, тэл. 42-30-41
e-mail: tkach.polotsk@museum.by

Прыродна-экалагічны музей
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадны – панядзелак.
г. Полацк, вул. Ф. Скарыны, 21, тэл. 42-42-13
e-mail: ecology.polotsk@museum.by

Музей баявой славы
Працуе з 10.00 да 17.00, у летні час – з 10.00 да 18.00. Выхадныя – панядзелак, аўторак.
г. Полацк, вул.Тусналобавай-Марчанка, 1 (Курган Бессмяротнасці), тэл. 43-44-21
e-mail: war.polotsk@museum.by

Музей-кватэра Героя Савецкага Саюза З.М. Тусналобавай-Марчанка
Працуе з 10.00 да 15.00. Выхадныя – панядзелак, аўторак.
г. Полацк, вул. 23-х гвардзейцаў, 1, тэл. 43-94-69
e-mail: tusnolobova.polotsk@museum.by

Полацкі музейны штогоднік
(зборнік навуковых артыкулаў за 2014 г.)

Укладальнік:

Явіч Таццяна Уладзіміраўна,
намеснік дырэктара па навуковай рабоце

Адказны за выпуск *В.У. Гаўрылаў*
Карэктар: *В.Я. Ашуева*
Дызайн-макет і вёрстка: *С.Г. Урбан*

Падпісана да друку 01.01.2015 г.
Фармат 60х84 $^{1}/_{8}$. Гарнітура «Mirandolina».
Папера афсетная. Друк афсетны.
Тыраж 50 экз.

Макет выкананы на абсталяванні навукова-інфармацыйнага аддзела НПГКМЗ
211400, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22.

Надрукавана з арыгінал-макета заказчыка